Р. Белоусов

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ: XX ВЕК

Книга I

НА РУБЕЖЕ ДВУХ СТОЛЕТИЙ

МОСКВА
ИЗДАТ
1999

Б 43

Белоусов Р.А.

Б 43 Экономическая история России: XX век. - М.: ИздАТ, 1999.- с. 408

ISBN 5-86656-085-2

В данной книге изложена оригинальная версия результатов исследования экономической жизнедеятельности россиян на рубеже двух столетий. Показано, что как в XIX, так и в XX веках не удалось решить крестьянскую проблему. Между тем, начавшийся этап интенсивной индустриализации поставил рабочий вопрос в один ряд с крестьянским. Разрешение перезревших противоречий приобрело самую острую форму - социального взрыва. Автор, академик РАЕН, анализирует затянувшийся и дорогой поиск собственного, верного пути для России методом проб и ошибок на современном отрезке истории. Книга будет интересна и полезна для тех, кто задумывается о судьбах России в XX веке.

ББК 63.3(2)

© Автор, 1999

ISBN 5-86656-085-2

Содержание

Введение 5

Глава 1. Две крестьянские реформы 19
1.1. Драматический период в истории крестьянства 22
1.2 Половинчатая реформа 1861 г 33
1.3 Реформы П.Столыпина 50
1.4 Кооперация - новая форма организации крестьян 64

Глава 2. Формирование общенационального рынка 78
2.1. От меновых торжков к товарным и фондовым биржам .. 78
2.2 Становление денежной и финансовой систем 93
2.3. Хронический дефицит бюджета порождает бумажные деньги 104
2.4. Развитие банков в России 122
2.5. Создание инфраструктуры транспорта и связи 141
2.6. Внешняя торговля - начало и продолжение внутреннего рынка 154

Глава 3. Переход от крестьянской к промышленной цивилизации 169
3.1. Стартовый этап 172
3.2. Передышка или кризис ? 188
3.3. Новый подъем и качественные сдвиги 199
3.4. Рабочий вопрос становится в один ряд с крестьянским . 214

Глава 4. Эволюция системы управления экономикой ... 229
4.1. Активная роль государства в развитии народного хозяйства 229
4.2. Реформы местных органов власти 243
4.3. Управление промышленными предприятиями 257
4.4. Люди, которые управляли страной и экономикой 271

Глава 5. Война деформирует и разрушает хозяйство 291
5.1. Экономика России не выдерживает перегрузок 291
5.2. Затянувшаяся мобилизация промышленности 293
5.3. Начало продовольственного кризиса - разрыв в слабом звене 306
5.4. Денежная система и бюджет оказались более прочными 320

Глава 6. Обострение экономических противоречий приводит к социальному взрыву 332
6.1. Запоздалая перестройка управления хозяйством 333
6.2. Политические партии вступают в борьбу за власть 340
6.3. Катастрофа 366

Примечания 394

«История первоначально есть *наука народного самопознания*».
С.М. Соловьев, Соч., М., 1996, кн. XVII, с. 6.

Введение

Через историю веков люди связаны с космосом. Время регулирует ритмичное поступление основной массы энергии на землю. Все давно привыкли к цикличности природных процессов, в частности к тому, что ночь сменяет день, зиму — лето. Население всех стран согласовывает с такими постоянно повторяющимися ритмами свои действия и образ жизни. Весной нужно пахать и сеять, осенью — убирать урожай, готовиться к зиме. Под воздействием космоса на Земле не один раз круто менялся климат, т.е. важнейшее условие обитания людей, а вместе с тем и сама жизнь. Экономика, — составная часть жизни, — развивается и меняется тоже ритмично.

Это можно проследить при внимательном изучении статистических данных за продолжительные периоды времени. Одним из наиболее крупных исследователей, впервые выявивших длительные волнообразные циклы в движении экономики разных стран мира, был русский ученый-статистик Н.Д.Кондратьев. Обобщив огромный цифровой материал, он раскрыл ритмичные и вместе с тем устойчивые колебания темпов прироста объемов производства, цен, зарплаты, процентных ставок, других экономических параметров, с большей или меньшей закономерностью повторяющиеся на протяжении определенных отрезков времени, названных им циклами конъюнктуры[1].

Пока трудно определенно сказать, какова доля космоса, а значит и времени, в регулировании таких ритмичных колебаний. В феномене времени много загадочного и еще не познанного. Не всегда удается обогнать его даже мысленно — спрогнозировать развитие народного хозяйства в ближайшем будущем. Но не намного легче проникнуть в глубину прошедших событий — реалистично разгля-

деть и понять прошлое, как закономерный и целостный процесс, ритмично пульсирующий на фоне бесконечной смены одной эпохи другой.

Ряд историков справедливо характеризуют движение экономики России во времени как тип «запоздавшего», а потому «догоняющего» развития. Дело в том, что в средние века, когда соседняя Европа интенсивно обновляла методы ведения хозяйства и повышала качество жизни, россияне потеряли одно-два столетия в результате тормозящего или даже разрушительного воздействия ряда факторов:

а) жестокой и расточительной междоусобицы великих и удельных князей;

б) напряженной и затяжной борьбы с внешними соперниками за само существование Московского, а затем Российского государства;

в) поэтапного введения в России рабского режима жизнедеятельности для крестьянства, которое длительное время оставалось главной производительной силой страны. По воле «либеральной» Екатерины II крепостной потерял человеческий облик: помещик рассматривал его как своеобразный рабочий скот, из которого выжимал максимум труда. При сопротивлении крестьянина жестоко наказывали, в особых случаях без суда направляли на каторгу, в Сибирь. Такой, с позволения сказать, социальный «порядок» надолго заморозил творческие способности, старательность и инициативу основной массы населения страны. Это и послужило главной причиной отставания экономики России от наиболее развитых европейских государств и одновременно крайне обострило продовольственную проблему.

Придерживаясь исторических фактов, нельзя не отметить, что поиски конструктивных подходов к радикальному изменению и обновлению России велись давно. Речь шла прежде всего о том, как ограничить произвол и бесконтрольность власти царя. Другая глобальная задача заключалась в том, чтобы ликвидировать крепостничество — это страшное «чудище», жестоко и долго терзавшее многомиллионное крестьянство. Видимо, нет нужды напоминать по этому поводу многих хорошо знакомых первопроходцев и разработчиков радикальных идей и концепций обновления России. Менее известно, что и на самом «верху» чувствовали надвигающуюся неизбежность серьезных перемен. Так, наследник престола, буду-

щий император Александр I, в одном из своих личных писем признавал:«В наших делах господствует неимоверный беспорядок; грабят со всех сторон; все части управляются дурно; порядок, кажется, изгнан отовсюду...При таком ходе вещей возможно ли одному человеку управлять государством, а тем более исправлять укоренившиеся в нем злоупотребления»[2].

История выделила России XIX век как крайний срок для решения крестьянской проблемы. Но для того нужны были сильные и мудрые люди, способные хирургически вскрыть и удалить эту запущенную, воспаленную опухоль в теле России. Однако, XIX - ое столетие сколь-нибудь принципиальных изменений в структуру общества и характер государственной власти так и не внесло — не было крупной социальной силы, способной на деле стать организатором масштабной модернизации страны. Декабристы весьма сильно поколебали царский трон, хотя им и пришлось заплатить за это высокую цену. Но в конечном итоге все осталось по-старому. Широко задуманная, но по существу куцая крестьянская реформа 1861 года привела к дальнейшему оскудению деревни. Революция «сверху» не удалась.

Все это через несколько десятилетий вызовет целую серию бурных социальных потрясений.

Закономерно, что XX век оказался перегруженным острыми социально - экономическими проблемами. Часть из них перешла по наследству из прошлого: продовольственный и крестьянский вопросы. Но одновременно возникли новые, не менее сложные. На первое место выдвинулась индустриализация народного хозяйства. На протяжении всего столетия Россия мучительно трудно, но тем не менее упрямо стремилась найти свой путь разрешения возникших проблем, при том, в силу ряда причин, в сжатые сроки. Поэтому XX век стал периодом бурных и болезненных революций, перманентных социальных реорганизаций и непрекращающейся борьбы за власть, от которых, как всегда, больше всего страдал рядовой человек.

Среди ограниченных ресурсов самым дефицитным было время. Дело в том, что из ста лет, которыми россияне располагали в XX веке, более трети было потрачено на войны и ликвидацию их последствий. Было над чем задуматься: время не вернешь и не растянешь. Чтобы догнать тех, кто ушел вперед, имелось только одно средство — увеличить скорость, т.е. темпы экономического развития. Такой маневр всегда связан с рискованным перегревом хозяй-

ственного механизма и социальной системы. Но и отставать, плестись в хвосте — нельзя. Дело не только во внешней опасности: слабого, как говорится, бьют чаще и больнее. Важное значение имеет и устойчивая зависимость развития личности человека от роста потребления материальных и духовных благ, что, в свою очередь, требует наращивания производительных сил, расширения энергетической базы, повышения квалификации и улучшения качества жизни. Цепочка замыкается: увеличение потребления в его начале вызывает необходимость его дальнейшего роста на конечном этапе. Одновременно на более высокую и сложную ступень поднимаются отношения человека с природой и обществом.

Для судеб людей первостепенное значение имеют качественные, структурные изменения, в проявлении которых также наблюдаются определенные циклы. Так, известный историк С.М. Соловьев отмечал: «Наука указывает нам, что народы живут, развиваются по известным законам, как все живое, все органическое. В известные времена они требуют известных движений, перемен, более или менее сильных, иногда отзывающихся болезненно на организме... При таком переходе народа от одного порядка жизни своей к другому, из одного возраста в другой, — люди, одаренные наибольшими способностями... яснее других сознают потребность времени, необходимость известных перемен, движения, перехода и силою своей воли, своей неутомимой деятельностью побуждают и влекут меньшую братию, тяжелое на подъем большинство, робкое перед новым и трудным делом»[3]. Русский философ историк Н. Бердяев характеризовал цикличность развития духовной жизни еще более категорично: «Во всякой культуре, — писал он, — после рассвета, усложнения и утончения, начинается иссякание творческих сил, удаление и угашение духа, убыль духа»[4].

Очень интересный историк Л. Н. Гумилев в своих исследованиях поднялся на высокую ступень обобщения цикличного характера движения народов во времени: «Нами было установлено, — писал он, — что этническая история человечества состоит из ряда дискретных процессов — этногенезов, накладывающихся на историческую канву аналогичных процессов, протекавших ранее на той территории, которая привлекла внимание исследователя...Новый этнос, молодой и творческий, возникает внезапно, ломая обветшалую культуру и обездушенный, т.е. утративший способность к творчеству, быт старых этносов...В грозе и буре он утверждает свое право

на место под солнцем, в крови и муках находит идеал красоты и мудрости, а потом, старея, собирает остатки древностей, им некогда разрушенных»[5].

Исходное положение автора данной книги состоит в том, что время (как уже отмечалось, через него проявляется воздействие на развитие нашей материальной и духовной культуры во многом непонятого еще дыхания космоса, а также целого ряда земных факторов) задает определенные рамки (временные параметры) формированию, развитию, смене живых и социально—экономических систем. Существует функциональна связь между определенными периодами времени и чередованием качественных фаз. Так, жизнь человека представляет собой сложный цикл, протяженностью чаще всего 60-80 лет с отдельными качественными этапами: детством и юностью, возмужанием, зрелостью, увяданием и завершением цикла — переходом материи, энергии и духа в новые формы.

Семья функционирует обычно меньше времени, чем человек. Но ритмы и диапазоны колебаний здесь намного разнообразнее, хотя и не всегда так четки, как на протяжении жизни отдельной личности. Более продолжительными, сложными и «размытыми» выступают ритмы и качественные ступени развития предприятий, отраслей, регионов и народного хозяйства в целом. Но везде можно выделить, хотя бы примерно, ориентировочно: энергичную стадию становления нового; период здорового роста — накапливание мощности, знаний, опыта, умения ; «золотую пору» зрелости, активного творчества и сбора плодов; невеселую фазу увядания, «иссякания» духа и сил; и, наконец, в зависимости от конкретных обстоятельств, относительно плавное, или, наоборот, бурное, скачкообразное преобразование в новую, молодую систему. Происходит отрицание отрицания. При этом, как подчеркивал Гегель, «отрицательное равным образом и положительно», «оно не переходит в нуль в абстрактное ничто», «результат содержит по существу то, из чего он вытекает»[6].

В течение XX века Россия пережила два таких болезненных переломных момента в своей истории: первый — трагическую катастрофу трехсотлетнего Дома Романовых, пережившего свою молодость в годы Петра, зрелость — в середине XIX века и увядание, а затем и гибель — в конце прошлого - начале нынешнего столетия. Второй переломный момент обвал в конце XX века грандиозного социального эксперимента по созданию принципиально новой структуры экономики и образа жизни в России. Неровный,

противоречивый процесс и такие же двойственные результаты этого 70-летнего исторического опыта еще многие десятилетия будут предметом серьезных исследований и острых дискуссий ученых и политиков.

Стоит отметить, что чистота этого исторического эксперимента нередко нарушалась вынужденными перегибами экономической политики, поскольку многие особенности развития российского народного хозяйства в тот период обусловливались непредсказуемыми обострениями внешней обстановки, в которой приходилось жить, трудиться и обороняться, т.е. удовлетворять свои насущные потребности многомиллионному российскому народу. В то же время власть, политика, наука, а также активные личности играли свои роли, нередко удачно, чаще — бездарно, иногда трагично. Они ускоряли или тормозили развитие отдельных отраслей и регионов, мобилизовали дополнительные источники роста или малоэффективно тратили ресурсы и время. При этом допускалось немало перегибов, ошибок, иллюзий и обыкновенных глупостей. Тем не менее экономика динамично развивалась, особенно на ключевых направлениях. Рывками, с натугой страна, с одной стороны, наращивала свой производственный, научный и кадровый потенциал, а с другой, — хронически страдала из-за недостатка продовольствия, сырья, энергии, машин, капиталов, специалистов всех профессий. Характерно, что след, оставленный россиянами на искореженном поле истории XX века весьма неровный: с резкими зигзагами, бросками вперед и откатами назад, с неожиданными срывами и крутыми подъемами.

Сложность анализа многочисленных взаимосвязей экономической жизни и ее изменений во времени состоит в том, что в таких процессах одновременно бывает задействовано несколько разных циклов: малых, средних, длительных и сверхбольших (свыше века или даже нескольких веков). В каждый данный момент их характер и направленность могут не состыковаться между собой. Не остается стабильным воздействие на проявление волнообразных колебаний истории и со стороны случайных факторов. Все это деформирует их внешние контуры. Поэтому исследования численных моделей и кривых конкретных циклов необходимо сочетать с теоретическим анализом, позволяющим выявлять наиболее общие закономерности на основе неполной и в той или иной степени искаженной информации.

Как уже отмечалось, большой цикл в развитии экономики — это

результат длительного взаимодействия во времени внешних, в том числе, неземных и внутренних причинно-следственных связей. Такое взаимодействие вызывает изменения всех сторон жизнедеятельности и быта людей, включая производство, распределение и потребление, а также культуру и нравственность. Общая особенность таких изменений состоит в том, что они осуществляются ритмично. Это не исключает спонтанных задержек и сбоев в реальных процессах отдельных фаз. Возможно обострение асинхронности между циклами, сход с нужного направления или ритма, другие непредвиденные нарушения. Все это может быть результатом, в другом случае — причиной кризисной ситуации. Воздействие субъективных факторов может сократить или наоборот растянуть временной период той или иной объективной фазы развития системы. Поэтому, как уже отмечалось, цикличность истории не означает движение по кругу, в одной плоскости и даже не по спирали. Реальное развертывание событий происходит под воздействием крайне разнообразных факторов, которые сами меняются не равномерно. Их единый вектор неустойчив. Направление движения часто меняется, переходя из одной плоскости в другую.

Исходной движущей силой такого развития чаще всего выступает скачкообразное возвышение и изменение материальных, социальных и духовных потребностей людей, проявляющихся в соответствующих интересах, идеях и целевых установках. В то же время на некоторые особенности циклов влияют еще непознанные законы, в том числе законы, регулирующие зависимости человечества от окружающей природы. Ученым предстоит еще разобраться в связях непрерывного и все менее сбалансированного цикла по цепочке: человек с его умом, силой и постоянно растущими запросами — циклично расширяющееся производство — природа, чей потенциал, хотя и медленно, но сокращается, — увеличение потребления, незнающего предела — снова человек, который к сожалению от цикла к циклу во многих отношениях лучше не становится. Узким местом в этой цепочке до последнего времени было производство. В последние годы все чаще и чаще такое место занимает его объект — природа. Именно в приближении к естественному пределу своей ресурсной базы проявляются признаки старения и увядания индустриальной цивилизации.

Отмечая особенности воздействия больших циклов на смену социальных систем, следует отметить, что их увядание (старение)

охватывает в той или иной степени три несущие конструкции жизнедеятельности людей: экономику (опережающий уровень потребления относительно возможностей воспроизводства ресурсов), государство (чрезмерная концентрация власти) и культуру (противоречия ценностей и целевых установок отдельного человека, коллектива и общества). При этом для больших и сложных структур (государства, партий, средств массовой информации и т.п.) стадия старения выражается не только и не столько в появлении все большего числа признаков физической дряхлости, сколько в духовном увядании и сужении творческих начал, способностей к инновациям. При этом активизируется циничное отношение властных структур и отдельных личностей к основной массе населения. Одновременно ослабевает влияние на современность со стороны накопленных историей норм морали, культуры, знаний. С небольшим лагом во времени или параллельно с этим начинается разрушение системы социального управления, а затем и экономики. Низкая культура и нравственность, волокита и коррупция в разной степени, обязательно парализуют деятельность власти в центре и на местах. В результате остается нерешенным ряд актуальных социально-экономические проблем, поскольку никто другой разрешить их просто не может.

В XX веке очень многое, хотя и с крайним напряжением, для России удалось сделать. Но при этом была допущена масса безнравственных действий, последствия которых выплеснулись наружу особенно бурно в период смуты 90-х годов.

Страна подошла к исходному рубежу перестройки с итогами двоякого рода: с одной стороны, на протяжении нескольких десятилетий удалось накопить внушительный кадровый, производственный, научный и ресурсный потенциал. В 60-ые годы, в результате затяжной и изнурительной гонки вооружений, страна достигла примерного военного паритета с лидером западного мира. Все это, вместе взятое, заставляло даже недругов почтительно называть СССР великой державой. Начиная с пятидесятых годов, стал наблюдаться подъем жизненного уровня населения. Однако, из-за чрезмерного крена экономики в сторону оборонных отраслей и тяжелой промышленности, низкой социальной отдачи инвестиций, неумения руководства быстро осуществить за счет накопленного потенциала крутой структурный маневр в направлении интересов человека, страна оказалась в трудном положении.

К сожалению, наши социальные науки на протяжении многих десятилетий были больше обращены в прошлое, чем в будущее. Поэтому в 90-х годах, не видя и не понимая перспективы, многие теоретики и политики ринулись назад, к капитализму. Решительно отбросив «устаревшего» К. Маркса, они приняли к исполнению еще более старую теорию свободного рынка А. Смита, притом в самом примитивном ее толковании современными вульгарными монетаристами. К концу столетия первые итоги такой перестройки проявились достаточно четко:

Социально-экономическое развитие России переведено на рельсы сужающего воспроизводства. Значительная доля основных фондов разрушена, оставшаяся часть — физически и морально изношена. Особенно в тяжелом, без преувеличения можно сказать, в катастрофическом положении находится сельское хозяйство, способное лишь наполовину удовлетворить потребности городского населения в продовольствии.

«Разгосударствление» общенародной собственности трансформировалось в своеобразный черный передел между «новыми русскими» и зарубежными транснациональными компаниями, проявляющими неподдельный интерес к российским запасам энергоносителей, сырья и дешевой квалифицированной рабочей силы. Повсеместно процветают спекуляция, коррупция и воровство.

Производство материальных и духовных благ упало примерно вдвое. Образовалась многомиллионная армия безработных. Соответственно резко снизился уровень благосостояния основной массы населения. Заметно сократилась продолжительность жизни, особенно мужчин, в том числе трудоспособного возраста. Даже приток беженцев из стран ближнего зарубежья не всегда перекрывает увеличившуюся смертность. Около половины финансовых и материальных ресурсов контролируют мафиозные структуры, теневая экономика. В условиях острого кризиса образования, науки, нравственности не удается обеспечить даже простого воспроизводства национальной культуры. Более подробно об этом будет рассказано в последней книге.

XXI столетие — век интеллекта, информатики, наукоемких технологий, экологии, соперничества и борьбы умов. Все это в свою очередь потребует от личности более высокой культуры и духовности, кардинального повышения качества жизни. Готова ли Россия выполнить такие условия? Вот в чем для нее на рубеже нового сто-

летия главный вопрос.

Нужно сказать людям правду, что их ждет нелегкое будущее. Не следует прикрываться тем, что опыт истории продемонстрировал огромную духовную силу российского народа, его стойкость и предприимчивость в кризисных ситуациях. Сейчас этого мало. Нужна иная мотивация жизни, культура и профессиональная подготовка, энергичная инициатива, целеустремленность и гибкость. Россия давно нуждалась в «омоложении» и радикальном обновлении. Последние полтора десятилетия противоречивых реформ можно рассматривать как своеобразный и вряд ли удачный ответ на эту объективную потребность.

Путь к выходу из нынешней стадии старения и увядания российского общества к омоложению и возрождению, с учетом меняющихся требований XXI века проходит через восстановление российской культуры и высоких нравственных начал жизни. Их многонациональное разнообразие, если им правильно пользоваться, обогащает каждую нацию и является важным преимуществом России. Параллельно необходимо восстанавливать экономику, расширить капитальное строительство, очищать от грязи и укреплять государственный аппарат.

Выбраться из провала можно только сообща, всем вместе, объединив силы с учетом горького опыта смутного времени. Сумеет страна обеспечить эти необходимые условия, возьмет судьбу в свои руки, — откроется перспектива нового большого цикла. Не сумеет — улучшений ждать не приходится. Будут продолжаться мучительные роды, с их болями, криками и проклятиями в адрес всех вокруг...

х х х

О неоднозначном характере и судьбе России написано очень много и по-разному. Необычный сюжет социально-экономической истории России у одних вызывает живой интерес и поддержку, у других — почти полное непонимание, чувство тревоги или даже грубое, чаще всего эмоциональное отрицание. Пожалуй никакая другая страна не будоражила так своих ближних и дальних соседей, не получала таких несхожих характеристик, как быстро возмужавшая и уставшая от неурядиц Россия, терпеливая и внешне спокойная в напряженное время и неистовая, когда ее терпение кончается...

Говорят: историю нельзя изменить. Это верно. Но, верно и то, что каждый видит и понимает ее индивидуально. Поэтому заранее

можно сказать, что задуманная серия книг по экономической истории нашей сложной, противоречиво развивающейся страны вызовет несогласие у части читателей. Иначе и не может быть. Люди по-разному воспринимают факты даже будучи свидетелями случившегося. Тем более этого следует ожидать, когда эхо истории доносит до нас события через десятилетия, неизбежно искажая в той или иной степени облик минувшего.

Автор видит свою задачу в том, чтобы с высоты последних ступенек заканчивающегося столетия охватить историческую картину развития экономики России в целом, стремясь выделить наиболее важные, устойчивые тенденции с тем, чтобы понять причины перемен, кажущихся неожиданными, объяснить взлеты и повороты, продиктованные временем и во многом независимые от того, кто в тот или иной момент «рулил» и манипулировал рычагами власти. При этом нельзя обойти стороной активное влияние на экономику так называемого субъективного фактора.

Данная книга, первая из задуманной серии, посвящена анализу коренных социально-экономических изменений в России последней трети XIX века и начала нынешнего столетия (до февраля 1917 г.). В этот период контрастно обнажился обширный излом российской истории. В сложном калейдоскопе различных явлений, ставших теперь историческими фактами, нашла свое отражение заключительная стадия увядания и гибели царского самодержавия. Начавшаяся в конце прошлого столетия интенсивная индустриализация сформировала два новых, еще не возмужавших, но с каждым годом все более активных класса: промышленную буржуазию и пролетариат. Политическая борьба приобрела массовый, организованный характер и довольно острые формы, особенно на последнем этапе борьбы за государственную власть.

Работа над экономической историей России неразрывно связана с анализом и обобщением обширной массы довольно противоречивой статистической информации. При этом возникают серьезные проблемы с ее достоверностью. Например, в прошлом веке в торговле зерном при расчетах пользовались четвертью — мерой объема, а не веса. Четверть — определенная доля от объема бочки. Но в каждом крупном регионе размер мерной бочки был разный. Неодинаковый удельный вес имеют рожь, пшеница, ячмень и овес. Вот и попробуйте пересчитать в пудах или тоннах величину урожая зерна, указанную в четвертях за какой-нибудь год прошлого века.

Не хотелось бы обижать российских статистиков. Более двух веков они делают свое дело в меру своих способностей и самостоятельности. Еще в допетровские времена приказы собирали данные о численности населения, материалы о развитии промыслов и торговли. В 1718 г. в России была проведена первая перепись населения. В 1843 г. создается статистический комитет, который с тех пор неоднократно реорганизовывался, но всегда оставался в структуре органов государственной власти. Однако, чтобы быть правдивым, нужно чувствовать себя независимым. Это условие не соблюдалось. И, как показал опыт, не приходится полностью доверять ни официальной, ни «самодельно» скорректированной статистике. Государственной статистике часто не хватает мужества раскрыть всю горькую картину о реальном положении дел в народном хозяйстве, поскольку издревле повелось: гонцу с плохими вестями отрубать голову в первую очередь. Ученым-одиночкам физически невозможно объять необъятное — обработать своими силами весь массив первичной статистики, которая тоже не всегда отвечает стандарту качества.

Еще в начале столетия известный профессор-финансист, член Государственного совета И.Х. Озеров с иронией писал об исключительной «точности» местной статистики: в ответ на запрос министерства о поголовье птицы из пензенской губернии сообщили, что «птицеводство процветает: в настоящее время в округе находится кур столько-то, гусей столько-то, диких уток столько-то, бекасов и перепелов столько-то. Причем везде были показаны цифры до единицы включительно»[7].

С этим случаем перекликается непроверенный факт из серии «экономисты шутят»: И. Сталин как-то спросил начальника ЦСУ, сколько же реально кур в стране: статистика дает одни данные, а министр сельского хозяйства — другие, более высокие? Начальник государственной статистики якобы ответил: министерство считает с цыплятами, а ЦСУ — только взрослых птиц.

Обычная практика ЦСУ состояла в том, что в конце года оно завышало объемы валовых показателей, в основном, с помощью манипуляций с так называемыми постоянными ценами (это проще всего делалось в машиностроении, где постоянных цен практически не существует, поскольку относительно высока доля новой и модернизированной продукции). В следующем году тот же орган «уточнял» базу в сторону снижения с тем, чтобы темпы текущего

планового периода по сравнению с предыдущем были бы повыше. За пятилетку в результате таких творческих «усилий» статистиков нередко набегало 15 - 20 % прироста объемов.

Нынешний Госкомстат тоже каждый год корректирует макроэкономические параметры, по мере своих способностей «сдерживая» падение производства, снижение реальной зарплаты и динамику инфляции. При том в статистических ежегодниках можно иногда встретить несовпадающие цифры, характеризующие один и тот же социально-экономический параметр. Поэтому читателю не следует слишком доверчиво или, наоборот, придирчиво относиться к точности количественных показателей. Все они отражают положение дел и динамику развития народного хозяйства России с некоторым приближением. Главное при этом, как правило, не теряется. Такова действительность и с ней приходится мириться, слабо утешая себя тем, что в динамических рядах за большое число лет некоторые ошибки и погрешности взаимоустраняются.

Выполнить задуманную работу по истории экономического развития России одному, без содействия и помощи со стороны очень многих людей, практически невозможно. В этой связи хотелось бы искренне поблагодарить весь большой коллектив бывшей АОН и нынешней РАГС, прежде всего родную кафедру управления во главе с А. Гапоненко, в которой мне пришлось «вариться» почти 30 лет. Особое чувство признательности и уважения выражаю моим коллегам из научной библиотеки, где заботливой «хозяйкой» выступает Л.И. Якименко. Здесь работает особая категория интеллигентных людей — бескорыстных хранителей огромных духовных богатств. Общение с ними — удовольствие.

Надежной и постоянной опорой в работе была и есть добрая поддержка, в разной форме, но всегда своевременная, со стороны моих друзей и товарищей. Среди них: А.М. Брячихин , А.И. Каширин, Е.А. Качерин, А.Г. Куликов, А.И. Панов, С.В. Пирогов, С.Л. Савин, В.К. Сенчагов, В.И. Сенченко, Л.В. Молдаван, В.М. Фалин, Г.Я. Фролов, Ю.Т. Харитонов, Ю.М. Швырков и многие, многие другие.

Особо теплые слова хотелось бы подобрать для моих главных помощников: сыновей Андрея и Дмитрия, а также супруги Алисе Павловне. Работа над книгой — это и постоянная борьба с бытовыми неурядицами, дефицитом времени, мелкими и крупными помехами. Надежный тыл — залог успеха. И если книга получилась, то немалая заслуга в этом тех, кто обеспечил успех этой работы.

Система мер старой России (XVII - XX вв)*

Меры длины:
Верста = 500 сажени или 1067 м
Сажень = 3 аршина или 2.13 м
Аршин = 16 вершков, или 3 локтя, или 71.1 см

Меры площади:
Десятина = 2400 квадратных саженей или 1.0925 га

Меры объемов:**
Кадь или бочка = 2 половника или 4 четверти, или 8 осьмин
Коробья (новгородская) = 1/2 кади или 2 четверти
Казенная четверть зерна (XVII в) = 8 пудов
Ведро (казенное) = 10 кружек или 12.3 литра
Ведро (торговое) = 8 кружек или 9.8 литра

**Меры объемов менялись во времени и по регионам

Меры веса:
Барковец = 10 пудов
Пуд = 40 фунтов или 16.38 кг
Фунт = 96 золотников, или 32 лота, или 409.51 грамма
Золотник = 96 долей или 4.27 грамма
Доля = 0.044 грамма

* Единую систему мер и весов для всей России начал создавать Петр I. В 1845 г этот процесс, в основном, был завершен.

Глава 1
Две крестьянские реформы: 1861 и 1907 гг.

На протяжении многих веков экономический потенциал России, структура ее социального строя и уровень жизни народа определялись состоянием и особенностями развития сельского хозяйства. Главной производительной силой страны выступало крестьянство.

Таблица не претендует на абсолютную точность цифр (достоверных данных за прошлые века вообще не существует), но она однозначно свидетельствует о том, что в течение многих столетий 8-9 из 10 россиян напрямую были связаны с землей и тяжелым, рискованным крестьянским трудом.

Население России [11]

млн. человек, в границах соответствующих лет

	1600*	1724	1796	1812	1858	1897	1913
Всего:	10-11	14	36	41	74	129	171
в том числе: сельское	9.9-11	34.7	39.3	57.0	70.5	112.5	147.1
в % ко всему населению	99.0	95.9	96.6	94.4	92.2	87.2	86.0

*оценка

В XVI - XVIII веках социальный статус крестьянина постепенно был низведен до положения абсолютно бесправного работника,— иногда его прямо называли рабом, — слабо заинтересованного в улучшении плодородия земли и повышения продуктивности своего труда. Основной фактор его выживания — высокая плодовитость: обычно крестьянка рожала за свою жизнь 15-20 детей. Лишь чет-

вертая часть их достигала зрелого возраста...[12]

Примерно половину урожая у крестьянина забирали в пользу хозяина и государства. В хороший год — больше, в голодный — меньше. Низкая результативность такой системы хозяйствования на протяжении нескольких веков обуславливала полунищенский уровень существования, особенно питания, для подавляющего большинства населения страны.

Между тем мировой опыт показывает, что решение продовольственного вопроса, исходная предпосылка поступательного развития и модернизации любого общества. Невозможно проводить сколько-нибудь крупные преобразования, а тем более реформы в других областях, если население не обеспечено, хотя бы в основном, сбалансированным набором продуктов питания.

Как видно из таблицы, в начале XX века по среднедушевому потреблению хлебов (пшеницы, ржи, ячменя) Россия отставала от Германии и Франции примерно на два-три пуда. В то же время по потреблению картофеля россияне уступали своим западным соседям в два-три раза. Это ухудшало качество их питания. Картофель

Потребление основных продуктов питания в начале XX века [13]
за год, в пудах, на душу населения

	1907	1908	1909	1910	1911
пшеница					
Россия	5.4	6.1	6.9	6.2	4.2
Германия	5.8	5.5	5.1	5.7	5.2
Франция	16.0	13.0	14.6	11.4	16.0
рожь					
Россия	7.9	7.7	8.5	8.0	6.9
Германия	8.8	8.7	8.6	9.3	8.5
Франция	2.4	2.4	2.8	2.5	1.9
ячмень					
Россия	2.4	2.4	2.8	2.5	1.9
Германия	5.0	5.3	4.9	5.8	5.9
Франция	1.4	1.6	1.8	1.5	н.д.
картофель					
Россия	11.6	11.7	12.4	13.8	11.7
Германия	36.2	38.1	38.5	38.1	34.5
Франция	21.4	26.0	25.4	13.2	18.0

стал в то время для большинства населения Европы не только носителем калорий, но и важным источником витаминов. К тому же из-за отставания животноводства, потребление мяса и молочных продуктов в России держалось на уровне в 1.5-2 раза ниже, чем в Западной Европе.

Бесправное и угнетенное положение крестьянина — одна из главных причин, почему в России постоянно ощущалась (и ощущается) нехватка продовольствия. Это — острая, хроническая болезнь ее экономики и социального строя. Из шестнадцати последних лет XIX столетия — шесть в той или иной степени были голодными. На грани голода — еще четыре. «Неурожаи — нормальное явление в России, урожаи — исключение»[1.4]. Особенно жестким и трагичным был 1891 год: голод унес 700 тысяч жизней.

На рубеже двух столетий продовольственная проблема обострилась в силу ряда причин, среди которых можно особо выделить следующие:

а) быстрый рост населения. Если в 1851 году число жителей страны составляло 69 млн человек, то в начале нового века — более 130 млн., т.е. возросло в 1.9 раза. Еще быстрее увеличивалось городское население. Между тем, валовой сбор зерновых в тот же период времени прибавился только в 1.6 раза. Иными словами производимые ресурсы хлеба в расчете на одного жителя сократились на 12 % [1.5];

б) экспорт зерна за те же годы возрос в 5 раз;

в) в деревне, особенно в последнюю треть века, усилился процесс дифференциации доходов крестьянства. Питание беднейших его слоев ухудшилось особенно заметно.

Известные экономисты тех лет (С. Витте, И. Озеров), которым не откажешь в знании реального положения дел, для обобщающей характеристики эволюции деревни второй половины XIX века использовали термин «оскуднение». Вряд ли к такой оценке нужно еще что—либо добавлять. Разве только то, что в оскуднении главной производительной силы страны наиболее отчетливо проявлялось увядание абсолютной монархии, как управляющего механизма социальной системы тех лет. Обостряющийся конфликт между огромной крестьянской массой и поместным дворянством, утратившим способность к самообновлению и омоложению, — стал основным противоречием такой системы. Этот конфликт со все возрастающей силой воздействовал на начавшиеся старческие конвульсии самодержавия, подталкивая его к логической концовке.

1.1. Драматический период в истории крестьянства

Специалисты выделяют на территории России несколько основных почвенных зон. Среди них поясом жизни можно назвать черноземную зону с умеренным климатом, пересекающую Восточно-Европейскую часть страны в направлении с юго-запада на северо-восток. Если мысленно провести черту от Карпат, чуть выше Киева, через Тулу и до Казани, то она очертит северную границу этого наиболее плодородного пояса, шириной 350—800, местами до 1000 и более километров. На юге эта зона простирается до сухих степей Украины, побережья Черного и Азовского морей, предгорий Кавказа. Ее контуры изорваны природой. Да и сама черноземная зона не является сплошной. Местами ее пересекают невысокие горные кряжи. Внутри встречаются большие острова чужеродной подзолистой и песчаной почвы. И все же это лучший земельный массив на Руси.

Не случайно плодородные поля и луга черноземья с неплохо сбалансированным кругооборотом воды издавна притягивали к себе с разных сторон племена непохожие друг на друга, а иногда и враждовавшие между собой. Исторически именно здесь сложилась самая высокая плотность населения.

Севернее черноземного пояса преобладали малоплодородные подзолистые почвы с обширными вкраплениями суглинка и песка. Практически первоначально всю площадь этого региона, до тундры на севере, покрывали леса, пересекаемые многочисленными речками, болотами и озерами. Зима приходила сюда раньше, а лето позже, чем в черноземье. Редко встречающееся население занималось охотой, рыбной ловлей, сбором ягод и «дикого» меда. Позже в этих местах получило развитие животноводство. Земледелие длительное время играло подсобную роль. Оно было малопродуктивным и рискованным. Зерновые сеяли на участках, где предварительно, в начале зимы лес валили и рубили на бревна с тем, чтобы древесина успела подсохнуть к весне. С наступлением теплых дней заготовленные «дрова» сжигали, полученную таким образом золу использовали как удобрение. На полях, опаленных огнем, 3-5 лет сеяли и собирали невысокие урожаи ржи, ячменя, овса, позже — льна. Затем землю забрасывали на 15-20 лет, пока она не зарастет лесом и цикл можно начинать снова.

Зимой крестьянин должен был заняться ремеслом: изготовлял,

преимущественно из дерева, различный инвентарь для хозяйства и дома, ходил на зимнюю охоту, обрабатывал шкуры, плел лапти. Забот хватало. Женщины и дети готовили пряжу, ткали грубое полотно, шили из него одежду. Хозяйство было натуральным. Излишков для обмена своих продуктов на посуду, металлические изделия, праздничную одежду и обувь было немного.

Закономерно, что именно черноземный пояс послужил экономической основой формирования и расцвета первого славянского государства — Киевской Руси. Более трех столетий она преуспевала, успешно отражая набеги воинствующих соседей. Однако, в первой половине XIII века ослабленная, прежде всего из-за междоусобиц князей, Русь не смогла противостоять массированному натиску татаро-монгольской Орды. В 1240 г. Киев пал, был разграблен и разрушен. Тысячи жителей погибли или попали в плен. Лишь немногим удалось уйти на запад, в Галицию. Некоторые, особенно умельцы, владевшие ремеслом, и торговые люди постепенно перебирались на север, в более спокойное, растущее Московское княжество. Для тех, кто мог и хотел заняться сельским хозяйством, земли, хотя и не очень плодородной, было достаточно. Местные власти не только не препятствовали переселенцам из южных краев, но и стремились помочь им, создавая благоприятные условия для занятий ремеслом, торговлей или свободным землепашеством.

В то время значительная часть земли принадлежала великому князю (позже — царю), другим княжеским и боярским семьям, а также церкви. На ней трудились, в основном, лично свободные крестьяне. Их первую группу составляли землепашцы, которые вели свое хозяйство на государственных землях и обязаны были платить в казну подати натурой, позже деньгами, а также отработать определенное время на господских полях.

Повсеместно ощущался недостаток рабочих рук. Поэтому землевладельцы были заинтересованы всеми способами привлечь в свои вотчины крестьян со стороны. Часто они предоставляли переселенцам специальные ссуды, помогали семенами, иногда строили для них дома и хозяйственные постройки. Так постепенно на землях вотчинников сформировалась другая группа крестьян, экономически зависимых от землевладельца. Поначалу они были лично свободными, т.е. имели право, если считали это выгодным, перейти на землю нового хозяина. И на практике пользовались такой возможностью. Нужно было только выполнить одно условие: вернуть ссуду и

расплатиться по другим долгам. Иногда такие расчеты брал на себя новый хозяин.

Наконец, третью группу составляли холопы, т.е. лично зависимые от владельца земли люди, попавшие в кабалу чаще всего как безнадежные должники. Их зависимость имела разную степень крепости. Иногда она распространялась только на мужчину—работника и сохранялась до смерти его хозяина. Жена и дети оставались все время свободными. Полное холопство охватывало всю семью и переходило к наследникам кредитора.

В конце XV и, особенно, в XVI веке отношения в деревнях стали меняться. К этому времени завершилось объединение северо—восточных славянских земель вокруг Москвы. Начались тяжелые дальние военные походы с целью защиты и расширения границ молодого государства. Для решения изменившихся внешнеполитических задач потребовалось значительно большее, а главное, качественно иное войско. Московские цари, вместо во многом независимых и не всегда верных им бояр, стали формировать более надежное военное сословие — поместных дворян. За верную службу им выделяли специальные поместные дачи — земельные участки с жившими там крестьянами. За это дворяне были обязаны практически каждый год, с ранней весны и до поздней осени, с вооруженным отрядом, сформированным из их же крестьян-воинов, участвовать в походах и сражениях.

Поскольку год от года наступательные и оборонительные действия расширялись, соответственно увеличивались тяготы, ложившиеся на крестьян. Последние отвечали уходом от помещиков на земли бояр и монастырей, где условия труда и жизни были чуть полегче. Как еще одна альтернатива — бегство на вновь завоеванные земли или на границу со степью. Здесь было опасно, но зато крестьянин был свободным человеком, не обязанным платить непомерные налоги. К тому же чернозем позволял получать более высокие урожаи.

Неудивительно, что постепенно бегство крестьян приобрело массовый характер. Становились безлюдными целые уезды. Забрасывались пашни. Так, в 1584 г. в Подмосковье было распахано лишь 16 % пригодных для этого угодий. В новгородских и псковских регионах — всего 8 % [16]. Тем самым сужался и усыхал тот главный экономический источник, за счет которого формировалось и действовало московское войско, а также покрывались другие рас-

ходы государства. Поэтому царские власти вынуждены были вмешаться, чтобы остановить или хотя бы сократить поток беглых крестьян из дворянских поместий.

Первые шаги были направлены на то, чтобы регламентировать и тем самым ограничить масштабы такого бегства. Еще в Судебнике 1497 г. было зафиксировано правило, которое значительно сузило возможности крестьянина поменять хозяина. Для этого был установлен крайне ограниченный срок: две недели после уборки урожая, «за неделю до Юрьева дня и неделю после» (в декабре по новому календарю). Кроме того, крестьянин был обязан расплатиться за все долги, что обычно приравнивалось к рыночной стоимости одного коня. Это положение было повторено в Судебнике 1550 г. В восьмидесятых годах традиция Юрьева дня была нарушена введением так называемых заповедных лет, когда переезд крестьян вообще запрещался. Тогда же ввели своеобразную прописку сельского населения — завели «писцовые книги», служившие документальным доказательством закрепления данного крестьянина на земле конкретного владельца. В 1601 г. Борис Годунов вновь восстановил правило Юрьева дня, но не надолго [1.7].

Затянувшийся процесс правового оформления крепостного строя в России объясняется прежде всего расхождением интересов боярства, монастырей и дворянства по этому вопросу. Свободный переток рабочей силы был выгоден первым и наносил немалый ущерб относительно слабым дворянским хозяйствам. До смутного времени реальная сила была на стороне боярства. Приход к власти Романовых был победой дворянства. С этого времени всякие колебания закончились: процесс закрепощения ускорился. Дворяне получили «послушные грамоты», согласно которым крестьяне должны были работать на их земле и платить оброк не по «старине», а чем их «изоброчат», т.е. как установит помещик. Для закрепления крестьянина на земле использовалась также «круговая порука». Общая ответственность за уплату податей в казну возлагалась на помещика, а тот перекладывал ее на всю общину. Если кто—то убегал, другие крепостные должны были платить подати и за беглеца.

Соборное положение 1649 года окончательно закрепило крестьян на землях поместного дворянства и установило бессрочность сыска беглецов, а также наказание для тех, кто их принял и дал работу.

Интересные данные, раскрывающие связь закрепощения крестьянства с военной политикой, приводит В.О. Ключевский: в XVI-

XVIII веках фронт военных действий Московского государства был развернут дугой в сторону Востока, Юга и Запада. В центре — области (губернии) Московская и Владимирская. Здесь располагались главные военные и административные органы руководства страной: царь, дума, высшие церковные учреждения, приказы, коллегии, другие присутственные места.

Центральный регион государства на угрожаемых направлениях защищал главный оборонительный пояс с городами—крепостями: Ярославль, Кострома, Нижний Новгород, Рязань, Тула, Калуга, Тверь.

За ним простиралась вторая по значимости линия обороны: Симбирск, Саратов, Пенза, Тамбов, Орел, Новгород.

И еще дальше формировалась новая, третья военная полоса: Пермь, Уфа, Казань, Воронеж, Курск.

В этих регионах получали поместные дачи, в основном, новые дворяне. Размер участка земли и денежной оклад им определялся в зависимости от служебного положения, а при назначении на должность принимались во внимание возраст, физическое и материальное состояние кандидата, его характер, предыдущий опыт участия в военных походах, родословная, а также умение вести хозяйство. Некоторые дворяне не имели возможности прибыть на службу на коне. Такие получали «пешую» должность в каком—нибудь гарнизоне. Другие выставляли большой, хорошо вооруженный отряд. Их назначали в дальние походы, требующие значительных расходов. Таким военноначальникам выплачивали жалование и выделяли дополнительные участки земли.

Все воинство существовало, питалось и вооружалось в основном за счет крепостных крестьян. Поэтому создание оборонных рубежей сопровождалось заметным увеличением здесь доли крепостных в общей численности населения. Если в центре она составляла 66 %, то в Смоленской, Калужской, Тульской, Рязанской, Нижегородской, Костромской и Псковской областях — от 69 до 83 %. Во втором поясе, соответственно, 45-68 %, в новом, формирующемся — от 18 до 47 % [1.8].

Из приведенных данных может сложиться неправильное впечатление, что области, образующие Московское государство, были заселены главным образом поместными дворянами, которым по логике должна была принадлежать и основная масса крепостных. Однако, действительность была другой. На долю дворян и бояр, которые занимали все командные должности в армии, приходилось

меньше земли и крестьян, чем монастырям. Дело в том, что экономически церковь была богаче, чем служилое сословие. Монастыри охотно давали деньги взаймы под залог вотчин и поместий. Долги часто не возвращались и земля переходила к новым хозяевам. Кроме того, богатые землевладельцы, немало согрешившие за свою жизнь, нередко завещали часть своих угодий представителям Бога на земле в надежде, что такая «жертва» зачтется им на небе.

Такие процессы, в частности, нашли свое отражение в данных, приведенных С. Платоновым по Московскому уезду. В XVII веке, по сравнению с предыдущим, удельный вес пустующих пахотных земель сократился с 40 до 18 %, доля поместий возросла с 6 до18 процентов, доля вотчин осталась на прежнем уровне — 17, в то время как владения монастырей расширились с 37 до 49 %. Не случайно среди дворянства и в окружении царя постоянно возникали разговоры о целесообразности отчуждения хотя бы части церковных земель в пользу государства [19].

Силы и терпение крестьян, особенно тех, которые оказались под прессом поместных дворян, все чаще не выдерживали постоянно растущих перегрузок и притеснений. Как уже отмечалось, несмотря на жесткость указов и уложений, массовое бегство крепостных продолжалось. «Крепостной работник бежит, его продолжают переманивать, укрывать, засылать подальше, где бы его не нашли. Владельцы бежавших вопят, требуя помощи правительства в поимке беглых, и Россия представляет любопытное зрелище гоньбы за человеком, за рабочую силою, в стремлении приобрести, поймать, усадить работника»[110].

Московские власти имели свой интерес в том, чтобы за счет беглых крестьян на южных рубежах росло и укреплялось казачество, как заслон от опасных набегов татар и других кочевников. Стоит напомнить, что военные отряды казаков сыграли решающую роль в завоевании Сибири. Бездомных славян обычно охотно принимали воеводы на новых землях, где среди населения преобладали иноверцы и ощущалась нужда в «своих» людях. Случалось, что бывшие крепостные, проявившие способности и умение, назначались на самостоятельные должности.

Не следует забывать и тот факт, что казачество и беглые крестьяне составляли ядро крестьянских восстаний. Из их же числа образовывались крупные разбойничьи шайки. В смутное время некоторые казачьи отряды действовали на стороне самозванца.

Крестьян угнетала не только беспросветная нищета, но и бесправие. Назначенный в 1764 году новгородским губернатором Я. Сиверс писал императрице: «Что касается крестьянина, то здесь главным препятствием служит неограниченная власть дворян налагать на своих крепостных какой угодно оброк или, лучше сказать, поступать с ними по внушению алчности и по отсутствию сознания собственного интереса»[1.11]. Но и этого оказывается было мало: любой «вольный» со стороны считал себя вправе требовать от крепостных услуг и даже имущественных благ. Так, псковские дворяне в официальном документе отмечали: «По надобности и по ненадобности всякого звания люди во всякое время ездят на подводах, отбирая у крестьян лошадей без разбора. А в случае у которых бедняков нет или пала, или, что случается завсегда, замучена в гоньбах, то нещадно их же наказывают, бьют»[1 12].

Чтобы картина сельской жизни того периода была более полной, надо отметить: низкая продуктивность крестьянских хозяйств и постоянное дробление помещичьей земли среди многочисленных наследников порождали бедность во многих дворянских семьях. Было немало примеров, когда дворянин имел всего двух-трех крепостных, а иногда и не одного. В таких случаях он вынужден был сам трудиться на земле. Пронский, дворянский предводитель, доносил Сенату, что при собрании дворян явилось к нему более 200 дворянских сыновей с объявлением, что усердно желают вступить в службу, но только не в состоянии явиться, где надлежит, ибо некоторые из них ни платья, ни обуви не имеют... Новгородский губернатор спрашивал, что делать с малолетними дворянскими детьми, которых отцы по бедности своей пропитать не могут[1 13].

Эти отдельные иллюстрации весьма контрастно отражают ту неустойчивую, можно сказать драматическую обстановку, в которой оказалась Екатерина II во второй половине XVIII в., свергнув с помощью заговора своего супруга с императорского трона. При этом она еще раз наглядно продемонстрировала, что приверженность иллюзиям и утопиям — профессиональная болезнь образованных и честолюбивых правителей.

Осторожно, с многими приключениями, будущая императрица пробиралась к власти. Много читала, жадно впитывая современные для того времени либеральные идеи французских просветителей. В мечтах, контуры которых остались в ее записках и письмах, молодая Екатерина видела свою миссию в том, чтобы совершить в Рос-

сии, если не революцию сверху, то по меньшей мере радикальный социально—экономический переворот. «Я хочу, — пишет она, — чтобы страна и поданные были богаты, — вот принцип, от которого я отправляюсь. Власть без народного доверия ничего не значит для того, кто хочет быть любимым и славным...Благо народа и справедливость, неразлучны друг с другом. Свобода — душа всех вещей...Хочу общей цели: сделать людей счастливыми...Противно христианской религии и справедливости обращать в рабство людей, которые родятся свободными. В некоторых странах Европы церковный собор освободил всех крестьян»[1.14].

Многие из этих идей и грез, хотя и в урезанной форме, нашли свое отражение в «Наказе» императрицы, содержание которого было заимствовано из книг Монтескье и работ других авторов[1.15].

В вводной части Наказа государыня высказывает желание «видеть все общество свое на самой высшей ступени благополучия, славы, блаженства и спокойствия»[1.16].

В специальном пункте (270-м) было рекомендовано: «Весьма бы нужно было предписать помещикам законом, чтобы они с большим рассмотрением располагали свои поборы и те бы поборы брали, которые меньше мужика отлучают от дома и семейства»[1.17].

Имелось в виду, что *«Наказ»* императрицы послужит основой и образцом для выработки нового Уложения нормативных актов, которое в то время должно было служить своеобразным кодексом государственных законов.

Задумано было смело и широко. Летом 1767 года в Москве собралось 564 депутата, представлявших дворянство (30 %), городские сословия (39 %), государственных крестьян (14 %), казаков, национальные меньшинства (12 %), а также руководителей высших государственных органов (5 %). Каждый имел возможность ознакомиться с «Наказом» Екатерины II. При желании созданную комиссию можно было назвать небольшим Земским собором. Однако, гора не родила даже мыши. Деятельность комиссии переполнили конкретные, как правило, относительно частные вопросы, зафиксированные в депутатских наказах. При этом интересы отдельных сословий, регионов, а иногда и депутатов существенно расходились.

Так, представители дворянства требовали ужесточения и ограничения притока в их сословие «неблагородных» людей. В то же время они стремились добиться усиления крепостной зависимости

крестьян и возвращения всех беглых.

Промышленники считали необходимым запретить дворянам и торговцам иметь свои фабрики и заводы. Купцы настаивали на свертывании торговой деятельности в городах черносошных крестьян и помещиков. Они хотели также законом обязать офицеров полностью платить в трактирах за кушанье и питье и не бить обслуживающий персонал только за то, что те спрашивают деньги за оказанные услуги.

Был один вопрос, который объединял интересы дворян, горожан, промышленников и даже казаков, — это расширение их прав и привилегий в отношении крепостного крестьянства, в частности предоставлении права их покупать всем свободным сословиям. Проработав полтора года Комиссия по выработке нового Уложения не представила ни одного завершенного, согласованного документа. Екатерина II была разочарована и постепенно потеряла интерес к бесконечным спорам и дискуссиям депутатов, которые тем не менее продолжали регулярно получать из казны установленное жалование. Начавшаяся очередная война с Турцией послужила как бы последним сигналом, что бесплодные дебаты пора заканчивать...

Говорят, что и отрицательный результат умные люди умеют употребить себе на пользу. Императрица относилась к числу таких людей. Учитывая полученные уроки, она легко рассталась со своими либеральными иллюзиями и хладнокровно повернула курс государственной политики в сторону всемерной поддержки и укрепления своего естественного союзника — поместного дворянства. До этого времени оно не имело своей сословной организации. Екатерина II создает ее в 1775 году в виде стройной и сильной системы местного самоуправления дворянства на уровне уездов и губерний. В эту систему были допущены отдельные представители других сословий, но все руководящие должности занимали только «благородные». Раз в три года дворяне собирались на региональный съезд, выбирали своего предводителя и кандидатов практически на все руководящие должности в местном самоуправлении. Тем самым они на деле стали правящим сословием в стране. Еще через десять лет, в 1785 году императрица издает так называемую Жалованную грамоту «на права, вольности и преимущества Благородного Российского Дворянства», в которой продолжает возвеличивать это сословие, одновременно расширяя его права, «непоколебимость» и свободы[1.18]. Пожалуй? ключевым положени-

ем грамоты было **освобождение дворянства от обязательной государственной службы.** Дворянин получил также право беспрепятственно выезжать в чужие края. Он освобождался от личных податей, его дом – от постоя солдат.

Еще в 1731 г., т.е. вскоре после смерти Петра I, служебные поместья дворян были приравнены к имениям наследственным. Однако, из—за нечеткости законодательства все еще оставались некоторые спорные вопросы о собственности на бывшие поместные дачи. Жалованная грамота не оставила сомнений в этом вопросе. Она подтвердила собственность дворян на всю площадь поместья, включая наделы крепостных, а также на богатства, находящиеся в недрах их земли.

Лишить дворянина его звания можно было только по суду за нарушение клятвы, измену, разбой и другие тяжелые преступления. Грамота подтвердила права дворян покупать деревни, владеть фабриками и заводами, строить и иметь дома в городе, заниматься торговлей, в том числе зарубежной.

Одновременно с документом о свободах и привилегиях дворянства была подписана **«Грамота на права и выгоды городов»**[1.19]. По значимости и содержанию она была мало похожа на предыдущую. Новый нормативный акт регламентировал в основном порядок ведения в городах торговли, ремесел и промыслов, условия выплаты населением податей, а также организацию городских властей и самоуправления.

В отличии от льстивой, заискивающей политики по адресу «благороднейших начальников и предводителей российского народа», т.е. дворянства, — в прямо противоположном направлении действовала стареющая Самодержица Всероссийская по отношению к крепостному крестьянству. Она «забыла»о том, что писала в Наказе и других документах в защиту крестьян. Теперь, как верховная жрица, она безжалостно подтвердила полное бесправие миллионов закрепощенных семей:

- крестьянин не имел права жаловаться на произвол и обиды со стороны помещика. Если он все же делал это, то подвергался суровому наказанию;
- помещик, напротив, имел полномочия по своему усмотрению отправлять строптивого крепостного без суда на каторгу, в Сибирь. При этом, соответственно, уменьшалось число крестьянских парней, которых по разнарядке ему полагалось направить в рекруты.

Освободив дворян от обязательной государственной службы и одновременно усилив гнет и бесправие крепостных, Екатерина серьезно нарушила то хрупкое социальное равновесие обязанностей и прав, которое с трудом сформировалось и поддерживалось в России в течение ряда веков. Издавна все население страны делилось на три основные категории. Первую составляли бояре и дворяне, которые с 15-17 лет несли опасную военную и непростую гражданскую службу, нередко расплачиваясь при этом своей жизнью и здоровьем. Как защитников страны их обслуживали, «кормили» крестьяне, которые кроме того платили подати в государственную казну. Обязанности (служба) городского населения состояла прежде всего в уплате налогов. Часть горожан участвовала в военных походах.

В конце XVIII века положение качественно изменилось. Дворяне были освобождены от обязательной государственной службы. В этой связи можно было ожидать следующего логического шага: освобождения крестьян от их обязанностей перед помещиками. Но такого шага не последовало. Более того, притеснения и произвол по отношению к крепостным резко усилились.

Надо подчеркнуть, что ужесточение эксплуатации сельского населения не сопровождалось, да и не могло сопровождаться экономическим укреплением дворянских хозяйств. Больше того, оно способствовало их деградации.

Помещики по размеру земельных угодий и числу крепостных находились далеко не в одинаковом положении. Так, в наиболее богатом черноземном центре России, куда входили Воронежская, Курская, Орловская, Рязанская, Тамбовская и Тульская губернии, — к середине XIX столетия насчитывалось 23.7 тыс помещиков, владевших 1.4 миллиона крепостных мужского пола. Фактически 43 % помещиков имели в среднем по семь мужиков. В то же время 2 % помещиков имели по 473 и еще 1.6 % по 2191 крепостного работника. Таким образом, более половины землевладельцев относились к так называемым мелкопоместным хозяевам, многие из которых не сводили концы с концами. Показательно, что накануне реформы 1861 г. дворяне заложили в банках и других кредитных учреждениях две трети своих крепостных душ[1 20].

Освобождение дворян от обязанности служить государству, при сохранении их довольствия за счет крепостных, предопределило двойственный характер последующего развития этого сословия. С

одной стороны, такой режим способствовал формированию в России целой плеяды мастеров мирового масштаба в области литературы, живописи, музыки, науки, государственного управления и военного искусства. Их список насчитывает многие сотни и возможно тысячи ярких имен. Но этот же режим безответственности и вседозволенности создал уникальную породу «лишних» людей типа Обломова или Печорина, не умевших или не желавших найти себе место в жизни. Вместе с тем быстро сформировалось живучее племя бар-бездельников, умевших критически и занимательно рассуждать по любому вопросу. Но стоило делу коснуться их личных интересов, краснобай мгновенно превращался в изворотливого и агрессивного дельца, не останавливающегося ни перед чем, лишь бы сохранить свои привилегии.

Наконец, по всей великой территории России распространился особый тип самодура-начальника и бездушного чиновника. Их заботила только собственная карьера, власть и деньги. Окружающие существовали лишь для его обслуживания и выполнения чаще всего бездарных указаний, выданных величественным тоном. Обычно такие типы вежливы и даже льстивы по отношению к нужным им людям и циничны, грубы и бездушны ко всем остальным, а также к тем функциям, которые они призваны выполнять по службе.

Исторический опыт показал, что обширная деформация социального строя в России в результате закрепощения основной массы населения была крупным стратегическим просчетом самодержавия, ускорившим процесс его увядания, а затем загнивания, что вскоре почувствовала и стала понимать сама правящая элита страны.

1.2. Половинчатая реформа 1861 г.

Крепостничество, как наиболее воспаленная часть социального организма России, стало не только главной причиной экономического и военно-политического ослабления ее позиций в мире, но и поводом для глубокого раскола в обществе, источником острых конфликтов в деревне, недовольства и критики в адрес правительства.

Неизбежность радикальных перемен в аграрном секторе чувствовали как сидящие на троне, так и люди окружавшие его. Известно, что Павел I, видимо не только в пику своей матери, которую он устойчиво не любил, провел ряд мероприятий, направленных на то, чтобы улучшить положение крепостных, в частности, ограни-

чил барщину тремя днями в неделю, запретил продавать крестьян на торгах и без земли. Даже такой консерватор, как шеф корпуса жандармов и руководитель III-го отделения канцелярии Бенкендорф с тревогой доносил Николаю I: крепостное право — «это пороховой погреб под государством». Царь и без него сознавал серьезность обстановки. Чтобы разрядить растущее напряжение, он ограничил покупку крестьян безземельными дворянами. При распродаже имения за долги помещика крепостные получали право выкупать себе волю, если, конечно, у них были деньги. Крестьяне могли теперь приобретать недвижимое имущество в личную собственность. В 30-ые годы граф П. Киселев был назначен главой Министерства государственных имуществ, которое ведало казенными крестьянами. С его именем связана разработка реформы этого сектора. Прежде всего он изменил налогооблагаемую базу: вместо «мужской души» в основу исчисления крестьянских податей был положен размер земельного надела. Такая перемена повысила заинтересованность крестьянина в повышении урожайности с каждой десятины, поскольку размер налога при этом не менялся и полученный прирост продукции оставался в его распоряжении. Кроме того, была восстановлена система самоуправления в сельской местности, здесь же открывались ссудосберегательные кассы, строились больницы, школы. Для многосемейных крестьян выделялись дополнительные наделы. По существу это был крупномасштабный эксперемент, позволявший проверить на практике различные аспекты будущей большой крестьянской реформы, связанной с отменой крепостного права.

Высказывания в пользу такой реформы зазвучали чаще и громче после поражения в Крымской войне, наглядно продемонстрировавшей увядание хозяйственной и социальной системы России. «Крымская война открыла глаза наиболее зрячим. Они осознали, что Россия не может быть сильна при режиме, покоящемся на рабстве». Весьма показательно, что в 63 записках, поданных в правительство в 1855-1857 годах, все авторы указывали на пороки крепостного права и предлагали его отменить на тех или иных условиях [1 21].

В 1856 году Александр II возвращался из Парижа после подписания мирного договора, поставившего точку в проигранной войне. 40 лет назад тоже из Парижа, той же дорогой возвращался Александр I как герой, победивший Наполеона. Дальняя дорога — удобное время для размышлений. Перед знатным путешественни-

ком ни раз возникал вопрос: в чем же причина позорного поражения в Крыму спустя всего четыре десятилетия после триумфа России.

Видимо, одним из результатов таких раздумий были слова Александра II, прозвучавшие сразу же по его возвращению домой:»Лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собой начнет отменяться снизу»[1 22]. Последовало его распоряжение о создании секретного комитета по крестьянскому вопросу. Коллективный орган был призван подготовить проект закона об освобождении крестьян.

Известно, что передача сложного вопроса на рассмотрение комитета или комиссии — верный способ затянуть, а иногда и не допустить его решения. Но на этот раз царь лично следил за ходом работы, не позволяя топить дело в пустых спорах. Большинство понимало, что пришло время крупных перемен в деревне. Камнем преткновения стал вопрос о земле, на которой размещались крестьянские наделы. Влиятельная группа владельцев крупных и средних поместий считала, что крепостным следует предоставить гражданские права, но без земли, не ущемляя тем самым коренных интересов помещиков. Другая часть дворянства, составлявшая меньшинство, предлагала передать земельные наделы, которыми пользовались крестьяне, в их собственность, но через определенный срок и за выкуп.

Александр II, отдавая себе отчет в том, что освобождение крестьян без земли немедленно вызовет массовые волнения, поддержал меньшинство. 19 февраля 1861 года он подписал 17 законодательных актов, не только отменивших крепостное право в России, но и положивших начало длительному переходному периоду в ее историческом развитии в направлении промышленной революции и слома устаревшей социальной и государственной структуры.[1.23]

Особенность этой сложной и очень ответственной операции состояла в том, что она проводилась «сверху» самим императором при больших ожиданиях крестьян и вполне обоснованной тревоге помещиков.

По своей сути задача, поставленная перед реформаторами, была неразрешимой: нужно было сохранить, а еще лучше — укрепить экономику дворянского сословия и одновременно существенно улучшить хозяйственное положение крестьянства за счет тех же дворян, на которых опиралась власть императора. При том на быстрый положительный эффект от реформы рассчитывать не приходи-

лось. Поэтому в конечном итоге аграрная реформа 1861 года вылилась в компромисс, который не удовлетворил ни дворян, ни крестьян. Как показали дальнейшие события, обе стороны в своем недовольстве были правы.

К началу реформы в Европейской части России насчитывалось свыше 20 млн. крепостных и примерно 1 млн помещиков [1 24]. Спустя сорок лет большинство дворянских имений оказалось заложенными в ипотечных банках. Погасить кредиты и вернуть тем самым свою недвижимость помещики были не в состоянии. Правительство пыталось помочь дворянству с помощью выкупных платежей, под тяжестью которых заметно оскудела крестьянская масса.

По закону 1861 года крестьяне получили статус «свободных сельских обывателей». С точки зрения гражданского, административного и уголовного права они стали дееспособными физическими лицами, защищенными от произвола и самоуправства помещиков. В хозяйственной сфере перед крестьянами открылась возможность вести свободную торговлю в городе и деревне, организовывать фабрики, различные промышленные и ремесленные заведения, записываться в цехи, переходить в другие сословия.

Хотелось бы обратить внимание на ст.36 закона:»Каждый член сельского общества может требовать, чтобы из состава земли, приобретенной в общественную собственность, был ему выделен, **в частную собственность** (выделено мною - Р.Б.) участок, соразмерный с долею его участия в приобретении сей земли.» [1 25].

Эта принципиальная статья о возможности получить землю в собственность сочеталась с правом выхода крестьянина из общины. Хотя оба эти положения были ограничены многими условиями, но в принципе радикальные перемены социальной ситуации в деревне не исключались.

Статьи о праве крестьянина получить землю в собственность и выйти из общины были вскоре сознательно забыты. О них вспомнили только после основательных потрясений 1905 года, положив эти положения в основу Столыпинской реформы.

Важное нововведение состояло также в том, что крестьяне получили законные основания для участия в выборах. Они могли быть избранными на общественные должности, отлучаться от мест жительства, поступать в учебные заведения, служить «по учебной, ученой и межевой частям». Для вступления в брак теперь не требовалось согласия помещика.

Определенные изменения произошли и в сфере расширения крестьянского самоуправления. Стоит отметить, что сельское общество (мир) существовало в России задолго до реформы 1861 года, играя важную роль как организационная форма круговой поруки сельских жителей, прежде всего при сборе налогов и наборе рекрутов. В то же время община защищала, в меру своих возможностей, интересы отдельных крестьянских хозяйств, особенно, при пользовании выгонами, сенокосами, водоемами и дорогами.

Глубокий след в истории России оставил тот факт, что община представляла собой относительно замкнутый, особый социальный мир, где крестьянство сохраняло свою культуру, духовность, обычаи. Известно, что основная масса сельских жителей была неграмотной. Практически они были изолированы от влияния литературы, искусства, науки. Очень слабые и, как правило, искаженные отзвуки мировой цивилизации доносились до села через церковь.Тем не менее российская культура, как своеобразный комплекс ценностных приоритетов, где коллективное, общее стояло на одном из первых мест, и связанные с ним целевые установоки, нормы поведения, отношения к труду, соседу, хотя и в грубоватых формах, — сохранялись, жили и развивались, прежде всего, в сельской общине. Фундаментальные заповеди и поучения православной религии обогащались и конкретизировались крестьянством в обычаях и моральных нормах применительно к суровым условиям повседневной жизни.

В отношениях внутри общины преобладали здравый смысл, прагматизм, справедливость и взаимопомощь. Именно в среде крестьян сформировался национальный русский характер, особенно ярко проявляющийся в годы невзгод и больших социальных потрясений. Многие его черты: простота и непритязательность, терпение и выдержка в напряженной обстановке, готовность прийти на помощь, развитое чувство честности — все это воспитывалось, уважалось и поддерживалось на протяжении многих столетий своеобразным крестьянским обществом. Не случайно у него всегда было много поклонников и защитников.

Вместе с тем нельзя не видеть и негативные стороны общины, которые сдерживали нововведения и рост производительности в российской деревне. Ее инертность и консерватизм, ревнивое отношение к «выскочкам-богатеям», уравниловка в сфере хозяйствования и жизни людей на низком, упрощенном до примитивизма уровне, — упорно противостояли обновлению деревни, развитию предпри-

имчивости. Круговая порука закрепляла крестьян в общине. Поскольку значительная часть урожая и денежных доходов уходила на подати и налоги, а земля периодически переходила в пользование соседа, подавлялся интерес в повышении плодородия выделенного на время надела.

В реальной жизни, как уже отмечалось, трудно заметить момент, когда социальные структуры начинают переходить от зрелости к старости. Такой переход сопровождается потерей в свое время нужных, а теперь изношенных, стертых качеств и приобретением других, ранее не существовавших, а также возрождением некоторых разрушенных, но необходимых для нового подъема. Формы и время проявления подобных изменений обычно нечетки, искажены под воздействием внешних факторов, сохраняющихся дольше, чем сущностные черты.

Поэтому в переломный период перехода социальных структур от одного цикла их развития к другому, многие видят то, что они хотят увидеть. Так было и с трансформацией общины на рубеже двух столетий: демократы—разночинцы идеализировали общину, рассматривая ее как зародыш будущего социализма. Консерваторы, напротив, видели в ней основу незыблемости феодальных отношений и самодержавия[1.26].

Следует подчеркнуть, что одна из главных социальных идей реформы состояла в том, чтобы создать в деревне коллективную земельную собственность. Это позволило бы, по мнению ее авторов, сохранить патриархальную общину и снять многие противоречия между крестьянами и дворянством. Принятые в феврале 1861 года законодательные акты повысили роль общины как первичного организационного звена в сельском хозяйстве, возложив на нее дополнительные функции крестьянского самоуправления. Сохранился принцип совместной ответственности крестьян по финансовым обязательствам перед государством и связанная с ним практика «переделов земли» между «мужскими душами».

Ликвидировав, с опозданием, по крайней мере, на сто лет, крепостное право, реформа 1861 года сохранила еще на полстолетие экономическую зависимость крестьянина от помещика, поскольку практически не решенным остался коренной вопрос — земельный.

Будучи крепостным, крестьянин для своих нужд использовал помещичьи земли в трех видах:

а) пахотного надела, который постоянно находился в ведении

общины и закреплялся за домохозяйством обычно на 8-12 лет до очередного передела;

б) пастбищами для скота, сенокосами, водоемами и дорогами, которыми пользовались всей общиной;

в) землей , на которой размещался крестьянский двор (усадьба).

В процессе реформы, поэтапно, все эти земли, в первую очередь, территорию под усадьбой, крестьянину предстояло выкупить у помещика.

Самым сложным оказался вопрос о выкупе надела. В черноземном поясе, где плодородные земли давали относительно высокие доходы, помещики стремились максимально урезать размер оставляемых крестьянам надельных земель. В районах, где земля была мало плодородной и затраты крестьянского труда едва окупали себя, ее прежние собственники чаще всего стремились увеличить крестьянский надел. Некоторые помещики на таких землях не имели даже собственной пашни и не нуждались в барщине. Еще до реформы они охотно отпускали крепостных для заработков на стороне и без особых забот регулярно получали своеобразную ренту в виде оброка. Теперь, когда закон сделал таких крестьян свободными и предоставил им право самостоятельно заниматься торговлей, ремеслом или даже открывать промышленные заведения, выплаты за надел стали бы для них лишней обузой, и они отказывались от земли. Но такой вариант возможен был только с согласия помещика, которого он чаще всего не давал. Зачастую в подобных случаях помещики поднимали также выкупную цену значительно выше рыночной, превращая ее фактически в цену за личную свободу для бывшего крепостного, хотя такой прием запрещался законом. Однако, власти молчаливо были на стороне помещика.

Если подвести общий баланс взаимодействия двух тенденций: урезания наделов и навязывания крестьянам ненужной им земли, то преобладала все же первая тенденция. В сумме по черноземным и нечерноземным губерниям общая площадь крестьянских наделов в результате реформы сократилась примерно на 20 %.

Для крестьян наиболее трудной была проблема денег. Сколько-нибудь существенных накоплений у подавляющего большинства из них не было. Поэтому выкупной процесс растянулся на десятилетия. Однако, по закону, пока крестьянин не рассчитается за свой земельный надел, он оставался «временно обязанным» перед помещиком и, как прежде, должен был отбывать барщину или платить

оброк. Но теперь эти обязанности были регламентированы: барщина для мужчины не должна была превышать 40 рабочих дней в году, для женщины — 30 дней. Практически это означало, что летом крестьянин три дня в неделю по 12 часов трудился на помещика, остальные дни — на своем поле. Верно, быстро сообразив, что теперь помещик не может, как прежде, безнаказанно бить и притеснять работника, крестьяне снизили интенсивность и качество труда. Низкая эффективность барщины на фоне расширяющихся товарно—денежных отношений стала особенно наглядной, и хозяева земли все настойчивее требовали денежного оброка вместо бесплатного, но малопродуктивного труда. Показательно, что по выборочным данным через два десятилетия, к 1881 году, доля барщины в суммарных расчетах крестьянина с помещиком упала до 15 % [1 27].

Размер выкупа предусматривал сохранение поступлений денежного оброка помещику в новой, капитализированной форме. Например, если раньше он получал 3 рубля в виде оброка с каждой десятины, выделенной в пользование «временно обязанному» крестьянину, а на вклады в банке выплачивали 5% годовых, то выкуп за десятину устанавливался в размере 60 рублей, что и обеспечивало сохранение прежнего дохода бывшему владельцу земли. В таких условиях размер выкупа нередко в 1,5—2 раза превышал рыночную цену за землю.

Чтобы помочь помещикам, которые были заинтересованы в срочном получении выкупных платежей, государство взяло на себя заботу о предоставлении крестьянскому хозяйству соответствующей ссуды. При заключении выкупной сделки между бывшим и новым владельцами земли государство выплачивало помещику 80 % общей суммы выкупа процентными бумагами, приносящими 6 % дохода. Остальные 20 % выкупных денег вносил крестьянин, но одновременно он становился должником государства в сумме равной 80% выкупа под 6% годовых. Т.е. размер денежного выкупа за надел возрастал в течение десятилетия в 1,8 раза. В таких условиях многие крестьяне быстро попадали в критическое финансовое положение.

Используя данные, собранные правительственной комиссией по 27 губерниям Европейской части России, Н.А. Рубакин указывает, что валовая доходность десятины надельной земли по этим губерниям в конце XIX века составила в среднем 9 рублей, затраты на обработку земли, сев и уборку — 5,2 рубля. Таким образом, крес-

тьянин имел чистого дохода с десятины в среднем 3,8 рубля (отклонения по отдельным губерниям от 1,8 до 6 рублей)[128].

Платежи бывших помещичьих крестьян, обремененных выкупными взносами и процентами за ссуду, нередко в два раза превышали чистый доход, полученный на надельной земле. Неудивительно, что многие крестьяне не могли не только выкупить землю, но и выплатить все причитающиеся с них подати и сборы. Большинство искало дополнительные заработки либо на месте, либо отправляясь на отхожие промыслы.

Работая у помещика целое лето на условиях найма, мужчина получал порядка 40 рублей, весь год — 60-62 рубля. За десятину убранных хлебов платили 5 рублей, травы — около 4 рублей. Очень выгодным считалось устроиться работать на фабрике — можно было получить за год до 150-170 рублей. Значительно ниже оплачивался труд кустарей и ремесленников, составлявших основную массу крестьян, нуждавшихся в дополнительных заработках. Среди бесправных надомников преобладали женщины и подростки, работавшие по 12-13 часов в день, зимой при лучине в тесноте и духоте крестьянской избы. Их продукцию по низкой цене оптом приобретал перекупщик, накапливавший таким образом капитал для своего будущего «дела».

Естественно, что выкупала землю лишь богатая часть деревни. Так, за 10 лет после начала реформ в нечерноземном центре приобрели наделы в собственность только 27% крестьян, в черноземной — несколько больше[129].

С 1 января 1882 года выкуп надела стал обязательным. Был создан крестьянский земельный банк, который оказывал реальную помощь при осуществлении выкупных операций. Однако, число «временно обязанных» в деревне сокращалось крайне медленно, а задолженность за выделенный кредит росла.

Мало изменилась в первые послереформенные десятилетия и технология обработки земли. Основным типом севооборота осталось трехполье: первый год сеяли озимую рожь, на юге — пшеницу. На второй — яровые: овес, ячмень, горох. На третий — пар. Поле отдыхало. В общем объеме пашни в 1896 году рожь занимала 37%, овес — 20, пшеница — 16,6. На их долю приходилось почти три четверти посевов. Затем шли: ячмень — 7%, гречиха — около 6%, просо, лен, картофель, все вместе —7,6% (картофель появился на полях России в период царствования Екатерины II, но до конца

XIX века распространялся крайне медленно). Кукуруза, горох, польба, конопля и подсолнечник занимали около 4%.

Пахали землю чаще всего деревянной сохой или косулей на глубину 1-2 вершка. Бороны были тоже деревянные, что позволяло рыхлить лишь верхний слой пашни. Органики хватало только на ближние поля, обычно не дальше, чем на 3-4 версты от усадьбы. Поэтому урожаи были низкими и неустойчивыми. Убирали хлеб серпом, молотили — цепом (связанными палками). Характерно также, что в пореформенный период (1862-1897гг.) произошло сокращение поголовья лошадей — основной тягловой силы крестьянских хозяйств.

Отсталая технология обуславливала низкую эффективность и доходность сельскохозяйственного производства, а следовательно и невысокую оплату тяжелого крестьянского труда. Это, в свою очередь, тормозило процессы обновления организации сельского хозяйства, замену устаревших орудий обработки земли.

Со второй половины 80-х годов отрицательные финансовые и социальные результаты реформы стали проявляться все заметнее. Ускорился процесс расслоения крестьянской массы, причем от половины до двух третей домохозяйств оказались в категории бедняков. Об общем обнищании деревни, как массовом явлении в этот период, свидетельствует скачок недоимок по налогам и другим обязательным платежам сельских жителей.

За девять лет в конце XIX века объем недоимок по обязательным платежам крестьянских домохозяйств практически удвоился и достиг двух третей всего объема годовых платежей. Особенно в тяжелом положении оказались деревни черноземного пояса (146%) в связи с падением цен на зерно и неразвитостью системы отхожих промыслов.

Испытывая значительные трудности с денежными средствами, крестьяне нередко вынуждены были пользоваться услугами местных ростовщиков, которые выжимали из них оставшиеся соки. Так, по данным департамента окладных сборов, крестьяне Касимовского уезда Рязанской губернии платили по месячным займам из расчета от 120 до 130 % годовых. Когда же крайняя нужда заставляла крестьянина «перехватить» деньги на несколько дней, плата за кредит достигала 6% в неделю, т.е. более 350 % годовых. В результате бедные становились вечными должниками, а богатые накапливали капитал.

Соотношение, в % просроченной задолженности (недоимок) к сумме обязательных платежей крестьянских домохозяйств[130]

по отдельным регионам, в %

Группа губерний	1886	1890	1895
Северные	4	12	33
Северо-Западные	9	4	6
Юго-Западные	1	5	7
Промышленный центр	10	10	22
Центрально-черноземные	41	98	146
Восточные	22	95	90
Южные	46	46	24
Украина	39	53	67
Всего по Евр. России	26	52	66

О неодинаковом имущественном положении крестьянских хозяйств довольно наглядно свидетельствуют следующие данные: из 10,1 млн. крестьянских дворов по 48 губерниям Европейской части страны,обследованных в 1888-1891 годах,27,3% были безлошадными, 28,5% дворов имели по одной лошади, 22,2% домохозяйств — по две и еще 22% — по три и более[131].

Характерно также, что сам воспроизводственный процесс в этих хозяйствах обуславливал дальнейшее истощение слабых, как правило, небольших крестьянских семей и расширение производственной базы крупных и сильных крестьянских хозяйств. Так, по данным статистики Воронежского земства, собранным в ходе выборочных обследований 66 домохозяйств, средний валовой доход безлошадных семей (четыре души обоего пола) составлял 118 рублей, в том числе 109 рублей деньгами. Доход в хозяйстве с 2-мя лошадьми (при 8 душах) достигал 430 рублей, в том числе 197 наличными. В многосемейном хозяйстве, где было больше работников и использовалось 5 лошадей, валовой доход достигал самого высокого уровня — 1767 рублей, в том числе, наличными 1047 рублей[132].

Из этого сопоставления следует: чем крупнее семья, тем больше ее производительная сила и выше доход и, наоборот, чем больше работников и лошадей, тем выше среднедушевая и общая доходность семейного хозяйства. Интересны также данные о расходах разных категорий домохозяйств.

Из данных таблицы следует, что абсолютный размер податей и платежей на члена семьи примерно совпадает во всех категориях хозяйств: 4-5 рублей (сказывается уравнительное влияние общины).

Средний объем расходов на 1 хозяйство[1.33]
в рублях 1889 г.

Домохозяйства, где:	Общая Сумма расходов	в том числе: на							
		Подати		хозяйственные нужды		Пищу		другие потребности	
		руб.	%	руб.	%	руб.	%	руб.	%
1 лошадь	109.1	15.5	14.2	15.1	13.9	61.0	55.9	17.5	16.0
2 лошади	379.2	32.0	8.4	121.4	32.0	181.1	47.8	44.6	11.8
5 лошадей	1593.8	86.3	5.4	976.9	61.3	447.8	28.1	62.8	5.2

Однако удельный вес, т.е. тяжесть таких расходов в бюджете безлошадных хозяйств в 2,6 раза выше. Самая большая доля расходов на пищу также в бедных семьях — свыше половины общей суммы. В богатых хозяйствах это составляло только 28%, хотя на питание отдельного члена семьи абсолютно расходуется в два раза больше денежных средств. Поэтому люди в таких семьях крепче, сильнее и здоровее.

Особое внимание заслуживают показатели, характеризующие расходы на хозяйственные нужды, в том числе на расширение и совершенствование производства. В многосемейных хозяйствах они многократно выше и по абсолютному объему и по удельному весу, в расчете на члена семьи.

Таким образом, первопричиной более высокой продуктивности и доходности крупных крестьянских хозяйств выступает семейная кооперация (в крепких хозяйствах средний размер семьи — 16 человек против 4-х в бедных домохозяйствах). Большая семья позволяет использовать преимущества разделения труда и отдельных элементов постоянной специализации работников. Полученный экономический эффект позволяет улучшить личное потребление членов семьи, а тем самым, увеличить их производительную силу. Одновременно становится возможным расширить расходы на хозяйственные нужды, связанные с содержанием лошадей, коров, овец, приобрести сельскохозяйственные машины и удобрения.

Показательно также, что такие хозяйства, как правило, кроме своего надела, обрабатывали дополнительно арендованные государственные и помещичьи земли, а нередко и поля малоимущих семей в рамках общинного землепользования.

На основе обследований местных комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности по 49 губерни-

ям Европейской России следует, что «из двух крестьянских дворов один арендует казенную или частновладельческую землю»[134].

Почти все (87-95%) крупные хозяйства арендовали землю на стороне, как правило, на наиболее выгодный, длительный срок. Небольшие хозяйства редко прибегали к аренде, в основном, из— за отсутствия оборотных средств. Если им все же удавалось это делать, то чаще всего — только на один год. В то же время многие мелкие крестьянские хозяйства сдавали свой надел в длительную или даже бессрочную аренду, т.к. вести хозяйство самому на маленьком участке было убыточно. Больше можно было заработать на стороне.

Таким образом, общинная форма пользования пахотными землями не гарантировала на практике равенства сильных и крупных хозяйств, с одной стороны, и слабых и мелких, с другой.

Противоречивые формы и методы аграрной реформы по-разному воздействовали на уровень и динамику сельскохозяйственного производства, но, в целом, оно развивалось относительно невысокими темпами.

Структура распределения крестьянской земли в начале XX века[135]

Общий размер пашни	в том числе: на один двор, десятин		% хоз-ств, арендовавших землю
	собственный надел	арендовая земля	
0 - 1 дес.	0,99	0,5	3,6
1 - 2 дес.	1,6	0,7	13,1
2 - 5 дес.	2,7	1,6	52,1
5 - 10 дес.	3,9	3,3	86,6
Св.10 дес.	5,2	8,9	95,0

Темпы прироста валового сбора зерновых после реформы сильно колебались: от 6 до 18 % за десятилетие, что соответствует среднегодовым приростам в пределах от 0,6 до 1,7 % . Такое развитие нельзя назвать динамичным. Стоит отметить также устойчивую тенденцию абсолютного расширения и ускорения роста производства зерна, что, в первую очередь, связано с увеличением его экспорта прежде всего за счет крепких крестьянских, а также отдельных помещичьих хозяйств, которые начали применять более эффективные технологии, семена, машины и минеральные удобрения.

Следует отметить также высокие темпы прироста производ-

Урожай хлебов и картофеля по Европейской части России[136]

	в среднем в год			
	1861-70	1871-80	1881-90	1890-1900
Зерновые, млн. т.	28.3	31.8	37.2	43.9
Прирост к предыдущему периоду, %	5.6	12.4	17.0	18.0
Картофель, млн. т.	3.3	5.3	6.5	12.6
Прирост к предыдущему периоду, %	26.9	60.6	22.6	93.8

ства картофеля, который пришелся, как говорится, по вкусу в большинстве крестьянских семей и стал вытеснять каши, преобладавшие долгое время в их рационе питания.

Важно также выяснить, за счет каких факторов происходило наращивание валовых сборов зерна. При этом следует иметь в виду, что к началу XX столетия прирост площади пахотных земель в силу ряда причин практически прекратился. Выбор остался только один — использовать интенсивные факторы роста сельскохозяйственного производства, т.е. научиться собирать высокие устойчивые урожаи с каждой десятины.

Среднегодовая урожайность зерна по 50 губерниям Европейской России[137]

пудов с десятины

	1861-70	1871-80	1881-90	1891-1900
На крестьянских полях	29	31	34	39
Прирост, в %	4.2	6.9	9.7	14.7
На помещичьих землях	33	37	42	47
Прирост, в %	—	12.1	13.5	11.9

Основным источником увеличения зерна в пореформенный период выступали интенсивные факторы, материализованные в увеличении урожайности. При чем в первые два десятилетия лидирующую роль в этом деле имели помещичьи угодья. Здесь первыми стали применять более эффективные севообороты, сельскохозяйственные машины, железные плуги, туки. Кроме того, отставание крестьянских хозяйств по урожайности в этот период было обусловлено относительно широким сохранением барщины, которая выполнялась в первую очередь. В результате крестьянин на своем поле

сеял и убирал на одну-две недели позже оптимального для этого срока, а это означало, что весной семена попадали в уже подсохшую землю, а осенью колос частично осыпался. Это сказывалось на конечных результатах сельскохозяйственного года.

Крестьяне обычно измеряли урожайность соотношением полученного урожая к весу затраченных семян. Несколько веков такой урожай поднимался от отметки сам 2.2-2.5 к 3.0-3.2. В первой половине XIX века он составил «сам 3,5», в шестидесятых повысился до 3.7, в семидесятых — 3.9, восьмидесятых — 4.3, к концу века — до сам 4.9[138].

Особенно заметны последствия реформы 1861 года сказались на развитии животноводства. Оно и раньше играло подсобную роль в сельском хозяйстве России. В центральных регионах преобладала так называемая великорусская порода крупного рогатого скота, который держали главным образом ради молока и навоза. За год корова давала порядка 150 ведер живительного напитка — основного источника белка для детей и взрослых. На юге главными были серая украинская и красная калмыцкая породы, которые использовали и как рабочий скот и на мясо. Их главное достоинство — нетребовательность к кормам и способность переносить любую непогоду.

Из таблицы видно, что за последнее двадцатилетие XIX века поголовье лошадей сократилось на 9 %, овец и коз — на 4 % . Стадо крупного рогатого скота увеличилось всего на 21%, свиней — на 11%.

Поголовье лошадей и домашнего скота в России (без Финляндии)[139]

	млн. голов		
	1882	1890	1901
Лошади	31.2	26.3	28.5
Кр. рогатый скот	36.1	39.3	43.6
Овцы и козы	89.9	78.1	86.3
Свиньи	12.5	12.9	13.9

Развитие животноводства явно отставало от динамики производства зерна. Это свидетельствует о качественном ухудшении структуры сельского хозяйства России к началу XX века. Основной причиной отставания животноводства была нехватка кормов. Дело в том, что практически весь прирост зерновых ресурсов поглощал экспорт и возросшая численность городского населения. Выше уже отмеча-

лось, что после реформы 1861 года валовой сбор зерновых в расчете на душу населения уменьшился. В то же время резко увеличилось количество городских жителей, для которых хлеб оставался основным продуктом питания. Спрос на него был высоким. Однако, приоритетное значение имел вывоз зерна в Европу. Хлебный экспорт стал главным источником получения валюты Россией, в том числе погашения внешней задолженности по иностранным кредитам.

Известный статистик С.Г. Струмилин исследовал трудоемкость обработки озимых посевов и одного пуда зерна. Затраты труда на одну десятину посевов после реформы остались на уровне первой половины XIX века: более 29 человеко-дней. Динамика производительности крестьянского труда в этот период проявлялась в росте урожайности. Она возросла за 40 лет после реформы примерно в 1.5-1.6 раза, или чуть более одного процента в среднем за год.

Что касается изменений в структуре имущественных отношений, то их наиболее полно характеризуют данные о распределении земли в начале XX века (кроме земель государственных и удельных).

Если в 1860 году площадь надельных (мирских) и других крестьянских земель относилась к площади земель, находившихся в непосредственном хозяйственном пользовании помещиков как 1:1, то в 1905 году это соотношение выглядело как 3:1. При этом дворянство как сословие землевладельцев быстро увядало и сокращалось. Шел интенсивный процесс экономического расслоения помещичьих хозяйств. Многие из них , после того, как лишились бесплатной рабочей силы крепостных, стали малорентабельными или даже убыточными. Перестроиться на интенсивный путь развития они так и не смогли. Еще до реформы, как уже отмечалось, более половины дворянских имений, в том числе крупных, были

Распределение сельскохозяйственных земель в 1905 году

	млн. десятин
Общинные (мирские) земли	124,1
Частная собственность крестьян	13,2
Крестьянские ассоциации	11,4
Казаки	14,7
Дворяне	53,2
Купцы и почетные граждане	12,9
Мещане	3,8
Прочие	2,9

заложены в банках и у частных лиц. После реформы, несмотря на выкупные деньги, ипотечная задолженность помещиков возросла в три раза: с 425 млн. рублей в 1857 до 1359 млн.рублей в 1897 году. Лишь небольшая доля выкупных платежей была использована на модернизацию хозяйства, закупку машин, туков, породистого скота. Их основная часть тратилась непродуктивно.

Крестьянство, напротив, набирало силу. Однако, одновременно шло его расслоение на три группы:

а) крепких, растущих домохозяйств товарного типа;

б) середняков;

в) безлошадной бедноты, которая не могла прокормить себя до нового урожая, залезала в долги и теряла землю. После этого безземельный крестьянин должен был либо эмигрировать в город, прежде всего в промышленность и строительство, либо оставаться в деревне в качестве «вольнонаемного» батрака. Это был «нормальный» переход от крепостничества к рыночному капитализму и жесткой конкурентной борьбе на всех уровнях за место в новой хозяйственной жизни.

К сожалению, до начала XX века не удалось создать главную исходную предпосылку экономического подъема страны — разрешить продовольственную проблему. Более того, в последние десятилетия спрос на продукты питания обгонял предложение. Как уже говорилось, расширение производства хлеба, мяса, молока и других продуктов животноводства отставало от роста численности населения, не говоря уже о его увеличивающихся потребностях. Причем ухудшение питания, а значит и здоровья, в первую очередь захватило бедную, основную часть крестьянства, а также мало обеспеченные слои горожан, т.е. беженцев опять же из деревень. При чем речь шла не о снижении каких-то отдельных показателей, а о фактах голодания многомиллионных масс населения. Именно чувство голода, а не разум, стало направлять поведение и действия этих масс.

Начались крестьянские волнения, переросшие в крестьянскую революцию 1904-1906 годов. Ее масштабы и крайне жесткий мужицкий характер потряс и напугал правящие круги. Они в панике метались в поисках выхода и готовы были пойти на крупные уступки, лишь бы сохранить часть своих привилегий, а главное, остаться у власти.

В такой обстановке родился манифест 17 октября и решение о создании государственной думы. При этом царь и его правитель-

ство все еще надеялись восстановить добрые отношения с крестьянством.

1.3. Реформа П.А. Столыпина

В начале XX века идеи новой реформы в деревне, направленной на переход от общинного к частнокрестьянскому владению землей были «на слуху», буквально висели в воздухе. К выводу о целесообразности такого перехода пришла авторитетная комиссия С. Витте, филиалы которой были созданы во многих губерниях.

В 1902 году будущий товарищ (помощник) П. Столыпина В. Гурко доказывал в своей книге, что преодолеть голод и хроническое недоедание среди населения возможно только «путем расцвета собственного крестьянского земледелия». Но такой расцвет возможен «лишь по мере перехода от общинного земледелия к личному, подворному. Исключительно в последнем случае проявится в крестьянстве стремление к возвышению самого качества стоящей в его владении земельной поверхности, повышению ее капитальной стоимости. Однако, общинная форма землепользования пустила столь глубокие корни в русской народной жизни, что искоренить ее насильственно без возникновения весьма серьезных осложнений невозможно. О ломке общинной, в виду этого, не может быть и речи. Весь вопрос сводится к тому, чтобы обеспечить возможность как целым крестьянским обществам, так и отдельным их членам, при их к тому желании, безболезненно совершить этот переворот»[140]. Люди, знакомые «с кухней» подготовки второй крестьянской реформы, с полным основанием считали В. Гурко одним из ее авторов. В 1906 году он неоднократно разъяснял и защищал позицию правительства по аграрному вопросу в Государственной Думе.

Конкретные события вокруг реформы развивались во многом спонтанно, по ломанной траектории на небольшом отрезке времени. Крутые повороты политики отражали отчаянные метания дворянства на фоне бушующей толпы крестьян и горящих помещичьих имений — заключительной сцены реформы 1861 года.

Чтобы спасти слабеющую власть самодержавия и треснувшие опоры экономики дворянского сословия, пришлось пойти на уступки не только по мелочам, но и по принципиальным вопросам. Одной из таких уступок было согласие (спустя 100 лет после предложения Михаила Сперанского) на создание государственной думы, верно,

с весьма ограниченными возможностями. При этом, поначалу, крестьянству было выделено около четверти всех мест в новом представительном органе. У руководства страны все еще сохранялись надежды, что сельские труженики верят и надеются на батюшку — царя. Следующая небольшая иллюстрация наглядно показывает , как рождались подобные заблуждения.

Летом 1904 года в период, когда крестьянские волнения только набирали силу, Николай II совершил поездку по Поволжью. Саратовский губернатор П.А. Столыпин организовал пышную и теплую встречу императору в небольшом городке Кузнецке. Толпы людей растянулись на несколько верст вдоль железнодорожного пути, по которому двигался долгожданный поезд. Кричали:«Ура!» Царь стоял у окна вагона и кланялся. На вокзале его встретили 400 школьников, с флагами. О верноподанических чувствах встречающей публики свидетельствует, например, такой исторический факт: «госпожа Билетова после рукопожатия Государя сейчас же надела перчатку, чтобы, как можно дольше, не мыть руки. К жене предводителя подошел студент, просил поцеловать руку, которую пожал Государь». Было много музыки и речей. По мнению П.А.Столыпина, лучше всех сказал волостной старшина из Перешовского уезда: «Прими, Ваше Величество, хлеб-соль от своих крестьян. Не тужи, Царь-батюшка, мы все за тебя»[141].

Эти слова запали в душу и память Николая II, что, видимо, впоследствии сказалось и на карьере Петра Алексеевича. На обратном пути царь пригласил его к себе в вагон. Долго беседовали. Николай II был очень доволен поездкой: «Когда видишь народ и эту мощь, то чувствуешь силу России». Спустя год после посещения Кузнецка на совещании под председательством Государя, обсуждался булыгинский проект учреждения думы. Возник спор, каким требованиям должен отвечать кандидат в этот представительный орган. Главный управляющий « Землеустройством и земледелием» Стешинский настаивал на том, что даже простая грамотность не должна быть обязательна, так как, по его мнению, самый надежный элемент представляет собой «истые крестьяне, более солидного возраста. В их среде много совершенно неграмотных людей, но это отнюдь не мешает им хорошо знать местную жизнь, уметь разбираться в самых сложных вопросах сельского обихода, земских нуждах и всего того, что составляет самую сущность будущей деятельности государственной думы»[142].

Некоторые участники совещания возражали против такого подхода, но Николай II поддержал Стешинского. Конечно, многие понимали, что приходится идти на определенный риск. Перед министром внутренних дел была поставлена задача: не пропустить в Думу радикально настроенных мужиков. Этому способствовала также позиция эсеров, социал—демократов и других левых партий, которые решили бойкотировать выборы.

Чтобы обеспечить свое влияние на крестьянских депутатов, министерство пошло на необычный ход: оно подготовило для них хорошую и доступную по цене гостиницу на Кирпичной улице с простым, дешевым питанием. Руководить этим заведением поставили бывшего земского начальника Ерогина. Однако, этот немудреный замысел МВД был быстро разгадан. Гостиницу стали называть не иначе, как «ерогинским общежитием». Ее жильцы — «ерогинцы» поспешили перебраться на жительство по другим адресам.

Крестьяне-депутаты назвали себя «трудовой группой» (трудовики), стремясь тем самым оставить открытой дверь для присоединения к ним представителей рабочих и других людей труда. Вскоре активисты-трудовики сняли большое помещение недалеко от Николаевского вокзала, где открыли своего рода клуб для взаимных знакомств и обсуждения актуальных вопросов. Используя свой опыт работы в земских учреждениях, трудовики быстро сформировали свою фракцию, в которую вошли 107 человек, т.е. примерно четвертая часть общего состава Думы[1.43]. Почти сразу же началась подготовка проекта закона, предусматривавшего бесплатную передачу всех сельскохозяйственных земель, находившихся в частной собственности (прежде всего у помещиков) в общенародную. Тогда же появилось понятие, выражающее такой процесс: социализация земли. Подобная направленность деятельности трудовиков, нашедших поддержку со стороны кадетов, вышла за рамки, которые пытались установить для Думы царь и правительство.

Перед самым началом ее работы всех депутатов пригласили на торжественный прием в Зимний дворец. В короткой речи Николай II выразил «твердую уверенность в том, что все отдадут свои силы на самоотверженное служение отечеству, для выяснения нужд крестьянства, просвещения народа и развития его благосостояния. Для духовного влияния и благоденствия государства необходима не только одна свобода, — необходим порядок на основе права»[1.44]. Таким образом, как считал государь, полномочия Думы ограничи-

вались лишь «выяснением нужд крестьянства» при соблюдении «необходимого порядка», установленного законом. Яркую зарисовку этого, по словам Марии Федоровны (матери царя), «ужасного приема» привел в своих воспоминаниях будущий председатель правительства В.Н. Коковцев: «Вся правая половина от трона была заполнена мундирной публикой, членами Государственного Совета и — дальше Сенатом и государственной свитой. По левой стороне, в буквальном смысле слова, толпились члены Государственной Думы. Среди них — ничтожное количество людей во фраках и сюртуках. Подавляющее же количество их, как будто нарочно, занявшие первые места, ближайшие к трону, — было составлено из членов Думы в рабочих блузах, рубашках косоворотках, а за ними толпа крестьян в самых разнообразных костюмах...На первом месте особенно выдвигалась фигура человека высокого роста в рабочей блузе, в высоких смазанных сапогах с насмешливым и наглым видом рассматривавшего трон и всех кто окружал его...Презрением и злобой дышало это наглое лицо». Видимо и царь понял, что слова волостного старосты из Самарской губернии: «мы все с тобой, царь-батюшка», — разделяют далеко не везде. Позже он мог убедиться в этом еще ни один раз.

В ответном адресе на тронную речь царя Дума дерзко и твердо заявила: «Наиболее многочисленная часть населения страны — трудовое крестьянство с нетерпением ждет удовлетворения своей острой земельной нужды, и первая русская Государственная Дума не исполнила бы своего долга, если бы она не выработала закона для удовлетворения этой насущной потребности путем обращения на этот предмет земель казенных, удельных, кабинетских, монастырских, церковных и *принудительного* (выделено мною - Р.Б.) отчуждения земель частновладельческих»[146]. Это был прямой вызов и царь сразу же отреагировал на него — отказался принять делегацию, которая должна была вручить ему ответный адрес. Тем не менее подготовка земельного закона в Думе началась. Трудовики блокировались в этом вопросе с кадетами (партией свободы), которые имели около 200 мест. Вместе они располагали более, чем двумя третями голосов. Обе партии исходили из того, что необходимо увеличить площадь земли у крестьян, обрабатывающих ее *личным трудом,* до определенной потребительской или трудовой нормы; для осуществления этой цели следует образовать государственный или общенародный земельный фонд за счет зе-

мель казенных, удельных, кабинетских, монастырских и церковных. В тот же фонд предполагалось принудительно отчуждать помещичьи и другие частновладельческие земли, если они превышают установленную норму. При этом имелось в виду владельцам отчуждаемых участков выплачивать денежную компенсацию за счет государства.

Расхождения между трудовиками и кадетами затрагивали отдельные формулировки и положения. Так, трудовики предлагали установить законом, что «вся земля с ее недрами и водами принадлежит всему народу». Кадеты считали целесообразным оставить в частной собственности земли под усадьбами, садами, виноградниками, искусственными лесонасаждениями и т.п., а также «участки, которые центральными землеустроительными учреждениями признано будет сохранить в частном владении в виду их исключительного характера и общеполезного значения» (питомники, племенные и показательные хозяйства и др.)[1.47].

В самом начале работы Думы была создана смешанная комиссия, задача которой состояла в том, чтобы без проволочек выработать общий проект Земельного закона. Власти пытались любыми способами остановить ее работу. 13 мая председатель правительства И. Горемыкин официально заявил, что решение земельного вопроса на принципах, выдвинутых Думой, «безусловно недопустимо»[1.48]. В ответ народные представители выразили недоверие Горемыкину, и аграрная комиссия продолжала свою работу. Тогда руководство страны решило изменить тактику. 20 июня 1906 г. в «Правительственном вестнике» было опубликовано сообщение о готовности Совета министров передать малоземельным крестьянам, на выгодных для них условиях, все годные для земледелия казенные земли, а также купить для той же цели за счет государства у частных владельцев, т.е. у помещиков , добровольно продаваемые ими земли (таких предложений о желании продать землю было достаточно много). Представители правительства В. Гурко и А. Стешинский неоднократно выступали на заседаниях Думы с аргументами против насильственного отчуждения помещичьих земель. Во-первых, это создало бы прецедент нарушения принципа неприкосновенности частной собственности и, во-вторых, не разрешило бы аграрных проблем, поскольку речь практически могла идти о 22-27 млн десятин сельскохозяйственных земель, т.е. менее, чем половине десятины в расчете на каждого малоземельного или

безземельного крестьянина. Выход они видели в том, чтобы улучшить культуру обработки земли и поднять ее продуктивность. Часть малоземельных крестьян предполагалось, при поддержке правительства, переселить на плодородные земли в южную часть Сибири и других регионов страны. Однако, никакие аргументы на трудовиков и кадетов не действовали. Аграрная комиссия приближалась к завершению работы над Земельным законом...

Но, как часто бывает в подобных случаях, неожиданно грянул гром. В воскресенье 9 июля 1906 г. Первая Государственная Дума была распущена. Царский указ об этом был расклеен по городу в шесть часов утра, в том числе на воротах Думы. К центру подтянули полицию и войска... Такое решение было принято Николаем II не без колебаний и дело было, конечно, не только в отторжении им радикального земельного закона. «К конфликту никто сознательно не стремился,— писал М.Винавер, один из депутатов Думы. — Но, о нем говорили почти игриво. Опьяненное успехом общество было уверено, что, когда грянет буря, кто-то за Думу постоит, и народное представительство выйдет из борьбы еще крепче... Думу не удалось спасти.Конфликт произошел на почве для населения наиболее понятной: на аграрном вопросе. Все оппозиционные фракции (не одни кадеты, но и трудовики, и социал—демократы) обратились к стране за поддержкой — тем не менее, поддержки не последовало...»[1.49].

Теперь послушаем другую сторону. Натянутые, точнее сказать конфликтные отношения между Думой и правительством, за которым стоял государь, возникли с первого же дня ее открытия. 6 июля, по словам П. Столыпина, в разговоре с ним Николай II откровенно заявил, что роспуск Думы стал делом прямой необходимости. «Все мы и я, в первую очередь, — подчеркнул государь, — понесем ответственность за нашу слабость и нерешительность. Бог знает, что произойдет, если не распустить этот очаг призыва к бунту, неповиновения властям, издевательства над ними и нескрываемого стремления вырвать власть из рук правительства.» [1.50] Желание царя было исполнено...

В середине полугодового перерыва, образовавшегося после роспуска первой и началом работы второй Думы, т.е. в обход представительной власти, царь подписал весьма важный указ, который послужил основой новой, «столыпинской реформы» в деревне.

Человек, чье имя присвоили новой попытке решить аграрный

вопрос сверху, — П. Столыпин по ряду признаков подходил для такой роли. Петр Аркадьевич окончил естественный факультет университета и в сравнительно молодом возрасте возглавил правительство. Обладая огромной физической силой, трезвым умом и разносторонним жизненным опытом, Столыпин был уверен в себе. Это позволяло ему смело занимать четкую и, как правило, твердую позицию по самым сложным вопросам управления Россией в бурные годы начала XX века. «Власть, — разъяснял он, — это средство охранения жизни, спокойствия и порядка.., бездействие власти ведет к анархии. Правительство не есть аппарат бессилия и искательства...Задачи правительства осуществляются действиями»[1.51].

Как потомок древней и знатной семьи, владевшей несколькими имениями, П.А.Столыпин был убежденным сторонником самодержавия и с этих позиций — активным патриотом России. Однако он отдавал себе отчет в том, что главное направление деятельности правительства не может представлять собой примитивную линию, защищавшую только царя и его окружение. Необходимо было также считаться с нуждами крестьянства, рабочих, интеллигенции, практически реализовать их интересы в государственной политике. Отсюда две главные установки, которые определяли направленность, характер и методы деятельности правительства Столыпина: во-первых, восстановление и поддержание общественного порядка в стране и, во-вторых, проведение разносторонних реформ, чтобы омолодить и обновить страну, ее структуры и социально-экономические основы. Особое место в истории России имеют его реформы в сельском хозяйстве, призванные дополнить и развить аграрные преобразования, начатые в 1861 году.

Ключевое значение в этих реформах имело положение о том, что «каждый домохозяин, владеющий надельною землею на общинном праве, может во всякое время требовать укрепления за собою в личную собственность причитающей ему части означенной земли»[1.52]. В тех общинах, где длительное время не происходило общих переделов, земельные наделы крестьян признавались как бы автоматически «перешедшими к наследственному (участковому или подворному) владению». При этом земля становилась *личной* собственностью домохозяина.

В общинах, где переделы осуществлялись периодически, от желающих получить свою долю земли в личную собственность требовалось подать заявление старосте. Тот выносил вопрос на

рассмотрение общего схода, который обязан был выделить соответствующий надел заявителю в короткие сроки. «Укрепленный» (полученный в личную собственность) участок земли крестьянин имел право продать, заложить в банке под кредит, прикупить к нему дополнительный участок.

Таким образом ноябрьский (1906 г.) указ царя создал социальные и правовые предпосылки для того, чтобы в российской деревне в массовых масштабах появилась новая фигура самостоятельного и ответственного хозяина на земле. От него ожидали заинтересованного подхода к повышению урожайности и доходности земли. Тем самым имелось в виду:

а) в области экономической — решить продовольственную проблему;

б) в области социальной — укрепить за счет деревни зашатавшиеся опоры самодержавия;

в) политической — подорвать влияние среди сельского населения оппозиционных партий, прежде всего эсеров и кадетов, перехватив у них популярный лозунг: землю — крестьянам.

Чтобы обеспечить достижение этих целей, правительству пришлось предпринять ряд радикальных мер и создать необходимые предпосылки для успешного осуществления реформы:

а) образовать крупный земельный фонд за счет изъятия из владения общины надельной земли, закупки через крестьянский банк большого числа помещичьих имений, а также части казенных и удельных угодий;

б) выделить крупные финансовые средства для активизации переселенческой политики;

в) отменить полностью с 1 января 1907 г. взимание с крестьян выкупных платежей за надельные земли, предусмотренные законом 1861 года (в 1906 г за бывшими помещичьими крепостными все еще оставалось долгов за землю на 1.1 млрд рублей. Сумма платежей, внесенных ими в счет выкупа своих наделов за 45 лет после реформы 1861 г., достигла к этому времени 1.5 млрд рублей. Кроме того государственные крестьяне выплатили в казну за тот же период более 1 миллиарда рублей);

г) оказать поддержку в создании и развитии разных форм кооперативов.

Об историческом значении столыпинских реформ в деревне, как и любого другого крупного социального мероприятия, можно обо-

сновано судить только по их реальным результатам.

Фактически реализация реформы началась с 1907 г., после издания указа 9 ноября 1906 г. и активно продолжалась до начала Первой мировой войны. В наиболее обобщенной форме ее развитие характеризует количество крестьянских хозяйств, получивших земельные наделы в личную собственность.

Кроме 2 млн. хозяйств, которые выделились из тех общин, где до реформы переделы земли проводились регулярно, 470 тыс. крестьянских семей получили «удостоверительные акты» на закрепление за ними полевых наделов, которыми они или их родители владели иногда ни одно десятилетие.

Образование самостоятельных крестьянских домохозяйств в Европейской части России [153]

	Домохозяйства, потребовавшие укрепления земли, тысяч	Домохозяйства, получившие наделы в личную собственность, тысяч
1907	211.9	48.3
1908	840.1	580.3
1909	649.9	579.4
1910	341.9	342.2
1911	242.3	145.6
1912	152.4	122.3
1913	160.3	134.5
1914	120.3	97.9
1915	36.5	29.9
Всего	2755.6	2008.4

Итак, реформа существенным образом изменила социально-экономический статус около 2.5 мил. сельских домохозяйств, получивших в собственность 16.9 млн. десятин земли. Если учесть, что в 1905 г. в 50 губерниях Европейской части площадь наделов в общинных землях составляла почти 88 млн. десятин, то в ходе реформы, говоря современным языком, было приватизировано всего 19.2 % общинных земель. На юге — больше, в северной полосе — меньше. Иными словами, столыпинская реформа не охватила основную массу крестьянства. Да и среди той четверти крестьян, которые «укрепили» свое право на землю, около половины, т.е. более миллиона домохозяйств, составляли люди, которые торопились

получить землю в собственность, чтобы поскорее продать ее и либо податься в город, где они имели или могли получить работу, либо отправиться в дальние края, где была возможность бесплатно приобрести большой участок и развернуть крупное хозяйство.

Другая особенность преобразований русской деревни состояла в том, что высокая волна активности крестьян по укреплению земли в их собственности наблюдалась всего три года: 1908-1910. На этот короткий период приходится 66.5 % поданных заявлений и 71.2 % всех выходов из общины. Затем этот процесс резко пошел на убыль

Еще одна задумка реформы — расколоть общину на конкурирующие кусочки также не удалась: только две трети новых хозяев стали переезжать на хутора. Этому были две главные причины: первая — вековая традиция русского крестьянина жить в деревне, рядом с соседом, в расчете на взаимовыручку в трудную минуту: в повседневной жизни всякое бывало... Оставаться в одиночестве на хуторе, отрезанном в многоснежную зиму от всего мира, было не только жутковато, но и опасно: случись что — помочь некому. И еще одно обстоятельство ограничивало число новоселий на хуторах, — чисто экономическое: чтобы перебраться на хутор всей семьей, перевести скотину, требовалось построить новую избу, хлев, амбар, баньку и другие помещения. Но для такого строительства надобны немалые деньги, которых у большинства крестьян просто не было. Верно, правительство обещало помочь. Но государственная казна после войны с Японией все еще оставалась пустой. Поэтому обещания о ссудах хуторянам, как чаще всего бывает в подобных случаях, выполнялись наполовину, а то и еще меньше. Вот и остались мужики со своими семьями в деревнях: это выходило дешевле, спокойнее, да и привычнее.

Другое стратегическое направление аграрной политики Петра Столыпина — переселение крестьян на целинные земли за Уралом и в Средней Азии. По инициативе правительства всем желающим в этих регионах выделялись большие участки плодородной земли. На расходы по общему обустройству новых мест, прокладку дорог, медицинское обслуживание и подобные нужды выделялись деньги из бюджета. При этом достигались две основные цели: практически расширялось пахотное поле страны и, во-вторых, смягчалась острота малоземелья в Европейских губерниях путем оттока части молодых крестьян, имевших желание самостоятельно трудиться на своей земле.

Из таблицы видно, что пик переселения совпадает во времени с периодом наиболее интенсивного выхода крестьян из общины: на 1907-1909 гг. приходится две трети всех переселенцев столыпинских реформ. И это закономерно. В новые регионы отправлялись, в основном молодые семьи, имевшие небольшие наделы. Они выходили из общины с собственной землей. Тут же ее продавали. К вырученным деньгам добавляли кредиты и отправлялись искать счастья за Уралом... Примерно каждая шестая семья не смогла адаптироваться к трудным и, даже, суровым условиям Сибири. Приходилось возвращаться к старикам. Но другие пять семей оставались. 2.5 миллиона человек освоились в новых условиях, создали артели и кооперативы, наладили рентабельное хозяйство. Отсюда пошел заметный поток масла и сыра, в том числе на экспорт. Практика показала, что вывозить зерно из Сибири слишком дорого. Выгоднее выращивать корма и перерабатывать их с помощью коров в молоко, а затем — в масло. За короткий срок здесь построили сотни маслобоен. До 90-95 % товарного масла вывозилось за границу, прежде всего, в Европу.

Переселение крестьян на новые земли,
тыс. человек[1 53]

Годы	Число переселенцев	Вернулись обратно	% вернувшихся
1906	141.3	6.2	4.4
1907	427.3	27.2	6.4
1908	664.8	37.9	5.7
1909	619.3	82.3	17.3
1910	316.2	114.9	36.3
1911	189.8	117.3	64.3
1912	201.0	57.3	28.5
1913	234.9	43.0	18.3
1914	241.9	27.6	11.4
Всего	3036.5	513.7	16.9

Таким образом, процесс реализации крестьянской реформы, начатый П. Столыпиным в 1906 г., сопровождался довольно обширными и глубокими переменами в жизни российской деревни. Однако, несмотря на хорошо продуманную стратегию и тактику, ее замысел удалось реализовать лишь частично, и эффект оказался ниже, чем думалось по началу.

Чтобы подтвердить такой вывод воспользуемся данными о движении урожайности ржи, пшеницы и картофеля — основных продуктов крестьянских хозяйств до и после реформы.

Урожайность зерна и картофеля в России[155]
(с 1911 г. по 47 Европейским губерниям), ц/десятина

	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Пшеница	6.0	6.2	7.5	8.8	7.9	4.8	7.0	9.5
Рожь	6.1	7.4	7.5	8.5	8.3	4.8	9.6	9.1
Картофель	69.6	74.8	75.5	81.2	71.2	74.2	80.4	75.3

Из таблицы видно, что наибольший прирост урожайности по всем трем продуктам дал 1909 год, благоприятный по погодным условиям. Затем вновь произошел спад. В 1911 г. из-за неурожая в нескольких районах появились признаки голода. Таким образом, главными факторами, влияющими на урожай, были не социальные перемены в деревне, хотя они сыграли свою роль, а количество выпавших осадков и теплых дней. Среднегодовой урожай в 1911-1915 годах по пшенице был на 10.2 % выше предыдущей пятилетки, по ржи — на 11.7 %, по картофелю — 10.7 %. Реформа ускорила, но не намного прирост урожайности, который проявился еще в конце прошлого - начале XX века. Дело в том, что сельское хозяйство в период столыпинских реформ в силу своей масштабности, с одной стороны, и структурной раздробленности, с другой, отличалось большой инертностью, своеобразной невосприимчивостью к нововведениям и переменам. Это касалось прежде всего его технологической и энергетической базы. В этом отношении весьма показательны следующие данные:

Поголовье лошадей на 100 десятин сельскохозяйственной земли

	Россия	Германия	Англия	Франция
1900	1	9	7	6
1905	2	9	7	6
1910	2	9	7	7

Цифры бесстрастно свидетельствуют, что на первом этапе начавшихся реформ в России каких-либо изменений в насыщенности

хозяйств лошадьми основной тягловой силы в сельском хозяйстве, не произошло, хотя страна уступала по данному важному показателю, характеризующему энерговооруженность крестьянского труда того времени, Германии, Англии и Франции более, чем в 3-4 раза.

Аналогичная ситуация складывалась и с развитием животноводства.

Численность крупного рогатого скота (а), овец (б) и свиней (в) на 100 десятин с.х. земли[1 57]

	Россия			Германия			Англия			Франция		
	а	б	в	а	б	в	а	б	в	а	б	в
1900	2	4	1	38	20	35	40	108	13	30	52	17
1905	2	5	1	39	16	38	41	101	13	33	45	18
1910	3	4	1	42	16	45	41	108	12	34	44	18

Россия за первое десятилетие XX века увеличила только поголовье коров, что обеспечило некоторое улучшение питания населения за счет молочных продуктов и расширение экспорта масла. Стадо овец и свиней за этот период не увеличилось. В это же время Германия, Англия и Франция в десятки раз более интенсивно использовали землю для увеличения ресурсов мяса, молока и шерсти. При этом Германия делала упор на развитие свиноводства, поскольку на килограмм свинины расходуется в 1.5-2 раза меньше кормов, чем на такое же количество говядины. Англичане традиционно увлекались овцеводством, Франция плавно наращивала стадо коров, при сохранении на стабильном уровне поголовья свиней.

В расчете на одинаковое количество жителей положение с развитием животноводства заметно выравнивалась за счет того, что Россия экстенсивно использовала значительно большие площади сельскохозяйственных земель.

Количество скота на 1000 жителей[1.57]

а - крупный рогатый скот, б - овцы, в - свиньи

	Россия			Германия			Англия			Франция		
	а	б	в	а	б	в	а	б	в	а	б	в
1900	33	53	11	36	17	30	28	76	9	37	52	17
1905	34	63	10	32	13	31	27	68	8	37	45	18
1910	31	48	8	33	12	32	26	70	18	37	44	1 8

Данные, приведенные в последних таблицах, отражают системное отставание российского сельского хозяйства от наиболее развитых стран Европы.

Низкая урожайность: сам 4, сам 5, типичная для большинства крестьянских хозяйств, не только прямой результат, но и причина истощения земли и оскудения деревни. Намолоченного зерна не всегда хватало, чтобы прокормить семью, выплатить все налоги и другие платежи. Зимой скотине доставалась, в основном, солома, веники. Сена было меньше, чем в обрез. Малоземельные крестьяне держали минимальное количество коров и овец. Примерно каждый третий-четвертый хозяин вообще не мог прокормить, а значит и держать лошадь. Еще одна треть имела маленькую, слабенькую лошаденку, которую более или менее нормально кормить начинали лишь перед весенним севом. А раз мало скота и лошадей — не хватает и навоза, т.е. единственного удобрения для истощенных крестьянских полос.

Минеральные удобрения в ту пору только-только появились. Во многих селах о них вообще еще не слыхали. А земля нуждалась в питании: в трехпольной системе пашня отдыхала один год. Но пассивный перерыв в ее обороте не мог полностью восстановить отданного людям здоровья. Образовался замкнутый круг: низкая урожайность — мало кормов. Это, в свою очередь ограничивало поголовье скота. Значит недостаточно и навоза — главной подкормки продуктивного поля. Круг начинается снова. Разорвать его П.А. Столыпитну так и не удалось.

Трудности в проведении новой крестьянской реформы, ее медленные темпы и относительно невысокие результаты можно объяснить тремя главными причинами: первая — недооценка силы инерции деревни. Речь не идет о каком-то особом консерватизме крестьянства, хотя его нельзя совсем сбрасывать со счетов. Дело в том, что, как крупный корабль нуждается в большом радиусе для разворота, так и община, сложившаяся веками, создававшая определенные преимущества для крестьянина, обеспечивая, прежде всего, устойчивость условий его жизнедеятельности, могла перестроиться только эволюционно, т.е. поэтапно.

Вторая — для осуществления реформы не хватило такого важного ресурса, как время. Ее авторы рассчитывали, что для становления индивидуальных крестьянских хозяйств, как завершенной социально—экономической системы, потребуется примерно 20 лет.

Фактически судьба отпустила им только одно пятилетие. Убийство Столыпина 1 сентября 1911 г. по существу сорвало реформу. Характерно, что именно с этой даты начался резкий спад выхода крестьян из общины и переселения во вновь осваиваемые регионы. Третья причина — недостаток денежных средств у государства дли активной финансовой поддержки процессов обновления деревни, без чего не обходится ни одно серьезное социальное преобразование.

Общий вывод состоит в том, что Россия, начав еще в 1861 г. радикальную крестьянскую реформу, в 1907 г. попыталась продолжить и дополнить ее земельным переделом, чтобы создать в деревне новый активный элемент — класс частных собственников. Однако, этот процесс был прерван в самом начале. В результате страна вступила в XX век — век индустриализации с очень опасным, ставшим для нее хроническим, недугом — острейшей продовольственной проблемой.

За вычетом семян и экспорта хлеба в России оставалось на потребление, в расчете на душу населения примерно 300 кг зерна в год, в то время как в Германии — 460 кг. Выступая на V —ом съезде уполномоченных дворянских обществ, их идеолог В. Гурко с горечью отметил: «Наш хлебный вывоз происходит не от достатка, а от нужды, за счет питания населения... Наш народ, как всем известно, вынужденный вегетарианец, т.е. мяса почти никогда не видит» [158].

Именно сельское хозяйство оказалось меньше всего подготовленным к мировой войне, и именно на продовольственном участке произошел наиболее опасный прорыв — возникли серьезные перебои в снабжении городов и армии хлебом. Это, в свою очередь послужило сильным толчком к массовым волнениям, а затем и выступлениям против самодержавия.

1.4. Кооперация — новая форма организации крестьян

Известно, что один человек не может поднять тяжелое бревно, а организованная группа из 4-6 человек сделает это относительно легко. Было бы разорительно и неумно, если в деревне, находящейся на берегу реки, каждый из домохозяев взялся строить для себя мост на другую сторону в одиночку. Вряд ли найдется банк, который предоставит кредит одинокому крестьянину-середняку: слишком велик риск не возврата денег. А кредитная кооперация крестьян, связанных круговой порукой, такой кредит получит, возможно

даже на выгодных условиях.

Не случайно во многих ситуациях проявляется тенденция к объединению сил и средств таким образом, чтобы один + один давали в сумме за счет нового качества, больше, чем простое арифметическое два. Истоки такой тенденции теряются в веках, когда люди сообща охотились на крупного зверя, прокладывали дороги, рыли колодцы, строили дома и оборонительные сооружения...

Функции и формы кооперации весьма разнообразны в зависимости от назначения и условий, в которых она действует. Чаще всего на рубеже двух столетий встречались три ее вида: производственная артель, снабженческо-сбытовые (потребительские) товарищества и кредитные (ссудо-сберегательные) кооперативы. Для всех них характерна одна главная черта — достаточно высокая эффективность коллективных действий и средств, объединенных для достижения общих целей. За счет справедливого распределения полученного эффекта удавалось в той или иной степени разрешить весьма трудную задачу: согласовать и соединить интересы отдельных личностей с интересами коллективными. Это и позволяло получить дополнительный позитивный результат.

В литературе родоначальником кооперативного движения обычно называют Роберта Оуэна — английского промышленника, хорошо знавшего насущные потребности и интересы трудовых людей. Чтобы помочь им, он предложил создать кооператив потребителей. Такая организация могла покупать для своих участников крупные партии продовольствия и других товаров на выгодных условиях. Устранялся излишний посредник. Снижались торговые издержки. Экономически выигрывали потребители. В 40—х годах X1X столетия группа рабочих—ткачей из небольшого английского городка Рочдела, последовав рекомендациям Оуэна, создала первое потребительское общество. В своей успешной деятельности оно опиралось на следующие три исходных положения.

Первое — продажные цены были близки к розничным. Тем самым общество получало солидную прибыль, часть которой использовалась для развития кооператива и увеличение оборотных средств. Другая — делилась между членами кооператива.

Второе — распределение прибыли осуществлялось не по паям, а по «забору», т.е. по суммарной стоимости товаров, купленных в лавке в течение года.

Третье — продажа товаров в кредит не разрешалась, чтобы не

создавать трудностей с оборотными средствами и не нарушать реальное равенство членов кооператива[159].

В 60-х годах того же столетия в Германии волостной староста Райфайзен, стремясь ослабить зависимость крестьян от местных ростовщиков, выступил с инициативой создания кредитных кооперативов в деревне. Это движение быстро получило широкое распространение, а сами кооперативы — универсальный характер. Наряду с кредитными операциями они стали заниматься и снабженческо—сбытовой деятельностью. Практика показала высокую действенность пяти правил, заложенных в основу их функционирования:

- круговая ответственность членов кооператива всем своим имуществом за принятые финансовые обязательства;
- использование кредита только на производственные цели, с учетом определенных сроков их окупаемости;
- выдача ссуд лишь членам товарищества;
- ограниченный район деятельности кооператива с тем, чтобы его члены знали друг друга, а круговая ответственность не была безликой;
- признание работы в правлении почетной, а потому — бесплатной[160].

Примерно в этот же период, т.е. в 60-х годах прошлого века, начался новый этап развития кооперации в России. Как уже отмечалось, к этому времени был уже накоплен собственный многовековой опыт разного рода производственных товариществ. Так, еще в XIII веке среди северных поморов основной формой организации их охоты на тюленей и других животных была артель (ватага), состоявшая сначала из 6-8 человек, которые сообща строили или покупали судно, паруса, снасти. Добыча также делилась поровну. В XVII веке артели и суда стали крупнее. Соответственно возросли и расходы на оснащение экспедиций в районы Новой Земли. Все чаще подготовку и финансирование таких дальних промысловых походов брали на себя монастыри или купцы. И это не удивительно, поскольку в основу ведения монастырского хозяйства также были заложены принципы кооперации. Верно и то, что в таких артелях 50-60 % добычи доставалась тем, кто организовывал и оснащал экспедицию.

Во времена Петра I офицеры некоторых полков создавали своеобразные кассы взаимопомощи, через которые поддерживали сослуживцев, оказавшихся в трудном положении. Подобные примеры

встречались и среди купечества. В начале XIX века были учреждены мирские кассы для освободившихся от крепостной зависимости крестьян Прибалтийских губерний, в 1840 г. — вспомогательные и сберегательные кассы для государственных крестьян. Эти и другие примеры свидетельствуют о том, что потребность в сотрудничестве и взаимопомощи ощущалась давно среди всех слоев населения России. На протяжении многих десятилетий шел неторопливый, можно сказать, осторожный поиск конкретных путей и форм решения этой задачи. К сожалению, община, казалось бы самой судьбой созданная для выполнения функции кооперации, не могла выполнить такой роли в условиях крепостного гнета. В этом отношении показательна эволюция взглядов Н. Чернышевского на общину. Если в молодости он считал, что «община — это такое благо, которому могут позавидовать и опередившие нас в развитии народы», то спустя несколько лет он круто изменил свою позицию: «Мне совестно вспомнить о той самоуверенности, с которой поднял вопрос об общинном владении. Этим делом я стал безрассуден, скажу прямо, глуп в своих собственных глазах»[161].

Более перспективной формой, способствующей развитию энергии (производительности) труда, он считал товарищество, в разных его формах. Эту позицию Чернышевский изложил в известном романе «Что делать?», где конкретно рассматриваются возможные варианты создания производственной, сбытовой и ссудо-сберегательной кооперации. При этом он, в отличии от западных идеологов, смело обнажил главный нерв, который обеспечивает успех или, наоборот, провал товарищества, — противоречивость взаимодействия личных и групповых (коллективных) интересов. Чернышевский считал человека не только существом социальным, но и продуктом природы, с его инстинктами самосохранения, развития и обогащения. Он понимал, что именно личный интерес (эгоизм) в первую очередь и в наибольшей степени предопределяет поведение и действия индивидуума. Но, поскольку человек живет и действует среди других людей с такими же качествами, он вынужден и должен считаться с ними, согласовывать свои жизненные установки и поступки с их интересами. Отсюда нормой является разумный, т.е. ограниченный сознанием и нравственными правилами эгоизм.

Товарищества выступают в таких условиях одной из социально-экономических структур, координирующих и объединяющих интересы личные с коллективными и общественными. Ошибка многих

кооператоров состояла в том, что они полагали разрешить эту сложную задачу только с помощью разума и морали, опираясь на соответствующую систему просвещения и воспитания. Н. Чернышевский показывает, что исходной предпосылкой сложения противоречивых интересов в единый вектор, направленный на достижение общей цели, выступает тот дополнительный полезный результат — экономическая выгода для всех, которую создает система кооперации. Но, здесь таится другая опасность — перегиб в сторону эгоизма, когда группа наиболее энергичных, нахальных и достаточно способных людей, захватывает руководство организацией, присваивает себе полученную прибыль, постепенно превращая кооператив в обычную коммерческую компанию.

Аграрная реформа 1861 г. послужила достаточно сильным стимулом для начала нового этапа в развитии кооперативного движения в России. Во-первых, ликвидация бесплатного крепостного труда вызвала увеличение денежных издержек сельскохозяйственного производства, а следовательно, и повышение цен на основные продукты питания. Чтобы противостоять этой тенденции, зажиточные слои горожан стали организовывать потребительские кооперативы (лавки). Во-вторых, проблема денег вышла на первый план во многих крестьянских хозяйствах в связи с необходимостью выкупать наделы, вносить в казну подати и покупать промышленные товары, которые во все большем ассортименте стали появляться на деревенских рынках. В-третьих, некоторые помещики и зажиточные крестьяне стали налаживать у себя переработку молока на масло и сыры. Наибольшие результаты получали те, кто объединялся в производственные кооперативы.

Число зарегистрированных кооперативов в конце XIX века[162]

Десятилетия	Потребительские	Кредитные	Сельскохозяйственные
1866-1875	90	624	-
1876-1885	83	751	-
1886-1895	317	150	7
1896-1900	1312	1431	76

Следует отметить, что поначалу кооперативы создавались в основном по инициативе дворянства, земств и, реже, монастырей. Так, в период деятельности П. Столыпина как предводителя дворянства в Прибалтике «любимым его детищем было сельскохозяй-

ственное общество, на устройство которого он положил много времени и сил, и работа которого вполне оправдала его надежды. Был при нем склад сельскохозяйственных орудий, устройство которого особенно увлекало папа»[163].

Первыми основателями сельских кредитных товариществ были помещики Костромской губернии братья Лагутины, Святослав и Владимир. Они учились в Германии и были знакомы с деятельностью кооперативов Райфайзен. Осенью 1865 года в селе Рождественском состоялось открытие такого кооператива, учредителями которого выступали 21 человек: священник, 7 служащих из имения Лагутиных, 12 крестьян и один унтер-офицер. Отец братьев выделил 1000 рублей заимообразно: члены товарищества обязались вносить паевые по 15 копеек в месяц. По началу дело шло со скрипом. Паи и взятые ссуды вносились с опозданием. Пришлось даже прибегать к помощи местных властей для взыскания просроченных ссуд. При этом было зафиксировано три случая продажи имущества у неплательщиков. Тем не менее число членов товарищества за год возросло до 138. Крестьяне вступали в кооператив, хотя и опасались, что это какой-то хитрый маневр помещиков, чтобы поправить свои расшатанные финансы. Но, деньги крестьянам в кредит давали. Они с опаской их брали, не торопились однако с возвращением ссуд и задерживали паевые взносы. Несмотря на трудности первый год окончили с прибылью в 210 рублей. Взяли еще 1460 рублей в кредит из расчета 6 % годовых. Недоверие постепенно развеялось. К концу второго года кооператоры согласились оставить 201 рублей прибыли на увеличение основного капитала. Дело пошло успешно[164].

Новой формой **производственных кооперативов** стали сыроваренные артели. Первая из них была создана в 1866 г. в Тверской губернии. Ее инициатором выступил бывший морской офицер Н. Верещагин. Он специально поехал в Швейцарию, чтобы изучить технологию производства сыра. Там же он познакомился с кооперативной организацией коллективного труда. По возвращению в Россию бывалый моряк предложил местным крестьянам образовать артель по производству сыров, но сначала не встретил поддержки. Тогда он сам, с женой и родственницей, наладил небольшое производство, закупая для переработки молоко у местных крестьян. Убедившись на конкретном примере, что это стоящее дело, некоторые из крестьян решили «рискнуть» и вступили в это семейное заведе-

ние. Вольное экономическое общество выделило для них небольшую денежную субсидию. Всего в артель входило 22 домохозяина, в том числе, один помещик.

Через пять лет в Тверской, Ярославской, Новгородской и Вятской губерниях, при поддержке земств действовало уже 25 сыроваренных артелей.

Поучительна история создания и развития артельного сыроварения, зародившегося в Копринской волости Ярославской губернии в конце 60-х годов. Вокруг Коприно по берегам Волги были богатые заливные луга, т.е. емкая кормовая база для разведения коров. Однако местный спрос на молоко был весьма ограниченным, а вывозить его на дальние рынки по транспортным условиям не представлялось возможным. Тогда и родилась идея наладить здесь кооперативное производство сыра и продавать его почти по всей территории России и даже за границей. Крестьяне согласились поставлять молоко для переработки в сыр в течение года бесплатно, в качестве паевых взносов. Рыбинский купец Бушнов построил сыроварню и передал ее крестьянской артели в долг с начислением 6 % годовых. На таких же условиях его уроженец Шатаев взялся построить артельную сыроварню в селе Коприно.

Взаимное доверие, честность и ответственное отношение к общим интересам послужили моральной основой успеха кооператива. Новое дело быстро расширялось, причем не только в производственном и коммерческом направлениях. Особое внимания с самого начала обращалось на повышение квалификации работников и общей культуры населения. Пятерых юношей, среди них двух Александров, Чикина и Шатаева, направили осваивать основы молочного производства и коммерции в специальные учебные заведения. Все они не остались в долгу перед односельчанами. Окончив учебу и создав собственные фирмы, они построили две школы в волости, где готовились кадры будущих мастеров сыроварения.

Кооперация тесно переплеталась с предприимчивостью и коммерцией. Так, спустя несколько лет в молочной фирме А.Чикина было занято свыше 3000 человек. Фирма имела 91 молочный магазин только в Москве, семь — в Одессе, пять — в Тбилиси, три — в Харькове и во многих других городах России.

А. Шатаев, переселившись в Сибирь, создал там шесть маслодельных артелей с собственными заводами. Он неоднократно выезжал в Англию, где создал систему по сбыту сибирского масла.

Коприно стало заметным культурным центром Верхнего Поволжья. Здесь действовало несколько школ, в том числе, специальная по молочному делу, построена двухэтажная больница, богадельня для престарелых. Открыт Народный театр. Не случайно один из местных жителей стал академиком, другой — мастером сыроварения, Героем социалистического труда, третий — солистом Мариинского театра в Петербурге. А все начиналось с создания сыроваренной артели...

80-ые и 90-ые годы прошлого столетия стали трудным периодом для развития кооперативного движения, особенно, для ссудо-сберегательных товариществ. Причин было несколько, но главная из них — оскудение деревни, что нашло свое выражение и в увеличении числа невозвращенных и просроченных ссуд. Отсутствие денег в кассе товарищества стало слишком частым явлением. Его существование теряло смысл. Ежегодно ликвидировался каждый пятый кредитный кооператив. Вновь создавалось все меньше и меньше, особенно после того, как в 1882 г. начал действовать поземельный крестьянский банк.

Понять более конкретные причины кризиса ссудо-сберегательных товариществ помогает следующая таблица, составленная на основе данных анкетных обследований:

Социальный состав кредитных кооперативов [165]

	в % к общему числу членов	
	1872	1875
Зажиточные	20	23
Среднего достатка	57	55
Бедные	23	22

Как следует из этих данных, к числу богатых можно отнести лишь каждого четвертого-пятого члена кооператива. Однако, финансовое состояние общего дела вызывало у них тревогу, тем более, что богатые были связаны общей круговой порукой со всеми другими. Логично, что представители этой прослойки крестьянства все чаще и чаще стали выходить из числа членов товарищества.

Более половины кредитных кооперативов составляли середняки. Но именно эта часть крестьянства в наибольшей степени «оскудела» в послереформенный период. Они же набрали такой объем ссуд, что были не в состоянии их вернуть. Чувствовали и понимали,

что оказались в тупике, и не видели никакого выхода.

Бедная прослойка кооператоров находилась еще в более трудном положении, так как кроме просроченной задолженности по ссудам, они по существу ничего не имели. Стоит отметить, что бедных, как правило, не принимали в члены ссудо-сберегательных товариществ. Многие из них, из числа середняков, опустились на ступеньку вниз.

Несколько лучше было положение в потребительских обществах. В конце столетия наиболее динамично развивались фабрично-заводские и железнодорожные потребительские кооперативы, членами которых были, в основном, рабочие и мастеровые. В результате их доля в общей массе кооператоров достигла почти половины — 79 тыс человек. Другие две крупные группы членов потребительских обществ составляли: горожане — 34.6 тыс. и офицеры — 34.5 тыс[1.66].

На заводах и фабриках потребительские общества создавались чаще всего по инициативе руководства предприятий, среди офицеров — по распоряжению начальства. Это не гарантировало от злоупотреблений, особенно в фабрично-заводских кооперативах, в том числе от завышения цен и низкого качества продуктов. Но в большинстве случаев потребительские общества способствовали улучшению питания рабочих и служащих.

Новый, при том весьма динамичный подъем в развитии кооперации отмечался в начале XX столетия.

Общее число кооперативов в России[1 67]

в тысячах на 1 января соответствующего года

	1901-1902	1913	1917
Кредитные кооперативы	0.8	10.6	16.1
Потребительские общества	0.6	7.3	20.0
Сельскохозяйственные общества	0.14	4.0	6.0
Маслодельные артели	0.05	2.6	3.0

Общее число всех кооперативов в 1913 г. составило более 25 тысяч, к 1917 г. оно возросло до 47.2 тысяч. Показательно, что и в годы Первой мировой войны количество кооперативов, особенно потребительских обществ, увеличивалось очень высокими темпами. Численность кооператоров в начале 1917 г. Туган-Барановский оценивал примерно в 14 миллионов человек. Вместе с семьями это

составляло 84 миллиона, т.е. несколько более половины всего населения страны[1.68].

За первые 13 лет нынешнего столетия количество **кредитных кооперативов** выросло более, чем в 12 раз. Среди них преобладали два вида: ссудо-сберегательные и кредитные товарищества. Первые представляли собой кооперативы, создаваемые на основе паевых взносов, что было доступно, главным образом, зажиточным слоям деревни. Вторые были созданы в соответствии с Положением о мелком кредите 1895 года за счет ссуд Государственного банка, что открыло доступ к кредиту и для мало обеспеченных крестьянских семей. Поэтому второй вид кредитных учреждений развивался особенно быстро. При этом Государственный банк регламентировал и контролировал выдачу и возврат ссуд. В 1904 г. при Государственном контроле дополнительно было создано специальное управление по делам мелкого кредита, которое имело право проводить периодические ревизии кредитных товариществ. Однако, на это управление были возложены функции не только контроля, но и оказания содействия при создании и деятельности этих кредитных учреждений для крестьян. С целью их поддержки из государственных средств были выделены десятки миллионов рублей. Кроме того, кредитные товарищества сами собирали и привлекали значительные средства со стороны.

Структура пассивов кредитных товариществ[1 69]
на 1 января 1916 г., млн. рублей

Собственные средства	129
Вклады и займы у частных лиц	558
Займы из государственных средств	95.5

Как отмечал М. Туган-Барановский, поддержав развитие кредитных товариществ, «государство, несомненно, достигло своей цели — создать в русской деревне доступный крестьянину мелкий кредит»[1 70]. При этом, если в ссудо-сберегательных товариществах средняя ставка за кредит составляла 11 %, то в кредитных — только 9 % (1913 г.).

Важное значение имел и тот факт, что кредитная кооперация находилась вне прямого влияния помещиков, о чем косвенно свидетельствует состав ее руководящих органов.

Образование руководящего состава кредитных кооперативов[171]

в %

	Высшее	Среднее	Начальное	Неграмотные
Правление	2.7	11.2	85.5	0.7
Совет	4.2	10.5	83.5	1.8

На долю лиц с высшим и среднем образованием, куда входили учителя, священники, врачи, другие представители интеллигенции, а также помещики приходилось менее 14 % членов правления и совета. Основной состав кредитных товариществ составляли средние слои крестьянства.

Численность деревенской **потребительской кооперации** в начале нынешнего столетия росла почти такими же темпами, как и кредитных товариществ. На 1 января 1917 г. в России насчитывалось 20 тыс. потребительских обществ, из которых около 15 тыс. было создано сельским населением. По этому показателю Россия занимала первое место в мире. Главную причину такого развития М. Туган-Барановский видел в том, что в русской деревне практически отсутствовали современные формы торговли. «Деревенский лавочник, занимает у нас монопольное положение и, пользуясь этим, повышает цены своих товаров до чудовищных размеров... Устройство в деревне потребительского общества обычно приводило к очень значительному понижению цен»[172].

Заметную роль в повышении культурно—технического уровня крестьянских хозяйств в начале XX века сыграли **сельскохозяйственные общества,** число которых накануне февральской революции вплотную приблизилось к 6 тысячам. Их отличительная особенность — отсутствие паевого капитала. В этом отношении они больше были похожи на благотворительные учреждения, создаваемые на крупные пожертвования меценатов и увлеченных людей. По выполняемым функциям такие общества можно объединить в две группы. Деятельность первой группы носила преимущественно *культурно-просветительный характер.* Они пропагандировали последние достижения агронауки и техники, устраивали выставки, где демонстрировались эффективные методы работы и организации лучших хозяйств и др. Ко второй группе относилось наибольшее число некрупных, если можно так выразиться, «местных» сельскохозяйственных обществ, которые стояли ближе к текущим нуждам крестьян. Они выполняли, в основном, снабженческо-сбытовые фун-

кции: приобретали для своих членов семена, удобрения, сельскохозяйственные орудия и инвентарь, другие предметы преимущественно производственного назначения. Кроме того, такие общества содержали породистых производителей (быка, кабана). Некоторые имели небольшой парк сельскохозяйственных машин, которые за особую плату крестьяне могли взять на прокат во время сева и уборки урожая. Иногда такие кооперативы выступали организаторами по сбыту крупных партий зерна и других продуктов на более выгодных условиях, чем это делали отдельные домохозяева. Слабой стороной деятельности таких сельскохозяйственных обществ выступала ограниченность собственных оборотных средств.

В этом отношении в более благоприятном положении находились **сельскохозяйственные товарищества,** количество которых в начале 1917 года достигло 1650. Они создавались зажиточной частью крестьянства на базе паевых взносов, опираясь на которые могли более успешно выполнять многие хозяйственные функции: закупать нужные крестьянам товары, осуществлять первичную переработку сельскохозяйственных продуктов, реализовать товарную часть урожая. Например, такие товарищества построили значительное число зернохранилищ и небольших элеваторов, что позволяло хранить хлеб до времени, когда его можно продать на более выгодных условиях. В таких делах они тесно сотрудничали с кредитными кооперативами, занимая у них деньги, пока приходилось «придерживать» зерно.

Среди **производственных кооперативов** особое место в начале XX века занимали *маслодельные артели.* Дело в том, что развитие сыроваренных кооперативов, бурно начавшееся в конце 60-х годов, натолкнулось на трудности двоякого рода: во-первых, сварить высококачественный сыр — это искусство, требующее определенного таланта. Им обладал не каждый, кто брался получить сыр из молока. Во-вторых, этот деликатесный продукт в то время еще только начал входить в моду среди средних слоев. Спрос на него был относительно невелик. По другому складывалась конъюнктура с маслом. Производить его проще, чем сыр, а спрос — шире и устойчивее. Поэтому сыроваренные артели, в отличие от маслоделательных, не получили массового распространения.

В начале XX века, после переселения нескольких миллионов молодых и предприимчивых крестьян в Западную Сибирь, там в широких масштабах началось развитие кооперативов по производ-

ству масла. Это стало одним из главных направлений специализации сельского хозяйства данного региона. Постройка Транс-Сибирской магистрали обеспечила интенсивный вывоз ценного продукта не только в Европейскую часть страны, но и за границу.

До XX в почти все маслозаводы за Уралом принадлежали частным лицам. Только после Столыпинской реформы положение круто изменилось в связи с притоком нескольких миллионов переселенцев: было создано свыше 1000 артельных предприятий.

Количество маслодельных заводов в Томской и Тобольской губерниях[1 73]

	1896	1900	1905	1910
Все заводы	29	1022	1943	3109
в т.ч: артельные	5	32	60	1337
в %	17	3	18	43

Одна из особенностей сибирских маслодельных артелей состояла в том, что они сочетали производственные, сбытовые и снабженческие функции. Развитие специализированных торговых предприятий отставало здесь от роста населения. Поэтому производственным артелям пришлось взять на себя заботы по снабжению переселенцев производственным инвентарем и предметами первой необходимости. При этом они часто предоставляли своим постоянным поставщикам молока товары в кредит. Тем самым маслодельные артели экономически крепко привязывали местных крестьян к себе, расширяя одновременно свою сырьевую базу.

Такая форма кооперации, хотя и в меньших размерах, была развита и в Вологодской, Ярославской, Московской и других губерниях, где издавна занимались интенсивным развитием молочного животноводства.

Стоит отметить, что развитие кооперативного движения в России уже в начале XX столетия вышло за местные рамки, слившись в достаточно сильные союзы. Среди них заметно выделялись: Московский союз потребительских обществ, объединявший как крестьянских, так и городских пайщиков, Московский народный банк и Сибирский союз маслодельных артелей. Хозяйственная практика доказала высокую эффективность и гибкость кооперации сил, средств и труда. Однако, были и исключения. Не везде и дале-

ко не всегда удавалось гармонично согласовать интересы отдельного, чаще всего зажиточного крестьянина, с интересами коллективными. Эгоизм личности нередко брал верх. Мало желающих было *работать* в правлении или *выполнять его поручения* на общественных началах, без дополнительной оплаты. С другой стороны, наиболее энергичные члены правления, поработав какое-то время, набравшись опыта и денег, выходили из кооператива и создавали свое собственное частное дело или, вместе с командой единомышленников, постепенно трансформировали кооператив в коммерческую фирму под своим частичным или полным контролем.

Это еще раз подтверждает старую истину: во всяком деле есть свои издержки. Вопрос только в их мере.

Глава 2
Формирование общенационального рынка

2.1. От меновых торжков к товарным и фондовым биржам

Рынок — это сложная и противоречивая структура в народном хозяйстве, с помощью которой происходит стихийное движение и обмен товаров. Он необходим, поскольку рыночная конкуренция стимулирует улучшение качества, расширение ассортимента и, главное, повышение производительности и снижение издержек. Товаропроизводители, которые не удовлетворяют этим требованиям, должны перестраиваться. В противном случае — они терпят убытки и разоряются. Вместе с тем рынок — удобная среда для спекуляций, где одни «законно» обогащаются, а другие подвергаются безнаказанным грабежам, прикрытым рекламными улыбками и красивыми обещаниями.

Позитивные качества рынка выступают как результат общественного разделения труда и соперничества производителей товаров за устойчивый платежеспособный спрос на свою продукцию. Его основная функция — реализация товаров, т.е. доведение их до потребителя. При этом широко используются два весьма острых инструмента с капризным характером: деньги и цены. Упрощенная схема рыночных отношений выглядит следующим образом:

Т* - Ц* - Д - Ц - Т****,

где: **Т*** и **Т**** — два разных товара,
Ц* и **Ц**** — цены первого и второго товара,
Д — деньги (металлические, меховые, бумажные или др.)

В этой формуле объединены две рыночные операции: продажа одного товара и покупка другого. Причем, прежде чем товар попадает к потребителю, его денежная форма (цена) может меняться несколько раз, обычно, в сторону повышения. Деньги приобретают самостоятельное значение товара особого рода, способного приносить дополнительный доход. Все это предельно усложняет развернутую схему рынка. Кроме того, чтобы попасть от производителя к потребителю, товар перемещается по территории, иногда на значительные расстояния. Для выполнения таких функций рынок имеет разветвленную инфраструктуру: транспорт, средства связи и информации, складские помещения и т.п.

Понятно, что такой сложный и масштабный механизм не может быть создан в короткое время и на пустом месте. На территории России он формировался, вместе с развитием межхозяйственных связей, на протяжении более тысячелетия, последовательно переходя от одной стадии зрелости к другой, более высокой. При этом главными были два направления: налаживание и расширение внешнеторговых связей и второе — обмен на месте своих продуктов на другие, которых не хватало в хозяйстве.

Обычно поздней осенью, как только замерзали болота и устанавливался санный путь, сотни купцов и старших воинов князя покидали Киев, Смоленск, Новгород, Чернигов, другие города и отправлялись в глубинку, собирать дань и скупать пушнину, мед, воск, кожи, льняные ткани, ремесленные изделия, особенно из дерева, другие товары. Накопив достаточный объем рыночных ценностей, их свозили на санях в крупные поселения по берегам Днепра, а весной по полой воде спускали вниз до Киева. Здесь к этому времени уже были готовы десятки судов, на которых князь с дружиной, а также городские купцы отправлялись в трудное и опасное плаванье вниз, до Черного моря, а затем вдоль берегов до Византии. На заморских рынках они разворачивали торговлю привезенными товарами и закупали шелк, кружева, изделия из золота и серебра, оружие, кальчуги, виноградное вино, мыло, губки, другие товары. Местные власти были заинтересованы в такой деятельности гостей из Киевской Руси, старались со своей стороны помочь им, предосталяя ряд важных услуг и существенных льгот. Обычно взаимовыгодная купля—продажа продолжалась несколько месяцев и лишь осенью купцы возвращались домой с тем, чтобы вскоре начать новый цикл... Участниками таких относительно зрелых товарно—денежных отношений выступала узкая про-

слойка наиболее богатых людей, которые осваивали азы профессиональной торговли. Их доля среди всего населения не составляла и одного процента.

Вторая форма становления рынка — значительно более широкая: меновая торговля среди населения на местных торжках, которые спонтанно разворачивались по религиозным праздникам на площадке, недалеко от церкви, куда стекался народ со всей округи. Здесь, *без посредников*, обменивались своей продукцией крестьяне и горожане, среди которых было немало ремесленников. Первоначально они работали по заказам-просьбам соседей, но постепенно, с выгодой для себя,стали, увеличивать долю продуктов, изготовленных специально для реализации на рынке, а также для оптовых покупателей.

На местных торжках наиболее ходовыми товарами выступали: рожь, овес, домашняя птица, яйца, рыба, мясо свежее и солонина, дичь, мед, летом и осенью овощи, ягоды, орехи и другие продукты, а также кустарные изделия из металла, дерева, кожи, тканей, глины. Чаще всего происходил прямой продуктообмен.

На тех рынках, которые имели какие-либо преимущества по месторасположению, безопасности, благоустройству быстро увеличивался оборот и расширялись границы хозяйственных связей. Постепенно они превращались в средние или даже крупные центры не только розничной, но и оптовой торговли. Сюда приезжали купцы из Киева, закупая солидные партии мехов, меда, других товаров для торговли с Византией, торговцы солью с севера Руси, из Галича, Перемышля. Все чаще наведывались гости с заморскими товарами.

Качественный скачок в развитии внутренней торговли произошел в XVI-XVII веках, когда она стала опережать приросты внешнеторгового оборота. Такому ускорению способствовал ряд факторов:

а) укрепление Московского государства, обеспечивавшего необходимый порядок в торговых делах и безопасность для тех, кто ими занимался;

б) создание устойчивой денежной системы, в основу которой была положена серебряная деньга, собственной чеканки;

в) углубление разделения труда среди работающего населения, что сопровождалось расширением товарной части среди всей производимой продукции до 15-20 %;

г) образование особой прослойки среди городского населения — купечества, которое на протяжении всей своей жизни профессио-

нально занималось куплей-продажей товаров. Это было связано с риском, но и приносило высокую прибыль.

В XVIII веке внутренний рынок России продолжал наращивать свой товарооборот, хотя и умеренными темпами. Главной причиной торможения выступала крепостная система: подавляющее число помещиков выдвигало на первый план задачу максимально полного самообеспечения потребностей за счет собственного натурального хозяйства — пусть будет дороже, но свое. Только после ликвидации устаревшего крепостного строя наблюдается прирост скорости в динамике рыночного оборота. Переломный момент хорошо виден на данных таблицы, составленной известным статистиком Г.С. Струмилиным на основе собственных исследований и обобщения материалов других авторов.

Динамика внутреннего торгового оборота в России[21]

в млн. рублей

	1724	1749	1888	1913
Торговый оборот:				
в текущих ценах	17.0	27.9	2616	7640
в ценах 1913 г.	170	232	3640	7640
в % к 1724 г.	100	136	2141	4494
То же на душу населения:				
в ценах 1913 г.	12.1	14.1	31.4	44.2
в % к 1724 г.	100	117	260	365

При построении этого динамического ряда С. Струмилин сделал существенную корректировку данных за 1888 и 1913 гг., уменьшив их первоначальное значение более, чем на одну треть. (Полный показатель оборота за 1888 г. составил более 4 млрд. рублей и за 1913 г. около 12).Тем самым, как считал Струмилин, показатели внутреннего товарооборота за весь период получались более сопоставимыми, поскольку в XVIII веке они включали в себя только объемы товаров, обложенных таможенными пошлинами, т.е. они по существу отражали только оптовый оборот. Поэтому данную таблицу следует использовать,прежде,всего для характеристики динамики физического объема товарооборота в указанный период.

Ценность построенных С. Струмилиным рядов состоит в том, что они позволяют проследить за реальной траекторией движения внутренней торговли на протяжении почти двух столетий. За этот

период она увеличилась в 45 раз, в том числе в расчете на душу населения — в 3.7 раза.

Однако, несмотря на многократный рост товарооборота к началу XX века рынок в России еще не достиг зрелых форм. С. Витте аргументировал это с количественной стороны следующим образом: если в 1896 г. объем внутри торгового оборота в России возрос примерно до 10 млрд. рублей, то во Франции он составлял в то же время свыше 20 млрд. руб., а в Англии и Германии — еще больше[22]. Несомненно, министр финансов располагал достоверными материалами для обоснования таких цифр.

С. Струмилин дополняет характеристику развития рыночных отношений с качественной стороны. Из его расчетов следует, что доля товарной продукции, реализуемой через рынок в 1724 г. составляла 26-35 % общего объема производства. В 1913 г. эта доля расширилась до половины валовой продукции, в том числе в сельском хозяйстве — до 36 %[23]. При том, что удельный вес сельскохозяйственных продуктов в рыночной торговле все еще составлял примерно половину ее оборота. После ликвидации в 1753 г. внутренних, региональных пошлин и отмены в 1861 г. крепостного права начался крутой прирост рыночных оборотов, что отчетливо видно из приведенной выше таблицы.

Особого внимания требует к себе еще одна важная сторона развития товарно-денежных отношений: движение рыночных цен. Это очень сложный вопрос, поскольку никто никогда не располагал и не располагает сейчас достоверными материалами в данной области. Здесь много условностей. Поэтому приходится пользоваться приближенными, иногда грубыми оценками.

Одно из наиболее интересных и значимых исследований в этой области провел В.О. Ключевский. Собрав по крупицам и тщательно обработав огромный первичный материал, он сумел восстановить хотя бы в общих чертах движение хлебных цен на протяжении нескольких веков. При этом в качестве товаров—представителей выступают две наиболее распространенные в тот период зерновые культуры: рожь и овес, а также пшеница и ячмень. Зерно и мука занимали главное место во внутреннем товарообороте. Поэтому движение их стоимости достаточно полно, хотя и с некоторым опережением, отражает изменения во времени денежной формы всей товарной массы.

В отличие от бурного XVI века и пятикратного скачка хлебных

цен в период смутного времени конъюнктура внутреннего рынка в течение свыше ста лет сохраняла удивительное спокойствие: колебания цен не выходили за рамки -30, +20 %. Лишь в отдельные короткие моменты наблюдались более резкие скачки. В. Ключевский отмечает, что уровень цен на Руси всегда был очень шатким. «Причиной этого была патология древнерусского рынка. Он был удивительно пуглив. Малейшее затруднение производило на нем панику. В урожайные годы замешательство в подвозе поднимало цены втрое, вчетверо и более... Можно представить себе, какие колебания производил неурожай. В голодные 1601-1603 годы цена ржи поднималась в 80 и даже в 120 раз выше нормального уровня»[25].

Динамика хлебных цен в России в XVII-XIX веках[24]

Уровень цен в 1601-1612 гг. принят за 1.

1601-1612	1620-1631	1651-1648	1737	1740	1882
1	0.9	0.7	1.2	1.4	12

Инфляционный рост цен начался с конца XVIII - начала XIX веков под воздействием избыточной эмиссии бумажных денег. На протяжении всего XIX в. предпринимались многочисленные попытки, чтобы вернуть широко разлившуюся денежную массу в нормальные берега. Однако, эти попытки чаше всего не давали положительных результатов, поскольку штормовые волны очередной войны, финансирование которой осуществлялось, в основном, за счет дополнительного выпуска бумажных ассигнаций или кредитных билетов быстро разрушали наспех сделанные плотины.

Особенности инфляции цен во второй половине прошлого и начале нынешнего столетия отчетливо отражены в упомянутой работе С. Струмилина.

Рост цен в России[26]

Уровень цен в 1724 г. принят за 1.

1724	1849	1888	1913
1	1.2	6.0	10

Из таблицы видно, что после войн с Наполеоном финансистам России удалось на несколько десятилетий стабилизировать уровень цен. Однако, крупные государственные расходы, связанные с Крымской войной (1853-1856 гг.), а спустя два десятилетия с новой войной против Турции (1877-1878 гг.), не позволили сбалансировать бюджет.

Пришлось в очередной раз прибегнуть к инфляционной эмиссии кредитных билетов, что сопровождалось неизбежным резким повышением цен. Инфляцию удалось остановить только после введения твердого золотого рубля. Однако цены остались на высоком уровне, больше того, продолжали расти. В их характере легко подпрыгивать вверх и очень неохотно сдавать «завоеванные» позиции.

Более конкретно изменение уровня цен на отдельные товары с конца XVI до начала XX веков отражено в следующей таблице:

Динамика цен в России с конца XVI в до 1913 г. [2.7]

в копейках

	Единица	кон. XVI в	1720	1913
Рожь	пуд	2.5	7.5	83
Пшеница	пуд	3.5	9.5	110
Крупа гречневая	пуд	3.8	13.0	184
Говядина	пуд	21	47	740
Рыба	пуд	7	10	400
Масло коровье	пуд	48	150	1780
Масло конопляное	пуд	20	57	548
Молоко	ведро	2	13	150
Мед	пуд	50	100	584
Соль	пуд	10	24	30
Овчина	штука	4.5	17	178
Холст	аршин	1.6	3	14
Ситец	аршин	2	4	15
Сукно	аршин	3.3	5	160
Сапоги	пара	12	35	544
Топор	штука	7.5	10	90

Наряду с количественным расширением внутренней торговли менялись ее формы и организация. Изменения происходили в двух направлениях: укрупнение и концентрация торговли, с одной стороны, и специализация, с другой. Вместо относительно небольших универсальных городских и сельских торжков, которые в прошлом преобладали практически повсеместно, постепенно сформировались специализированные не только средние, с годовым оборотом от 700 тыс. до 1 млн. рублей, но и крупные, главным образом, оптовые рынки, оборот которых превышал миллионный рубеж.

Количество специализированных рынков в начале XX в.[28]

Специализация	крупные	средние
Зерно и продукты земледелия	16	118
Продукты животноводства	52	16
Лес и пиломатериалы	29	54
Продукция горной пром-ти	29	26
Текстильные товары	13	90

Наряду с постоянно действующими рынками оптовой и розничной торговли в России успешно функционировали 22 крупные торговые ярмарки, собиравшиеся на определенное время (от одного дня до нескольких месяцев). Такие сроки предопределялись сезонным характером сельскохозяйственного производства, с одной стороны, и особенностями транспортной системы России, где водные пути, замерзающие зимой, до второй половины XIX века были главными артериями движения товаров.

Среди всех ярмарок заметно выделялась Нижегородская — наследница древних традиций Великого волжского торгового пути. Еще в период господства хазар в их столицу Итал, находившуюся недалеко от местоположения нынешней Астрахани, в определенное время съезжались купцы из Руси, Средней Азии, Византии, Рима и даже из далекой Индии. С разорением Итала ярмарка поднялась вверх по Волге, сначала в Болгар Великий, затем в Казань. Еще позднее — под Нижний Новгород, в район монастыря Св.Макария, который издавна привлекал к себе богомольцев со всей России. К престольному празднику, в конце июля, здесь открывалась ярмарка, продолжавшаяся две недели. Ее оборот в конце XVIII века достиг 30 млн. рублей, число павильонов превысило 3 тысячи. Однако, в 1816 г пожар истребил все деревянные строения. Новый ярмарочный рынок решено было построить в Нижнем Новгороде, на берегу, где сливаются Ока и Волга. К концу века годовой оборот ярмарки на новом месте увеличился без малого до 200 млн. рублей.

Нижегородская ярмарка связала центральный и северо-западный промышленные районы с Украиной, Сибирью, Поволжьем и Средней Азией. Из центра сюда поступали хлопчатобумажные и шерстяные ткани. фарфоровая и фаянсовая посуда, различные металлоизделия, сельскохозяйственные орудия и инвентарь, с Урала — металлы, из Сибири — меха, кожи, масло, сало, с Нижней Волги

— рыба, из Средней Азии — шелковые ткани и фрукты, из Персии — ковры. Ярмарка гибко реагировала на структурные изменения в рыночном спросе. Так, если в давние времена ее главными товарами были меха, кожи, мед, то с развитием в Поволжье земледелия к ним присоединилось зерно. Позже здесь появился чай, хлопок, обувь, одежда, сложные изделия металлообработки.

Характерно также, что на ярмарке не только заключались крупные сделки, но и проводились собрания (съезды) торговых и промышленных кругов, устраивались специальные выставки фабричных и заводских изделий, а также породистого скота, демонстрировались достижения пчеловодов.

После Нижегородской, на втором месте по обороту, находилась Ирбитская ярмарка (Пермская губерния). Она проходила зимой, когда открывались санные пути. Сибирь и Урал закупали здесь ткани, галантерейные, колониальные и другие товары и привозили для продажи свои меха, лес, щетину, конский волос, мед и воск, а также металлы, различный инструмент и другие изделия из металла.

Для Украины, где издавна процветала оптовая торговля, наибольшее значение имели ярмарки в Харькове (ткани, прежде всего, шерстяные и хлопчатобумажные), Киевская, где заключались крупные сделки по сахару, спирту, зерну, металлам, углю, соли. Такой оборот превращал эту ярмарку по существу в крупную товарную биржу. Через ярмарку в Донской области в Европейские губернии поступала значительная часть крупного рогатого скота и овец. Ярмарка в селе Урюпинском славилась оптовой торговлей зерном и домашним вином.

Для Севера большое значение имела Архангельская ярмарка. Поморы привозили сюда рыбу, мясо и шкуры морских зверей, сало, лесоматериалы и запасались необходимыми им продуктами, охотничьими припасами, другими промышленными товарами.

Через Ишимскую ярмарку на Тоболе для всей России поступало сибирское масло и сало.

Гораздо медленнее, с какой-то опаской и осторожностью российские купцы осваивали премудрости биржевого дела, т.е. особого вида оптовой торговли по образцам, не видя и не осязая все массы покупаемого товара, без физической передачи его из рук в руки. Инициатором такой торговли, как и многих других нововведений выступил, Петр I после своего знакомства с работой Амстердамской биржи. Тем самым он рассчитывал снизить торговые издержки,

ускорить и расширить товарооборот, активизировать свое сотрудничество с торгово-промышленными кругами, собрать сведения о ценах, спросе и предложении товаров.

Закладывая Петропавловскую крепость царь приказал построить недалеко от нее деревянный гостиный двор с лавками и предусмотреть там место для деловых встреч торговых людей. По существу речь шла о создании биржи. Однако, деревянное строение вскоре сгорело. Начали строить заново, и только Екатерина I торжественно открыла незнакомое для России новое торговое учреждение. Через несколько десятилетий было сооружено третье, на этот раз каменное помещение для биржи, которое и до сегодняшнего дня служит архитектурным украшением города. Но суть заключалась в другом: после своего второго рождения Петербургская биржа стала главным торговым центром России. В 1832 году был утвержден ее устав. Согласно его 1 пункту «биржа есть общее собрание принадлежащих к торговому сословию лиц, которые собираются в одном месте для удобства взаимных сношений и сделок по всем оборотам торговли и промышленности». Право приходить на биржу предоставлялось всем желающим, но право совершения сделок имели только лица из русского и иностранного купечества, которые внесли соответствующие ежегодные взносы на общие расходы.

Для руководства работой биржи был создан специальный комитет как представительный орган российского купечества, имевший широкую самостоятельность. В его права и обязанности входило проведение ежегодных собраний для выработки общей торговой политики и разрешения острых проблем, в том числе улаживания споров и конфликтов, возникающих в среде купечества. Биржевой комитет имел право налагать штраф на лиц, распространявших ложные слухи. Он следил за тем, чтобы маклеры не допускали злоупотреблений.

Однако, нужно было время, чтобы независимые, властолюбивые владельцы крупного торгового капитала привыкли и поверили в Биржевой комитет как «свой» представительный орган. Они еще долго предпочитали решать свои дела без посредников и, если можно, то и без свидетелей. Крупные сделки обсуждались в трактирах, в собственных купеческих домах. Когда же нужно было обсудить общие вопросы, купцы собирались на галерее гостиного двора. Биржевой комитет в таких случаях ни раз предлагал перейти в здание биржи. Однако, как правило, безрезультатно.

Потребность в организованной защите своих интересов первыми проявили московские купцы после того, как им стала известна агрессивная позиция немецких торговых кругов, изложенная в материалах германского коммерческого съезда по поводу заключения торгового договора с Россией и пересмотра таможенных тарифов. Было решено, в частности, активизировать работу Московской биржи, устав которой был утвержден весной 1870 г. С этого времени началась кипучая деятельность местного биржевого общества. Его выборные (соответствующие действительным членам Петербургской биржи) начали участвовать в подготовке различных материалов, направленных на защиту интересов торговли и промышленности как местного, так и общероссийского характера. Московское биржевое общество много сделало для распространения коммерческого образования среди молодежи. На его деньги были основаны Александровское мужское и Николаевское женское коммерческие училища, открыта торговая школа. Удалось собрать также уникальную библиотеку, в которой хранилось 50 тысяч книг по торговой и промышленной тематике.

В Москве были созданы также три специализированные биржи: по торговле зерном, мясом и продовольственными продуктами. Так, в конце 80-х годов с целью упорядочить забой скота и установить действенный санитарный контроль, в Москве сооружается комплекс механизированных боен, а также помещений для первичной обработки и хранения мяса. В 1900 г. напротив этого производственного комбината открылась биржа, где в торговые дни собирались многочисленные продавцы и покупатели мясных продуктов. В 1910 г. оборот этой биржи составил 34 млн. рублей.

В то же время еще большая часть мясной продукции шла мимо биржи, через мелкие частные лавки, расположенные в Охотном ряду, а также на окраинах города. В течение года таким образом реализовали порядка 50 тысяч свиней, овец, коз. По желанию покупателя их тут же забивали на небольших бойнях. Такая торговля была очень выгодной с денежной точки зрения, что позволяло владельцам лавок без особого труда парализовать ветеринарно-санитарный контроль со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Серьезные изменения произошли на биржах в связи с началом свободной торговли ценными бумагами. Первыми в продажу поступили облигации внутренних займов, выпущенных в 1809-1811 гг.

Через два десятилетия появились облигации частных компаний. Особенно широкий размах торговля и разного рода махинации с ценными бумагами получили в 60-70-х годах прошлого столетия, когда началось массовое создание акционерных обществ для финансирования строительства железных дорог. Чтобы ограничить злоупотребления, был издан закон, согласно которому продавать и покупать ценные бумаги разрешалось только за наличные деньги. Однако биржевые дельцы легко обходили это требование.

О том, что положение в фондовом отделе Петербургской бирже вышло далеко за рамки дозволенного, тревожно просигналили первые биржевые кризисы 1869 и 1876 гг. Однако, выводы из этих сигналов были сделаны весьма нелогичные: в 1893 году всякие ограничения в торговле ценными бумагами фактически были отменены. Результаты не заставили себя долго ждать. Почти сразу же началась спекулятивная горячка: цены на акции и облигации подскочили вдвое-втрое без всякой связи с их реальной доходностью. В результате в 1895 г. разразился биржевой кризис небывалых масштабов, сопровождавшийся крахом целого ряда крупных торговых и промышленных фирм[29].

Для иллюстрации событий тех лет можно привести два конкретных примера из монографии проф. И. Озерова: «Российское золотопромышленное общество» начало свои операции (на бирже - Р.Б.) 26 мая 1895 г., а уже с половины июня его акции отмечались в бюллетене петербургской биржи. Общество глебовских заводов открылось 14 августа 1895 г., и немедленно его акции вошли в биржевую котировку... Для публики, стоящей вдали от бирж, уже одно появление бумаги в биржевом бюллетене нередко служит рекомендацией этой бумаги, тем более, что заинтересованные лица не упускают случая громко прорекламировать новое предприятие, бумаги которого они ввели на биржу. Эта реклама и закулисное влияние на биржевую цену ведут к тому, что бумага отмечается в бюллетене по высокой цене. Доверчивая публика, видя повышение курса, покупает ценную бумагу. А заправилам часто только и нужно, чтобы спустить определенные бумаги в публику. Реклама и закулисное влияние тогда прекращаются, и лица, которые приобрели бумагу, нередко разоряются. Так, акции Глебовских заводов, стоявшие в конце 1895 г. по цене 380 руб. каждая, в ноябре 1898 г упали до 10 руб. Акции золотопромышленного общества в 1895 г дошли до 475 руб. Когда же их разместили, то они стали опускаться и упали до 75-73

рублей... При том у нас никто не несет никакой ответственности за введение в биржевой оборот финансовых ценностей»[210].

Если на протяжении XIX века правительство всячески стремилось расширить самостоятельность и активность биржевых организаций, то после первых финансовых потрясений было срочно выпущено «Положение о фондовом отделе биржи», которое отделило его от товарного и поставило под прямой контроль министерства финансов.

Фондовый отдел состоял из 60 действительных членов и совета. Первоначально они были назначены министерством финансов. Совет избирался из их состава. Его председатель возглавлял одновременно и общую биржу.

Для выполнения главной функции фондового отдела — определения цен акций, котировки вексельного курса и других фондовых бумаг была учреждена особая котировочная комиссия, состоявшая в основном из представителей петербургских банков.

Закон 1902 г. еще в большей степени повысил ответственность лиц, за достоверность данных, в том числе «за убытки, обусловленные неверностью представленных при выпуске бумаг данных»[211].

В 1910 г. в составе Петербургской биржи насчитывались: 181 действительный член, 83 доверенных лица, 31 приказчик, 62 постоянных посетителя и 69 маклеров. Фондовый отдел был ненамного меньше: 170 действительных членов, 28 постоянных посетителей, 38 маклеров, 55 уполномоченных, 127 других сотрудников, включая двух нотариусов.

Всего в 1913 г. в России насчитывалось 94 товарных биржи и около 20 тысяч ярмарок[212]. Показательно, однако, что доля ярмарочной торговли начала снижаться, опережающими темпами развивалась стационарная торговля через крупные, а также средние фирмы и магазины. Одновременно увеличился удельный вес товарного производства в сельском хозяйстве. Все это сопровождалось относительно небольшим ростом общего объема внутреннего товарооборота. За 14 лет перед Первой мировой войной физический объем оптового оборота увеличился всего на 16.5 % и розничного — на 22.5 %. За это же время численность населения России возросла на 25.7 %. Это означает, что в расчете на душу населения этот показатель в начале века имел тенденцию к снижению, т. е. развитие торговли отставало от движения численности жителей страны. Учитывая, что в этот же период происходил быстрый рост городс-

кого населения, неизбежно стало накапливаться внутреннее напряжение в сфере удовлетворения растущего спроса как на оптовом, так и на розничном рынках.

Объем товарооборота в России за 1899—1913 гг.[213]

в млн. рублей

	Оптовый оборот		Розничный оборот	
	в текущих ценах	в % к 1899 г, неизм. цены	в текущих ценах	в % к 1899 г, неизм. цены
1899	2884	100.0	4461	100.0
1901	2677	85.4	4397	91.2
1903	2599	88.1	4630	101.7
1905	2858	90.4	4975	102.3
1907	2806	78.7	4982	90.4
1909	2842	80.4	5415	99.1
1911	3767	106.4	6221	113.8
1913	4397	116.5	7141	122.5

Таблица воспроизводит два крупных сбоя в динамике российского товарооборота в начальный период XX века: это 1899-1901 годы крупного экономического кризиса и 1905-1907 года, когда социальный кризис приобрел острые политические формы. Стоит отметить, что выход из провала в обоих случаях происходил скачкообразно. Свою роль в этом сыграло и резкое повышение цен.

Динамика изменения цен в 1899—1913 гг.[214]

1899 г. взят за 100

	1901	1903	1905	1907	1909	1911	1913
Оптовые	108.7	102.2	109.5	123.6	1225	122.7	130.9
Розничные	108.1	102.1	109.0	123.6	122.5	122.6	130.7

Растущее напряжение в торговле (снижение ее физического объема в расчете на душу населения), как видно из приведенных данных, перекрывалось повышением цен, несмотря на то, что в этот период сохранялся свободный обмен кредитного рубля на золото. В военные годы этот процесс завершится отказом от обмена бумажных денег на золото (лето 1914 г.) и серьезными перебоями в снабжении мясными продуктами и хлебом (1916-1917 гг.). Стоит отметить также, что существенные скачки в движении цен в нача-

ле века наблюдались дважды: при выходе экономики из кризиса 1899-1901 гг. и известных событий 1905-1907 гг.

Таблица свидетельствует также о том, что, хотя процесс формирования единого российского рынка в начале XX в. в основном завершился, его характер еще не проявился в полной мере. И производственный сектор, и сфера обращения не были однородными и содержали в себе достаточно большую массу инертных элементов. Так, на рынке можно было встретить представителей как крупного, так и среднего капитала, а также многочисленных мелких лавочников и торговцев. Основная доля внутреннего товарооборота приходилась на мелкие, локальные рынки и базары, где среди продавцов преобладали местные жители, которые затрачивали несколько часов, а иногда и целый день, чтобы продать одну курицу или два—три десятка яиц, мешок картофеля, несколько ведер яблок. Такое расточительное отношение к своему времени возможно только в стране с отсталой экономикой и бедным населением.

Россия, которая во второй половине XIX века взяла курс на то, чтобы встать в один ряд с развитыми странами Европы, нуждалась в качественно иной — экономичной, мобильной и хорошо организованной торговле в масштабе всей страны, с выходами на мировой рынок. Движение к такому качеству торговли в начале века продолжалось вместе с параллельным поиском решения ряда сложных, взаимосвязанных между собой задач:

- дальнейшее укрепление рубля, как главной оси, вокруг которой вращается вся масса товаров;
- совершенствование системы государственных финансов, что, в свою очередь,возможно лишь при условии сбалансированности бюджета, его доходных и расходных статей;
- формирование емкой кредитной системы, доступной для основной массы хозяйствующих субъектов. Только при таком условии возможен бесперебойный процесс кругооборота товарных фондов и денежных средств, расширенное воспроизводство, сочетание крупных производственных инвестиций с увеличением личного потребления;
- сооружение разветвленной сети железнодорожного и водного транспорта, а также надежных средств связи, охватывающей все пространство общенационального рынка;

♦ массовая подготовка квалифицированных кадров коммерсантов, финансистов, банковских служащих, работников других профессий, способных результативно действовать в быстро меняющейся, постоянно напряженной и во многом непредсказуемой конъюнктуре рынка.

О том, как практически решались все эти задачи, рассказывается в последующих разделах книги.

2.2. Становление денежной и финансовой систем

Первые деньги на северных берегах Черного моря появились на несколько веков раньше, чем Киевское государство. Закономерно, что это были иностранные монеты. При крупных торговых сделках с другими народностями племена, заселявшие эти территории, иногда использовали римские денарии, персидские драхмы, арабские дирхемы, другие денежные знаки соседей. При расчетах они принимались на вес, как серебро, независимо от номинальной стоимости. Поскольку серебряные монеты обладали большой покупательной способностью, чтобы рассчитаться при покупке дешевого товара их приходилось делить (рубить) на две или четыре части. Такие половинки и четвертинки находят в кладах, спрятанных в те далекие времена.

Древнейшие русские золотые и серебряные монеты были выпущены в обращение великими князьями Владимиром, Святополком, Ярославлем в IX-X веках. По форме и весу они напоминают византийские. Однако, широкого распространения первые русские деньги не получили, так как из-за отсутствия внутреннего емкого рынка большой потребности в них не было.

В то время преобладали натуральные формы обмена продуктами между отдельными хозяйственными звеньями и регионами. Люди потребляли в основном то, что собственноручно вырабатывали. И сельские жители, и горожане сами производили и запасали продовольствие на весь год. По оценке В. Ключевского земледелием в Киевской Руси занимались 19 из 20 трудоспособных мужчин и женщин. Повседневную одежду из домотканой ткани и овчины, а также обувь (лапти и валенки, реже — сапоги), предметы домашнего обихода и простейшие орудия труда изготовлялись умельцами, которые имелись почти в каждой большой семье.

На местных торжках, чаще всего без помощи денег происходил

прямой продуктообмен лишь небольшой части произведенной продукции. Возможны были и акты купли-подажи за шкурки куницы, белки, других зверей, а также за половинку или четверть дирхемы или драхмы, поскольку сумма сделки на торжках, как правило, была ниже стоимости целой серебряной монеты. Шкурки куницы, белки, других зверей принимались также при сборе налогов.

Таким образом, две формы становления рынка в Киевской Руси на начальной стадии обслуживали две денежные системы: серебряная и меховая, относительно обособленные друг от друга качественно и количественно. Однако, постепенное расширение и первой, и второй формы рыночных отношений неизбежно вело к их пересечению, а затем и переплетению, что, в свою очередь, потребовало более четкого количественного согласования серебряных и меховых денег, постепенного слияния их в единую денежную систему.

Произошло это на стадии экономического спада. Пережив в XI веке пик своего расцвета, экономика Киевской Руси под непомерной тяжестью постоянных войн и междоусобиц удельных князей стала медленно увядать. В хозяйственной сфере это выражалось в сокращении торговых связей с соседними государствами и объемов внутреннего товарооборота. Соответственно уменьшился приток иностранных монет. При реализации крупных торговых сделок их стали заменять слитками серебра, получивших название в исторической литературе «больших гривен». По весу они достигали одного фунта или 96 золотников, т. е. более 400 грамм[2 15].

В период ордынского ига развитие рыночных отношений, хотя и медленно, но продолжалось. На территории северо-восточных славянских земель стали обращаться татарские монеты: дирхемы, тенги. В качестве «своих» денег оставались серебряные слитки — гривны. Характерно, что в XIII веке татары собирали дань на завоеванных славянских землях чаще всего в размере полугривны с сохи, а «в сохе числиша два мужи работники». Видимо такой слиток, представлявший собой кусок серебра, равный половине разрубленной на две части «большой гривны», получил в хозяйственной практике название рублевой (рубленной) гривны или просто «рубль». С.М. Соловьев прямо указывает на это: «...в первой половине XIV века счет гривнами заменяется счетом рублями, причем не трудно усмотреть, что старая гривна серебра и новый рубль одно и то же. Слово *куны* в значении денег начинает сменяться теперь употребительным татарским словом деньги»[2 16]. Логично,

что рублевая гривна вдвое потеряла в весе по сравнению с большой и не всегда походила на своих названных сестер, поскольку их отливали в разных местах: в Новгороде, Киеве, Чернигове, других городах. Постепенно наибольшее распространение получила новгородская гривна — рубль, весившая сначала 48 золотников или чуть больше 200 грамм. На ее основе и произошло соединение покупательной способности металлических и меховых денег. В рыночной практике гривна счетно разделилась на определенные доли, получившие названия: ногата, куна, резна, векша. Профессор А. Мануилов считал, что «эти названия первоначально обозначали шкурки различных зверей, представлявшие различные ценности. Но затем прямое значение этих слов отпало и они стали обозначать известные доли основной счетной единицы, т. е. гривны»[217].

В одной из современных публикаций приводятся следующие количественные соотношения отдельных денежных единиц: 1 гривна = 20 ногат = 25 кун = 50 резан = 150 векш[218]. Однако, в литературе можно встретить и иные пропорции. Дело в том, что российская денежная система являла собой особый продукт стихийного становления рыночного механизма. Сначала она никем не была закреплена нормативно и не отличалась ни устойчивостью, ни большим единообразием во времени и пространстве.

Проверив свои силы в ходе Куликовской битвы Дмитрий Донской, первым возобновил самостоятельную чеканку серебряной деньги (от татарского слова тенга). Его примеру последовали очень многие русские князья. Выпуском денег практически занимались специальные ремесленники — «серебряники» или «ливцы» (от слова *лить*), для которых князь устанавливал определенные правила по общему весу и содержанию серебра. Но правила эти нередко нарушались. Так, первоначально из слитка (полгривны или рубля), весом 48 золотников чеканили 216 деньги. Спустя некоторое время в Москве их число возросло до 260, затем до 300 и даже больше. В 1420 г. в Москве открыли специальный монетный двор, однако, злоупотреблений с чеканкой серебряных монет заметно не убавилось.

В Новгороде аппетиты были более умеренные: там только в начале XV века на внутреннем рынке перешли от меховых к серебряным деньгам. Во внешней торговле использовались иностранные монеты. Порча денег не успела распространиться так далеко, как в Москве. Среди новгородцев удельный вес людей, торговые интересы которых опирались на устойчивость денежной системы, был

значительно выше. В 1447 г. они взбунтовались и потребовали навести порядок: остановить обесценивание монет. Главный ливец был казнен. Учрежден центральный монетный двор, куда на службу пригласили пятерых серебряников. Чеканка денег была поставлена под контроль. После присоединения Новгорода к Москве было официально затвержено, что московская деньга в два раза легче новгородской.

Незадолго до смерти Василия III начались очередные гонения на фальшивомонетчиков. В сентябре 1533 года в Москву из разных городов привезли серебряников, уличенных в порче денег, и публично их казнили: «лили олово в рот и руки секли». А еще через два года Елена Глинская, правившая страной от имени малолетнего Ивана IV, провела денежную реформу. Старые серебряные монетки, деньги, были изъяты из обращения со ссылкой, что среди них много поддельных и резанных. Новые чеканили из расчета: 48 золотников серебра на 300 денег новгородских. То есть новгородка стала легче прежней. Таким образом, завышение номинальной ценности денежной единицы и эмиссия денег продолжали использоваться как один из источников государственных доходов. Прежде великий князь изображался на деньге с мечом в руке, теперь — с копьем. Поэтому новые деньги стали называть копейными или копейками. Рублевых монет в то время не чеканили: в оптовой торговле использовались серебряные слитки или крупные иностранные монеты. В одном счетном рубле стало сто копеек. Московку приравняли к полкопейке.

Облегчение мелкой монеты означало также, что денежная система в большей степени стала ориентироваться на условия местной торговли, с учетом того, что цены на основную массу товаров выражались в деньгах или копейках.

Средние цены во второй половине XVI века

на территории Московского княжества, в копейках

Курица	1,5	Утка живая	3
Масло коровье, фунт	0,5	Солонина, фунт	0,5
Яйца, сотня	5	Огурцы, сотня	0,8
Капуста, сотня кочнов	12	Масло растительное, пуд	20
Мед, пуд	41	Рожь, пуд	2,5
Сало говяжье, пуд	24,5	Овчина	6
Лошадь рабочая	150	Корова	100

Наемный труд также оценивался в копейках. По данным В. Ключевского, Комельский монастырь в семидесятых годах XVI-го столетия платил сапожному мастеру, при его платье, — 90 коп. за год, швецу — 105, плотнику — 110. Разнорабочие получали столько же, сколько мастера, потому что обязаны были «всякое дело делати черное по все дни»[219].

Серьезные потрясения пережила рыночная система в период смутного времени, в начале XVII века. Каждый, добравшийся до царского трона, чеканил свои деньги. За короткий срок цены на продукты питания подскочили почти в 5 раз. Известно, что Михаил Романов не сразу согласился занять освободившийся престол, ссылаясь прежде всего на возросшую дороговизну и полное отсутствие денег в казне. Уступив после долгих уговоров и давления со стороны соборного посольства, он среди первых своих распоряжений указал на необходимость чеканить из 48 золотников серебра уже не 3, а 4 рубля. Лишний рубль из ничего, а казне — подспорье. Однако на практике получилось другое. Старые, на четверть больше весившие деньги, вывезли за границу, быстро перечеканили и уже «похудевшими» вернули обратно в Россию. «Навар» остался в руках ловких дельцов.

Новый царь, Алексей Михайлович, зажатый, с одной стороны, безденежьем, а с другой, растущими расходами на войну за освобождение земель, потерянных в смутное время, рискнул пойти на почти двукратную девальвацию серебряных денег. При этом облегченные монетки внедряли в обращение тайно, небольшими порциями. Однако, рынок довольно быстро разгадал обман и покупательная способность новой деньги упала примерно в такой же пропорции.

Не везло Алексею Михайловичу, но он упрямо продолжал поиск: в 1646 г. был установлен новый налог на соль в размере 2 гривен с пуда. Это автоматически повысило цену на нее в 2,5 раза, что вызвало не просто общее недовольство, но настоящий «соляной» бунт. Налог пришлось отменить. Денег от этого в казне, естественно, прибавиться не могло. Между тем военные действия продолжались. Платить жалование ратным людям было нечем. Еще повысили подати. «Торговые люди истощились платежом пятой деньги». Тем не менее всего этого было мало, чтобы покрыть расходы на войну.

Пришлось осуществить новый маневр: выпустить медные деньги. Следует отметить, что такие деньги иногда встречались на рынках Пскова еще раньше. То были тяжеловесные монеты под

названием «пуло», малоценные по номиналу. Но в 1656 г. курс медных монет указом Алексея Михайловича был приравнен к серебряным как 1:1. В первые два года рынок соблюдал установленные правила игры. Но, терпения хватило не надолго. С осени 1658 г. рыночная цена медных денег быстро покатилась вниз. Через пять лет за один серебряный рубль требовали 12 медных. Наступила небывалая дороговизна. Никто не обращал внимание на указы царя, запрещавшие повышение цен на предметы первой необходимости.

Среди причин, вызвавших такой поворот дела, С. Соловьев особо выделяет появление множества воровских (фальшивых) медных денег: «Стали присматривать за денежными мастерами, серебряниками и увидали, что люди эти, жившие прежде небогато, при медных деньгах поставили себе дворы каменные и деревянные, платье себе и женам поделали по боярскому обычаю, в рядах всякие товары, сосуды серебряные, съестные припасы начали покупать дорогою ценою, не жалея денег. Причины такого быстрого обогащения объяснились, когда у них стали вынимать воровские деньги и чеканы. Преступников казнили смертью, отсекали у них руки и прибивали у денежных дворов на стенах. Дома, имения брали в казну. Но жестокости не помогали при неодолимой прелести быстрого обогащения. Воры продолжали свое дело, тем более, что богатые из них откупались от беды, давая большие взятки...» Характерно, что среди тех, кто брал такие взятки были тесть царя и его тетка по матери, думные дворяне, а на местах — воеводы и люди приказные[2 20].

В 1662 году вспыхнул «медный» бунт, который был жестоко подавлен, зачинщики — казнены. Однако, крестьяне отказывались продавать свои продукты за медные копейки. Офицеры и солдаты также требовали серебро. Вскоре был издан указ, отменяющий полностью обесценившиеся деньги. Основной платежной единицей осталась серебряная деньга (копейка), а для того, чтобы ослабить напряженность государственных финансов, пришлось, в который раз, поднимать налоги, прежде всего косвенные.

Таким образом, постоянное разбухание государственных расходов, вызванное практически непрекращающимися и все более крупномасштабными войнами, заставило серьезно заняться упорядочением и укреплением всей, еще до конца не оформившейся финансовой системы. Становление ее конкретных форм и структур тесно взаимодействовало с характером и особенностями развития товарно—денежных отношений в стране. Так, Киевская Русь не знала денежного

государственного бюджета. Потребности князя и его дружины, а также ополчения в период его участия в боевых действиях, удовлетворялись в натурально-вещественной форме. Налоги (дань) выплачивались шкурками диких зверей, чаще всего мехом куницы и белки, другими продуктами леса и крестьянских хозяйств. Широко были развиты также трудовая, гужевая и другие повинности на господских землях. Постепенно основным источником материальных доходов для князя, бояр и поместных дворян становятся их собственные земли с закрепленными на них крестьянами. В хозяйствах великих князей и бояр были созданы специализированные службы (пути), обязанность которых состояла в том, чтобы обеспечить бесперебойное снабжение княжеского двора и войска хлебом, мясом, рыбой, молоком, медом, соответствующими напитками и другими продуктами за счет собственного хозяйства, участков для рыбной ловли, сбора меда, охоты. Поскольку сельское и лесное хозяйства имели цикличный характер централизовано создавались и хранились запасы необходимых продуктов иногда на весь год.

После освобождения от татарского ига, развития внутреннего рынка, создания относительно устойчивой «серебряной» денежной системы военные и другие расходы государства постепенно стали приобретать денежные формы. Это, в свою очередь, потребовало соответствующего преобразования и его доходов.

Таким образом, косвенное обложение во второй половине XVII века, особенно после введения кабацких и питейных налогов, составляло более половины всех государственных доходов.

Доходы российского государства в 1680 году[2.21]

	тыс. рублей	%
Окладные:		
1. Таможенные и кабацкие	650,2	53,3
2. Стрелецкие	101,5	8,3
3. Оброчные	146,2	12,0
4. Ямские, полоняничные, др	53,4	4,4
Всего:	951,3	78,0
Чрезвычайные:		
1. Пятинная, десятинная деньга	235,4	19,3
Неокладные:		
1. Пошлины и др	33,7	2,7
Всего:	1220,4	100,0

Среди расходов наибольшая доля приходилась на содержание и вооружение армии — около 700 тыс. рублей. На дворцовое управление было израсходовано свыше 224 тысяч, на поддержку казенных предприятий — 68 тысяч, 120 тысяч рублей «ушли» на прочие расходы.

Наибольшее напряжение государственные финансы пережили в период царствования Петра I. Его появление и радикальные реформаторские действия на рубеже XVII-XVIII веков не были случайностью: Россия достигла поворотного пункта в своей истории. Предыдущие четыре столетия были затрачены на то, чтобы воссоединить значительную часть славянских земель вокруг Москвы и расширить границы на восток и юг. Дорогостоящая попытка Ивана Грозного вернуть земли в Прибалтике, прежде принадлежавшие Киевской Руси, окончились неудачей: сказалось общее отставание страны от Запада в культуре, организации и военном искусстве. Петр возобновил активные действия, чтобы открыть прямой, короткий морской путь в Европу, но уже в другом качестве, чем Иван IV. В предельно сжатые сроки он создает профессиональную армию, оснащенную современным по тем временам оружием. Строит военный флот. Заново формирует гражданскую государственную службу. Начинает возводить северную столицу. Одновременно закладываются основы российской системы образования и науки.

Все это потребовало от него полной отдачи сил, больших организаторских способностей, государственного ума и воли, а также огромных денежных средств. Как всегда расходы росли в бешенном темпе сами собой, а доходы удавалось увеличивать (и то не всегда) с большим трудом и муками.

Дефицит государственных финансов сопровождал Россию на всем ее долгом историческом пути. Но в начале XVIII века драматизм острой нехватки денег превзошел все пределы. Если в 1680 году общие расходы государственной казны составляли 1.2 млн рублей, из них военные — 0.7 миллиона, то в конце царствования Петра они достигли 8.5 млн рублей, в том числе на армию и флот было затрачено 6.2 миллиона.

Проблемы увеличения источников финансирования долголетней войны со Швецией и общей программы преобразования страны были предметом особой и постоянной заботы царя-реформатора. Чтобы решить ее практически, он максимально использовал возможности эмиссии обесцененных денег. Вся чеканка Петра I соста-

вила 43.4 млн. рублей, в том числе, медных монет — 4.4 миллиона, серебряных — 38.4, золотых — 0.7 миллионов[222]. При этом он упорядочил и значительно расширил набор денежных знаков разного достоинства и веса. Выстроенный ряд монет из **меди** составляли: полполушки, полушка (полкопейки), деньга, копейка, грош (две копейки), 5 копеек. Из **серебра:** копейка, алтын (6 деньги или 3 копейки), 5 копеек, десять деньги, гривна, гривенник, полуполтина, полтинник, рубль, 2 рубля. Из **золота:** крестный рубль, 2 рубля, червонец, два червонца.

Петр первым в России практически решил вопрос о широкомасштабном внедрении медных монет в денежное обращение. По номинальной ценности они составляли одну десятую всех наличных денег и предназначались, в основном,для местных рынков и торжков.

Массовая чеканка неполновесных медных и серебряных монет на несколько миллионов рублей увеличила доходы казны, вызывая в то же время довольно быстрый рост цен. Рыночная цена пуда меди колебалась между 5-8 рублями. Из него чеканили медных монет сначала на 12 рублей, затем — на 20 и даже 40 рублей. Что касается серебряных монет, то их порча осуществлялась тремя способами: первый — снижение веса про сохранении номинальной ценности. Второй — снижение качества серебра, из которого чеканили монеты, путем подмешивания к нему разных добавок. Так, рубли, полтинники, гривенники чеканили из серебра 70-ой пробы, червонцы — из золота 75-ой пробы. Третий — замена ранее выпускавшихся серебряных монет на медные.

Чтобы подстраховать устойчивость таких денег, специальным указом царя было установлено, чтобы «нового российского дела тисненные золотые и серебряные рублевики, полтинники и другие мелкие монеты... в народе ходили по назначенным надписям обыкновенными деньгами без всякого спору»[223].

Хотя Петр I «выжал» из денежной системы столько дополнительных доходов, сколько до него не удавалось никому другому, денег для удовлетворения всех первостепенных потребностей не хватало. Нередко, например, из-за отсутствия средств приходилось задерживать выплату жалования солдатам и офицерам действующей армии. Поэтому он настойчиво требовал «великого бережения» денег: «смотреть во всем государстве расходы, и ненужные, а особливо напрасные отставить»[224]. Он крайне жестко наказывал людей, нерадиво относившихся к использованию государственных

средств, не говоря уже о казнокрадах. В то же время Петр I хорошо понимал, что главным средством пополнения казны выступают не разного рода ухищрения и махинации с чеканкой денег, а регулярные налоговые поступления. «Нужно, - говорил он, — денег как возможно собирать, понеже деньги суть артерии войны»[225].

Проблема сбора налогов и в допетровской России всегда была сложной, острой и трудновыполнимой. Для ее разрешения применялись разные методы и формы, но суть оставалась одна: отобрать у работающего населения как можно большую часть собранного урожая, полученного дохода, накопленных сбережений, а также живого труда. В качестве основного инструмента достижения таких целей использовались прямые и косвенные налоги, а также разного рода повинности. Конкретным объектом обложения выступали пахотные земли (соха), рабочий скот, трудоспособные мужчины, домохозяйства, в целом, а также многие предметы потребления, прежде всего, водка, сахар, соль, хлеб и др.

Твердых и постоянных норм обложения не было. Они менялись под воздействием многих обстоятельств, в том числе от того, кто и как собирал налоги. На первый взгляд кажется, что проще всего для этого создать единую централизованную систему, имеющую своих представителей на местах. Поначалу «корм» (дань) в крупных поселках собирали наместники князя, в селах — волостели. Практика показала, однако, что такая система малоэффективна и дорого обходится центральной власти. Люди, допущенные к сбору денег, слишком часто стремятся оставить значительную часть их в своем распоряжении. И чем дольше они занимают такую должность, тем сильнее становится их жажда к наживе и, соответственно, больше доля, которую они присваивали себе. Поэтому в центре очень быстро поняли, что сбор налогов лучше всего поручить какому-нибудь первичному, лучше выборному органу, объединяющему население определенной территории и выполняющему функцию коллективной ответственности за своевременность и полноту установленных платежей (круговая порука). Такую роль осуществляли общины сельских жителей и органы самоуправления в городах. (Татары в свое время использовали с этой же целью, но в более широких масштабах, московских и других князей).

Столкнувшись с большими трудностями в сфере финансов уже в первые годы своего царствования, Петр I умножил количество налогов и резко увеличил их ставки. При этом он использовал

даже своеобразную форму национализации: расширил государственные регалии (права) и ограничил частную собственность. Так, рядом указов в оброчные объекты превращаются частные суда, постоялые дворы, лавки, мосты, переправы, рыбные ловли, пасеки, домашние бани, погреба. Одновременно устанавливается государственная монополия на торговлю наиболее выгодными товарами (вино, пиво, соль, сахар, икра, рыбий жир, сало, сода, меха, деготь и другие товары) как на внутренним, так и на внешнем рынке.

Дополнительные доходы укрепили финансовую базу весьма активной деятельности самодержца. Однако, потребности возрастали еще быстрее. И Петр решился на проведение радикальной налоговой реформы: заменил постоянные и временные **прямые** сборы одной податью по новой окладной единице — мужской душе. В этой связи была проведена перепись населения и в начале 1722 года произведена раскладка налога на крестьян и дворовых, а также иных тягловых людей мужского пола. Размер государственной подати на крепостного мужика составил 8 гривен (80 копеек). При этом имелось в виду, что еще 40 копеек получит с него помещик. Государственные крестьяне, однодворцы, а также купцы гостиной сотни и другие посадские люди должны были платить по 1 руб. 20 копеек с души. Подворные сборы были отменены. Об эффективности реформы можно судить по ее фискальным результатам. Если общая сумма прежних прямых налогов не превышала 1.8 млн. рублей, то в 1724 году она достигла более 4.7 миллионов.

Источники государственных доходов в 1724 году

	млн. рублей	%
Прямые налоги (подушный и др.)	4,7	55,5
Косвенные налоги	2,1	24,9
Регалии (монетная, почтовая, др.)	0,9	10,5
Оброки с имущества	0,5	5,6
Пошлины	0,2	1,8
Прочие сборы	0,15	1,7
Всего	8,5	100

Из таблицы видно, что прямые налоги, взимаемые с населения, к концу царствования Петра I составляли более половины всех источников государственных доходов. Такая система сыграла одну из главных ролей в том, чтобы увязать скачкообразно возросшие

государственные расходы с доходами, и тем самым с финансовой стороны обеспечить победу над шведами.

Не всякая экономика смогла бы вынести те огромные тяготы, которые возложила на нее долгая, изнурительная война. Центр тяжести бремени пришелся на крестьянские хозяйства и только им известно, как удалось все это вынести. Потребовалось 2-2.5 десятилетия, чтобы экономика смогла прийти в себя от пережитых перегрузок. Манифестом 1752 года было объявлено о прощении недоимок подушного сбора за 1724-1747 годы. В течение почти всего пятого десятилетия ставка подушного налога снижалась на 3, 5, 8 копеек ежегодно. Возникающее при этом сокращение доходов для казны перекрывалось за счет увеличения косвенных налогов, в основном, на вино и соль. В середине XVIII века Елизавета, дочь Петра одобрила предложение графа П.И. Шувалова о проведении необычной для российских царей денежной реформы. Сначала номинальная стоимость медного пятака была официально снижена до 2-х копеек. Затем эти монеты были выкуплены у населения и переплавлены в новые монеты, стопа которых составляла 8 рублей из пуда меди. Тем самым внутренняя ценность медных денег стала соответствовать их номиналу.

Об общем улучшении хозяйственной обстановки в стране к середине века, в частности, свидетельствует большой (760 тыс. человек) прирост населения между двумя переписями 1747 и 1761 гг. Так, относительно благополучно закончился начальный этап формирования денежной и финансовой системы в России.

2.3. Хронический дефицит бюджета порождает бумажные деньги

Государственные финансы и денежная система — близкие родственники. Хотя внешне они не похожи друг на друга, но по своей сущности и поведению — во многом напоминают близнецов. Их родственное сходство особенно ярко проявилось в XVIII веке, когда появились бумажные деньги — ассигнации. Это послужило началом новой, причем мучительной, эры в развитии нетолько финансовой системы, но и всей экономики.

Идеи о целесообразности введения ассигнаций высказывались еще при Елизавете, которая их категорически отвергала. Петр III издал указ о выпуске бумажных денег, но был лишен власти, а за-

тем и жизни, прежде, чем успел практически что-нибудь сделать в этом направлении. Его преемница Екатерина II в первые годы и слышать не хотела о том, что начал ее свергнутый с престола муж. Однако, острая нужда в деньгах заставляет даже императриц менять свои принципы и взгляды. Умелые царедворцы заранее чувствуют такие перемены. Поэтому граф Сиверс и князь Вяземский почти одновременно подали ее Величеству записки, в которых доказывали, что выпуск бумажных денег во многих отношениях предпочтительнее чеканки медных монет.

Поскольку финансовые трудности, возникшие в связи с очередной войной с Турцией, не оставляли много времени для светских дискуссий, Екатерина II довольно быстро дала согласие на то, что совсем недавно с возмущением отвергала. В конце 1768 года она подписала два важных документа: манифест и именной указ Сенату. Суть их сводилась к тому, что с 1 января 1769 года в денежное обращение вводятся бумажные ассигнации, которые приравниваются к «ходячим монетам». «...Все правительства и казенные места должны принимать те ассигнации во все государственные сборы без малейшего затруднения». Надежность таких денег правительница гарантировала не только от себя лично, но и от имени своих потомков: «Мы, императорским нашим словом, торжественно объявляем за нас и преемников престола нашего, что по тем государственным ассигнациям всегда исправная и верная последует выдача денег требующим оную из банка»[2 26].

Первоначально ассигнаций было выпущено на 1 миллион рублей. Практически обмен металлических и бумажных денег осуществляли два специально созданных для этого ассигнационных банка: в Москве и Петербурге. В каждом из них был создан разменный фонд медной монеты по 500 рублей. Имелся также запас новых ассигнаций для выдачи частным лицам в обмен на деньги из любого металла, а также на серебро в слитках и изделиях. Новые деньги удобно было взять с собой в дорогу, расплатиться ими за оптовую партию товаров, за покупку недвижимости и земли, осуществить крупные налоговые платежи. До конца XVIII века возможности использования ассигнаций при повседневных, мелких актах купли-продажи были весьма ограниченными: в обращение были выпущены только крупные купюры.

При обслуживании оптовых сделок и платежей, ассигнации были удобнее медной, а иногда и серебряной монеты. Поэтому опреде-

ленная часть населения приняла их с одобрением, и в первые годы рыночный курс ассигнаций держался даже немного выше по отношению к номиналу медной монеты. Относительно благополучная конъюнктура на рынке ассигнаций сохранялась примерно 18 лет, пока у молодого Шувалова не появилась идея увеличить объем ассигнаций в обращении до 100 млн. при минимальном металлическом обеспечении. Деньги были крайне нужны, и императрица легко поверила в новый проект, опять публично пообещав «за нас и преемников Императорского престола, что число банковых ассигнаций никогда и не каком случае не долженствует простираться в нашем государстве выше 100 миллионов рублей»[2 27]. Однако, как показала практика, «царево слово» опять было девальвировано. К концу царствования Екатерины II номинальная стоимость ассигнаций, находившихся в обращении, достигла 158 млн. рублей, а ближайшие ее преемники установили своеобразный рекорд первой половины XIX столетия — 836 млн.

Объемы и реальная ценность ассигнаций в 1769—1822 гг.[2 28]

млн. рублей

	1769	1786	1796	1801	1810	1814	1817	1822
Номинальный объем ассигнаций	1	46	158	221	577	821	836	596
Обменный фонд металлических денег	1	25	32	-	3,3	-	-	-
Стоимость 1 ассигнации, сереб. коп	101	99	69	66	33,3	20	25,5	26,4

Начальные 18 лет показали, что в принципе ассигнации могут успешно выполнять определенные функции денег. Дело не в материале, из которого они сделаны, а в том, как люди, точнее правители, используют этот острый инструментарий в финансовой практике. Для того, чтобы получить позитивные результаты, необходимо строго соблюдать, по крайней мере, два условия: во-первых, количество бумажных денег в обращении не должно превышать объективно обусловленного предела, который,в свою очередь,определяется потребностями общества и экономики в средствах обращения и платежа. В конце XVIII века этот предел для бумажных рублей находился где-то между 100 и 150 млн. Во-вторых, нужно иметь механизм, позволяющий автоматически перемещать часть бумаж-

ных денег из сферы обращения в хранилища эмиссионного банка, когда их объем начинает превышать красную черту.

В то время оба этих условия были нарушены. В начале XIX столетия финансовая и эмиссионная политика правительства под давлением внешних обстоятельств приобрела явно авантюрный характер. Дело в том, что бумажные деньги одновременно обслуживают две относительно обособленные, но все же связанные между собой сферы: рынок и бюджет. На рынке они используются, в основном, как средства обращения, меры стоимости и платежа. В сфере государственных финансов они применяются не только в качестве платежного средства, но и как инструмент реализации принудительных займов или налогов, в зависимости от того, намерено ли правительство изымать излишние деньги из обращения или девальвирует их.

В сфере государственных финансов после 1786 г. фискальная функция бумажных денег приобрела главное значение. Их эмиссия стала основным источником покрытия растущего разрыва между расходами и доходами государства. Рынок был переполнен ассигнациями. В 1802 г. обмен ассигнаций даже на медные деньги был окончательно приостановлен. Но эмиссия их продолжалась, поскольку войны с Наполеоном требовали все новых, растущих расходов. Кстати, французы помогали в этом деле: они завезли в Россию большое количество фальшивых ассигнаций.

Государственные расходы выросли за одиннадцать лет больше, чем в четыре раза, а обыкновенные доходы — только в три. Дефицит пришлось покрывать,в основном,за счет внутренних займов среди различных кредитных учреждений. В 1814-1815 гг. курс акций на петербургской бирже упал до самого низкого уровня — 20 копеек серебром. Возникла реальная угроза полного расстройства денежной системы страны. Правительство давно уже лихорадочно искало выход из создавшегося положения. Чтобы повысить спрос на бумажные деньги, еще в 1812 г. ассигнации были официально объявлены основным платежным средством. (За два года до этого такая роль отводилась серебряному рублю).Все расчеты между казной и частными лицами должны были производится на основе ассигнаций. При этом устанавливался их принудительный курс: 1 бумажный рубль приравнивался к 50 коп. серебром. Такие меры не остановили продолжающегося обесценения ассигнаций. Только после окончания войны их рыночный курс поднялся до 25,3, а еще через год до 26,4 копейки.

Государственные расходы и доходы в 1803—1814 гг.[229]

в млн. ассигнационных рублей

	1803	1805	1810	1814
Расходы, всего:	109,4	125,4	279,0	457,7
в том числе: на военные нужды	52,7*	57,2	147,5	301,0
их доля в %	43,1*	45,6	52,9	65,8
Доходы, всего:	111,9	136,9	256,8	480,1
в том числе: обыкновенные	101,8	107,3	182,6	300,5
займы	9,2	29,6	44,4	117,1
доля займов в %	9,0	21,6	17,3	24,4

Главным направлением дальнейшего укрепления денежной системы, по мнению министра финансов Д. Гурьева, должно было стать сокращение на половину или хотя бы на одну треть общего объема ассигнаций, находящихся в обращении. Для того, чтобы получить деньги для их выкупа, пришлось выпустить несколько внутренних займов. За пять лет удалось с немалым трудом «вытащить» из оборота бумажных денег на 240 млн. руб. За это же время их курс повысился менее, чем на 1 копейку. Следует обратить внимание и на следующий феномен: в 1810 и 1822 годах количество ассигнаций в обращении было примерно одинаковым. В 1810 г. страна находилась накануне нового витка войны. В 1822 г., уже после победы, начался экономический подъем, а курс ассигнаций был почти на 7 коп ниже, чем двенадцать лет назад. Вряд ли кто-нибудь в то время мог объяснить эту загадку, но выкуп ассигнаций решили прекратить: игра явно не стоила свеч.

Весной 1823 г. новым министром финансов был назначен Е.Ф. Канкрин. Ученый по призванию (он написал несколько теоретических книг) и опытный хозяйственник-практик (в годы войны он руководил снабжением армии Кутузова продовольствием и фуражем) Егор Францевич соединял в себе гибкий ум, огромное трудолюбие, честность, энергию и упрямство человека, который мог спорить и даже не соглашаться с Николаем I, если считал, что это требуют интересы дела.

В своей деятельности как министр финансов он опирался на выработанную им общую концепцию подъема российской экономики, в том числе торговли, промышленности, сельского хозяйства, а также науки и образования. Исходная предпосылка — наведение порядка в государственных финансах, прежде всего, установление

равновесия бюджета. В этой связи он постоянно требовал и добивался рационального, бережливого отношения к расходованию финансовых ресурсов.

Государственные расходы и доходы в период Е. Канкрина[2 30]

1823 и 1833 гг. млн. рублей в ассигнациях, 1843 г. серебряных

	1823	1833	1843
Расходы, всего в том числе:	479,1	495	740,3
военное и морское министерства	222,3	208,1	287
платежи по госдолгу	66,3	73,6	94,5
Доходы, всего в том числе:	463,4	501,7	777,7
Обыкновенные из них:	407,2	471,8	690,6
прямые налоги	133,2	121,0	161,7
питейные	131,2	116,9	190,8
таможенные	41,2	81,8	103,3
Займы	51,3	27,0	78,7

Конкретные данные подтверждают, что линия на сдерживание государственных расходов, особенно в первое десятилетие деятельности Е. Канкрина, дала заметные результаты. Их общий объем в 1833 году по сравнению с 1923 годом увеличился всего на 3,3 % . Военные расходы даже снизились. Удалось стабилизировать бюджеты министерства иностранных дел, МВД, императорского двора и других. В то же время возросли затраты на народное образование, строительство дорог, а также на платежи по государственному долгу. Весьма характерна и динамика доходной части. За первое десятилетие снизились подушные и другие прямые налоги. В то же время вдвое возросли таможенные сборы, что не только увеличило поступление денег в казну, но и защищало молодую национальную промышленность.

Главным плодом своих свершений на посту министра финансов Е. Канкрин считал успешно проведенную денежную реформу, позволившую восстановить серебряное обращение в России. К достижению этой цели он приближался поэтапно, хотя определенные сбои в ритм такого движения внесли война с Турцией (1828-1829 гг.), восстание в Польше, неурожаи хлебов. На начальном этапе главная задача состояла в том, чтобы стабилизировать рыночный курс ас-

сигнаций на уровне 26-27 копеек серебром за бумажный рубль. На протяжении почти 10 лет выпуск в обращение новых облигаций был практически прекращен и в 1823-1831 гг. такой курс удалось выдержать[2.31]. Когда публика привыкла к его устойчивости, в 1827 г было официально разрешено при взносах в казну налоговых платежей принимать от населения серебро по биржевому курсу 1:3.7 или 27 копеек серебром за рубль ассигнациями. Формально это означало девальвацию бумажных денег, но фактически население уже несколько десятилетий использовало примерно такой курс в хозяйственной практике.

Эксперимент прошел удачно, и в 1830 г. в 27 губерниях разрешили принимать металлические деньги при платежах за **все** подати и сборы по чуть уточненному курсу — 27.4 копейки. Благодаря этому мероприятию резко увеличился приток в казну звонкой монеты. Люди привыкали к забытой уже форме металлических денег, которые начали обращаться на рынке наравне с ассигнациями. Последние постепенно стали превращаться как бы в разменные (вспомогательные) деньги. Тем не менее спрос на них возрос, поскольку и продавцы, и покупатели убедились на практике в устойчивом характере повышения их курсовой стоимости.

1839 год принято считать началом денежной реформы Е. Канкрина (по нашему мнению, это было началом ее второго этапа): серебряный рубль объявили базовой монетной единицей и установили его твердый курс по отношению к ассигнациям. С 1 января 1840 года при государственном коммерческом банке открылись депозитные кассы для привлечения вкладов населения в звонкой монете. В обмен вкладчик получал специальные депозитные билеты достоинством 1, 3, 5, 10, 25, 50, 100 рублей серебром. Такие билеты имели хождение, наравне с серебряной монетой, по всей стране. Очень быстро население привыкло к тому, что:

- в качестве платежного средства везде можно использовать и звонкую монету, и бумажные деньги;
- курс ассигнаций в течении длительного времени остается практически стабильным;
- при совершении крупных платежей использование денежных купюр предпочтительнее по сравнению с металлическими монетами.

В конце 1841 г. депозитные билеты были заменены кредитными билетами. Еще через два года оставшиеся в обращении ассигнации

были выкуплены по курсу: 3.5 рубля ассигнациями = 1 серебряному рублю или 1 рубль ассигнациями приравнивался к 28.6 копейкам серебром.

Новая денежная система устойчиво функционировала более чем 10 лет. Ее выбила из колеи Крымская война 1853-1856 гг., финансирование которой в очередной раз осуществлялось за счет эмиссии новых кредитных билетов, курс которых быстро упал и их свободный обмен на серебро вновь пришлось прекратить.

На преодоление финансовых последствий войны потребовалось свыше двух десятилетий. Всего с начала 1853 до 1857 года было выпущено дополнительно кредитных билетов на 424 млн. рублей, что более чем вдвое увеличило их общий объем. В результате сумма бумажных денег в обращении достигла 734 млн. рублей. (До войны она сосавляла 310 млн.). Логично, что курс билетов упал. Политики задумались: где же выход? Однако, как это было и в период обесценения ассигнаций, владельцы звонкой монеты не стали дожидаться их решения: часть серебра оказалось спрятанной в укромных местах, другая «выехала на гастроли» за границу. Товары на местных рынках значительно повысились в цене. В таких условиях было принято решение: перечеканить серебряные рубли 83-ей на монеты 72-ой пробы. Вывоз испорченных денег сократился, а возможно и практически прекратился.

В начале 60-х годов в связи с оживлением торговли и экономической активности в целом сложилось впечатление, что финансовое положение достаточно улучшилось и можно возобновить размен кредитных билетов на серебро. Но, как только он начался, обменный фонд стал критически быстро таять, и с 1 января 1864 г. эксперимент пришлось остановить.

К середине 1875 г. на денежном горизонте опять просветлело. Запасы серебра и золота достигли 231 млн. рублей на 797 млн. рублей кредитными билетами, т.е. почти каждый третий бумажный рубль опирался на благородный металл. Начали готовиться к возобновлению обменных операций. Однако, в который раз, подступили тяжелые тучи новой войны с Турцией. И она вскоре началась. Опять пришлось запустить печатный станок. К январю 1879 г. в обращении находилось кредитных билетов на 1188 млн. рублей — неслыханная никогда еще сумма[2 32]. На рынке кредитный рубль потерял треть своей покупательной силы.

В это время на финансовом небосклоне неожиданно появилась

новая звезда — Александр Абаза, по происхождению молдаванин, принадлежавший к старинному дворянскому роду. К тому же богатый владелец сахарных заводов. Среди столичной элиты он больше был известен как азартный картежник. Видимо, не только поэтому в октябре 1880 г., Александр II назначил его министром финансов.

Абаза плохо знал историю бумажных денег и решил учиться на собственных ошибках. Он предложил смелый план выкупа тех лишних кредитных билетов на 400 млн. рублей, которые были выпущены в период войны. План был одобрен соответствующим указом царя. Имелось в виду каждый год выкупать билеты на 50 млн. в течение восьми лет. На бумаге выглядело все просто, как в таблице умножения, 50 взять 8 раз, — и задача решена. Однако, на практике результат получился другим: за пять лет было выкуплено всего 87 млн. Дело в том, что бюджет оставался хронически дефицитным. Каждый раз в государственные расходы включали эти пресловутые 50 млн. (указ царя никто не отменил) и каждый год среди чрезвычайных доходов можно было видеть новые займы. Биржевой курс кредитных билетов на все эти квази-выкупные операции никак не прореагировал.

Уже в конце 1881 г. А. Абазу на посту министра финансов сменил Николай Христианович Бунге — ученый, юрист по образованию, экономист и финансист по опыту работы. Он активно участвовал в подготовке крестьянской реформы, заведовал кафедрой в Киевском университете, прочитал курс теории финансов наследнику престола Николаю Александровичу, т.е. его хорошо знали и в царской семье. Как ученый, Н. Бунге последовательно придерживался стратегической линии на общее улучшение экономического положения государства и поднятие народного благополучия. Как главный финансист страны, он стремился практически реализовать свои взгляды в конкретной обстановке России конца XIX века:

- за семь лет его деятельности в министерстве финансов податные сборы сократились более чем вдвое, в том числе значительно снизились выкупные платежи для крестьян. Принят указ о постепенной отмене податной подати вообще;
- создан Крестьянский поземельный банк;
- чтобы уравнять бюджетные расходы и доходы были повышены косвенные налоги и прямое обложение зажиточной и богатой части населения;

- повышены таможенные пошлины, приняты другие меры для поддержки промышленности, торговли и железнодорожного строительства;
- накоплен солидный золотой запас для будущей денежной реформы.

Финансовая политика Н. Бунге нашла также свое концентрированное выражение в количественных и структурных изменениях государственного бюджета:

Цифры наглядно иллюстрируют финансовую политику Н. Бунге:

- сдерживание как обыкновенных, так и чрезвычайных расходов;
- снижение прямых и увеличение косвенных налогов;
- расширение расходов на погашение старого государственного долга. Эта статья превысила суммарные расходы военного и морского министерств, вместе взятых.

Государственные доходы и расходы в 1881—1886 гг.[2 33]

млн. рублей

	1881	1886	1886/1881 %
Доходы, всего:	806,9	958,2	119
из них: *обыкновенные*	651,7	780,7	120
в том числе:			
подати и сборы	116,7	96,7	83
питейный доход	225,4	237,0	105
прочие акцизы	16,5	35,3	214
таможенные пошлины	85,8	102,4	119
чрезвычайные	155,2	177,5	114
из них: займы	91,4	149,9	164
Расходы, всего:	840,3	945,0	112
из них: *обыкновенные*	732,4	832,8	114
в том числе:			
погашение гос. долга	195,6	264,1	135
воен. и мор. мин-ва	256,1	257,0	100
мин-во финансов	108,4	116,3	107
чрезвычайные	107,9	112,6	104

Политика Н. Бунге позволила накопить золота и золотых монет примерно на 125 млн. рублей, что послужило первой ступенькой будущей денежной реформы.

С начала 1887 года министерство финансов возглавил И.А. Вышнеградский, учитель математики по образованию. Научные искания привели его сначала в область механики. Он стал профессором Технологического института и Артиллерийской академии, но до конца жизни продолжал учиться новому: освоив теорию сопротивления материалов и подъемных машин, он перешел к науке о финансах и народном хозяйстве.

Заняв главный кабинет в министерстве, Иван Алексеевич поддержал и продолжил стратегию своего предшественника — борьбу с дефицитом государственного бюджета в двух главных направлениях: первое — всемерная бережливость и экономия в расходовании денежных ресурсов и второе — увеличение доходов, прежде всего за счет повышения косвенных налогов. Ввел два новых акциза: на спички и керосин (осветительное масло).

В сфере денежного обращения И. Вышнеградский всеми силами стремился сдержать эмиссию кредитных билетов, но это удавалось ему далеко не всегда. В последнем году его министерства (1892) общий объем кредитных билетов в обращении достиг новой рекордной суммы — 1296 млн. рублей[2.34]. Тактика министерства в этот период состояла в том, чтобы выпускать бумажные деньги в обращение небольшими партиями в 25-50, лишь иногда до 75 млн. рублей, предпочительно весной или осенью, когда спрос на наличные деньги обычно возрастает.

Такая политика позволила решить две трудные задачи: во-первых, почти втрое увеличить золотой запас — до 361.5 млн. рублей, в том числе 360 млн. составляли золотые монеты. Это был еще один крупный шаг на пути к новой денежной реформе; во-вторых, вплотную приблизиться к решению проблемы устойчивой сбалансированности государственного бюджета.

Как видно из этих данных, И. Вышнеградскому удалось достигнуть общей сбалансированности бюджетных доходов и расходов. Решение задачи стало возможным за счет двукратного роста доходов от казенных железных дорог, введения новых и увеличения ранее действовавших акцизов, а также проведения крупных внутренних эмиссионных займов. В отличие от прошлого периода возросли также прямые налоги.

Первое место в расходной части заняли военное и морское министерства. Ненамного отставали от них платежи по погашению государственного долга. Одновременно более чем вдвое увеличи-

Государственные доходы и расходы в 1887 и 1892 гг.[235]

в млн. рублей

	1887	1892	1892:1887
Доходы, всего	974,2	1168,8	120
из них: *обыкновенные*	829,7	970,2	117
в том числе: платежи и сборы	52,8	55,9	109
питейный доход	257,6	269,0	109
казенные ж.д.	53,4	111,1	208
выкупные платежи	89,0	77,1	87
чрезвычайные	144,5	198,7	136
в том числе: займы	131,8	165,8	126
Расходы, всего	930,9	1125,5	121
из них: *обыкновенные*	835,8	910,7	109
в том числе: платежи по госдолгу	280,9	251,1	89
воен. и мор. министерствам	251,3	284,3	113
мин. путей сообщения	25,8	67,4	261
чрезвычайные	95,1	214,8	226
в том числе: на ж.д. строительство	45,1	100,9	224

лись расходы на железнодорожное строительство. Тем не менее этот сектор оставался прибыльным для государства. Все вместе свидетельствовало о том, что финансовая система России постепенно крепнет и приобретает большую устойчивость.

В августе 1892 года эстафету принял С.Ю. Витте, которому предстояло пройти самый ответственный этап напряженного финансового марафона, начатого более десятилетия назад Николаем Бунге. Как уже отмечалось, и Н. Бунге, и А. Вышнеградский были не только незаурядными министрами, но и творческими учеными, умевшими подходить к практике со стратегических позиций. Благодаря этому они смогли в трудных условиях заметно укрепить государственные финансы и создать солидный золотой запас для будущих реформ. Однако, при всем уважении к ним, нельзя не признать, что С.Ю. Витте был на порядок выше и как стратег, и как организатор. (Подробнее о нем будет сказано в IV главе). К тому же действовать ему пришлось в более благоприятной обстановке: на крутом подъеме была промышленность. Продолжался бурный процесс железнодорожного строительства. Ряд позитивных сдвигов наблюдался в сельском хозяйстве. Торговый баланс имел устойчивое

положительное сальдо. Немаловажное значение приобрел и тот факт, что золотые запасы государства к началу денежной реформы увеличились до 645.7 млн. рублей[2 36].

С. Витте умело реализовал эти преимущества. Его главная цель состояла в том, чтобы укрепить денежную систему России, как несущую конструкцию быстро формирующегося единого национального рынка. Прежде всего предстояло преодолеть резкие колебания курса кредитных денег, что неприятно раскачивало всю экономику. Затем перейти к свободному их размену на золото.

Первыми шагами нового министра в этом направлении были решительные меры против денежных спекулянтов как на петербургской, так и на зарубежных биржах. Местных дельцов он жестко наказывал крупными штрафами, установив строгий контроль за денежными операциями, в том числе с золотыми монетами. За рубежом самое крупное гнездо злостных игроков с российскими кредитными билетами находилось в Берлине. Здесь даже функционировала специализированная «рублевая» биржа. Ее существование оправдовалось тем, что треть экспорта России приходилась на долю Германии. Поэтому и немецкие, и русские торговцы часто пользовались ее услугами. По оценкам специалистов в середине 80-х годов в обращении на этой бирже находилось до 10 млн. бумажных рублей. Естественно, что здесь сложилась благоприятная обстановка для крупных спекуляций, оказывавших заметное влияние на колебания курса рубля не только в Берлине, но и в Петербурге[2.37]. Чтобы нейтрализовать этот источник неустойчивости русской валюты, в 1894 г. Витте направил в Берлин своих людей, которые скупили рубли в тот момент, когда местные «медведи» загнали цены вниз, и заключили *сделки на срок* (фьючерные) еще на 30 млн. рублей. Срок выплаты денег по ним подошел быстро. Свободных рублей в Берлине не оказалось. «Медведи» вынуждены были покупать их по высокой цене в Петербурге. После такого урока «рублевая» биржа в Берлине так и не смогла оправиться.

Ограничив спекулянтов, министерство финансов получило возможность предотвращать резкие скачки курса рубля, оперативно воздействуя на спрос и предложение с помощью текущих резервов.

В январе 1895 г. начался второй этап денежной реформы: государственный банк, в качестве эксперимента, получил право покупать и продавать золотые монеты по биржевому курсу. При заключении других торговых сделок, по соглашению сторон, оплата могла произ-

водиться золотом или кредитными билетами. Кроме того, при платежах в казну можно было расплачиваться депозитными квитанциями, выданными банком взамен полученного золота. Таким образом, начиная реформу, Витте решил воспользоваться моделью Е. Канкрина, успешно опробованную на практике в начале 40-ых годов.

Дело пошло, хотя острая дискуссия вокруг начавшихся перемен продолжалась. С. Витте по тактическим соображениям слово «реформа» не употреблял. Только в своих воспоминаниях он напишет: «Одной из крупнейших реформ, которую мне пришлось сделать, была денежная реформа...против нее была вся мыслящая Россия: во-первых, по невежеству в этом деле, во-вторых, по привычке...»[238].

Наибольшее сопротивление своим преобразованиям он встретил со стороны Государственного совета («по невежеству») и ученых Вольного экономического общества (проф. Л. Ходский, В. Касперов и др.)[239].

Еще в 1882 г. Государственный совет отклонил проект Н. Бунге начать размен кредитных билетов на золото со ссылкой на то, что «еще не созрели условия». И теперь история повторялась:

во-первых, высказывались сомнения о целесообразности девальвации кредитного рубля. Не лучше ли поднять его биржевой курс до номинала путем выкупа части бумажных купюр. Тем самым будет сохранен престиж государства. Основные аргументы против таких сомнений сторонников реформы:

а) в течение XIX столетия в России были сделаны две такие попытки и обе кончились безрезультатно, поскольку рыночный курс бумажных денег находится не в прямой зависимости от их количества в обращении;

б) предлагаемая реформа не направлена на девальвацию кредитного рубля. Такая девальвация уже произошла стихийно в годы Крымской войны и сразу после нее. В данный момент (середина 90-ых годов) речь шла об изменении номинальной ценности золотого рубля в соответствии с его реальной покупательной способностью на рынке. Цены других товаров, в том числе кредитных билетов останутся без изменения.

Во-вторых, оппоненты считали: в условиях свободного размена золото быстренько уйдет за границу. Поэтому не лучше ли сохранить в качестве основной денежной единицы серебряный рубль или, как во Франции, оба металла. Основной аргумент сторонников Витте состоял в том, что серебро быстро обесценивается относитель-

но золота. В X-XI веках соотношение их рыночной ценности выражалось как 1:6, в 1880-1885 гг. как 1:17, в 1890-1895 гг. уже как 1:26. В обозримом будущем такая тенденция сохранится. Поэтому серебряный рубль не может обеспечить высокую устойчивость денежной системы. Если же в обращении появятся две номинально равноправные базовые монеты, то золото исчезнет с рынка и где-нибудь в другом месте будет выполнять функцию гарантированного средства накопления богатств, а в обращении останется обесценивающееся, капризное серебро.

В-третьих, противники реформы утверждали, что укрепление и стабилизация кредитных билетов больно ударит по экспортерам, лишив их инфляционного дохода. Контраргумент состоял в том, что твердая валюта служит основной предпосылкой повышения эффективности хозяйствования и в конечном итоге в выигрыше будут все слои населения, в том числе и экспортеры хлеба.

Так как невежество и консерватизм — это силы, с которыми невозможно бороться дозволенными методами, Витте решил их обойти. Оставив в стороне надменный Государственный совет и ученых из Вольного экономического общества, он напрямую вышел на Николая II. Его императорское величество 2 января 1897 г. собрал у себя финансовый комитет, состоявший в основном из сторонников С. Витте. Обсуждение на этом совещании по существу окончательно решило судьбу денежной реформы. На следующий день был издан указ «О чеканке и выпуске в обращение золотых монет». Действовавший до этого временный курс обмена кредитных денег (1:1.5) был закреплен бессрочно. На его основе началась чеканка новых золотых монет достоинством 5, 7.5 (пол-империала), 10 (червонец, основная монета), 15 (империал) рублей.

Спустя восемь месяцев вышел указ об основах производства и обращения серебренных монет: рубль, полтинник и 25 копеек чеканились из высокопробного серебра. Но сделки, оплачиваемые такой монетой, не должны были превышать 25 рублей, что подчеркивало ее вспомогательный характер. Разменной монетой служили мелкие деньги из низкопробного серебра и меди.

Завершающим шагом проведения денежной реформы стал указ о расширении самостоятельности и ответственности государственного банка в области эмиссии кредитных билетов. Их выпуск должен был быть «строго ограниченным настоятельными потребностями денежного обращения, под обеспечение золотом»[2 40]. Размер золотого обес-

печения должен быть не менее половины, если сумма выпущенных в обращение кредитных билетов не превышает 600 млн. рублей. «Кредитные билеты, находящиеся в обращении свыше 600 млн руб. должны быть обеспечены золотом, по крайней мере, рубль за рубль».

К концу 1901 г. в обращении находилось золотой монеты на 695 млн. рублей, серебряной — на 161.6 млн., новых кредитных билетов — на 630 млн., в том числе, в кассах госбанка — 88 млн. В это же время запасы золота в государственном банке и казначействе достигли 830 млн. руб, запасы серебра — 62 млн.[2.41]. За последние два года деятельности Витте в министерстве финансов золотой рубль еще больше окреп. На 31 декабря 1903 года объем кредитных билетов в обращении сократился до 578 млн., а запасы золота увеличились до 903 млн. рублей[2.42].

Одной из главных предпосылок успеха денежной реформы послужила стабилизация бюджетной системы России. Сохранив общие стратегические направления бюджетной политики своих предшественников, С. Витте внес в нее некоторые существенные коррективы. Прежде всего он отказался от примитивизма в сдерживании государственных расходов, без анализа последствий конкретных мер по экономии: «Сдержанность имеет свои пределы, за которыми отклонение предъявляемых требований о расширении расходов может угрожать серьезными затруднениями нормальному развитию гражданской и экономической жизни страны...». Бюрократической бережливости Витте противопоставлял финансовую политику, направленную на всемерное «содействие экономическим успехам и развитию производительных сил страны. Такая политика может дать наилучшие результаты и в отношении финансового хозяйства, возвышаясь вместе с народным благосостоянием, платежной силой населения и умножая источники государственных доходов»[2.43].

За одиннадцать лет, пока он возглавлял главное экономическое министерство страны, обычные и чрезвычайные расходы бюджета возросли в два раза: с 1125 до 2257 млн. рублей. Среднегодовой темп их прироста достиг 6.5 % (при Н.Бунге и И.Вышнеградском — только 3 %). Возможно кто-то возразит: большого ума не требуется, чтобы быстро тратить бюджетные деньги. Но в том то и дело, что Витте расходовал деньги весьма расчетливо. Ему принадлежит авторство ставшей классической формулы: « достижение наибольших результатов с наименьшими усилиями». Во-вторых, он надежно подкрепил расширение обыкновенных расходов опережающим рос-

том доходов. Характерно, что за весь период, пока Витте был министром финансов, обыкновенный бюджет исполнялся с большим положительным сальдо.

Сальдо доходных и расходных статей бюджета в 1893—1903гг.[2.44]

млн. рублей

	1893	1894	1895	1896	1897	1898	1899	1900	1901	1902	1903
Обыкновенный баланс +	98,7	163	118	140	117	227	210	149	141	36,9	149
Чрезвычайный баланс	60,8	- 85	-221	-212	-152	-326	-138	-301	-24	-169	-94
Общебюджетные сальдо	159	77	-103	- 72	- 35	- 99	72	-152	117	-132	55

Из 11 лет общебюджетное сальдо 6 раз было отрицательным. Возникавший дефицит покрывался за счет внутренних и внешних займов. Примерно третья часть таких займов использовалась для финансирования строительства транссибирской и других железнодорожных магистралей. Одновременно рос государственный долг.

Государственный долг России[2.45]

	1891	1896	1900	1903	1910	1914
млн. руб	4997	5944	6275	6652	9055	8824

«У народного хозяйства, - писал известный русский финансист М.И. Боголепов, - способность поглощать государственные займы имеет свои границы. Если государство с непомерной энергией накапливает так называемую производительную задолженность, то оно рискует в конце концов встретиться с вышеуказанными границами»[2.46]. В начале XX века до этих границ у России все еще оставалось некоторое пространство, о чем косвенно свидетельствуют данные статистики. Размер государственного долга в расчете на одного жителя в 1910 году составлял (в рублях): во Франции — 258, в Англии — 153, Пруссии — 110 и в России — 55 рублей[2.47]. Используя мирную передышку и высокое доверие за рубежом к надежности золотой денежной системы, Витте удалось конвертировать (заменить) 5-ти и 6-ти процентные займы на 4, 4,5 и даже 3-х процентные, что,в свою очередь,позволило при увеличении общей суммы задолженности снизить расходы на ее обслуживание.

Его большая заслуга состояла также в эффективном изменении структуры доходной части государственного бюджета. Так, в 1903 году косвенные налоги, среди которых преобладали поступления от винной монополии, таможенные пошлины и государственные регалии составили 1154,4 млн. рублей или 57 % всех доходов. Казенный сектор, в основном государственные железные дороги, перечислил в бюджет 570.7 млн. рублей. На его долю приходилось 28 % его доходной части.

Преемники С. Витте поддерживали созданный им денежный и финансовый механизм в хорошем состоянии. Исключение составил период русско-японской войны и революции 1905-1507 гг. В.Н. Коковцев, бывший в то время министром финансов, вспоминает: «Доходы стали поступать чрезвычайно скупо... Сберегательные кассы выдерживали систематическую осаду на их средства, и каждый день стал давать небывалую до того картину — предъявление требований о выплате вкладов золотом... Наше финансовое положение становилось все более и более шатким»[248]. В этот момент серьезно обсуждался вопрос о прекращении обмена кредитных билетов на золото. Только крупные займы в Париже помогли выйти из кризиса. Государственный банк смог выделить необходимые кредиты частным банкам. Процентные ставки были снижены с 8 до 4.5 %. В 1908 г. появились первые признаки оживления промышленной деятельности, нового строительства, торговли. Восстанавливается бюджетное равновесие: в 1908 г. сумма обыкновенных доходов составила 2418 млн. рублей, расходов - 2388 млн. Эмиссионное право Госбанка, снизившееся в декабре 1905 г. практически до нуля, в 1908 г. поднялось до 314 млн. рублей. Еще интенсивнее экономический рост и укрепление финансов происходил в пятилетие 1909-1913 гг.

Бюджетные доходы и расходы в 1909—1913 гг.[249]

млн. рублей

	1909	1910	1911	1912	1913
Обыкновенные:					
доходы	2526	2781	2952	3106	3415
расходы	2451	2473	2536	2722	3070
Чрезвычайные					
доходы	163	24	3	2	13
расходы	156	124	310	449	285
Общее сальдо	+82	+208	+109	-63	+73

В цифрах бюджета уже чувствовалось приближение войны (увеличение расходов). Но в целом они выражали пока спокойствие и устойчивость.

В хорошем состоянии находилась и денежная система. На 1 января 1914 г. сумма кредитных билетов, находившихся в обращении, достигла 1665 млн. рублей, которые прочно опирались на 1695 миллионный запас золота. Таким образом, обновленные деньги и финансы России в начале XX века обладали достаточно солидным запасом прочности.

2.4. Развитие банков в России

Центральное место денег в рыночном механизме персонифицируется в деятельности банков. Беря на себя такую роль, они создают обособленный финансовый рынок, где деньги можно купить и продать, на определенный срок заложить материальные ценности. Рядом те же банки формируют рынок ценных бумаг — акций, облигаций, других денежных обязательств. Все это увеличивает скорость обращения товаров, денег и капиталов. Высокая скорость движения на рынке, в свою очередь, позволяет экономить затраты и повышать эффективность всего воспроизводственного оборота. Поэтому банки необходимы. Они есть и будут функционировать, пока существуют деньги.

Первая функция банков — кредит под готовые товары, т.е. помощь в расширении оборотных средств товаропроизводителей, что через цепочку взаимосвязей позволяет увеличить и производство. Банковский кредит под товары предоставляется и купцам, когда им не хватает собственных средств при оплате крупных оптовых сделок. При получении денег они дают расписку (вексель) с обязательством вернуть определенную сумму в зафиксированный срок (обычно через 3-6 месяцев, реже — через год). Полученный на руки кредит меньше,чем указанная в расписке сумма. Таким образом заемщик сразу же оплачивает свой долг, а затем уже его возвращает. Подобный учет векселей — одна из наиболее распространенных активных банковских операций.

Другая важная функция банков состоит в том, чтобы мобилизовать «свободные» деньги в народном хозяйстве, в том числе сбережения среднего класса и пенсионеров. С этой целью в банках открываются расчетные счета для юридических лиц и депозитные —

для физических. Для поощрения вкладчиков банк начисляет им определенный процент за время хранения денег на банковских счетах. Разница между процентами за кредит и депозит выступает одним из источников доходов кредитных учреждений.

Третья функция — расчетная. По распоряжению и с согласия клиентов банк переводит деньги с одного счета на другой без использования наличных денег, выполняет другие денежные поручения, в том числе покупает и продает ценные бумаги.

Банк может также финансировать в кредит долгосрочные инвестиционные проекты, оказывать консультационные, информационные и другие услуги, поскольку располагает, как правило, квалифицированными, разносторонне подготовленными кадрами.

Эмиссионный банк, чаще всего это государственное учреждение, целенаправленно регулирует количество денег в обращении и, тем самым, косвенно воздействует на рыночный платежеспособный спрос, товарное производство, капитальное строительство и доходы населения. Обычно это делается тремя основными приемами: первый — увеличение или сокращение количества наличных денег в обращении; второй — повышение или снижение норматива денежного резерва, обязательного для каждого банка; третий — маневрирование ставкой рефинансирования.

Как показывает исторический опыт, возникновение и развитие ключевых компонентов рыночных отношений, кредита, денег и финансов, тесно взаимосвязанные между собой процессы. Кредит родился первым. Еще в древние времена считалось нормальным, что бедняк весной просит взаймы один-два мешка зерна у богатого соседа, а осенью возвращает долг с «насыпом». Позже возник кредит под процент в денежной форме. Поскольку в таких делах было немало произвола и злоупотреблений, князья издавна пытались установить хоть какой-нибудь порядок, стремясь ограничить алчность ростовщиков и регулировать норму ссудного процента. Так «Русская правда» установила предел платы за ссуду на уровне 20%. Но за «малое число дней» не возбранялось брать и в два раза больше. 60% годовых считалось грубым нарушением, «лихвой», за что полагалось наказание.

В средние века государственные власти с переменным успехом вели борьбу за то, чтобы снизить норму годовых до 10%. Царь Алексей Михайлович своим Уложением 1649 г. вообще запретил ростовщичество, ссылаясь на то, что взимание процентов за ссуду

противоречит правилам церкви. Однако реализовать это уложение так и не смог, тем более, что сам ни раз просил у монастырей деньги в долг, который не всегда возвращал. При Петре I берг- и мануфактур-коллегии иногда выдавали крупные ссуды частным лицам для строительства фабрик не только бесплатно, т. е. не беря процентов, но и безвозвратно.

Первые специализированные кредитные учреждения появились уже после Петра. Так, в 30-50-ые годы XVIII столетия монетная контора в Петербурге получила право ссужать деньги придворной знати под залог золотых и серебряных вещей в размере трех четвертей их стоимости. Кредит предоставлялся из расчета 8 % годовых на срок не более 12 месяцев. Лишь в исключительных случаях (т.е. для наиболее влиятельных людей) допускалась отсрочка до 3-х лет. Если деньги в срок не возвращались, контора имела право перечеканить изделия из благородных металлов в монету. Взяв свою долю (три четверти), остаток она возвращала хозяину[2.51].

«Настоящие» банки в России были созданы в середине XVIII века. Дочь Петра Великого Елизавета, чтобы поддержать офицерский состав в армии и чиновников государственной службы, а также купечество в городах, в 1754 г. провела два важных мероприятия: во-первых, издала указ «о наказании ростовщиков». Была установлена предельно допустимая ставка за ссуду на уровне 6 %. годовых. Во-вторых, учредила государственный заемный банк, который состоял из дворянского банка с отделениями в Петербурге и Москве и купеческого заемного банка, в северной столице. Их уставной капитал (соответственно, 750 и 500 тыс.) был сформирован за счет казны. Первый выдавал ссуды лицам дворянского происхождения из расчета 6 % годовых под залог золота, серебра, а также имений. При этом стоимость недвижимости определялась числом крепостных. На одну мужскую душу можно было получить в кредит 10-20 рублей. В то же время банк стал принимать вклады от частных лиц с выплатой процентов.

Купеческий банк выдавал кредиты петербургским купцам на срок до 6-12 месяцев под залог товаров, доставленных в порт. Позже для получения ссуды купцу было достаточно предъявить поручительство магистрата или ратуши.

Оба банка, особенно дворянский, вскоре же подхватили «детские» болезни. Особенно много забот вызывал низкий уровень ликвидности долгов, которыми обросли помещики. Дело в том, что дворянский

банк выдавал, как правило, долгосрочные кредиты на два—три десятилетия, которые часто не возвращались в срок из—за мнимой или действительной неплатежеспособности должников, а также в связи со злоупотреблениями петербургской элиты, которая первой набрала крупные кредиты и возвращать их не торопилась. Не упустил свои возможности и высший управляющий персонал банка.

Переломный характер для развития денежной и банковской системы в России имели 1768-1769 годы, когда впервые в истории страны в обращение были введены бумажные ассигнации. В Москве и Петербурге были открыты специальные ассигнационные банки. Каждому из них было выделено на полмиллиона ассигнаций и столько же металлических денег. Первые полтора-два десятилетия обмен был свободным. Ассигнации принимались в уплату налогов и других платежей. В обороте они были более удобными и частные лица охотно принимали ассигнации. Какое-то время их рыночный курс был чуть-чуть выше медных денег. Однако, дворянство попрежнему не возвращало долги «своему» банку, а правительственные расходы продолжали быстро расти. Покрывать их приходилось дополнительной эмиссией обесцененных бумажных денег. В таких условиях кредитная система долго функционировать не могла.

Обесценение ассигнаций в Московской сохранной казне[252]

млн. рублей ассигнациями

	1783	1793	1803	1813	1823
Сумма вкладов	3.2	8.7	15.5	56.5	190.0
То же, в неизм. ценах	3.2	7.0	12.4	14.0	50.9

Из этих данных видно, что в связи с избыточной эмиссией бумажных ассигнаций их покупательная способность за четыре десятилетия снизилась почти в 4 раза. Соответственно обесценились вклады и во всех других кредитных учреждениях.

Дворянский и купеческий банки в середине 80-х годов были закрыты. Таким образом, первый заход создать результативно действующую государственную банковскую систему оказался неудачным. Причем трудно сказать, что послужило главной причиной провала: сложность и тонкость нового дела или многочисленные злоупотребления связанных с ним лиц. Остатки капиталов обанкротившихся кредитных учреждений были переданы созданному в 1785 году Государственному заемному банку. По существу речь шла о

восстановлении бывшего дворянского банка с его функциями, методами и кадрами, а значит и с прежними достоинствами и недостатками. Это гарантировало повторение прежних ошибок в ближайшем же будущем.

В 1817 г. был основан Государственный коммерческий банк, главная задача которого состояла в содействии торговому сословию и оживлению промышленности. Его уставной капитал составил 30 млн рублей. Основные операции: учет (покупка) векселей, прием денежных вкладов, выдача кредитов под залог товаров. Постепенно расширялась сеть филиалов Государственного коммерческого банка. Его конторы открылись в Москве, Астрахани, Киеве, Харькове, Екатеринбурге, Нижнем Новгороде, Ирбите, Полтаве, то есть в местах, где ежегодно проходили общероссийские ярмарки.

Еще в конце XVIII века стали формироваться местные кредитные учреждения, сориентированные в основном на обслуживание средних слоев городского населения: «сохранные» и «ссудные казны», «приказы общественного призрения». Часть своих небольших доходов они использовали для финансирования школ, воспитательных домов, богаделен, а также для выдачи льготных кредитов под низкий процент (2-4%) мало обеспеченным слоям населения, что ограничивало сферу деятельности местных ростовщиков. При этом под залог принималась одежда и другие относительно малоценные вещи.

Весной 1842 г. в Петербурге и Москве открыли свои двери для посетителей первые сберегательные кассы, рассчитанные на обслуживание небогатых клиентов. Максимальный единовременный взнос был ограничен 10 рублями, а общая сумма вклада на одно лицо не должна была превышать 300 рублей (впоследствии верхний предел вклада был повышен до тысячи рублей). Вкладчикам выплачивалось 4% годовых. С 1895 г. сберкассы стали государственными. Размер премии на вклады сохранился на уровне 3.6-4 % годовых.

Денежные вклады в сберегательные кассы[253]

млн. рублей, на 1 января соответствующего года

1900	1903	1906	1909	1913	1914
680	920	831	1208	1595	1704

За первые 14 лет XX столетия размеры накоплений населения в сберегательных кассах возросли более, чем на 1 миллиард. Общее количество счетов, открытых в сберегательных кассах в 1914 г. до-

стигло 9 миллионов. Вместе с процентными бумагами вкладчиков на 1.07.1914 г. общая сумма депозитов составила 2073 млн. рублей.

Стоит подчеркнуть, что становление кредитной системы в России происходило неровно, преодолевая многочисленные трудности. Так, серьезный кризис обрушился на неокрепшую еще банковскую систему России в конце 50-х годов XIX века. Его непосредственной причиной послужило обширное расстройство денежного обращения в ходе Крымской войны. Министерство финансов бросалось из крайности в крайность. То оно принимало «решительные» меры по изъятию бумажных денег из обращения, то вновь пускало печатный станок на полную мощность.

Обширные нарушения в денежной системе требовали особой осмотрительности и мастерства в деятельности банков. На практике и того, и другого явно не доставало. Наиболее слабая сторона их работы — несбалансированность активных и пассивных операций. Для банков одинаково опасно иметь как ограниченные объемы вкладов, так и значительное превышение депозитных счетов над кредитными. В середине 50-х годов XIX столетия перенасыщение народного хозяйства России бумажными деньгами при относительной неразвитости промышленности и рыночных отношений привело к широкому притоку денежных средств в банки. Так, в Государственном коммерческом банке сумма вкладов достигла 200 млн.рублей, а учетно-ссудные операции не превышали 10-25 млн.рублей в год. Не находя выгодного размещения своих пассивов, Коммерческий банк перевел часть денег в качестве ссуды на счета Государственного заемного банка, который, в свою очередь, трансформировал значительную их долю в долгосрочные кредиты дворянству под залог имений. Другая часть, по распоряжению министерства финансов, была перечислена в казну.

Структура активов государственных банков в середине XIX в.[2 54]

млн. рублей

	1843	1859	Прирост
Ссуды населению, в том числе:	394	473	79
долгосрочных под залог имений	363	425	62
Ссуды казначейству	569	994	346

Сложилась опасная ситуация: сумма вкладов в обоих банках в 1859 г. превысила миллиард рублей, а высоко ликвидные активы составляли небольшую часть этой суммы. Правительство решило

сдержать дальнейший приток вкладов, снизив с этой целью процент по депозитам с 4% до 3%. В подобных напряженных ситуациях коммерческие тайны обычно находят щелку, чтобы вырваться наружу. Тревожные слухи поползли по городу. На поведение клиентов сказывалось и то обстоятельство, что банк потерял свое монопольное положение на рынке капитала. В это время начался бум железнодорожного строительства, образовались первые акционерные общества, которые обещали сказочные обогащения. В такой обстановке начался панический отлив вкладов, что поставило оба государственных банка и казначейство практически в безвыходное положение.

Дисбаланс Государственного заемного банка на 1.01 1859 г.[2 55]

тыс. рублей

Актив	1 107 049
в том числе: *Ссуды*	1 038 200
из них: более, чем на 15 лет	968 960
на 1 год - 15 лет	31 372
до 1 года	37 868
Наличность	68 849
Пассив	
в том числе: *вклады частных лиц*	725 075
вклады казны	242 032

Из таблицы хорошо видно, что Государственный банк из-за грубых ошибок его руководства был обречен на банкротство: требования частных лиц о возвращении их вкладов приобрели массовый характер, а главная часть активов была, по существу, неликвидной. Оставалось ждать только чуда. Но оно крайне редко случается в подобных ситуациях. Попытка правительства спасти положение с помощью выделения 77 млн.рублей в качестве финансовой поддержки — не могла уже изменить положение. Оба государственных банка пришлось закрыть, а возврат вкладов и кредитные операции временно приостановить.

Государственная банковская система, которая в течение более чем полвека покрывала военные расходы правительства за счет эмиссии бумажных денег, часть из которых возвращалась в банки в виде депозитных вкладов и вновь предоставлялась правящему классу в форме долгосрочных потребительских кредитов, оказалась в положении несостоятельного должника. «...Историческим итогом

существования «казенных» банков,— отмечал И. Гиндин, — явилась огромная растрата денежных капиталов страны. Во-первых, было роздано в виде непроизводительных ссуд крепостникам-помещикам 425 млн. рублей... Во-вторых, еще 521 млн. руб. был «позаимствован» в казначейство на покрытие бюджетных дефицитов и перешел в другие формы государственного долга»[256]. Так плачевно завершился первый столетний период становления банков в России. Подобная развязка была неизбежной, поскольку деньги в своем кругообразном движении не попадали в питательную стадию реального роста — производство.

Точкой отсчета начала второго периода становления банковской системы можно считать 1860 г., когда возобновил свою деятельность по существу качественно новый Государственный банк. Этому событию предшествовала большая подготовительная работа, в которой активное участие принял будущий управляющий банка Е.И. Ламанский, талантливый финансист и специалист своего дела.

Перед банком поставили две новые стратегические цели: *оживление торговых оборотов и упрочение денежной кредитной системы*[257]. Причем под оживлением торговых оборотов имелось в виду ускорение развития не только торговли, но и других отраслей хозяйства. В частности, банк принял непосредственное участие в осуществлении выкупных операций при переходе наделов в собственность крестьян.

Очевидно, для того, чтобы практически переориентировать Государственный банк на достижение новых сложных целей, необходимо было осуществить ряд серьезных организационных и кадровых преобразований. Речь шла о том, чтобы:

Во-первых, вывести Госбанк из подчинения Минфину или хотя бы существенно расширить его самостоятельность в проведении кредитной и денежной политики. Поначалу удалось лишь несколько поднять роль и права Госбанка в решении ряда важных денежных и финансовых вопросов. В частности, выпуски кредитных билетов для государственных надобностей должны были производиться не самим казначейством, а банком и относиться на статью государственного долга. При такой записи Министерство финансов обязано было заботиться о том, чтобы государственный долг не только не рос, но и сокращался[258].

Во-вторых, было необходимо преодолеть не только бюрократический, но и барский стиль работы банковских служащих, их инер-

тность и равнодушие к сути дела. Например, если в банк заходил крестьянин или городской мещанин, к нему обращались на ты, всячески подчеркивая, что служащие банка ему не доверяют. Как показали последующие годы, решение кадровой задачи для руководства банка оказалось самой трудной проблемой.

В-третьих, намечалось значительно расширить набор банковских операций и повысить их качество. Достижение этой цели во многом зависело от того, насколько удастся справиться с первыми двумя.

В 1894 г., уже с участием нового министра финансов С. Витте, был разработан новый устав Государственного банка, который значительно скорректировал и расширил его функции. Цель банка была сформулирована следующим образом: содействие посредством краткосрочного кредита отечественной торговле, промышленности и сельскому хозяйству; облегчение денежного обращения; упрочение денежной и кредитной системы.

Новый устав ориентировал банк на расширение масштабов и активизацию грюндерской роли государственных кредитов в начавшемся интенсивном процессе индустриализации России.

Для укрепления финансовой базы крестьянских хозяйств важное значение имела конкретная помощь Государственного банка в создании широкой сети учреждений мелкого кредита в сельской местности. Для его нужд банк выделил несколько сот миллионов рублей. С этой же целью банк оказал мощную кредитную поддержку хлебной торговле. Особо следует отметить непосредственное участие Государственного банка в разработке специальной программы сооружения 84 зернохранилищ и элеваторов. К концу 1913 г. 9 из них были приняты в эксплуатацию и 51 находились в стадии строительства[2 59].

Важное, принципиальное значение имел также указ 1897 г. о предоставлении банку права самостоятельно осуществлять эмиссию денег. С введением свободного размена бумажных денег на золотые монеты Госбанк получил возможность оперативно регулировать количество денег в обращении в зависимости от сезонных и других колебаний рыночной конъюнктуры, не обращаясь каждый раз за разрешением в Министерство финансов. Однако требовалось соблюдать следующее правило: стоимость золота, обеспечивающая выпущенные кредитные билеты, не должна быть меньше половины их общей покупательной способности, причем сумма необеспеченных золотом билетов не могла превышать 300 млн. рублей. Поддержание таких пропорций стало возможным, прежде всего благодаря тому, что пра-

вительство отказалось от практики получения в «своем» банке эмиссионных кредитов. Больше того: казначейство и все министерства обязали хранить все денежные средства только на счетах в Государственном банке.

Состояние счетов Государственного банка[2.60]

млн. рублей, на 1.01 соответствующего года

	1904	1913
АКТИВЫ в том числе:	1553	2917
золото	903	1676
серебро и разменная монета	76	60
учет векселей и ссуды	481	998
прочие активы	93	183
ПАССИВЫ в том числе:	1553	2917
кредитные билеты в обращении	578	1682
текущие счета и вклады	855	1078
прочие пассивы	120	157

В изменившихся условиях центральному эмиссионному учреждению стало относительно проще соблюдать законы денежного обращения и размена кредитных билетов на золото, успешно поддерживая курс рубля.

Следует отметить, что в начале XX века Государственный банк России стоял на первом месте среди 10 крупнейших эмиссионных банков мира как по объему денежных операций, так и по золотому обеспечению находящихся в обращении кредитных билетов. Притом его активные учетно-ссудные операции (на 1 января 1914 г. в сумме 1072 млн. руб) осуществлялись главным образом за счет «свободных» средств казначейства. В то же время он стал одним из источников доходной части бюджета.

Отчисления от прибыли Госбанка в казну[2.61]

млн. рублей

1904	1907	1910	1911	1912	1913
11.2	22.2	24.5	24.8	31.2	40.0

Своеобразным продолжением Госбанка в восьмидесятых-девяностых годах, специально для проведения аграрной политики государства, были созданы **Крестьянский поземельный и Дворян-**

ский банки. Первый помогал кредитами крепким домохозяевам покупать в собственность земли обанкротившихся помещиков. Второй пытался вытащить дворянство из той трясины, в которой оно увязло после реформы 1861 года. Однако, поскольку полученные кредиты помещиками использовались в основном на потребительские цели, т.е. были неликвидными, все большая часть их имений, заложенных под долги, распродавалась. Обычно через Крестьянский банк эти земли попадали к тем, кто мог их обрабатывать более умело.

Крестьянский банк находился в введении Министерства финансов. Его основная функция состояла в выдаче долгосрочных ссуд на 24.5 - 34.5 года сельским общинам, крестьянским товариществам, а также отдельным домохозяевам, главным образом, для покупки земли. В первых двух случаях размер ссуды не должен был превышать 125 рублей в расчете на мужскую душу, в третьем — 500 рублей на домохозяина. Плата за кредит несколько раз менялась в пределах от 4 до 5.5%.

По новому уставу, принятому в 1895 г. банк получил право выдавать кредиты крестьянам под залог земли, приобретенной без его содействия, и, что было особенно важно, покупать земли у помещиков с тем, чтобы продать ее затем крестьянам. Банк действовал весьма активно: с 1883 г. до начала 1910 г. он выдал 142 тыс. ссуд на сумму более 900 млн. рублей[262]. За первые 13 лет деятельности банка крестьяне при его содействии приобретали ежегодно в среднем 118.5 тыс. десятин земли, используя ссуды на 6.3 млн рублей. В последующие десять лет размер земли, приобретенной крестьянами с помощью банковских ссуд увеличился до 600 тыс десятин в год, а сумма кредита возросла до 41.7 млн. рублей. Цены на землю существенно колебались в отдельные годы. В начале века Крестьянский банк стремился их стабилизировать в пределах 100-115 руб. за десятину. Особые меры проводились против обвального обесценения помещичьих угодий в годы революции 1905-1907 гг., а также, спустя 3-4 года, когда конъюнктура резко изменилась и цены подскочили вверх[263].

Менее оптимистично выглядела деятельность Дворянского земельного банка. Еще в 1883 г. орловские помещики проявили инициативу, подав на имя Александра III прошение, в котором, ссылаясь на свое стесненное положение, ходатайствовали о выделении им льготного долгосрочного кредита. Государь Император не мог, ко-

нечно, отказать. Его резолюция на прошении была весьма красноречива: «Действительно, пора, наконец, сделать что-нибудь, чтобы помочь дворянству».

Летом 1885 г. Дворянский земельный банк развернул операции по выдаче потомственным дворянам ссуд на 36 и 48, а позже и до 66 лет из расчета 3-5% годовых под залог имений.

Только за двадцать лет, на рубеже двух столетий дворянство получило от государства долгосрочных кредитов почти на 1 млрд. рублей сроком на полвека.

Выдача кредитов Дворянским земельным банком[264]

Пятилетие	Число ссуд, тыс.	Сумма ссуд, млн. руб.
1886 - 1890	9.9	267.5
1891 - 1895	7.7	180.0
1896 - 1900	11.5	300.8
1901 - 1905	7.2	173.7

На 1 января 1910 г. в залоге Дворянского банка находилось 26.2 тыс. имений, оцененных в 1.2 млрд. рублей, на которых числился долг в 635 млн. рублей[265].

Совершенно по-другому в конце XIX - начале XX веков развивались **частные акционерные банки.** Если главное внимание государственных банков было сосредоточено на двух направлениях: а) всемерное укрепление устойчивости денежной системы и б) помощи кредитами дворянскому сословию и крестьянству, то частные коммерческие банки переместили центр тяжести своей деятельности в сферу торговли, в том числе ценными бумагами, и промышленности, прежде всего, металлургии, топливных отраслей и машиностроения. Эти отрасли, в свою очередь, были сориентированы на выполнение заказов казны, связанных с крупномасштабным железнодорожным строительством.

Первым открыл свои действия в 1864 г. С.-Петербургский частный коммерческий банк с основным капиталом 5 млн. рублей, увеличенным к 1910 г. до 8 млн. Среди учредителей были служащие государственных учреждений, группа купцов и другие физические лица. Деятельное участие в становлении первого частного банка принимал Государственный банк, который приобрел акций на 1 млн. рублей, но отказался в пользу других лиц на 10 лет от дивидендов, если они не превысят 5%. Одновременно он оговорил себе право

иметь в течение десятилетнего периода своего представителя в правлении. Новый банк открыл свои отделения в Москве, Ростове-на-Дону и других городах.

Вторым по времени основания (1866 г.) стал Московский Купеческий банк. Вначале его капитал составлял всего 1260 тыс. рублей (252 пая по 5 тысяч каждый, распределенных между учредителями). Впоследствии он увеличился до 10 миллионов. Сразу же возникли трения с министерством финансов, которое требовало установить лимит для принимаемых банком на себя обязательств. Долгое время все попытки наиболее активного учредителя — богача В. Кокарева (его состояние, нажитое на винных откупах, оценивалось в 1863 г. в 6.2 млн. руб.) побыстрее утвердить устав, — не давали результатов. Не помогли даже щедрые подношения соответствующим чиновникам. Только после того, когда в число учредителей пригласили нескольких крупных банкиров из Петербурга, процесс пошел.

Деятельность Московского купеческого банка ориентировалась в основном на московский торгово-промышленный район. По своим оборотам в начале XX века он прочно занимал второе место среди аналогичных коммерческих учреждений[2 66]. Благодаря умелой и расчетливой кредитной политике банк имел дивиденды, значительно превышающие среднюю норму (20-25% в 1905-1910 гг.), что обеспечивало высокую котировку его акций на фондовой бирже.

С.-Петербургский учетный и ссудный банк начал свои операции в 1869 г. с основным капиталом 5 млн рублей. В течение 22 лет директором-распорядителем банка был известный финансист А. Зак. Ему удалось обеспечить устойчиво прибыльную работу банка, — главным образом по учету торговых векселей. Дивиденды, выплачиваемые банком, поднимались до 55 рублей на акцию, номинальной стоимостью 250 руб. Даже в неблагоприятный для кредитной системы 1876 г. банк выплатил 11.6 %.

В том же 1869 г. открыл свои двери для многочисленных клиентов С.-Петербургский международный коммерческий банк, специализировавшийся на выдаче коммерческих кредитов под внешнеторговые операции российских фирм. Это давало им значительный выигрыш по сравнению со стоимостью аналогичных услуг, предлагаемых зарубежными фирмами. Закономерно, что Петербургский международный коммерческий банк рос, как на дрожжах. Основан он был с капиталом 5 млн рублей. Через три года капитал был уве-

личен до 13 млн. и последующими выпусками доведен к 1910 г. до 30 миллионов. Оборот банка только за 1909 г. составил 27 млн. руб. В России банк имел 24 отделения. Кроме того, по одному отделению в Париже и в Брюсселе.

В 1870 г. начал свои операции Волжско-Камский банк, отличавшийся рядом особенностей от других российских кредитных организаций. В разработке концепции его коммерческой политики активное участие принял уже упоминавшийся московский коммерсант В. Кокарев. Суть ее состояла в том, чтобы создать надежную сеть денежных каналов, которые связывали бы главные торгово-промышленные центры с провинцией, где имелись свободные капиталы, не находящие себе выгодного применения на местах.

Правление Волжско-Камского банка находилось в Петербурге, но центр тяжести его деловой деятельности переместился в региональные отделения, открывшиеся в Москве, Рыбинске, Нижнем, Казане, а спустя год, в Астрахани, Самаре, Саратове, Киеве, Харькове, Екатеринбурге, Ярославле, Перми, а затем в Вятке, Сызрани, Уфе, Симбирске и Чистополе. Таким образом, банк распространил свои активные операции на весь хлебный и лесной район Волги и Камы, а также промышленные центры Урала и Центра, тяготевшие к Москве.

Первые 5-6 лет деятельность банка характеризовалась быстрым распространением его влияния на обширную территорию российской торговли и промышленности, хотя и ему не удалось полностью избежать разного рода сбоев, связанных как с недостатком опыта, так и с переоценкой своих возможностей преодолевать риски и резкие колебания конъюнктуры. Разразившийся в 1876 г. общий финансовый кризис сильно ударил по многим банкам и конторам. Последовавшая цепочка банкротств зацепила краем и Волжско-Камский банк. Главное — было потеряно доверие клиентов. Банк делал все, чтобы не прерывать выплаты денег растревоженным вкладчикам. Этот был период самых низких дивидендов (5.75 %) и крупных списаний безнадежных долгов.

Чтобы выправить положение, Совет банка решил осуществить два оперативных маневра: во-первых, сосредоточить свою деятельность исключительно на краткосрочных операциях, как менее рискованных. Во-вторых, пригласить на должность своего председателя управляющего Государственным банком Е.И. Ламанского. Такой шаг должен был убедить Центральный банк, а через него и Мини-

стерство финансов, что трудности ВКБ имеют временный характер. В то же время — успокоить клиентов тем, что во главе Совета находится опытный и влиятельный представитель Государственного банка. Замыслы оправдались. Отлив вкладов быстро прекратился. Появились новые вкладчики. Банк начал расширять свои операции и вскоре занял ведущее место среди других кредитных учреждений по размерам как своих оборотов, так и получаемой прибыли. Его дивиденды в начале XX века не опускались ниже 20 %. В этом была немалая заслуга А. Мухина, ставшего в 1879 г. директором банка, а с 1906 г. — председателем правления. В том же году Мухин был избран членом Государственного Совета в качестве представителя от торговли и промышленности.

В 1871 г. начали свою деятельность еще два крупных банка: Азово-Донской коммерческий и Русский для внешней торговли. Первый обслуживал кредитные нужды торговли и промышленности Северного Кавказа и бассейна Дона. Его правление вначале размещалось в Таганроге, а в 1904 г. перебралось в Петербург. По своим оборотам Азово-Донской коммерческий банк занимал одно из первых мест в России. Его дивиденды за 1899-1908 гг. составили в среднем 16 %.

Русский для внешней торговли банк, как видно из его названия, обслуживал внешнеэкономические связи российских фирм, обеспечивая им значительные выгоды при расчетах с зарубежными партнерами. Он имел отделения, с одной стороны, в Лондоне, Париже, Генуе, Константинополе, а с другой, — почти во всех торгово-промышленных центрах страны. Об успешном развитии этого банка свидетельствует очень быстрый рост его основного капитала: при учреждении банка он составлял 7.5 млн. рублей, а в 1910 г. — уже 40 млн.

Всего за 1864-1873 гг. было создано 27 крупных коммерческих банков. В это десятилетие их деятельность характеризовалась стремительным расширением всех операций, вызванным огромным спросом на кредиты в условиях спекулятивного бума вокруг железнодорожного строительства и резкого увеличения экспорта хлеба. Большие деньги научились «делать» буквально из ничего. В такой обстановке коммерческие банки чувствовали себя, как рыбы в воде. При этом не удалось избежать разного рода ошибок, связанных с недостатками квалификации кадров и притуплением осторожности. Там, где рынок находится на подъеме, всегда кто-то фантастически обогащается, а кто-то гибнет в вихрях азарта и смерчах

спекуляций. Банки помогают и тем, и другим, не оставаясь в накладе. Но иногда гибнут вместе с неудачниками. И на этот раз несколько крупных и средних банков «стали терпеть бедствия». Однако, число азартных игроков не убавилось.

Не контролируя ситуацию в конкретных кредитных учреждениях, правительство пошло на то, чтобы запретить на 10 лет создание новых банков в обеих столицах и в тех городах, где они уже действовали. Но было уже поздно. Общий кризис банковской системы стал неизбежным. И он разразился, как гром среди грозового неба, в 1876 году. Многие из банков и контор, попав в перегретую конъюнктуру рискованных манипуляций с деньгами, акциями и процентными ставками, потеряли ориентировку в весьма противоречивом переплетении взаимных интересов и конкурентной борьбы. Последовавшая в связи с этим цепочка неплатежей и банкротств задела даже крупные, казалось бы надежные банки. Доверие клиентов было подорвано. Резко возросли требования о возврате вкладов, а достаточные резервы были далеко не у всех банков.

Так 1876 г. стал годом крупных убытков и громких скандалов. Произошло слияние ряда банков, т.е. поглощение слабых сильными. Потребовалось время, чтобы коммерческие банки смогли не только оправиться от шока, наверстать упущенное, но и прочно занять ведущее место в кредитной системе. В 90-ые годы были образованы Русский торгово-промышленный, Русско-Китайский, Северный, Соединенный, Русско-Азиатский и др. крупные и известные банки. Параллельно происходил процесс их слияния и концентрации капитала, а также важные качественные изменения. В начале XX века российские коммерческие банки выдвинулись на ключевые позиции на национальном кредитном рынке и были уже в состоянии взять на себя значительную долю финансирования капитального строительства в промышленности и на транспорте.

Одной из интересных форм кредитных учреждений в России в XIX - начале XX века были **банкирские дома и конторы.** Они по существу выполняли те же операции, что и коммерческие банки. Чаще всего их создавали крупные торговцы и промышленники для банковского обслуживания преимущественно своей сферы деятельности. По масштабам оборотов такие учреждения существенно уступали акционерным банкам, но зато их собственники имели широкие возможности для свободных и быстрых маневров своими капиталами. При этом они не обязаны были ни перед кем отчитываться за

свои действия. Лишь в 1889 г. были изданы первые правила, которые предусматривали общий контроль со стороны Министерства финансов за соблюдением банкирскими домами норм хозяйственного права. Позже министерство начало производить внезапные ревизии кредитных операций таких учреждений.

О разносторонней направленности их активности можно судить на примере одного из старейших банкирских домов «Э. Мейер и К», учрежденного поданным Великобритании в Петербурге еще в 1860 г. На рубеже двух столетий этот «дом» принимал участие в учреждении, финансировании и управлении Московско-Брестской и Балтийской ж.д., Русского для внешней торговли банка, Полтавского земельного банка, фирмы «Проводник» и др.

К числу старейших банкирских домов в России принадлежала открытая в 1863 г. контора «Ф.А. Алферов». В самом начале XX века в Москве был создан банкирский дом «Бр. Рябушинские». В 1907 г. начал свои операции со штатом 10 человек банкирский дом «Захарий Жданов». Через три года там было занято уже почти 100 служащих. По оборотам они догнали старейшие учреждения подобного рода.

Особого внимания заслуживает также опыт работы **«Обществ взаимного кредита»**, зачинателем создания которых в 60-х годах прошлого столетия выступил известный уже нам Е.И. Ламанский. Он разработал устав первого такого учреждения — Петербургского общества взаимного кредита. Свою деятельность, в составе 200 членов, оно начало в 1863 г., располагая капиталом всего в 15 тысяч рублей. Самое важное состояло в том, что его участники доверяли друг другу. По существу их ассоциация представляла собой своеобразную кассу взаимопомощи, где можно было дешевле, чем в банках,и без лишних формальностей, в том числе под соло-вексель (с одной подписью), получить кредит. Деловые люди быстро оценили преимущества нового учреждения. Число его членов и финансовые возможности динамично росли: на 1.01.1906 г. общество объединяло уже 7,7 тыс. человек. Его оборотный капитал достиг 3.5 млн. рублей.

О характере деятельности обществ взаимного кредита в начале века можно судить по следующим отчетам 261 таких учреждений.

Показательно, что количество обществ взаимного кредита, особенно в новом столетии стремительно росло. В 1910 г., когда был создан Центральный банк этих учреждений, их насчитывалось уже 600, а в начале 1914 г. - 1108 [268]. Они объединяли более миллиона

Структура операций обществ взаимного кредита[2 67]

1906 г., млн. рублей

АКТИВЫ:	
Учет векселей с двумя подписями	137.9
Учет соло-векселей	26.7
Ссуды под ценные бумаги	11.8
Ссуды под товары	3.5
Ссуды в виде открытого счета	64.0
ПАССИВЫ:	
Срочные и текущие вклады	202.9
Основной капитал	38.1
Запасной капитал	8.5

средних и мелких коммерсантов. Инициаторами их создания в большинстве случаев выступали частные лица. Кроме того, 15 обществ взаимного кредита были организованы земствами. На вложенные деньги они получали в среднем 10 % годового дохода, который использовали на строительство школ, больниц и другие нужды[2.69].

Кредитная система России на 1.01. 1900 и 1914 гг.[2 70]

в числителе данные за 1900г., в знаменателе - за 1914 г., млн.руб.

	Число учреждений	Капиталы	Пассивы	Учет векселей	Ссуды	Ценные бумаги	Уд. вес %
Гос. банк	1 1	53 55	594 1228.2	225.0 594.4	120.5 361.7	51.6 107.9	46.7 37.8
Комм. банки	42 50	282.6 836.5	570.5 2539.0	421.5 1546.5	345.5 1615.1	112.0 314.9	41.7 51.4
Взаимный кредит	117 1108	37.9 151.0	168.3 869.0	127.1 609.1	76.6 234.6	9.2 21.2	7.3 8.7
Городские банки	241 319	39.0 46.2	97.2 180.0	70.3 126.1	43.1 103.0	14.1 17.6	4.3 2.1
Всего	821 2402	412.5 1088.7	1430.0 4816.2	844.3 2876.1	584.7 3415.6	186.9 461.6	100 100

Из таблицы видно, что коммерческие банки в начале века занимали место лидера как по темпам роста, так и по объемам учетных и других кредитных операций. По динамике близко к ним нахо-

дились только общества взаимного кредита, эффективно обслуживавшие мелких и средних предпринимателей. Одновременно происходило интенсивное слияние банковского и промышленного капитала при широком участии иностранных банков и фирм.

Особую категорию кредитных учреждений, созданных в России накануне Первой мировой войны, составляли государственные Кассы городского и земского кредита (их иногда называют также муниципальными банками). Города в этот период росли быстро. Как всякому молодому социальному организму, им нужны были деньги. Денег хронически не хватало для благоустройства заселенных территорий, строительства дорог, водопровода, электросетей, школ, больниц и других неотложных нужд. Право на выпуск собственных облигаций имели только крупные города. Банковский кредит можно было получить только под залог недвижимости, но ее не было. Финансовая помощь из центра случалась редко и нерегулярно.

Чтобы разрешить эту проблему, решено было создать специальное государственное учреждение для регулярного кредитования местных органов власти. Кассы городского и земского кредита открылись 1.01.1913 г. За первый год своего существования они выдали долгосрочных ссуд на 19.4 млн. руб и краткосрочных — на 2.5 млн. Это,конечно,немного, но начало было положено[2.71].

Таким образом, накануне Первой мировой войны разветвленная банковская система России вступила в период зрелого развития. Государственный банк служил фундаментом для всей рыночной экономики. Прежде всего, он обеспечивал устойчивость денежного обращения, опиравшегося на золотой рубль. Кроме того, Государственный банк обслуживал финансовый оборот в рамках казенного сектора, в том числе. денежные потоки 80 % всех железных дорог. Предметом его особого внимания были закупки, перевозки, хранение и экспорт зерна. Под такие операции оперативно выделялись специальные кредиты. Для хранения хлеба в черноземной полосе и портах вывоза за счет банковских средств были расширены емкости зернохранилищ и элеваторов. В городах и сельской местности Госбанк способствовал созданию разветвленной структуры мелкого кредита, доступного для основной массы горожан и крестьянства, что защищало их от произвола ростовщиков.

Кредитование промышленности и торговли постепенно взяли на себя коммерческие акционерные и городские банки, а также банкирские дома. Позже к ним присоединились синдикаты. Таким об-

разом, все отрасли, регионы страны и основные слои населения получили доступ к кредитным ресурсам, что служило важной предпосылкой для становления единого национального рынка, постепенной модернизации сельского хозяйства и индустриализации страны.

2.5. Создание инфраструктуры транспорта и связи

Рыночная торговля держится на трех столпах: постоянном перемещении товаров по территории, быстром обороте капиталов и энергичной деятельности коммерсантов. Поэтому один из важных аспектов формирования рынка в России — это история развития транспорта и связи. Дело в том, что непрерывное движение огромной, многотоннажной товарной массы по всей стране и миллионов людей, которые направляют и организуют такой процесс или просто участвуют в нем, осуществляется не ради самого движения, а с целью повышения эффективности межрегионального разделения труда, расширения ассортимента и удешевления товаров. Только с помощью транспорта и связи становиться возможной кооперация, соединение специализированных производств в единую систему и реализации других преимуществ отдельных территорий. Тем самым транспортная инфраструктура активно участвует в создании и реализации экономического, коммерческого и социального эффекта воспроизводственного процесса в целом. Недорогие транспорт и информация способствуют достижению сбалансированности предложения и спроса на рынке, производства и потребления в народном хозяйстве, а в конечном итоге, повышению доходов и улучшению качества жизни людей.

Конечно, такой эффект не возникает сам собой. Развитие и результативное использование транспортной и информационной структуры связано с немалыми затратами, трудностями и риском. В этой связи можно напомнить, что на преодоление знаменитого «шелкового пути» в средние века нужно было затратить 6-8 лет. Купец, решившийся преодолеть такой путь из Европы в Китай и обратно, часто рисковал не только своими товарами и деньгами, но и жизнью. Однако, в случае успеха он возвращался с богатствами, которых хватало до конца его дней. Во многих былинах сохранилась память о русских купцах, ходивших за три моря.

Речной транспорт — старейший в нашей стране. Еще до образования Киевской Руси, славяне, селившиеся обычно вдоль бере-

гов рек и озер, использовали для поездок и перевоза грузов либо коней, либо лодки или речные суда. В первом случае источником энергии для передвижения выступала лошадь, под седлом или запряженная в телегу, зимой — в сани. Во втором — энергия реки, ветра, а также самого человека. Для дальних перевозок грузов в основном использовались речные суда. Главная водная магистраль в те времена проходила с севера на юг, из Балтийского моря, через Неву, Ладогу, Онежское озеро, Волхов, Ильмень. Далее волок — к верховьям Днепра, и вниз, — к Киеву и Черному морю.

Второй важный водный торговый путь — Волго-Балтийский начинался, как и первый, на Балтике. Далее он пролегал через бассейн Волги и Камы с выходом на Персию, в Среднюю Азию и арабские страны, а также на восток, к Уралу и Сибири. Нашествие татар перекрыло его на несколько веков, и только после присоединения к Москве казанских и астраханских земель, он снова смог успешно функционировать.

Третье место по своей значимости принадлежало Северному водному пути, он начинался от верховьев Волги, через трудный волок (отсюда название Вологда), вновь водой по Северной Двине, до Архангельска, а там рукой подать до выхода к морю. Доставленные с немалым трудом товары перегружали на большие корабли, уходившие в Англию, Голландию, другие европейские государства. Роль этой транспортной магистрали резко возросла, когда в период ослабления Руси, северо—западные земли бывшей Киевской Руси захватили соседние государства. Выход на Балтику оказался перекрытым. После побед Петра балтийское, наиболее выгодное во многих отношениях направление, вновь стало свободным для русских купцов. Напротив, Северный путь, а вместе с тем Архангельск и Вологда заметно потеряли в своем значении.

Протяженность водных путей России к началу XX века[2.72]

	тыс. верст
В Европейской части	108,0
из них: Волжско-Камский бассейн	65,0
бассейн Днепра	14,0
бассейн Сев. Двины	7,5
В Азиатской части	107,3

Из таблицы видно, что протяженность внутренних водных путей в Европейской и в Азиатской частях России примерно одинакова. Однако, большинство рек за Уралом течет через мало населенные территории на север и впадает в неуютный Ледовитый океан. Это всегда сужало возможности азиатских рек как транспортных артерий. Только сооружение транссибирской железнодорожной магистрали расширило их реальный потенциал в этом отношении, но не настолько, чтобы заметно приблизится по объему перевозок к Европейской части страны.

Радикальные изменения в развитии транспортной сети России начались только в XIX веке, когда резко возросли потребности в перевозках грузов и пассажиров по территории страны, с одной стороны, и примерно также расширились возможности решить эту задачу за счет массового внедрения парового двигателя на транспорте и бурного железнодорожного строительства, с другой. Новаторами выступили речники. Они первыми освоили принципиально новый механизм преобразования тепловой энергии в движущую силу. Уже в 1813 г. на Волге появился первый пароход. Спустя 30 лет их было 27.

Число пароходов на реках России[2 73]

	1854	1864	1874	1884	1894
Пароходы, единиц	131	472	713	1307	2185
Их мощность, тыс л.с.	8,7	31,9	51,9	72,7	115,1

За 40 лет парк пароходов на российских реках возрос почти в 17, а их суммарная мощность в 13 раз. К началу XX века количество судов с паровой машиной составляло уже более 2,5 тысяч. Почти 56 % пароходов «работали» в бассейне Волги. На их долю приходилось 75 % грузооборота речного флота. Еще 15 % паровых судов трудилось на Неве и связанных с ней озерах. 12% плавали по Днепру, и лишь 5 % по Северной Двине. По характеру выполняемых работ среди всех пароходов наибольший удельный вес почти 2/3, занимали буксиры, тянувшие за собой караван из 2-3-х деревянных или металлических (реже) барж. Каждый четвертый пароход перевозил пассажиров.

Объем грузовых перевозок увеличивался весьма динамично. В основном это были лес и пиломатериалы, хлеб и топливо. Так, в 1896 г. доля зерна, муки и крупы в общем грузопотоке составляла

15.1 %, соли — 2.3, рыбы — 0.6, нефти — 8.7, керосина — 1.7, угля — 0.5, дров — 15.4, чугуна, железа, жести — 1.4, лесо- и пиломатериалов (на судах и плотах) — 41.2 %.

Главное преимущество речного транспорта состоит в том, что он позволяет относительно дешево и просто перемещать на большие расстояния многотоннажные грузы, которые не теряют свои потребительские свойства в течение долгого пути. Характерно, что на рубеже двух столетий средняя дальность речных перевозок в два раза превышала аналогичный показатель железных дорог.

Одно время, в связи с железнодорожным бумом, высказывались мнения, что речной транспорт не имеет перспективы, и внимание к нему со стороны правительства заметно ослабло. Однако хозяйственная практика выдвинула убедительные контраргументы: несмотря на то, что реки в течение 4-6 месяцев в году покрываются льдом, водный транспорт сохраняет свои преимущества: во-первых, по низким удельным затратам на перемещение товаров, т.е. на пуд/версту или тонну/километр, во-вторых, по удобству и надежности транспортировки многих массовых грузов. Так, тариф на перевозку 1 тонны нефти по Волге от Астрахани до Нижнего Новгорода (2108 верст) составлял 2 рубля 45 копеек или 0,12 копейки за тонну на версту. Реконструкция Мариинской системы в конце XIX века, объединявшей Волго-Невский и Северодвинский водные пути, еще больше удешевила перевозку 120 млн. грузов в петербургский порт. Это в свою очередь увеличило прибыли речных пароходств, а значит и приток капиталов. Показательно, что в 1895 году 62 % всех речных пароходов принадлежали частным лицам и еще 20 % — акционерным компаниям. Это служило важным фактором быстрого обновления и расширения речного флота. Появились первые теплоходы. В 1913 г. в его составе насчитывалось уже 5556 судна с тепловыми двигателями общей мощностью 1098 тыс. л.с. и 24151 баржа. Общий объем грузооборота речного транспорта достиг 28.9 млрд. т/км.

В области развития **морского судоходства** обстановка сложилась намного хуже. На 1 января 1898 гю в морском торговом флоте России насчитывалось всего 604 паровых судна, общей водоизмещенностью 262 тыс регистровых тонн, и 2294 парусника водоизмещением 344 тыс. регистровых тонн. Таким образом, на пороге XX века российский торговый флот был по преимуществу парусным и к тому же малотоннажным. Грузоподъемность большинства судов не превышала 400 тонн. Только 16 пароходов имели водоизмещение

от 1 тыс. до 2 тыс. тонн. Они плавали на Черном море. И это в условиях, когда 77 % всех внешнеторговых грузов перевозилось морским транспортом, в том числе, экспортных — 82 % и импортных — 70 %. Закономерно, что на долю российских судов приходилось всего около 8 % внешнеторговых перевозок.

Свой торговый флот в России создавался с большим трудом, крайне медленно. Среди тех пароходов, которые плавали под российским флагом, построенных на отечественных судоверфях было не более 5 %. Видимо сказывалось влияние иностранного капитала, не заинтересованного иметь на море сильного конкурента. Но главная причина состояла в том, что крупнейшие российские судостроители были заняты выполнением заказов по строительству военных кораблей. Торговые судна закладывались не в первую очередь. Заказать их за границей было накладно, поскольку в 1881 г, чтобы защитить национальных производителей, были резко повышены ввозные пошлины на металлические суда. В результате ни волки, ни овцы не были сыты. Русские экспортеры и импортеры вынуждены были платить иностранным судовладельцам за фрахт порядка 100 млн. рублей в год. Чтобы исправить явную ошибку, в 1898 г. были отменены на 10 лет злополучные пошлины, однако быстро преодолеть накопленное отставание не удалось. Решающие позиции в торговом флоте занимали несколько частных компаний (Русское общество пароходства и торговли, Добрфлот, Северное пароходное общество). Они не сумели мобилизовать необходимые капиталы для обновления и расширения российского морского судоходства. Там продолжали преобладать технически устаревшие суда, небольшой грузоподъемностью.

Торговый флот отдельных стран на 1 июля 1914 г.[2.76]

млн. регистровых тонн

Англия	Германия	Россия	США	Франция	Япо́ния
19,3	5,5	1,3	5,3	2,3	1,7

Хотя по тоннажу грузопотоков, проходивших через морские порты, Россия превосходила Германию , Францию и Японию, по мощности торгового флота она значительно им уступала, за что приходилось платить большие деньги.

Бурное **железнодорожное строительство** в России, создавшее новую крупную отрасль народного хозяйства, без преувеличе-

ния можно назвать настоящей революцией XIX века не только в сфере транспорта, рыночных отношений, но и в структуре всей экономики. По существу это был важный элемент новой цивилизации, во многом изменивший образ и качество жизни россиян.

Первым опытом в этой области было сооружение еще в конце XVIII века конной железной дороги на Александровском заводе в Петрозаводске. В 1835 году на Урале инженеры Черепановы построили заводскую железную дорогу в 3.5 версты, по которой двигался паровоз их собственной конструкции. В 1838 г. было завершено строительство Царскосельской ж.д. между Петербургом и Павловском (27 в.). Удавшийся эксперимент послужил толчком к быстрому движению в неизведанном направлении. Штабу горных инженеров дали задание обобщить первый опыт железнодорожного строительства за рубежом. Группа специалистов была направлена в заграничную командировку, чтобы на месте ознакомиться с практикой работы недавно принятых в эксплуатацию первых железных дорог в Англии, Бельгии, Франции и Германии. Итоги поездки вышли за рамки рутинной информационной записки. Штаб горных инженеров представил царю свои «соображения» о целесообразности постройки железной дороги между между Петербургом и Москвой. В начале 1842 г. был создан специальный правительственный орган «для устройства» такой магистрали. Строительство за счет казны началось в следующем году. Через 8 лет по Николаевской дороге пошли первые поезда. Следом же последовало «Высочайшее повеление» о том, чтобы таким же образом соединить Петербург с Варшавой.

Крымская война затормозила, но не остановила набиравший силу процесс. Сооружение магистралей осуществлялось целенаправленно, по определенному стратегическому плану, при активном участии государства во взаимодействии с частными интересами и капиталом.

Центральная ось всей системы опиралась на железнодорожные узлы Петербурга и Москвы, т.е. на два главных промышленных, торговых и финансовых центра страны. От каждого из них в разные стороны отходили радиальные дороги, проникавшие в промышленные районы Центра, Поволжья и Урала. Магистраль Петербург - Варшава, имевшая важное военно-стратегическое значение, одновременно связывала западные промышленные и сельскохозяйственные районы как между собой, так и с центром.

Одна из главных задумок при разработке рациональной конфигурации железнодорожной сети состояла в том, чтобы обеспечить крупномасштабные перевозки зерна из хлебопроизводящих в хлебопотребляющие регионы, а также его экспортные поставки через порты Петербурга, Риги, Либавы, Ростова, Новороссийска.

Железнодорожное строительство в России[277]

тыс. километров

Десятилетия	Построено за десятилетие	Прирост за 10 лет, в разах	Общая протяженность линий
1851-1860	1,1	2,3	1,6
1861-1870	9,1	8,1	10,7
1871-1880	12,1	1,3	22,9
1881-1890	7,7	0,6	30,6
1891-1900	22,6	2,9	53,2
1901-1910	13,3	0,6	66,6
1911-1913	4,4*	-	71,0

Расширение железнодорожной сети происходило волнообразно: наиболее высокие темпы прироста были достигнуты в 60-х и 90-х годах. За десять лет пребывания С. Витте на посту министра финансов удалось построить 27.2 тыс. км новых железных дорог, в том числе основную часть Великой сибирской магистрали. Это примерно столько же, как за все годы после Октября 1917 г. и до наших дней. Не будет большим преувеличением сказать, что в настоящее время россияне перевозят грузы и пассажиров по железным дорогам, построенным поколениями, жившими во второй половине XIX века. К сожалению, сейчас не хватает средств даже для того, чтобы капитально отремонтировать доставшиеся в наследство огромные материальные блага. Однако, вернемся к истории.

Крупномасштабное железнодорожное строительство требовало адекватных источников его финансирования. К 1914 году суммарный объем капитальных вложений в создание железнодорожной сети России достиг 7.7 млрд. золотых рублей, в том числе 5.6 млрд. (73 %) приходилось на долю государственного сектора. Иными словами, в роли главного инвестора выступало все население страны, что имело решающее значение для успеха дела.

Начиная с 1893 г., ежегодные суммы вложений в новые железные

дороги колебались в пределах 200-300 млн золотых рублей. В основном они черпались из доходной части государственного бюджета.

Расходы и доходы бюджета, связанные со строительством и эксплуатацией железных дорог[278]

в млн. рублей

	1881	1885	1890	1895	1897	1900	1902
Чрезвычайные расходы	28	56	114	102	131	131	166
Обыкновенные доходы	19	51	88	218	293	374	409

Следует иметь в виду, что примерно 50-100 млн. рублей на расходы по эксплуатации железных дорог проходило по смете Министерства путей сообщения в рамках обыкновенного бюджета. Доходы от коммерческого использования казенных железных дорог, как самостоятельная статья обыкновенного бюджета, появилась впервые в 1857 г. Тогда они составили 1 млн. рублей. С ростом протяженности дорог увеличивались и доходы. Важно отметить, что с начала 90-х годов общий баланс финансовых отношений государства с железными дорогами стал положительным. Это, в свою очередь, позволило перестроить характер его взаимодействия в области железнодорожного строительства с частным сектором.

Напомним, что в конце 50-х - начале 60-х, когда бум в этой области еще только разворачивался, правительство, имевшее большой дефицит в своем бюджете, вынуждено было искать разные формы привлечения иностранного и национального капитала к финансированию грандиозной программы реконструкции транспортной системы страны. С этой целью в 1857 г. было создано Главное общество российских железных дорог. Официально оно называлось Русско-французское акционерное общество с двумя центрами управления: петербургским и парижским комитетами. Имелось в виду, что они профинансируют и осуществят все имевшиеся к тому времени проекты строительства, а именно: дороги Петербург - Варшава, Москва - Крым, Москва - Нижний Новгород, а также Курск - Либава (для вывоза хлеба). Всего порядка 4 тыс верст. Общий уставной капитал должен был составлять 275 млн рублей или 68.7 тысячи на версту. Казалось все было просчитано и сбалансировано. А дальше, как обычно, началась практика. Прежде всего, уставной капитал удалось

собрать в сумме всего 112 млн. рублей, т.е. менее половины намечавшегося объема. Стоимость строительства, напротив, оказалась выше расчетной. К тому же, из 320 тыс. акций, которые предполагалось реализовать за границей, было продано только 17 тысяч. В результате все проекты пришлось пересматривать. За четыре года из 4-х тысяч верст было построено только 755, в стадии незавершенного строительства находились еще 800 верст. Вот так и надейся на частную инициативу. Главное общество пришлось реформировать. Французы отошли в сторону. За все отвечать остался только Петербургский комитет. Его освободили от строительства двух дорог: Москва - Крым и Курск - Либава. Для завершения работ на двух других правительство выделило ссуду в 28 млн рублей. Через год обе дороги были открыты для регулярного сообщения.

Потеряв доверие к Главному обществу, правительство решило обратиться за помощью к другим частным компаниям. В 1866 г был открыт свободный доступ для получения концессий на сооружение отдельных линий. Всего в течение следующих 15 лет было оформлено 53 таких концессии, начали действовать 43 акционерных общества. Поскольку у многих из них собственных капиталов не хватало, они выпускали акции, облигации, получали кредиты за рубежом. Все эти действия были возможны благодаря активной поддержки государства, которое давало гарантии по кредитам и доходности облигаций, часть из них выкупало само.

Участие казны в финансировании частных ж. д. [281]

млрд. золотых рублей на конец года

	1873	1883	1893	1903	1913
Длина частных ж.д. тыс. км	19,1	23,7	19,9	20,2	22,7
Выпуск акций и облигаций	1,8	2,1	2,2	1,7	2,0
из них: принадлежали казне	0,8	1,0	1,0	0,9	0,3
Долги казне по субсидиям	0,3	0,9	0,9	0,3	0,2
% казны в финансах частных ж.д.	63,8	90,2	80,4	22,3	24,3

Приведенные данные довольно красноречиво отражают некоторые важные особенности финансирования на отдельных этапах строительства железных дорог в России. До 1893 г. основными формами государственной поддержки частного капитала, непосредственно участвовавшего в сооружении рельсового транспорта, выступали: гарантии высокой доходности выпущенных облигаций, скупка значительной их части и прямые субсидии. Интерес государства заключался в том, что таким путем удавалось все же переложить на частные компании 20-30 % капитальных вложений, крайне необходимых для сокращения сроков строительства общенациональной сети железных дорог. С начала 90-х гг. ситуация меняется. Во-первых, обыкновенный бюджет наконец сбалансирован и государство может практически целиком взять на себя расходы по железнодорожному строительству; во-вторых, открывается возможность превратить поступления от железнодорожного транспорта в основной источник доходной части бюджета; в-третих, возникла острая необходимость покончить с теми спекуляциями и злоупотреблениями, которые получили широкий размах вокруг и внутри обращения железнодорожных ценных бумаг.

Это положение можно проиллюстрировать на примере злоупотреблений с гарантиями доходности ж.д. облигаций: обычно государство брало на себя обязательство: владельцы таких облигаций при всех обстоятельствах получат доход не ниже 4.5-5 %. Казалось бы оно ничем не рисковало, поскольку в среднем за 1885-1913 гг. рентабельность железных дорог составила 4.7 %. Однако, в отдельные годы этот показатель варьировал от 2.0 до 8.3 %. Еще более резкие колебания наблюдались по конкретным дорогам. Так уж получалось, что ежегодно из бюджета приходилось выплачивать по гарантиям доходности облигаций 20-25 млн рублей.

В такой обстановке владельцы частных дорог мало интересовались себестоимостью и рентабельностью работы их подопечных. Независимо от результатов, они «свое» регулярно получали. Больше того, многие манипулировали государственными гарантиями, разумеется в свою пользу. Проф. И. Озеров приводит такой факт: владельцы одной из дорог скупили все акции соседнего завода и стали поставлять ему материалы и топливо бесплатно или по крайне низким тарифам. Тем самым исскуственно завышались дивиденды, получаемые по акциям, а возросшие транспортные издержки частично возмещались государством. Таким путем владельцы

ж.д. облигаций, они же владельцы акций получали двойной доход. «Подобные факты были почти обыденным явлением...С уверенностью можно сказать, что в период 1857-1877 гг. почти весь дефицит по *обыкновенному* бюджету явился следствием расходов государства на жел. дор., помимо их сооружения, которое производилось за счет бюджета *чрезвычайного*».

Вполне логично, что в таких условиях государство, фактически финансировавшее до 80-90 % капитального строительства частных дорог и,кроме того, выплачивающее большие субсидии на оплату их текущих расходов, вынуждено было взять курс на национализацию железных дорог путем их выкупа. Этот процесс начался еще в 80-ые и резко усилился в 90-ые годы. Некоторые частные компании продолжали строить железные дороги, но по их готовности, на выгодных для строителей условиях, они выкупались в казну. С точки зрения народнохозяйственной эффективности государство тоже было в выигрыше. Хотя общая протяженность частных дорог устойчиво держалась на отметке 22-23 тыс. км, доля их снизилась с 93 % в 1883 г. до 32 % в 1913 г. Практически основная масса пассажиров и грузов (более двух третей) перемещалась по национализированным железным дорогам. Это позволило правительству целенаправленно управлять железнодорожной сетью страны как единым организмом. Большое значение имело, в частности, преодоление частнособственнических устремлений завышать тарифы на своих участках дорог. Для борьбы с подобными злоупотреблениями в 1884-1885 гг был установлен специальный контрольно-финансовый надзор за деятельностью железных дорог. Одновременно под руководством Министерства финансов началось проведение тарифной реформы. В первую очередь были установлены льготные тарифы на экспортные перевозки хлеба, затем сахара. Более выгодные условия были созданы также для транспортировки угля, руды, металла, керосина. Система общих грузовых тарифов действовала с 1893 по 1914 год, что способствовало более рациональному и интенсивному использованию всей железнодорожной сети, в целом.

Из таблицы видно, что объем полезной работы железных дорог удваивался каждое десятилетие, обгоняя примерно в 1,5 раза темпы роста их протяженности. Одновременно повысился уровень их рентабельности. В 1913 г. чистый доход от эксплуатации железных дорог составил 9.9 % к стоимости их основных фондов.

Объем перевозок по железным дорогам России [2.84]
в среднем за год

	1884-1893	1894-1903	1904-1913
Пассажиры, млн чел./км	4 695	10 765	22 311
Грузы, млрд тонн/км	14,2	32,3	57,4

Общий итог: создание разветвленной, эффективно функционирующей железнодорожной сети — замечательный успех взаимодействия экономики, финансов и организации. К началу Первой мировой войны длина железных дорог России достигла 74.6 тыс. км, в том числе, казенных — 51.5 тыс. По их протяженности она вышла на 2-ое место в мире (после США). Подвижной состав насчитывал 18 тыс. паровозов, 27 тыс. пассажирских и 447 тыс товарных вагонов. Их обслуживали 846 тыс. железнодорожников — одна из наиболее квалифицированных и, соответственно, высокооплачиваемых категорий работников. Их средняя заработная плата в 1913 году составила 416.5 рублей, т.е. почти в два раза выше зарплаты фабричных рабочих.

* * *

Быстрая, надежная и доступная **почтовая, телеграфная и телефонная связь** — необходимое условие для формирования зрелых рыночных отношений. В старину срочные сообщения между столицей и периферийными городами, а также войсками, участвующими в боевых действиях, передавались с помощью специальных гонцов-всадников. Этот способ усовершенствовали татары, создав постоянную ямскую гоньбу между станциями на расстоянии 30, 40, иногда до 100 верст, где ямщики могли отдохнуть и поменять лошадей. В XVII веке Москва была соединена такими «ямами» с Новгородом, Псковом, Смоленском, Архангельском и Нижним.

Первая **регулярная почта** для пересылки государственных бумаг и писем торговых людей была учреждена в 1666 г. На почте, кроме государственных бумаг, принимали посылки и грамоты от гражданских лиц, среди которых преобладали представители купечества. При Петре I Были установлены максимальные сроки (нормы) доставки корреспонденции, при Екатерине II введена единообразная такса на письма и посылки в зависимости от веса и расстояния их перевозки. С начала XIX века почтовые учреждения

были переданы в ведение Министерства внутренних дел. Основная функция почт состояла в пересылке простых и заказных писем, открыток (введенных в 1872 г.), бандеролей. Для приема простых отправлений существовали почтовые ящики. Деньги можно было переслать, в том числе медные, серебряные и золотые монеты в небольшом количестве, в специальных пакетах и кожаных мешочках. Они, как и ценные посылки,страховались. С 1897 г. стали принимать почтовые, а немного позже и телеграфные денежные переводы. Почта брала на себя также доставку периодической печати, взимая за это, в зависимости от частоты издания газет и журналов, от 6 до 18 % от общей стоимости подписки. Кроме пересылки писем и посылок, почтовые отделения (станции) в районах, где не было железной дороги, осуществляли перевозки пассажиров с помощью ямщиков по твердому тарифу за версту проезда. Так как расходы почты при этом были выше доходов, казна покрывала убытки, выплачивая определенные субсидии. Иногда такое конное «такси» отдавали на откуп частному лицу. В таких случаях никакие субсидии не выплачивались, но откупщик получал монопольное право на обслуживание проезжающих в данном районе.

О динамичном развитии почтовой связи свидетельствуют следующие данные: в 1897 г. в стране насчитывалось всего 2.1 тыс. почтово-телеграфных учреждений, то в 1913 г. их число возросло до 11 тыс, а общая протяженность почтовых маршрутов — до 261 тыс км.

Первая **телеграфная линия** в России, между Петербургом и Кронштадтом начала действовать в 1835 г для нужд военного ведомства. Через четыре года завершилось строительство второй линии, которая соединила северную столицу с Варшавой. С середины 50-х годов там, где строились железные дороги,германская фирма Сименс прокладывала телеграф, оборудованный новой электромагнитной техникой.

К началу XX века протяженность государственных телеграфных линий составила 127 тыс верст, железнодорожных — 39, в том числе 4 тыс. — частных. К тому времени были проложены подводные телеграфные кабели, связывающие Россию с Данией и Швецией. Линии из Китая и Японии соединили с российскими телеграфными линиями. Если в 1897 г. было отправлено 13,9 млн. внутренних телеграмм, то в 1913 г. — уже 36 млн.

Телефон впервые появился в России в 1880 году. Вначале правительство было намерено установить свою монополию на устройство

телефонной связи. Но трезво оценив свои финансовые возможности, оно вынуждено было маневрировать. Частные компании были допущены к строительству и коммерческой эксплуатации телефонной сети в столичных городах, Варшаве, Одессе, Риге и некоторых других центрах. Согласно заключенным контрактам, станции и линии, построенные за счет частных компаний, через 20 лет безвозмездно переходили в государственную собственность. Правительство имело право сделать это и раньше, через 7 лет, но только за соответствующий выкуп. Однако, убедившись в том, что телефонные сети приносят высокую прибыль, правительство в конце 80-х годов остановило процесс приватизации инфраструктуры этого нового вида связи. К началу XX века действовало 77 тыс. правительственных и 11 тыс. частных телефонных станций. Плата за пользование телефоном в государственном секторе была в два-три раза дешевле, чем в частном. Решение об устройстве телефонной станции за счет казны принималось в том случае, когда не менее 50 физических лиц или учреждений заявят о своем желании пользоваться телефоном и внесут вперед 50 % годовой платы. В результате в 1913 г. в российских городах имелось 300 тыс. телефонных аппаратов. В сельской местности таких новшеств не встречалось.

Таким образом, в начале XX века Россия имела разветвленную, довольно четко работающую почтовую сеть. Масштабы и качество обслуживания народного хозяйства и населения со стороны телеграфных служб можно считать удовлетворительными для тех лет. Телефонная связь только зарождалась.

2.6. Внешняя торговля — начало и продолжение внутреннего рынка

Необходимое условие успешного развития внешней торговли — взаимовыгодный характер обмена товарами и услугами с зарубежными партнерами. Такой обмен выступает активным инструментом реализации тех потенциальных возможностей и преимуществ, которыми от природы располагает или создает в своем развитии каждое государство. Именно реализация таких преимуществ и создает тот экономический и коммерческий эффект, который служит материальной основой заинтересованности обеих сторон настойчиво преодолевать трудности и риски, которыми богато усыпаны пути внешнеторговой деятельности.

Ее конкретный объем и структура зависят,в основном,от воздействия трех следующих факторов:

а) наличия природных, финансовых, кадровых и иных ресурсов, позволяющих производить товары, нужные по качеству и доступные и цене для широкого круга зарубежных партнеров;

б) состояния транспортных путей, что предопределяет издержки по доставке товара потребителю;

в) характер и методы государственного воздействия на условия развития внешнеэкономических связей.

Общая закономерность исторического развития внешней торговли России — постоянное возвышение ее значимости как источника роста национальной экономики и укрепления внешнеполитических позиций страны. Такая закономерность может проявляться спонтанно, лишь в виде тенденции на протяжении длительных отрезков времени, со своими спадами и подъемами. Другая, более устойчивая ее форма, возникает под воздействием государства и понимания общенациональных интересов со стороны прямых участников внешнеторговых операций — производителей экспортной продукции и купцов.

Если с таких позиций оценивать особенности становления и эволюции внешней торговли России к началу XX века, то следует отметить следующие ее характерные черты:

- активную роль государства в стимулировании внешней торговли, а также в организации военной и таможенной защиты национальных товаропроизводителей и экспортеров;
- наиболее высокие внешнеэкономические результаты достигались тогда, когда государство и купечество находили гибкие формы взаимодействия и сотрудничества в процессе достижения каждым своих целей;
- регулирующая и защитная роль государства резко падала в периоды смутного времени, военных поражений и действия других неблагоприятных обстоятельств, ослаблявших страну в целом. Такие моменты немедленно использовались иностранными торговцами в своих интересах, вплоть до самовольного установления монополии на торговлю импортными товарами на российской территории и получения для себя у обессиленного правительства других льгот.

Рассматривая взаимодействие всех этих факторов и черт как противоречивый, но все же единый длительный процесс, в нем можно проследить три, качественно обособленных,больших этапа:

Первый начинается с образования Киевской Руси и продолжает-

ся до середины XVI века включительно. В этот период главное преимущество России заключалось в обладании огромными богатствами таежного леса. Логично, что в структуре ее вывоза преобладали пушнина и меховые изделия, мед, воск, смола. В меньшей степени были представлены продукты сельского хозяйства: шкуры домашних животных, выделанная кожа, сало, зерно, обработанный лен, пенька. По мере развития ремесел во внешнем товарообороте все чаще стали появляться предметы домашнего обихода из дерева и металлов, резьба из кости, обувь, ювелирные изделия и др.

Основные направления такой торговли предопределялись спецификой водных путей: они были самыми дешевыми и сравнительно безопасными. Караваны торговых судов с надежной охраной плавали по Днепру и Волге более или менее регулярно. Торговые города Псков и Новгород для внешнеэкономических связей с европейскими партнерами использовали Балтийский путь. Киевские купцы для внешней торговли с центральной Европой употребляли также сухопутную дорогу через Галич. Но такой вариант был опасным и дорогим: на каждом мосту и пограничном шлагбауме нужно было платить пошлины. Частые перемены политической ситуации на Восточно—европейской равнине иногда на века перекрывали Балтийский морской и Днепровский торговые пути. Водой, на судах можно было сравнительно легко доплыть до низовий Волги, но пройти через степи и пустыни Средней Азии купеческим караванам удавалось крайне редко: их цинично грабили местные эмиры и ханы. Все это заставляло искать новые, обходные пути для поддержания внешнеторговых связей.

*Второй этап (*середина XVI - первая половина XIX вв.) начался с освоения Северного торгового пути через Белое море. Первопроходцами здесь были англичане и голландцы, которые, естественно, не упустили возможности хорошо на этом заработать. Но и русские купцы быстро перестроились, хотя у них и не было своего морского флота. В 1584 г. был основан Архангельск. Вскоре его стали посещать до 80 кораблей в год. Спустя столетие через архангельский порт проходило более двух третей всей внешней торговли России.

Наиболее радикальные изменения во внешней торговле России на этом этапе произошли в годы царствования Петра I. Прежде всего это коснулось ее структуры. Расширение промышленности до масштабов самостоятельной отрасли народного хозяйства позволило передвинуть долю ее экспортной продукции (различных видов

железа и изделий из него, оружия, фабричной парусины, льняного полотна, сукна, конопляного масла и др.) на первое место в общем объеме вывоза. Одновременно прекратился или снизился импорт тех товаров, которые стала производить собственная промышленность: фаянсовой посуды, стекла, бумаги, тканей, некоторых изделий из кожи. Значительно сократился также импорт оружия, боеприпасов, закупки военных судов.

Другое направление перемен — резко возросшая роль государства в регулировании внешнеэкономических связей. Оно административно вытеснило иностранных купцов с внутреннего рынка, разрешив им торговать только в пограничных пунктах. Был установлен жесткий контроль за заграничной деятельностью русских купцов: по существу была установлена государственная монополия внешней торговли. «Здешний двор, — писал один из иностранцев, посетивший Россию в 1706 г., — превратился в купеческий. Не довольствуясь монополией на лучшие товары собственной страны.., он захватывает теперь иностранную торговлю. Купцам платят только за комиссию, а барыш принадлежит казне, которая принимает и риск».[2.88] При этом государство не только не тормозило, но напротив стимулировало динамичный рост внешней торговли. В 1710 г. ее объем составил 3,6 млн. рублей, в 1749 г. — уже 12.6, а к концу века — 110 млн. рублей.[2.89]

Первым, кто по идеологическим соображениям решил отменить государственную монополию внешней торговли,был Александр I. «Государь и его министр коммерции увлекались идеями Адама Смита о свободе торговли... Выводы творца политической экономии нередко повторяются в докладах и в объяснительных записках графа Румянцева к проектам законов». [2.90] От увлекательных идей правительство Александра I попыталось перейти к практическим действиям в области либерализации внешней торговли: были снижены тарифы, создано несколько специальных компаний, организованы торговые экспедиции в Китай и Японию. Однако, обострение конфликтной обстановки в Европе быстро опрокинуло благие намерения: там, где начинается война, заканчивается торговля. Показательно, что если еще в 1806 г. внешнеторговый оборот России составлял 120 млн. рублей, то спустя год он сократился до 100 млн., а еще через год — до 83 млн. рублей, и низкие пошлины помочь не могли.

После разгрома войск Наполеона, чувствуя себя лидером среди представителей стран-победителей, Александр I вновь выступил с

призывом к установлению режима свободной торговли в Европе. Для большей убедительности он распорядился снизить таможенные сборы на границах России. Такие «либерально-охранительные» пошлины просуществовали с незначительными колебаниями до второй половины века.

Главная особенность *третьего этапа* развития внешней торговли состояла в том, что она активно подключилась к процессу модернизации и обновления экономики России. Начался последовательный возврат к «защитно-запретительному» таможенному режиму. Он завершился введением весьма высоких ввозных тарифов, призванных защищать начавшийся интенсивный процесс индустриализации страны. Ограничивая импорт готовых товаров, такая политика стимулировала приток иностранных капиталов в промышленное и железнодорожное строительство. Следует отметить, что подобную тактику использовала не только Россия. Практически все европейские страны, одни в большей, другие в меньшей степени, пытались ограничить импорт «чужих» и расширить экспорт «своих» товаров.

В этом отношении весьма поучительна «таможенная война» между Россией и Германией. Следует отметить, что сразу же после победы Пруссии над Францией в войне 1870-1871 гг. и завершения объединения немецких земель, здесь заметно активизировались круги, рассматривающие Россию как потенциальный аграрный придаток Германии и обширный рынок для сбыта немецких промышленных товаров. Подобные высказывания серьезно тревожили русских промышленников, которые вложили свои капиталы в создание новых промышленных предприятий в разных регионах страны. Они ходатайствовали перед правительством о защитных мерах. В 1884-1885 гг. пошлины на чугун и некоторые другие товары были повышены. В ответ «железный» канцлер Бисмарк распорядился не принимать русские ценные бумаги в залог и одновременно резко поднять тарифы на ввоз сельскохозяйственных продуктов. Это прежде всего больно ударило по российским экспортерам зерна. Дело в том, что немцы ввели два принципа обложения импортных товаров: один, низкий (льготный) применялся к странам, имевших торговый договор с Германией. Другой, высокий, к тем, кто такой договор не заключил. Россия относилась к таким странам: ее экономические отношения с Германией традиционно регламентировались не официальными соглашениями, а доверительными семейными связями между царствующими дворами.

Одностороннее введение Германией новых правил поставило Россию в трудное положение. Ее хлебная торговля и без того испытывала немалые трудности из-за конкуренции дешевого американского зерна, а тут еще старые друзья подкинули дурно пахнувшую «свинью».

Русская сторона в срочном порядке начала переговоры о заключении торгового договора. Однако Германия решила воспользоваться крайне затруднительным положением другой стороны и потребовала для себя такие льготы, на которые Россия заведомо не могла согласиться. В это время министром финансов стал С. Витте. Чтобы несколько остудить зарвавшуюся немецкую сторону, он немедленно ввел максимально высокий тариф на ввоз товаров из стран, не имевших торгового договора с Россией. В ответ немцы еще выше подняли планку на своих таможенных границах. Русский министр финансов не задержался с аналогичным ответом. Напряжение достигло своего предела. В России на Витте обрушились с обвинениями и критикой со всех сторон, в том числе министр иностранных дел, русский посол в Берлине, большинство членов Государственного совета и т.п. Но для него была достаточной поддержка одного человека — Александра III. Поэтому он не сдавался. Уступить пришлось немцам. Германия предоставила своему давнему партнеру режим наибольшего благоприятствования, а самой пришлось согласиться с условиями ставшего теперь, по сравнению с максимальным вариантам, «льготным» тарифом 1891 г.

Некоторые тарифы обложения ввозимых товаров [291]

в копейках золотом за пуд

	1868	1891
Каменный уголь	беспошлинно	2-3
Чугун в чушках	беспошлинно	10,5
Железо	5	45-52,5
Поковки	20-50	90-150
Рельсы	20	90
Машины	30	250
Паровозы	75	300
Машины сельскохозяйственные	беспошлинно	70-140
Хлопок-сырец	беспошлинно	120-135
Хлопчатобумаж. изделия	28-110	35-135

Тариф 1891 года повысил обложение импортных товаров в 3-4 раза. Как показала практика, в некоторых случаях тарифы были увеличены без достаточных оснований. В первую очередь это относилось к продукции машиностроения. Однако, удорожание угля и железа способствовало созданию нового топливно-металлургического центра в Донбассе. Повышение импортных цен на хлопок стимулировало формирование крупной и качественной сырьевой базы российской текстильной промышленности в Средней Азии.

Следует отметить также, что несмотря на повышение таможенных пошлин в структуре ввоза продолжался рост доли оборудования для строительства железных дорог, промышленных предприятий. а также паровых локомобилей и машин для сельского хозяйства.

Необходимо отметить, что тарифные пошлины успешно выполняли функцию не только защиты растущей национальной промышленности, но и все более крупного источника поступления бюджетных средств. Так, если за пятилетие 1846-1850 гг. среднегодовые таможенные доходы составили 48,6 млн. серебряных рублей, то в период 1896-1900 гг. — уже 204 млн. золотых рублей. [2.92]

Одна из важнейших особенностей этого периода — появление малознакомого заграничного товара: частного иностранного капитала для прямых вложений как в портфельные, так и производственные инвестиции. Общий объем зарубежных капиталовложений в промышленность России в 1901 году превысил 1 млрд. рублей. Все это сопровождалось быстрым, иногда вынужденным, а потому напряженным ростом объема ввоза и необходимого для этого вывоза товаров.

Среднегодовой объем внешней торговли России во II—ой половине XIX века [2 93]

	1851-60	1861-70	1871-80	1881-90	1890-900
Ввоз:					
млн. зол. руб.	113,1	184,5	367,7	249,9	352,5
в % к пред. дес.	133	163	199	68	141
Вывоз:					
млн. зол. руб.	123,5	184,9	339,3	392,1	444,3
в % к пред. дес.	127	150	184	116	113
Торг. сальдо:					
млн. зол. руб.	10,4	0,4	- 28,4	142,2	91,8

Цифры таблицы отражают стремительный рост внешнеторгового оборота во второй половине XIX века. Ввоз за этот период расширился в 3, вывоз — почти в 4 раза. Особенно крутой подъем (в 1.5-2 раза за десятилетие) наблюдался в 60-ые и 70-ые годы.

Важно отметить также довольно устойчивое положительное сальдо торгового баланса. Исключение составили 70-ые годы, когда в связи с резким ускорением ж.д. строительства, пришлось также круто увеличить за счет иностранных кредитов ввоз необходимых для него оборудования и материалов. Известный русский химик Д.И. Менделеев, профессионально разбиравшийся также в финансовых вопросах, отмечал: «В те 12 лет (1869-1880), в течение которых ввезено на 1100 млн. руб. чугуна, железа и изделий из них, заключено займов на сумму около 1600 млн. кред. рублей. Очевидно, что большая часть займов... пошла в уплату за иностранный металлический товар». [2 95]

К сожалению, займы приходится возвращать с процентами. Точных данных о расходах по обслуживанию кредитного долга государства и частных компаний обычно никто не знает. По оценкам некоторых специалистов в конце XIX века Россия расходовала на эти цели примерно 90-120 млн. зол. рублей. Поскольку положительное сальдо торгового баланса в 70-90 -х годах достигало порядка 80 млн рублей, а в последнее десятилетие века даже 115 млн., то можно считать, что к началу нового столетия страна близко подошла к сбалансированию своего платежного баланса. Но, такой результат был достигнут дорогой ценой: форсированного экспорта сельскохозяйственных продуктов, прежде всего, зерновых.

Основным производителем экспортной продукции стало сельское хозяйство, при чем 43 % вывоза приходилось на долю зерновых, в том числе почти 15 % общего объема составляла стоимость пшеницы.

Структура экспорта России в 1900 году [2.95]

	Млн. рублей	доля, в %
Сельхоз. и лесные продукты	578	82
Пром. изделия: сырье, сахар, спирт и др.	130	18

Вывоз зерновых из России в конце XIX—начале XX века [296]

в среднем за год

	зерновых	пшеница	рожь	ячмень	овес	кукуруза
1895-1899						
млн. пуд	475,1	190,9	74,3	92,0	46,3	26,9
млн. руб	328,7	161,6	45,5	47,6	27,8	13,7
1900-1904						
млн. пуд	553,5	195,5	83,3	106,6	67,5	37,1
млн. руб	412,3	173,2	58,0	63,6	46,9	21,8

Хотя по потреблению хлеба на душу населения Россия уступала большинству стран Европы, в конце XIX века она была крупнейшим экспортером зерна: на ее долю приходилась примерно четвертая часть всей пшеницы, реализуемой через мировой рынок, две трети ржи и овса, почти половина ячменя и 15 % кукурузы. Наиболее ценным было крупное зерно твердой пшеницы, обладавшее высоким содержанием белка и клейковины. Из него получали лучшие сорта макарон, манной крупы, крупчатки. Чтобы вырастить такое зерно, нужен континентальный климат и чернозем. В Европе таких условий не было: попытки посеять русские семена твердых пшениц заканчивались неудачей. Поэтому Россия долгие годы занимала особое место на этом рынке. Однако уже в конце XIX века она столкнулась с растущей конкуренцией со стороны США, Канады, Аргентины и Австралии, что неизбежно приводило к снижению цен как на внешнем, так и на внутреннем рынке.

В той незначительной части экспортной выручки, которую зарабатывала промышленность, заметное место занимали 10 млн. пудов сахара и более 16 млн. ведер спирта. Их тоже с небольшой натяжкой можно было отнести на счет сельского хозяйства.

В импорте в то время наибольший удельный вес составляло сырье и полуфабрикаты, 28 % приходилось на долю готовых изделий.

Если до 70-ых годов лидирующее положение во внешней торговле России занимала Великобритания, то в последнюю треть столетия с этого места ее вытеснила объединенная Германия. Франция же все это время довольствовалась третьим, тоже почетным местом.

В начале XX века ситуация во внешней торговле изменилась мало.

Доля отдельных стран во внешней торговле России [297]

в %

	1886-1890	1906-1910	1913
Германия			
вывоз	24,8	27,1	29,8
ввоз	29,4	39,5	47,4
Великобритания			
вывоз	32,9	21,2	17,6
ввоз	23,8	13,7	12,8
Франция			
вывоз	6,7	6,6	6,6
ввоз	3,7	4,5	4,1
США			
вывоз	0,1	0,6	0,9
ввоз	9,3	6,9	5,8

Если внимательно посмотреть на таблицу, то можно подумать, что в начале века Россия готовилась к войне с Великобританией на стороне Германии: с первой она интенсивно сворачивала свои внешнеэкономические связи, со второю также энергично расширяла. Франция как бы оставалась нейтральной, США — еще далее удаляющейся страной. Такие нелогичные, если не сказать странные передвижки, можно объяснить пожалуй только тем, что стратегические переливы капиталов, а это имело, конечно, решающее значение, происходили в другом направлении. Кроме того, следует отметить, что несмотря на успехи в динамичном развитии своего экспорта и импорта, экономика России слабо зависела от состояния ее внешней торговли именно в силу крайней отсталости последней.

Если рассматривать эти коэффициенты как показатели зависимости страны от внешней торговли, то как это не парадоксально звучит, Россия меньше других зависела от мирового рынка. Приоритетное значение для нее имело положительное сальдо торгового баланса, так как это был главный источник для обслуживания внешнего долга. Поэтому она была заинтересована в расширении экспорта, в том числе и в Германию. А последняя остро нуждалась в хлебе и кормах. При таких обстоятельствах обе страны на ниве внешней торговли двигались друг другу навстречу, хотя генеральные штабы и в Петербурге, и в Берлине не имели никаких сомнений в том, с кем им предстоит воевать через несколько лет. Больше

того, подготовка к войне подстегивала расширение внешней торговли в оставшееся мирное время.

Объем внешней торговли на душу населения [2 98]
в пересчете на рубли

	1907	1911
Россия		
ввоз	5,8	6,9
вывоз	6,9	9,5
Германия		
Ввоз	71,5	73,6
вывоз	55,7	62,0
Великобритания		
ввоз	139,5	142,0
вывоз	112,0	116,2
Франция		
ввоз	74,3	98,2
вывоз	68,3	74,3

Как уже отмечалось, в другом стратегическом направлении разворачивалось движение капиталов. За десять лет, предшествовавших Первой мировой войне, из выпущенных в обращение на 9.9 млрд. рублей ценных бумаг, 2/3 были реализованы на внутреннем рынке и только на 3.24 млрд рублей за границей. Из них 60 % пришлось на долю Франции, только 20 % на долю Германии и 10 % на долю Англии. Более двух третей иностранного капитала было вложено в государственные займы, десятая часть — в гарантированные правительством облигации и акции ж.д., 20 % — в банки, промышленные и торговые предприятия.

Ценные бумаги в обращении на русских биржах [2 100]
в млрд. рублей

	на 1.1 1904	на 1.1 1914
Все ценные бумаги из них:	12,1	18,2
акции и облигации железных дорог	1,2	2,2
торг. и пром. предприятий	0,75	1,14
акции банков	0,27	0,6

Точных данных, характеризующих масштабы участия иностранного капитала в финансировании развития экономики России, нет и, по всей вероятности,не будет. Дело в том, что официально зарегистрированных иностранных компаний было немного. Обычно зарубежные владельцы капитала стремятся «загримировать» свое присутствие в русских фирмах и банках. Так живется спокойнее за будущее своей собственности в чужой стране. Однако, сопоставляя различные данные, можно утверждать, что больше половины железных дорог в России было построено за счет мобилизации собственных средств (иностранные займы использовались, в основном, на нужды многочисленных войн и ликвидацию их тяжелых последствий). Примерно от 30 до 50 %, то есть тоже менее половины, капитальных вложений в развитие промышленности было профинансировано за счет иностранных капиталов, в первую очередь, французских (33 %), затем шли англичане (23 %), немцы (20 %) и бельгийцы (14 %).

В отдельных отраслях зарубежные фирмы успели захватить ключевые позиции: так, в горнодобывающих отраслях, в том числе в нефтяной, угольной, медной, добыче золота, металлургии, их доля достигла в среднем 91 %, в химии — 50, в металлообрабатывающей — 42, в деревообработке — 37 %.[2 101]

Довольно широкое проникновение иностранных фирм в русскую промышленность во многих случаях сопровождалось внедрением современных для того времени технологий и организации производства. Особенно это касалось немецкого капитала, который преобладал в электротехнике, химии, металлургии. Фирма «Сименс и Шукерт» начала строительство первых электростанций и электросетей, заводов по производству электрогенераторов и двигателей. Она же помогла создать телеграфную сеть на европейской части страны. Шведы, французы и немцы активно подключились к добыче, переработке и вывозу нефти и нефтепродуктов. Именно здесь проросли корни финансирования Нобелевских премий. Почти все западноевропейские страны успешно внедрились в банковскую систему. Например, перед войной из всего основного капитала 18 крупнейших коммерческих банков 186 млн. рублей или 43 % принадлежало иностранному капиталу.[2 102]

Следует подчеркнуть, что иностранный капитал устремился в экономику России небескорыстно. Во-первых, русская техническая интеллигенция по уровню профессиональных знаний практически не

уступала западным специалистам. На вновь вводимых предприятиях довольно быстро формировался устойчивый костяк квалифицированных рабочих, оплата труда которых была ниже, чем на Западе. Поэтому вложенный здесь капитал приносил в 1.5-2 раза больше прибыли. Во-вторых, страна обладала богатыми природными ресурсами и емким, растущим рынком сбыта. В-третьих, полученную в золотых рублях прибыль или дивиденды при желании можно было легко перевести за границу.

Общая картина внешнеэкономических связей России будет неполной, если не сказать, что она не только ввозила, но и вывозила капиталы в крупных объемах, прежде всего в Китай и Персию. За период 1886-1914 гг. в эти страны было инвестировано 2.3 млрд. рублей.

Большая их часть была вложена в строительство Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), общей протяженностью 2300 км по труднодоступной горной местности. Параллельно было сооружено большое количество станций, вокзалов, других объектов, в том числе туннель под хребтом Большой Хинган длинной около 3 км.

Одновременно русские промышленники начали осваивать лесные концессии в Манчжурии общей площадью 16.9 тыс. кв. километров, развивать горную и другие отрасли промышленности, а также судоходство и обустройство Порт-Артура и Дальнего. Общая стоимость строительства обошлась почти в 1.6 млрд. рублей. Оно имело, конечно, стратегический характер, рассчитанный на длительный период времени. Но уже в 1914 г. русско-китайский товарооборот увеличился до 118 млн. руб против 47 млн. в 1895 г.

Другим крупным объектом русских инвестиций в начале века была экономика Персии. Здесь тоже сооружались шоссейные и железные дороги, электростанция, прокладывались телеграфные и телефонные линии, обустраивались порты и другие объекты. Общий объем вложений — 600 млн. рублей. Еще около 100 млн. было инвестировано в хозяйство Монголии и Турции.

Таким образом, внешнеэкономические связи России динамично росли, менялась их структура, осваивались новые рынки.

Как видно из этих данных, внешняя торговля России за первые 13 лет XX века расширилась более, чем в два раза. Среднегодовой таможенный доход в этот период составил 276 млн. зол. рублей, превышение вывоза над ввозом — 307 млн. зол. рублей. Эти данные свидетельствуют, что внешняя торговля продолжала играть

Рост внешней торговли России накануне Первой мировой войны [2 103]

млн. рублей

	1900	1905	1910	1913
вывоз	708	1077	1449	1520
ввоз	615	635	1084	1374
торг.баланс	93	442	365	146

решающую балансирующую роль на только в сфере государственных финансов, но и во всем народном хозяйстве.

Бурные события 1905-1907 гг. затормозили рост экспорта и потребовали резкого увеличения ввоза товаров. В итоге положительное сальдо торгового баланса в 1908 г. сократилось до самого низкого уровня — 86 млн. рублей. Однако, уже в следующем году превышение вывоза над ввозом подскочило до 521 млн. руб, что позволило «засыпать» провал предыдущего периода. Этому способствовал прежде всего хороший урожай хлебов, а также подъем промышленного производства. Круто возросший платежеспособный спрос вызвал необычное явление на внутреннем рынке: несмотря на интенсивное увеличение выпуска промышленных изделий он не поспевал за еще более высокими темпами возрастания потребностей. Приходилось форсировать импорт и на ходу перестраивать его структуру. Менее заметно менялась ситуация в сфере экспорта. Здесь по-прежнему преобладал вывоз продукции сельского хозяйства и, прежде всего, зерна.

Структура российского экспорта в 1903—1913 гг [2 104]

в % к общему объему

	1903	1905	1910	1913
Сельхоз. продукты	62	66	64	58
в том числе: хлеб	48	53	52	40
Пром. сырье и полуфабрикаты	32	28	30	34

Вывоз хлеба в этот период в зависимости от урожая и конъюнктуры на рынках Европы колебался от 400 до 850 млн. пудов, что составило в среднем 645 млн. пудов (10.6 млн. тонн) за год.

Более существенные изменения происходили внутри отдельных товарных групп. Так, экспорт масла коровьего за десятилетие (1903-1912 гг.) вырос в стоимостном выражении с 32 до 69 млн. рублей, сахара, соответственно, с 25 до 57 млн., яиц — с 51 до 85

млн руб. Эти товары по темпам роста намного обгоняли экспортную динамику хлеба.

В группе промышленного сырья более чем в два раза увеличился вывоз лесоматериалов, в 4 раза — сырых кож, в 2 раза — марганцевой руды, в 10 раз — платины. Перед войной Россия была основным поставщиком этого металла на мировом рынке (более 70 %). Интересно также отметить, что в начале века ей принадлежало одно из первых мест в мире по добыче нефти. Но, сырую нефть Россия не вывозила. На экспорт шли только продукты ее переработки: керосин, бензин, масла, — в 1913 г. на сумму более 50 млн. рублей.

Особенно заметные сдвиги произошли в структуре импорта. Внутри его четко выявились три основные группы товаров: а) продовольствие (чай, фрукты, овощи, картофель, горох, сельди и даже хлеб, б)промышленное сырье, материалы, уголь, минеральные удобрения и в/готовые изделия. Доля первой группы за десятилетие 1903-1912 гг. осталась на прежнем уровне — 19 %, второй — сократилась с 54 до 47 %. Третья группа расширила свои позиции с 27 до 34 %.

Среди товаров второй группы в 1.5-2 раза увеличился ввоз многих видов сырья для легкой промышленности: шерсти, шелка-сырца, кожи, натурального каучука (в основном для изготовления галош). Показательно, однако, что импорт хлопка-сырца сократился: сказалось создание собственной базы для выращивания хлопка в Средней Азии.

Обращает на себя внимание резкий скачок почти в два раза,— импорта угля. Во многих регионах ощущался его дефицит в связи с относительно широким внедрением парового двигателя на транспорте, в промышленности и даже в сельском хозяйстве.

Необычно динамичным было расширение импорта третьей группы товаров: готовых промышленных товаров, в том числе, различных орудий труда и оборудования. Крестьяне и другие производители товарного хлеба за десятилетие в 2.5 раза увеличили закупки сельскохозяйственных машин, в 5 раз — минеральных удобрений. Среди них стали пользоваться массовым спросом чай, конфеты, а также импортные фабричные ткани, добротное тонкое сукно, резиновая обувь, керосиновые фонари и др.

Таким образом, внешняя торговля в начале XX века широко подключилась к удовлетворению многих новых и разнообразных потребностей народного хозяйства и населения России, все более тесно переплетаясь с ее единым национальным рынком.

Глава 3
Переход от крестьянской к промышленной цивилизации

Индустриализация России в XX веке, после продолжавшегося в течение двух столетий накопления исходных предпосылок, происходила высокими темпами, импульсивно, вместе с тем со сбоями и трудностями. Девяти - десятилетние периоды динамичного наращивания производительных сил и обширных структурных сдвигов сменялись передышками примерно такой же продолжительности. Иногда такие передышки называют кризисами. Однако, с подобными определениями не всегда можно согласиться, поскольку затишья использовались, как это бывает в ходе крупных наступлений, для подтягивания тылов. Восстанавливалось равновесие в народном хозяйстве, нарушенное резкими изменениями пропорций. Преодолевалось отставание в развитии отдельных отраслей. Накапливались израсходованные резервы. Готовились новые ресурсы для перемен, уводящих в сторону от привычной наезженной колеи и традиционных ориентиров.

Все качественные скачки и эволюционные процессы индустриализации имели циклические ритмы, т.е. повторялись примерно в одинаковые интервалы времени, в той же очередности. При этом следует напомнить о различиях больших и малых циклов. *Первые* — это целые эпохи в развитии человеческой цивилизации, связанные с коренными изменениями качества и образа жизни людей, включая сюда производительные силы, социальную организацию труда и быта, культурную, интеллектуальную и духовную среду. *Малый цикл* выступает как одна из составных частей большого и связан с изменениями какой — либо важной стороны движения цивилизации.

В данной работе такие циклы рассматриваются во взаимосвязи с формированием и развитием в России новейших в ту пору промышленных технологий. Малый цикл, в свою очередь, охватывает две стадии развития: сначала происходит накопление условий, предпосылок, отдельных элементов для будущего качественного скачка. Затем, на второй стадии свершается главное — резкое ускорение в движении отдельных отраслей и производств, что обычно сопровождается масштабными структурными сдвигами в народном хозяйстве и образе жизни людей.

В России XX-го столетия конкретные проявления и продолжительность отдельных малых циклов существенно деформировались под воздействием войн и связанных с ними социально-экономических катаклизмов. Перегибы в политике нередко вызывали такие же последствия, как и войны: спады производства, расстройство товарно—денежных отношений, снижение жизненного уровня населения, другие негативные явления.

На протяжении более ста лет в российской промышленности, начиная с 90-х годов прошлого века, можно достаточно четко проследить, среди на первый взгляд хаотичных изменений ее основных параметров, пять — шесть ступенек интенсивных подъемов и качественных сдвигов: 1891-1899; 1909-1916; 1929-1940; 1948-1957; 1966-1975 и несостоявшийся, завершающий цикл в 1986-1996 гг. Каждому из них сопутствовал период эволюционных доводок и преодоления возникших диспропорций, других структурных нарушений. Одновременно накапливались силы, идеи, ресурсы и другие предпосылки для нового периода интенсивного подъема.

Первые четыре цикла, начавшиеся соответственно в 1891, 1909, 1929 и 1948 гг., выделяются в динамическом ряду довольно четко. Второй из них должен был бы продолжаться в нормальных условиях до 1918 или 1919 года. Однако, мировая война, две революции и последовавшая за ними очередная «русская смута» стихийно прервали процесс экономического роста. Пятый цикл (1966-1975) имеет смятую концовку. Дело в том, что новые изменения уже не так рельефно выделяются на фоне сделанного ранее. Но, главное заключалось в том, что многие экономические процессы «прогнулись» и дали трещины под тяжестью огромных перегрузок, вызванных стремлением политиков одновременно решить неразрешимые в короткие сроки задачи: достигнуть военно-стратегического паритета с лидером капиталистического мира, развязать продовольствен-

ный узел, освоить высокие технологии, преодолеть жилищный кризис, наверстать упущенное в сфере народного образования, медицины, культуры и социальной защиты «слабых» слоев населения. Необходимость, главные направления и сроки решения этих задач были сформулированы в специальной программе ускорения и социальной переориентации экономики, принятой в середине 80-х годов. На деле однако, в связи с нереальными сроками, другими просчетами и иллюзиями так называемой перестройки, вместо цикла подъема и ускорения в экономике начался затяжной и мучительный спад. Растрачен впустую важнейший и невосполнимый ресурс — время. По прогнозам Россия восстановит достигнутый в 1990 г объем производства не ранее 2005-2010 гг., т.е. будет потеряно не менее 15-20 лет. В этот же период предстоит переступить порог нового, постиндустриального общества — общества коллективного интеллекта, информатики, качественно новых технологий и организации управления, высокого уровня культуры и благосостояния человека. На пути к такому обществу предстоит осуществить длинную цепочку новых цикличных преобразований, которые будут характеризоваться:

а) переходом к производству преимущественно наукоемкой продукции, требующей относительно небольших удельных затрат физического труда, энергии и сырья;

б) возрастанием роли и ценности творческой деятельности исследователей, конструкторов, инженеров, менеджеров и квалифицированных работников массовых профессий;

в) перемещением центра тяжести интересов людей в сферу исследований, образования, здоровья, культуры и нравственности;

г) формированием трех, во многом новых субъектов хозяйствования: умного, предприимчивого и расчетливого руководителя; собственника - контролера, активно участвующего в процессе управления; работника, заинтересованного в высоких конечных результатах деятельности всего коллектива;

д) создание благоприятных условий для учебы, работы, быта и отдыха людей, т.е. условий не только для воспроизводства, но и для наращивания творческого потенциала человека. Таков вероятный сценарий особенностей большого цикла развития России на протяжении всего XXI века. Однако вернемся к его историческому началу.

3.1. Стартовый этап

Первая волна промышленной революции в России пришлась на 90-ые годы прошлого столетия, т.е. с запозданием на 50-60 лет по сравнению с Западной Европой. Ее движущие силы, изменившиеся и возросшие потребности российского общества, удовлетворение которых было возможным только путем обширной и глубокой модернизации производительных сил, проявили себя сразу же после слома крепостного строя. Материальные ресурсы и капитал, необходимые для начала промышленной революции, соответствующие организационные и рыночные структуры, кадры, идеология — все это накапливалось эволюционно на протяжении XVIII - XIX веков. Большой подготовительный период послужил стартовой площадкой для активной стадии первого малого цикла интенсивной индустриализации страны (1891-1899 гг.).

Началом становления промышленности как самостоятельной отрасли народного хозяйства можно считать период правления Петра I, когда удалось ввести в эксплуатацию более 100 относительно крупных промышленных фабрик и заводов, обслуживавших, главным образом, нужды армии. Среди них особо выделялись уральские заводы бывшего тульского кузнеца — предприимчивого, способного и удачливого Никиты Демидова (подробнее о нем см 4.4 этой книги). Растущее российское войско нужно было вооружить, накормить, одеть и обуть. Самому царю приходилось заботиться об увеличении производства сукна и холста для солдатского обмундирования, полотна для парусов строящегося флота, постоянно заниматься проблемами увеличения выплавки железа, изготовления пороха и др.

Обычно заводы строились гнездами в лесной местности, вдоль рек и озер, где сооружались плотины и создавались водохранилища. Домны и малые домницы, с помощью которых выплавлялся чугун и железо, потребляли много древесного кокса и воды. На плотине устанавливалось водяное колесо — основной двигатель для кузнечных молотов, которые в свою очередь служили главными рабочими механизмами металлообрабатывающих заводов, расположенных здесь же, недалеко от домен. Стволы ружей и пушек сверлили также с помощью энергии водного колеса. Преимущественно по воде перевозили многопудовую продукцию, в том числе чугун и железо, заготовки и готовые изделия. При этом затраты на перевозку металла с Урала, ставшего основной металлургической базой для

всей промышленности, до Петербурга почти удваивали его издержки производства.

В это же время начинает развиваться межзаводское и внутрипроизводственное разделение труда. Так, выплавка чугуна стала концентрироваться на обособленных заводах. Отсюда чугунные чушки отправлялись на передел в железо или в литейное производство. В рамках заводов имелись специализированные цехи, мастерские и участки. Так, прежде чем готовое ружье или мортира покинет оружейный завод, заготовка подвергалась нескольким самостоятельным операциям по протяжке, поковке, сверлению и др. Соответственно подбирались кадры мастеров и рабочих-умельцев.

Многие новые заводы и фабрики принадлежали казне. Но, царь отнюдь не стремился быть их самоличным хозяином, так как ему нередко не хватало сил и времени для борьбы с безответственностью, волокитой и казнокрадством среди управляющих и служащих государственных предприятий. Поэтому он охотно продавал или даже передавал казенные предприятия в частную собственность. Тем самым Петр предоставлял предприимчивому помещику, купцу или мастеру свободу для проявления самостоятельности и инициативы, одновременно возлагая на них ответственность за четкое выполнение казенных заказов по согласованным ценам. В 1718 г. на казенных заводах было выплавлено 28.4 тыс. пудов меди и 869 тыс. чугуна, а на частных — 169 тыс. пудов меди и 5772 тыс. пудов чугуна, т.е. соотношение было как 1:6 и 1:6.6. [31]

Деловым людям представлялись льготные кредиты. Их освобождали от службы в армии. В той или иной степени их интересы защищались от зарубежных конкурентов. Так, указом Петра I было предписано, что для строительства и ремонта казенных зданий следует покупать железо только у Нарышкина, к которому перешла большая группа металлургических и металлообрабатывающих заводов в центре России. В 1718 г. было приказано шить мундиры для солдат лишь из сукна отечественного производства, в канцеляриях употреблять бумагу только «российского дела».

Узким местом для развития молодой русской промышленности стал набор рабочей силы. Поначалу рассчитывали на свободный найм. Однако, практика показала, что среди «вольнонаемных» работников преобладают беглые крепостные и государственные крестьяне, бродяги, нищие, другие лица без определенных занятий, в том числе дети 10-12 лет. Ожидать высокое качество и производитель-

ность от такого производственного персонала было бы наивно. Но, и таких работников не хватало. Поэтому в 1721 г. Петр разрешил купцам и богатым горожанам покупать крепостных крестьян целыми деревнями для использования их как рабочей силы, «дабы те деревни были уже при тех заводах неотлучно».[32] Такие предприятия стали называть посессионными: их нельзя было продать без крестьян, а крепостных без предприятия. Принуждение к труду обеспечивалось жесткой дисциплиной и наказаниями, вплоть до ссылки в дальние края, «чтоб другим был страх». В случае бегства работников, воевод обязывали организовать поимку нарушителей и, после учинения наказания, отправлять на прежнее место работы.[33]

Царь постоянно интересовался заботами промышленников, поощрял нововведения и жестко преследовал за злоупотребления. Надо отметить, что многие изделия русской промышленности в то время пользовались большим спросом за границей, прежде всего, благодаря своей дешевизне при вполне удовлетворительном качестве: сукно, кожи, добротные полотна, канаты, веревки. Русское железо, выплавленное на древесном коксе, предпочиталось подобным товарам из других стран. В XVIII в. российская металлургия заняла одно из ведущих мест в мире.

Наследники Петра старались сохранить и по возможности расширить благоприятные условия для развития промышленности. Так, Екатерина II предприняла ряд мер, чтобы освободить промышленников от излишней регламентации «сверху», ликвидировав в то же время монопольное положение отдельных предприятий. Особое значение в этом отношении имел ее указ, который предоставил право всем имущим создавать всякого рода промышленные заведения. Тем самым была открыта дорога предприимчивым крестьянам, в том числе из среды крепостных, для хозяйственной деятельности в этой отрасли. Помещики со своей стороны не только не препятствовали таким инициативам, но и поддерживали их, поскольку крестьяне-предприниматели платили повышенный оброк.

Число относительно крупных промышленных предприятий

1725	1760	1800	1815	1850	1861
200	1000	2300	4190	9850	14150

Хотя эти цифры не вполне сопоставимы, прежде всего из-за больших колебаний размеров отдельных предприятий, они доста-

точно полно отражают динамичный характер развития промышленности в России в послепетровский период. Общая черта того времени — почти повсеместное использование труда крепостных, причем XVIII век имел ряд своих специфических особенностей:

1) Почти все крупные и средние предприятия работали исключительно по заказам казны. Тем самым правительство имело возможность направлять и регулировать объемы и структуру выпуска продукции, которая в основном предназначалась либо непосредственно для нужд армии и флота, либо для производства вооружений;

2) Несмотря на значительный количественный рост промышленности орудия труда, технология и качество продукции изменились весьма незначительно: повсюду преобладал ручной, принудительный и мало продуктивный труд. Поэтому, чтобы удовлетворить быстро растущие потребности длительных, почти не прекращающихся войн, приходилось экстенсивно увеличивать количество предприятий и число занятых работников;

3) Если в начале века в структуре промышленности значительное место занимали вотчинные (дворянские) довольно крупные предприятия, то к его концу их доля заметно снизилась. Их вытеснили посессионные заводы и фабрики, а также небольшие предприятия крестьян, число которых после указа 1775 г. стало быстро расти.

В первой половине XIX века в промышленности стали все чаще происходить существенные качественные изменения. Наибольшее значение в этом отношение имели структурные сдвиги. По существу заново была создана хлопчатобумажная промышленность, которая почти сразу же набрала самые высокие темпы прироста и к концу столетия заняла первое место как по объемам выпуска продукции, так и по численности персонала. О ее стремительной динамике можно судить по следующим данным:

Среднегодовой импорт хлопка и пряжи в Россию [34]

тысяча пудов

	хлопок- сырец	хлоп. бум. пряжа
1812-1815	50	120
1836-1840	320	590
1856-1860	2620	210

За полвека объем перерабатываемого хлопка в России возрос в 52 раза, а пряжи, соответственно, менее чем в 3 раза. Такое различие в динамике импорта объясняется тем, что формирование сит-

цевой промышленности на базе крестьянских промыслов началось с самой простой операции — ручной набойки (окраски) хлопчатобумажного холста-миткаля. Затем освоили производство миткаля (ткачество) и в последнюю очередь — пряжи. Причем делали ее с помощью английских машин. Ситец получился дешевым, легким и очень пригодным для пошива рубах и сарафанов, которые люди охотно носили в теплое время года и в деревне, и в городе. Поэтому ситец стал вытеснять с рынка грубые ткани кустарного производства. Одновременно возрос спрос городского и сельского среднего класса на тонкое сукно промышленного производства, из которого шили более удобные, а также модные костюмы и пальто. Казенная суконная промышленность, которая длительное время занимала монопольное положение в производстве тканей для пошива армейского обмундирования, отошла на второй план. Вместе с тем несколько ослабло регулирующее воздействие государства на структурные изменения в экономике. Это не помешало, а скорее содействовало тому, что на частных предприятиях стали внедряться машинные технологии, где в качестве двигателя использовались паровые установки. Повысились требования к квалификации и мотивации промышленного персонала. Быстро стала расти доля вольнонаемных рабочих и служащих, труд которых стал заметно отличаться более высоким качеством и результативностью. Характерно, что именно текстильная промышленность во второй половине XIX века занимала лидирующее место по освоению последних новинок в технологии и организации труда. Ориентируясь прежде всего на крестьянский спрос и потребности средних слоев в городах, она быстро освоила машинное производство доступного для широкого круга потребителей ситца, тонкого сукна, относительно недорогих сортов шерстяных, льняных и шелковых тканей.

Не все было просто и легко. Кустари и ремесленники стремились любыми средствами удержать за собой место на рынке, удлиняя продолжительность рабочего дня и используя дешевый женский и детский труд. Иногда невозможно провести грань, где кончается кустарное производство и начинается крестьянская промышленность. И там, и здесь обрабатывали сырые продукты крестьянских хозяйств. В северных губерниях широко была развита обработка дерева и лесных продуктов: плели рогожи, сита, решета, лапти, производили колеса, дуги, сани, дровни, деревянную посуду, гнали смолу и дегать. В этих же губерниях было развито скорняж-

ное, кожевенное и сыромятное производство. Целые села в Нижегородской и соседних губерниях специализировались на обработке железа. Так, в селе Работницком на Волге все жители были кузнецами, в Безводном — тянули проволоку. Известность во всей России получили высококачественные металлоизделия из Павлово, где 4 тысячи квалифицированных работников изготовляли ножи, ножницы, замки, топоры, сабли и даже ружья. Часть их продукции вывозилась за границу, вниз по Волге, в Персию. В этом же регионе производилась основная часть гвоздей, употреблявшихся в России.[35]

Все же ручной труд ремесленников и кустарей объективно не мог выдержать конкуренции с более производительным и относительно, в расчете на единицу продукции, дешевым трудом фабричного рабочего, который использовал машину и новые энергетические установки.

В начале XIX века, по оценке академика С. Струмилина, в освоении машинной техники Россия отставала от Англии всего лет на 10-15.[36] Первый машиностроительный завод Карла Берда вошел в эксплуатацию в 1792 г. Вскоре здесь была пущена паровая установка мощностью 4 л.с. Первую механическую бумагопрядильную фабрику с паровой машиной (Александровская казенная мануфактура) построили в самом начале 800-х годов. Однако, почти на всем протяжении прошлого столетия Россия была занята больше защитой (войны с Наполеоном) и расширением своей территории, чем проблемами модернизации народного хозяйства. При этом главным препятствием на пути технических, экономических и социальных нововведений была вязкая и инертная система крепостного права. Только после реформы 1861 г. начались, поначалу медленные и незначительные, но постепенно все более крупные и быстрые перемены.

Несколько неожиданно, вслед за первыми шагами по практическому осуществлению освобождения крепостных, последовал спад промышленного производства. Это объяснялось, в первую очередь, тем, что крестьяне, приписанные к заводам и фабрикам или работавшие там, чтобы иметь возможность выплатить денежный оброк помещику, получив свободу, стали в массовом порядке возвращаться в деревню, переселялись в другие губрнии, лишь бы поближе к матушке-земле. «Бывших заводских рабочих так тянуло бросить постылые заводы, что усадьбы, дома и огороды продавались совершенно за бесценок, а иногда и отдавались даром».[37] Некоторые предприятия потеряли треть, а отдельные и половину посессионных рабочих.

Другая важная причина возникших трудностей заключалась в том, что отмена крепостного права в России совпала по времени с гражданской войной в Америке. Поступление импортного хлопка резко сократилось, что сопровождалось обширным сбоем в работе хлопчатобумажной промышленности. В 1860-1863 гг. в России было закрыто до 40 % прядильных и ткацких производств.[38] Поскольку текстильные предприятия давали основную массу всей промышленной продукции, заминка в этой отрасли заметно сказалась на динамике общего объема производства. После окончания гражданской войны на далеком континенте, хлопок вновь появился на европейском рынке и сырьевая проблема для российских «ситцевых» фабрик решилась сама собой.

На действующих, как правило, средних и крупных промышленных предприятиях, хозяевам пришлось пойти на повышение зарплаты оставшимся рабочим примерно в два раза. Постепенно начался, хотя и медленный, но все же подъем производства.

В 1872 г. возник кризис. Начался он по классической формуле: паника на Московской бирже быстро перекинулась в Петербург, Ригу, Одессу, другие города. Глубинных причин, как всегда, было несколько: расстройство финансов, непрекращающееся оскудение крестьянства и заметное отставание сельского рынка от растущих возможностей промышленности. Да и в городах, в связи с массовым притоком дешевой рабочей силы из деревни, средний уровень реальной зарплаты фабричных рабочих, если и повышался, то с перебоями и крайне медленно.[39] Платежеспособный спрос и в городе отставал от предложения товаров. Поэтому наиболее контрастно трудности сбыта проявились в текстильной промышленности, товарная продукция которой, как уже отмечалось, была ориентирована в основном на сельских жителей и городских рабочих.

Металлургию и металлообработку неприятности 70-х годов коснулись в меньшей степени, а угольную и нефтяную вообще обошли стороной. В целом падение промышленного производства на этот раз продолжалось недолго: уже в 1874 г. появились признаки его оживления, а вскоре и подъема.

В начале 80-х годов разразился новый, самый глубокий в XIX веке промышленный кризис. Он охватил практически все отрасли. Первыми почувствовали приближение беды металлообрабатывающие предприятия. Для них окончившаяся в 1878 г. русско-турецкая война была связана с резким сокращением казенных заказов. В

последующие годы пришлось свертывать производство. Логично, что сокращение заказов в металлообработке повлекло за собой сокращение выплавки железа и стали. Полоса спада не миновала и текстильное производство. Только нефтяная промышленность продолжала увеличивать добычу «черного золота».

В такой обстановке министром финансов стал Н. Бунге. Прежде всего он повысил пошлины на многие ввозимые продукты, в том числе на чугун, чтобы стимулировать импорт не товаров, а капитала. В то же время с помощью государства было расширено железнодорожное строительство, что повысило спрос на рельсы, а следовательно, и на металл.

Одновременно был принят ряд мер, чтобы увеличить платежеспособный спрос в деревне: снижен размер подушной подати и выкупных платежей, открыт Крестьянский банк, помогавший сельским домохозяевам приобрести землю в свою собственность, создана система мелкого кредита как в деревне, так и в городе.[3 10]

Все это способствовало увеличению емкости национального рынка и, соответственно, оживлению промышленного производства. Перелом произошел в 1887 г. После длительного спада и застоя промышленность осуществила значительный прирост выпуска продукции, что дает определенные основания считать эту веху первым годом начального цикла интенсивной индустриализации России. Однако, небывало крупный прирост товарной массы промышленных изделий в последующие три года (более 300 млн. рублей или 23.5 % к уровню 1886 г.) оказался чрезмерно большим для российского рынка: он не справился с его реализацией, и в 1890 г. произошел балансирующий спад промышленного производства. Только на следующий год выпуск продукции вновь начал расти, набрав очень высокие темпы во второй половине десятилетия. Поэтому автор, не без колебаний, — не слишком ли он увлекся формальностями, — склоняется к тому, чтобы выбрать именно 1890 г., как условную точку отсчета особого периода в экономической истории России — стартового цикла ее интенсивной индустриализации.

Если смотреть на события с высоты XX века, трехлетний интервал между 1887 и 1891 годами пропадает, теряется в дымке времени и не имеет принципиального значения для выявления общих тенденций и ритмов движения российского хозяйства. Особенность этого трехлетия состоит в том, что оно завершает длительную подготовительную стадию развития промышленности в недрах обще-

ства, где на протяжении многих веков господствовала аграрная цивилизация, деформированная крепостным строем. Одновременно этот небольшой период уже несет на себе первые черты начала большого цикла качественного обновления и технологической модернизации производительных сил России, на что потребуется ни одно десятилетие. При этом еще раз хотелось бы подчеркнуть, что речь идет не только и не столько о радикальных переменах в промышленности, сколько о коренных изменениях в структурных, коренных свойствах народного хозяйства и общества, обеспечивающих высокий уровень экономической и социальной эффективности всего воспроизводственного процесса в целом. Малый цикл 1891-1899 года — лишь его стартовая часть.

Кроме трудностей теоретического характера, осложняющих выбор критериев и показателей для качественного разграничения завершения одного цикла от начала другого, немало препятствий для исследователя возникает в связи с отсутствием надежных данных, которые могли бы с достаточной степенью достоверности послужить материалом для построения числовых моделей и динамических рядов, характеризующих с количественной стороны те изменения, которые происходили в промышленности на протяжении длительных периодов. Причем недостатка в информации нет.

Опубликованы солидные статистические ежегодники, подробные материалы специальных промышленных переписей, официальные отчеты министерств и ведомств, монографии специалистов, другие источники, единственный недостаток которых несовпадение цифровых данных, поскольку они, как правило охватывают разный круг предприятий, отраслей и территорий. Продукция оценивается в текущих ценах, реже — в неизменных, иногда — в смешанных. В этой связи трудно построить сопоставимые ряды показателей за относительно продолжительные периоды времени. Наиболее достоверными, по мнению автора, в этом отношении выступают исследования коллектива статистиков под руководством В.Е. Варзара и Л.Б. Кафенгауза, проведенные в 20-30-х годах,[3 11] разработки С.Г. Струмилина,[3 12] монографии В.И. Бовыкина,[3 13] Л.П. Шепелева [3.14] и др.

После сопоставления различных источников в данной главе в качестве исходной статистической базы выбраны материалы В.Е. Варзара и Л.Б. Кафенгауза. Такой выбор обусловлен, прежде всего тем, что эти материалы были тщательно проверены и обработаны квалифицированными специалистами, хорошо знакомыми с

«тайнами» дореволюционной статистики Так, В.Е. Варзар руководил переписями промышленности России в 1900 и 1908 гг. Кроме того, их динамические ряды охватывают наибольшей по времени период, что при прочих равных условиях обеспечивает высокий уровень сопоставимости статистических данных.

Продукция и численность занятых в крупной промышленности [3 15]

	Средства производства		Предметы потребления		Всего	
	млн. рублей	тыс. человек	тыс. рублей	тыс. человек	тыс. рублей	тыс. человек
1887	290.5	404.9	674.5	590.0	965.0	994.9
1890	376.6	463.0	751.3	605.5	1127.9	1068.5
1899	959.7	759.9	1160.8	803.2	2120.5	1563.0

Доля отраслей, производящих средства производства, в 1899 г. по сравнению с 1887 г. повысилась по объему выпускаемой продукции с 30.1 до 46.5 %, а по численности занятых — с 40.7 до 49.4 %. Доля предприятий, выпускающих предметы потребления, соответственно снизилась по выпуску продукции — с 69.9 до 53.5 и по чис-

Динамика промышленного производства в 1888—1899 гг. [3 16]

прирост (сокращение) к предыдущему году в %

	Вся промышленность		Группа "А"		Группа "Б"	
	Физ. объем продукции	Работники	Продукция	Работники	Продукция	Работники
1888	13.8	3.9	15.8	3.8	12.8	4.0
1889	8.2	2.3	18.3	6.1	2.6	-0.4
1890	1.3	1.0	6.2	3.8	-1.8	-1.0
1891	7.6	-0.2	6.2	-1.9	8.7	1.1
1892	7.4	3.5	14.1	4.0	2.9	3.2
1893	13.8	8.3	21.7	9.6	7.9	7.3
1894	7.3	-5.1	6.9	-2.4	7.6	-0.8
1895	7.8	-0.1	11.0	-1.3	5.2	0.8
1896	10.6	11.1	12.2	18.9	9.2	5.6
1897	9.1	14.0	14.4	18.6	4.5	10.2
1898	9.2	1.4	12.6	2.8	5.9	0.3
1899	13.9	3.3	16.3	5.3	11.3	1.5

ленности работников — с 59.3 до 50.6 %. Таким образом, тяжелая промышленность (группа «А») на стартовом этапе интенсивной индустриализации развивалась опережающими темпами.

Основными факторами роста как тяжелой промышленности, так и производства предметов потребления в 90-ые годы прошлого столетия выступало повышение производительности, а в ряде отраслей, и интенсивности труда. На долю этих факторов, прежде всего, роста производительности, приходится примерно три четверти общего увеличения физического объема продукции в группе «А». На долю группы «Б» по-прежнему приходилось немногим более половины всего объема производства. По абсолютной стоимости годового выпуска продукции в расчете на одного работника легкая и пищевая промышленность в тот период все еще опережали предприятия тяжелой промышленности. Происходило это в основном за счет более короткого и быстрого кругооборота средств в процессе воспроизводства товарной продукции. Однако, разрыв по абсолютному уровню производительности труда между двумя основными группами промышленности быстро сокращался, поскольку в тяжелой промышленности масштабы и темпы обновления технологии производства были более высокими.

Успех интенсивной индустриализации страны в последнее десятилетие прошлого столетия опирался с одной стороны на мощный приток в промышленность капитала и рабочей силы, а с другой — на устойчивое возвышение платежеспособного спроса внутри страны, который однако, стал постепенно насыщаться, все более заметно по мере приближения к рубежу двух веков.

Уровень цен на промышленные товары в течение 90-х годов, хотя и колебался, но за весь период изменился незначительно.[3 17] Таким образом, ценовой фактор существенно не мог исказить статистические показатели, и удвоение производства за десять лет не вызывает сомнений.

Основная отличительная особенность стартового цикла заключается, однако, не в высоких темпах, а в том, что начал коренным образом меняться характер и мощь производительной силы фабрично—заводской промышленности: машинный труд почти во всех отраслях стал постепенно вытеснять ручные операции. В качестве двигателя для станков и машин все чаще выступала паровая установка, работающая на угле, дровах или мазуте.

Увеличение парка машин, освоение серийного производства паро-

возов, железнодорожных вагонов и рельсов, речных пароходов, резкое расширение энергетической базы народного хозяйства — все это вызвало многократное увеличение потребностей в металле и топливе. Чтобы их удовлетворить, в короткие сроки создается новый топливно-металлургический комплекс в Донбассе и Кривом Роге, связанный железнодорожными магистралями со всеми промышленными центрами европейской части страны. Это позволило ускорить темпы развития всех ключевых отраслей народного хозяйства.[3 18]

Динамика производства в отдельных отраслях в 90-х годах

в млн. рублей

	1890	1900	1900:1890, %
Угольная	23.3	84.8	364
Нефтяная	29.9	197.0	659
Металлическая	260.7	680.8	261
Горная	57.3	66.8	117
Силикатная	32.6	80.7	248
Деревообработка	58.1	153.3	264
Химическая	67.7	131.2	194
Кожевенная	60.8	118.8	195
Текстильная	494.4	805.2	162
Пищевая	494.7	767.4	155

Как свидетельствует таблица, в 1900 году текстильная и пищевая промышленности все еще преобладали в общем объеме выпускаемой продукции. Однако по темпам роста они намного уступали почти всем отраслям группы «А».

Наиболее быстро в этот период развивались нефтяная и угольная промышленность. Если взять натуральные показатели, то добыча угля и нефти в течение десятилетия увеличивалась примерно одинаковыми темпами. В денежном выражении динамика меняется, что связано с опережающим ростом цен на нефть и нефтепродукты, которые пользовались высоким спросом как на внутреннем, так и на внешнем рынке. Кроме того, при подсчете валовой продукции нефтяной отрасли вероятно возникал повторный счет поскольку добыча и переработка нефти были относительно обособлены друг от друга, поэтому стоимость первичной нефти в общей валовой продукции учитывалась дважды.

В конце XIX века в России добыча угля производилась в 4-х

крупных бассейнах: Донецком, Польском (Домбровском), Подмосковном и Уральском, где в 1897 г. добывали, соответственно: 6,6, 3,6, 0.2 и 0.4 млн тонн.

Рост добычи минерального топлива [3 20]

без Домбровского бассейна, млн. тонн

	1890	1895	1900	1900:1890,%
Каменный уголь	3.5	5.4	12.0	343
в том числе:				
Донбасс млн. тонн	3.0	4.9	11.0	367
%	86	91	92	-
Нефть	4.0	7.0	10.4	260
в том числе:				
Баку млн. тонн	3.9	6.6	9.9	254
%	98	94	95	-

Несмотря на стремительное развитие топливных отраслей, угля и нефти для удовлетворения всех потребностей народного хозяйства не хватало. Поэтому значительное количество угля приходилось импортировать из-за границы. Так, в 1898 г. было ввезено 2.5 млн тонн угля, в основном, из Англии.

Ведущее место Донбасса в обеспечении страны твердым топливом выражалось не только в больших объемах, но и в качестве угля: в 1887 г. 82 % добычи приходилось на долю жирных углей и около 18 % на антрацит. Здесь же освоили производство кокса, что имело решающее значение для расширения выплавки чугуна и стали.

Добыча нефти была почти целиком сконцентрирована в Бакинской губернии, где в конце прошлого века функционировало свыше 1100 скважин. Основную часть добытой нефти здесь же перерабатывали на керосин, смазочные масла и мазут. Причем, если еще в 1880 г. на долю керосина приходилось примерно 40 % от веса всех готовых к потреблению нефтепродуктов, то в 1900 г. мазут, который стал использоваться в топках паровозов и локомобилей, потеснил керосин: на его долю приходилось до 70 % всей товарной продукции отрасли. Однако, абсолютный объем производства керосина продолжал расти. Именно бакинское «осветительное масло» произвело революцию в крестьянском быту: на смену лучине пришла яркая и относительно безопасная керосиновая лампа-фонарь. Немного позже в городских квартирах и сельских избах появилось еще

одно чудо — примус. Теперь уже не нужно было топить печку, когда требовалось приготовить горячую пищу. Надолго примус стал символом материального благополучия семьи.

Таким образом, наряду с легкой и пищевой, в повседневную жизнь людей со своей очень полезной продукцией вошла еще одна отрасль российской промышленности — нефтяная. За ней поспевали металлообработка и машиностроение, быстрое развитие которых обуславливалось, прежде всего, нуждами железнодорожного и промышленного строительства.

Развитие металлообработки и машиностроения [3 21]

среднегодовые данные

	1887	1891-1893	1894-1896	1897-1899	1900
Продукция млн. рублей	108.4	142.8	179.1	296.5	297.0
Работники тыс. человек	86.6	101.7	123.4	176.6	179.1

Число занятых в этой отрасли за 13 лет увеличилось вдвое, объем валовой продукции почти в три раза. За счет повышения производительности и интенсивности труда получена примерно треть всего прироста выпуска продукции. В конце века в России работало около 700 машиностроительных заводов. Наиболее крупные из них были сосредоточены в Петербурге, Московском районе, Прибалтике и Орловской губернии. Они выпускали ткацкие станки, оборудование для мельниц, сахарных и пивных заводов, бумагоделательные машины.

Высокими темпами в этот период развивалось транспортное машиностроение. Так, выпуск железнодорожных вагонов возрос за 13 лет более чем в семь раз. В связи со значительным увеличением заказов на подвижной состав для железных дорог, быстро был сооружен ряд новых заводов, а старые, построенные еще в 60-ые и 70-ые годы, расширены. Судостроение на таком фоне выглядело весьма бледно: потребности в военных и торговых судах удовлетворялись в основном за счет импорта. Опережающими темпами развивалось также производство паровых котлов и специальных ременных трансмиссий, связывающих энергетические установки с рабочими машинами.

Потребности в прядильных станках, сложном оборудовании для

обработки металла и дерева, типографских и многих других машинах почти полностью покрывались за счет импорта. Показательно, что производство ламп накаливания возникло в России в 80-х годах, вскоре после их изобретения. Но под давлением иностранной конкуренции его пришлось вскоре закрыть.

Крупные масштабы железнодорожного и промышленного строительств, а также динамичное развитие машиностроения создали благоприятную конъюнктуру для расширения выпуска металла. К началу 90-х годов за счет его собственного производства удовлетворялось лишь две трети внутреннего спроса. Остальное приходилось импортировать.

Добыча руды, выплавка чугуна, железа и стали [3 22]

млн. тонн

	1890	1895	1900	1900:1890
Железная руда	1.5	2.5	5.5	3.7 раза
Чугун	0.8	1.2	2.6	3.2 раза
Железо и сталь	0.7	1.2	2.3	3.3 раза

Стоит отметить три специфические черты развития российской металлургии в последнее десятилетие прошлого века: во-первых, несмотря на высокие темпы роста производства черных металлов, спрос на них превышал предложение. В 1898 г. в Россию было ввезено более 100 тысяч тонн чугуна и около 400 тыс. тонн железа и стали. Во-вторых, лидером металлургической промышленности стал южный регион, опиравшийся на коксующиеся угли Донбасса и высококачественную руду Кривого Рога. Если в 1890 г. его доля в производстве чугуна, железа и стали составляла всего 18-24 %, то уже в 1900 г. она поднялась до 44 % по производству железа и стали и 52 % по выплавке чугуна. В-третьих, резко изменилась структура конечной продукции. В 80-х годах железо доминировало в общем объеме производства металла. В конце 90-х годов свыше двух его третей приходилось на долю стали. Главную роль в таких структурных сдвигах сыграла замена железных рельсов на более прочные стальные, рост производства машин, расширение ассортимента металлоизделий, предназначенных для использования в крестьянских хозяйствах.

Кроме структурных сдвигов еще одна особенность индустриаль-

ной волны 90-х годов состояла в том, что общее количество предприятий, особенно в химической и пищевой промышленности сократилось, т.е. произошла концентрация машинного производства и вытеснение мелких предприятий, в которых преобладал ручной труд.[3 23]

Относительно широкое распространение механизированных технологий сопровождалось резким увеличением потребления энергии, в том числе в расчете на одного работника. Причем, если в России еще в недалеком прошлом промышленность, в том числе металлургическая, использовала в качестве основного источника энергии дрова (еще в семидесятых годах из 7750 стационарных паровых установок и локомобилей свыше 70 % потребляли древесное топливо), то к концу века топливный баланс промышленности изменился коренным образом в пользу каменного угля. Две железные дороги пересекли западный и восточный Донбасс, соединив через Курск и Воронеж, новый район добычи каменного угля с центральными и главными промышленными центрами страны, что имело решающее значение для повышения энерговооруженности производства и роста производительности труда.

Энерговооруженность промышленности в 1890—1900 гг. [3 24]

тыс лош. сил

	1890		1900	
	Мощность паровых машин	Энеговоружость рабочего	Мощность паровых машин	Энерговоружость рабочего
Группа "А" в том числе:	157.4	0.28	701.0	0.70
угольная	17.2	0.42	63.5	0.59
нефтяная	7.8	0.71	64.0	1.90
металлургия	58.2	0.23	319.0	0.90
машиностроение	11.0	0.20	41.4	0.28
химия	7.8	0.24	23.0	0.28
Группа "Б" в том числе:	167.7	0.24	593.9	0.57
текстильная	89.4	0.27	374.7	0.60
кожевенная	2.8	0.07	7.8	0.16
пищевая	63.7	0.30	164.3	0.52
Вся промышленность	325.1	0.26	1294.5	0.63

Из таблицы видно, что в 1890 г. суммарная мощность паровых установок на предприятиях, выпускавших предметы потребления, превышала аналогичный показатель тяжелой промышленности. В 1900 г. положение изменилось в пользу группы «А». Энерговооруженность рабочих во всей промышленности за этот же период возросла в 2,4 раза. а производительность только на 1/3. Коэффициент функциональной зависимости между этими показателями — 0,54, очень низкий. Это говорит о невысоком уровне умелости, а следовательно, и эффективности в использовании паровых установок.

Главный итог стартового цикла интенсивной индустриализации России состоял в том, что к началу XX века был заложен фундамент будущей мощной промышленной системы, которая, опираясь на единую железнодорожную сеть и Волго-Камское пароходство, а также телеграф, экономически объединила страну в одно целое (относительно обособленной оставалась Средняя Азия). На огромной территории столкнулись и пересеклись, смешались, но пока еще не слились две цивилизации: аграрная и промышленная. Их встреча не отмечалась как праздник. Речь шла о трудном и болезненном отрицании старого и становлении нового, что не могло произойти без ломки привычных устоев, ошибок, конфликтов и потерь. Однако, процесс необходимого обновления начался, и его не могли уже остановить никакие силы. Именно этот трудный и противоречивый процесс смены цивилизаций составляет суть сложной стыковки качественно разных технологических, экономических и социальных систем на рубеже XX столетия.

3.2. Передышка или кризис ?

После стремительного подъема в 90-х годах, уставшая от перенапряжения российская промышленность вступила в XX-ое столетие тяжело, с отдышкой и аритмией. В течение первых восьми лет через каждые два на третий наступало резкое торможение скорости, либо спад производства, либо его стагнация — кратковременные перерывы в процессе замедленного роста. Чтобы поставить диагноз и выявить причины болезненных явлений в жизни молодой промышленности следует напомнить, что ее развитие в начале XX столетия протекало на фоне противодействия трех факторов:

а) снижения платежеспособного спроса в условиях почти полного его удовлетворения и даже перенасыщения отдельных секторов рынка при относительно низком уровне жизни основной массы населения

страны. Сокращение объемов производственного капитального строительства способствовало установлению равновесия на рынке продукции тяжелой промышленности. Так, по данным официальной статистики, если еще в 1893 г. уровень потребностей в чугуне удовлетворялся за счет собственного производства на 88,3 %, то в 1902 г. был зафиксирован его избыток. По стали аналогичные показатели составляли 96.7 и 99.3 %, хотя обыкновенного железа все еще не хватало (-17 %). Нефть, при относительно завышенных ценах на нефтепродукты, оказалась в избытке, уголь — в дефиците (-15 %).[3 25] Ситца, сукна, других тканей машинного производства на рынке стало вполне достаточно и расширение их производства достигалось в значительной степени за счет вытеснения тканей кустарного производства;

б) крайнего обострения политической обстановки, ее неустойчивости и непредсказуемости. Обычным явлением стали волнения крестьян, стачки и забастовки рабочих, критические выступления против правительства буржуазии и либеральной интеллигенции. Все это чувствительно било по нервам держателей ценных бумаг и активно влияло на приливы и отливы капиталов в промышленность;

в) крупномасштабная спекуляция акциями, в результате которой образовался огромный фиктивный капитал: общая сумма рыночной стоимости всех акций на много превысила их реальную материальную ценность, т.е. стоимость зданий, машин, сырья и готовой продукции, которую представляли на фондовом рынке различные акционерные компании. И когда в 1899 г. на Петербургской бирже поднялась паника, фикция ценных бумаг, как носителей богатства, лопнула, придавив под своими обломками сотни мелких и средних искателей легкой наживы.

Так драматично начался новый девятилетний период перегруппировки и накопления сил для следующего цикла интенсивной индустриализации. Особенность этого девятилетия состояла в том, что его несколько раз пересекали форс-мажерные события: русско-японская война, социальный взрыв 1905-1907 гг., несколько неурожайных лет, влияние общеевропейского экономического кризиса и др. Все это смешалось в вихре сложных финансовых и политических конфликтов, которые приобрели признаки общесистемного кризиса.

Прежде всего следует выделить возросший дисбаланс между промышленностью и сельским хозяйством. Если объем промышленной продукции за десятилетие перед началом XX века увеличился в два раза, то общий сбор зерновых, по сравнению с предыдущим де-

сятилетием, всего на 18 процентов. При этом цены на зерно на европейском рынке под воздействием конкурентов из США значительно снизились. Но хлеб — основной товар, за который крестьянин получал деньги. Поэтому закономерно, что платежеспособный спрос селян на продукцию текстильной промышленности и металлообработки отстал от возросшего предложения. В то же время замедлился рост денежных доходов городского населения. «Да, это факт, что дела в торгово-промышленном мире тихи, вследствие чего волей—неволей фабриканты сокращают работу на фабриках... Вопрос этот служит злобой дня: все в один голос говорят, что денег нет, платежи туги. Все удивляются, что деньги как будто куда-то исчезли. Этот денежный кризис в особенности тяжело отзывается на тех, которые так или иначе пользуются кредитом или построены на нем».[3.26]

Тяжелая промышленность, в первую очередь, металлургия и металлообработка, пострадали от того, что в начале XX века в 2-2,5 раза сократились масштабы железнодорожного строительства, а следовательно и заказы на рельсы, подвижной состав, изделия из цветных металлов. Одновременно уменьшился приток иностранного капитала. Если сравнительно недавно на европейском кредитном рынке можно было найти «дешевые» деньги, то в 1900-1902 гг. процент за кредит подскочил вверх. В результате в первые годы нового столетия многие производственные мощности и рабочие оказались невостребованными, а на заводских и торговых складах скопились крупные запасы металла, других видов сырья, строительных материалов и оборудования. Ряд предприятий вынужден был остановить производство или сократить его, увольняя рабочих. При такой конъюнктуре цены на многие товары снизились. Деньги стали дороже, а курс акций на Петербургской и других биржах резко понизился.

В августе 1899 г. о своем банкротстве вынуждены были объявить два крупных предпринимателя Дервиз и Мамонтов. Их капиталы, оценивавшиеся в несколько миллионов рублей, были вложены во многие машиностроительные и железнодорожные компании. Поэтому крах миллионеров вызвал настоящую панику на биржах, которая несколько успокоилась только к середине 1900 г.[3.27] По мнению М. Туган-Барановского, «в 1899-1900 гг. Россия, несомненно, пережила промышленный кризис». [3.28] Он проявился не в резком спаде объемов производства, а в замедлении темпов его роста, накоплении запасов готовой продукции на складах и сокращении заказов, финансовой неустойчивости многих предприятий.

Стоит отметить, что среди историков-экономистов нет единого мнения относительно форм и причин этих явлений, ни с качественной, ни с количественной стороны. В этой связи показательны оценки отдельных авторов темпов движения промышленности в начале XX столетия:

Динамика валовой продукции промышленности [3.29]

прирост (спад) в % к предыдущему году

	1900	1901	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908
Л.Кафенгауз	6.2	0.8	-1.2	6.5	9.5	-4.4	8.6	11.2	-2.2
С.Струмилин*	6.2	0.8	-1.3	6.3	9.5	-4.5	8.8	11.7	-2.2
Л.Шепелев	-3.6	3.0	1.2	6.5	7.8	-4.0	8.6	11.2	0

* Со ссылкой на В.Варзара и Л.Кафенгауза

Хотя оценки темпов движения промышленности отдельных исследователей в ряде случаев не совпадают друг с другом, однако из общих данных видно, что каждые два-три года происходил небольшой спад или сбой в выпуске валовой продукции. Однако, в целом сохранялась тенденция хотя и медленного, но все же поступательного развития. Среднегодовые темпы прироста за весь период составили 4.5-4.7 % или, примерно на треть ниже, чем в предыдущее десятилетие. Поэтому его вряд ли можно характеризовать как кризисный, хотя отдельные признаки классического кризиса были налицо: накопление нереализованной продукции, снижение цен, удорожание кредита, сбои в производстве. Один год (1905) всеми авторами отмечен, как год резкого падения производства. Относительно 1902 и 1908 гг. оценки не совпадают. «В результате тщательного анализа экономической ситуации..,— заключает В. Бовыкин,— природа промышленного спада 1908 г. не ясна». «Мы не можем дать исчерпывающего объяснения этому явлению»,— добавляет другой специалист — Л. Шепелев [3 30] Видимо поэтому в его динамическом ряду за 1908 год появилась нейтральная оценка «0».

Дело в том, что ситуация в начале XX века в народном хозяйстве России была во многом необычной и трудно объяснимой. На ее изменения одновременно воздействовали то с большей, то с меньшей силой многочисленные внутренние и внешние факторы переходного, накопительного периода малого цикла индустриализации. В конкретных звеньях промышленности что-то достраивали, что-то меняли. Возникали обычные нарушения и сбои, но сводный

вектор показывал положительную динамику. При этом следует иметь в виду незавершенность и рыхлость в тот период структуры самой промышленности. Ее несущий каркас — производство средств производства — еще только сооружался. Не все ключевые пропорции в экономике были сбалансированы: они слишком быстро менялись. Межхозяйственные связи также отличались нестабильностью. Отсюда резкие, непривычные колебания рыночной конъюнктуры и производства как товаров широкого потребления, так и отдельных видов продукции группы «А».

Уже отмечалось, что основными покупателями продукции текстильной промышленности были сельские жители и средние, т.е. широкие слои горожан. Пищевые отрасли (сахарная, маслобойная, мукомольная и вино водочная) в сбыте своей продукции ориентировались практически на те же слои населения, что и текстильные. Но в еще большей степени они зависели от сельского хозяйства, как своей главной сырьевой базы.

Еще Д.И. Менделеев писал: «Промышленность, подобно питанию, составляет потребность численно возрастающего человечества, а потому не может быть считаема или почитаема ни как добро, ни как новая форма зла, ибо она составляет естественную необходимость в отношениях между природою и умножившеюся совокупностью людей. Покоряя природу, промышленность по своему существу назначается для служения людям. Что хлеб для жизни отдельного человека, промышленность для скученных людских масс».[3 31] В начале XX века столкнулись и смешались две тенденции: одна — долговременная, стратегическая, выражающая «естественную необходимость скученных людских масс»; другая — текущая, отражающая временное ухудшение общей экономической конъюнктуры. В сложной и скрытой борьбе верх взяла все же первая тенденция.

На долю отраслей группы «Б» в начале века проходилось свыше половины общего объема выпуска валовой продукции промышленности. В период передышки 1900-1908 гг., в условиях сокращения масштабов капитального строительства и спроса на металл, машины и оборудование, развитие тяжелых отраслей замедлилось и их удельный вес в продукции всей промышленности снизился.

Как видно из таблицы, в течение всей передышки начала XX века продолжался процесс вытеснения дров как технологического топлива в промышленности и на транспорте. К сожалению, в этот же период, произошло значительное сокращение добычи нефти и

Топливный баланс России в 1900 и1908 гг. [3 32]

потребление, млн. тонн условного топлива

	Всего		Промышленность		Железные дороги	
	1900	1908	1900	1908	1900	1908
Уголь: млн. т	8.3	13.2	6.2	7.9	2.1	5.3
%	37.2	49.6	37.9	46.4	35.2	55.3
Нефть: млн. т	5.4	4.9	3.1	2.3	2.4	2.5
%	24.3	18.2	18.5	13.6	40.5	26.4
Дрова: млн. т	6.7	7.0	5.3	5.3	1.4	1.7
%	29.8	26.4	31.9	30.9	24.2	18.2
Др.уголь: млн. т	1.2	1.0	1.2	0.9	0.008	0.012
%	5.4	3.7	7.2	5.2	0.1	0.1
Торф: млн. т	0.7	1.4	0.7	0.7	-	-
%	3.3	2.5	4.4	3.9	-	-

соответственное снижение доли нефтяных продуктов в топливном балансе народного хозяйства и промышленности. В то время Россия имела наиболее прогрессивную структуру потребления топлива по сравнению со всеми другими странами мира. В конце XIX века даже в наиболее развитых государствах в роли основного вида топлива выступал каменный уголь. Например, в топливно—энергетическом балансе США уголь в 1900 г. составлял 88.9 %. Однако, с начала нового столетия структура топливного баланса западных стран стала меняться в пользу нефтепродуктов: мазута, дизельного топлива и бензина. К этому времени были созданы и освоены в промышленном производстве экономичные, легкие в расчете на единицу мощности, а значит и более удобные в употреблении бензиновый двигатель внутреннего сгорания и мотор германского инженера Дизеля, работавший на дешевом нефтяном топливе. Новые силовые машины стали быстро вытеснять тяжелые, мало подвижные и относительно неэкономичные паровые установки, прежде всего на железнодорожном и водном транспорте.

Россия, как это часто с ней бывало, все делала наоборот. Занимая в начале столетия первое место в мире по добыче нефти, она стала ориентироваться на уголь, как основной источник технологического топлива. Если в 1900 г доля каменного угля в топливном балансе страны составляла 37.2 %, а нефти — 24.3 %, то в 1908 г. доля угля повысилась до 49.6 %, а нефти — снизилась до 18.2 %. Если в

Германии в те годы на железных дорогах появились первые тепловозы с дизельными установками, то в России свыше 55 % локомотивов потребляли каменный уголь, более 18 % — дрова, 26 % — мазут, но не в двигателе внутреннего сгорания, а в топке парового котла.

Трудно объяснить причины таких структурных сдвигов. Внешне все понятно: уголь, в пересчете на условное топливо, был дороже.

Цены на донецкий уголь и нефть в 1900—1908 гг.[3.33]

в рублях за 1 т условного топлива

	1900	1901	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908
Уголь	6.23	7.51	6.41	7.02	6.84	6.76	7.57	7.81	8.30
Нефть	8.30	8.91	7.20	6.16	6.22	8.40	11.42	13.37	14.71

Если за девять лет цена на уголь возросла на одну треть, то нефть подорожала в 1.8 раза. В трудный период для тяжелой промышленности цены на нефтепродукты тоже снижались. Однако, последние четыре года они начали снова очень быстро расти, причем добыча нефти искусственно поддерживалась на уровне, который был на 15-27 % ниже показателей 1900 года. И это при том, что на добычу тонны нефти по сравнению с углем затрачивалось в несколько раз меньше живого труда и капитальных вложений. Зато такая политика позволяла получать большой прирост валовой денежной выручки за реализацию продукции при снижении абсолютного объема добычи нефти.

Немалую роль в создании такой рыночной модели сыграли три монополии, на долю которых приходилось свыше половины добычи и почти вся переработка нефти. Это давало им возможность воздействовать на конъюнктуру рынка нефтепродуктов, сдерживая добычу (предложение) и повышая цены. Три нефтяные «сестры» в России это:

1. «Русская генеральная нефтяная компания (кратко - «Ойль»), где господствовал англо-французский капитал;

2. Англо-голландский трест «Шелл»;

3. «Товарищество бр. Нобель (шведский и немецкий капитал). Все три российских сестры были в родственных связях с крупнейшими нефтяными транснациональными корпорациями и руководствовались своими и лишь в последнюю очередь российскими интересами.[3.39]

По логике рынка заметное повышение доли каменного угля в топливном балансе промышленности и транспорта объяснялось

тем, что донецкий уголь в тот период стал наиболее дешевым энергоносителем. Вопреки соотношению издержек, рыночная цена на него, за исключением 1903 г., была ниже цен на нефть и дрова.

До 1905 г. наблюдалась тенденция снижения цен и на нефть. Однако известные революционные события, которые способствовали образованию нефтяных объединений, переломили такую тенденцию. Началось общее повышение цен на все виды топлива при некотором отставании удорожания дров. Дровяное топливо становится дешевле нефти, а в ряде случаев, и угля. Некоторые железные дороги вновь расширяют потребление дров.

Промышленные предприятия в это время тоже сократили потребление нефти, но заменили ее не дровами, а углем. Наиболее экономически эффективный вариант — сохранить и усилить нефтяной профиль топливного баланса — был надолго утрачен. Зато выиграла угольная промышленность: она не только не испытывала затруднений со сбытом своей продукции, но и продолжала наращивать добычу угля, поддерживая ее, однако, ниже уровня спроса, что позволяло повышать цены и обуславливало необходимость импорта некоторой части твердого топлива.

Добыча каменного угля в 1900—1908 гг. [3 35]

млн. тонн

1900	1901	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908
3.5	3.8	4.2	4.4	5.3	5.9	7.0	7.8	7.8

В отличии от каменноугольной промышленности металлургия переживала серьезные трудности: внутренний рынок черных металлов с трудом «переваривал» 2.5 млн. тонн стали.

Цифры говорят о том, что металлурги почти десять лет находились в состоянии стагнации. Казенные заказы, связанные с войной на Дальнем Востоке, несколько улучшили положение, но не надолго. Дело в том, что резко снизился спрос на рельсы со стороны строителей железных дорог и на другие виды металла со стороны машиностроителей.

Поскольку отдельные отрасли промышленности (особенно группы «А» и «Б») и соответствующие сектора рынка в начале века все еще были слабо связаны между собой, возникла ситуация, когда спады производства в той или иной отрасли лишь частично затрагивали соседей. При этом разновременные колебания темпов их развития уменьшали амплитуду общей «тряски» и траектория движе-

Выплавка чугуна и стали в 1900—1908 гг. [3 36]

млн. тонн

	Чугун	Сталь
1900	2.6	2.3
1901	2.5	2.3
1902	2.3	2.2
1903	2.2	2.2
1904	2.6	2.5
1905	2.5	2.4
1906	2.4	2.3
1907	2.5	2.4
1908	2.6	2.5

ния всей промышленности выравнивалась. Внешние контуры ее динамики выглядели более плавными, чем зигзагообразные скачки отдельных отраслей, производств и предприятий.

Темпов прироста (спада) производства [3 37]

в % к предыдущему году

	1899	1900	1901	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908
Группа А	8.5	9.3	-2.9	-7.6	5.1	12.4	0.1	3.5	10.4	-7.2
Группа Б	1.9	1.8	8.2	4.7	7.2	5.5	-5.1	11.5	11.6	3.7

Замедление темпов в отраслях, выпускавших товары для населения, началось еще в 1898 г., когда прирост их производства составил всего 2 %. В последующие два года этот показатель продолжал снижаться, соответственно, как видно из таблицы, до 1.9 и 1.8 %. Но тяжелая промышленность в эти три года с избытком перекрывала потери, имея ежегодные приросты в выпуске продукции, соответственно: 14.1; 8.5 и 9.3 %. Это позволило выровнить (улучшить) средние показатели по промышленности в целом. В следующие два года роли поменялись: тяжелая промышленность покатилась вниз, а группа «Б» стала карабкаться вверх. Наиболее трудными за десятилетие оказались 1902, 1905 и 1908 гг. Причины были разные: и политические, и экономические, и финансовые.

Одна из особенностей начальных этапов индустриализации в России состояла в том, что состояние ее инвестиционного потенциала и реальных возможностей наращивать свои производительные силы во многом зависело от здоровья и политических настроений

банковских кругов в Европе и США. Дело в том, что на европейском рынке капиталов в 90-х годах имелся определенный избыток «свободных» денег, цена которых упала до 2-3 % годовых. В таких условиях иностранный капитал активно устремился в Россию, где ввели золотую валюту и можно было рассчитывать на дивиденды в 15 и более процентов Не случайно, в начале XX века примерно треть промышленных капитальных вложений прямо, а чаще косвенно, контролировалась зарубежными банками и фирмами. Большинство строящихся и расширяющихся предприятий получали станки, электромашины и другое оборудование по импорту. Таким образом, кроме финансовой, существовала и технологическая зависимость России от характера ее отношений с мировыми банковскими, техническими и политическими центрами. Поэтому любые крупные международные события, а в это время уже началась перегруппировка сил в Европе, резкие колебания конъюнктуры на зарубежных рынках и биржах в большей или меньшей степени, но как правило, отражались на показателях движения российской промышленности. Не были исключением в этом отношении экономический кризис в Европе 1900-1903 гг., а также финансовая паника на парижской бирже в 1907 г., которая, видимо, была одной из причин, повлиявших на отрицательные показатели российской промышленности в 1908 г.

Основной формой проникновения иностранного капитала в промышленность была покупка акций. «Капиталы вкладывались часто в дутые предприятия, в неработающие заводы и рудники, акции которых, однако, благодаря биржевой спекуляции повышались в цене, обогащая учредителей, но оставляя без производственного и оборотного капитала сами предприятия. Благодаря взяткам, бюрократизму, покровительству и т.п. «учредители» таких промышленных предприятий часто клали в карман за свое посредничество и хлопоты по утверждению акционерного общества или концессии громадную долю акционерного капитала, оставляя на оборудование предприятия 20-30 % собранных денежных средств». [338]

В трудный период, иностранные владельцы портфельных инвестиций обычно начинают быстро сбрасывать (продавать) имеющиеся у них акции, что сопровождается крутым падением соответствующих курсов на фондовых биржах. Такой период начался в Западной Европе в 1899 г. На биржах Парижа, Лондона, Берлина заколебался курс акций и одновременно стали повышаться ставки за кредит. На петербургской бирже паника разразилась в сентябре

1899 г. Государственный банк тут же повысил учетный процент до 5.5, доведя его к декабрю до 7 %. За два года рыночная стоимость акций упала в 2-3 раза. Некоторые компании вынуждены были объявить о своей несостоятельности.

Число обанкротившихся акционерных обществ в России [3 39]

	1899	1900	1901	1902	1903	1904
Объявлены несостоятельными	4	3	15	16	17	9
Введено административное управление	5	8	3	9	4	5

Как видно из таблицы, наиболее трудными для акционеров были три года: 1901-1903. При этом следует иметь в виду, что В. Бовыкин включил в таблицу наиболее крупные банкротства. П. Лященко считает, что количество несостоятельных предприятий, как частных, так и акционерных, исчислялось сотнями. Так же велико было число заводов и фабрик, вынужденных прекратить работу. Например, в 1902 году, по неполным данным закрылось 840 предприятий. Всего за 1900-1903 год вынуждены были остановить производство до 3 тысяч крупных и средних предприятий. [3 40]

Количество разрешений для открытия акционерных обществ

	Всего		в том числе: иностранных	
	Количество АО	Основной капитал, млн. р	Количество АО	Основной капитал, млн. р
1904	94	119.2	13	26.7
1905	75	72.3	10	8.0
1906	115	105.1	10	20.2

Первые признаки стабилизации общей экономической конъюнктуры появились в конце 1903 - начале 1904 годов.

Уже в 1904 г. отмечался заметный прилив капитала в промышленность. Однако и в 1906 г. число акционерных обществ все еще не достигло максимального уровня, который был зафиксирован в конце предыдущего века — 325 АО с основным капиталом в 363 млн. рублей.[3.41] Далеко не все из числа тех обществ, которые получили разрешение, практически начали свою деятельность: помешали революционные события начала века. Так, в 1904 г. из 94 АО, уставы которых

были утверждены, приступили к работе только 42, а из 13 иностранных и того меньше, — 4. Следующий год был совсем плохим и лишь в 1906 году положение начало выправляться. Еще через два года — новый провал, причины которого до сих пор до конца неясны. О том, что эти причины имели временный, скорее всего внешний характер, свидетельствует тот факт, что промышленность быстро преодолела возникший сбой в производстве и вновь пошла в гору, навстречу большой войне, а значит и крупным заказам казны.

3.3. Новый подъем и качественные сдвиги

Промышленность довольно быстро «пришла в себя» после социально-экономических потрясений 1905 г. За два последующих года объем ее продукции увеличился более чем на 20 %. Это, пожалуй, было слишком. Во всяком случае полностью такой прирост товарной массы реализовать не удалось, и в 1908 г. пришлось резко затормозить — вплоть до нулевого роста. Лишь во второй половине 1909 года обстановка изменилась: начался устойчивый подъем — второй цикл интенсивной индустриализации России (1909-1916 гг.). В свою очередь он и по форме и по существу распадается на две части: первое пятилетие — мирный период обширных структурных сдвигов и другая часть — 1914-1916 годы, связанные с переменами, вызванными войной.

В данном параграфе рассматривается первая часть цикла, протекавшего в качественно иных условиях, чем интенсивная индустриализация 90-х годов. Прежде всего надо отметить, что новый подъем промышленности начался после освобождения крестьян от оставшегося долга по выкупным платежам за земельные наделы и реализации других положений Столыпинской реформы, которые повысили уровень товарности и доходности крестьянских хозяйств, взятых в целом. Из названных пяти лет 4 года они собирали относительно высокие урожаи, и только один год (1911) был неблагоприятным. В этот же период на европейском рынке примерно на треть повысились цены на зерно, что позволило увеличить выручку за его экспортные поставки. Если за пятилетие 1904-1905 гг. вывоз хлеба позволил получить 2.5 млрд. рублей, то в следующем пятилетии эта цифра возросла до 3.4 млрд.[3 42] Соответственно увеличился денежный объем экспорта и многих других сельскохозяйственных продуктов.

Значительный рост доходов сельского населения сопровождался

расширением емкости внутреннего рынка, прежде всего за счет увеличения платежеспособного спроса на промышленную продукцию, в том числе на сельскохозяйственные машины, строительные материалы, металлоизделия, керосин, а также на обувь ткани, посуду. Улучшение финансового положения в аграрном секторе имело решающее значение для укрепления экономики всей страны, поскольку на долю сельского хозяйства в то время приходилось свыше половины созданного национального дохода.

Структура народного дохода России в 1913 г. [343]
по расчетам С. Струмилина и М.Фэлкуса , в %

	С. Струмилин	М. Фэлкус
Сельское хозяйство	54.0	55.7
Промышленность и строительство	28.7	29.1
Транспорт и связь	8.9	6.3
Торговля	8.4	8.9
Всего	100.0	100.0

Общий экономический подъем сопровождался также увеличением доходов горожан. Повышение благосостояния сельских и городских жителей нашло свое отражение в заметном приросте вкладов населения в сберегательные кассы и коммерческие банки.

Вклады населения в сберегательные кассы и банки [344]
млрд. рублей

	в сберегательные кассы	в коммерческие банки
1908	1.1	0.8
1913	1.6	2.3

Из приведенных данных видно, что за пятилетие денежные вклады населения увеличились в государственные сберегательные кассы в 1.5, а в коммерческие банки почти в 3 раза. Причем около половины вкладов внесли крестьяне. Сберегательные кассы использовали полученные деньги, в основном, на приобретение облигаций государственных займов, т.е. на финансирование возросших военных заказов промышленности. Коммерческие банки прирост своих пассивов все в большей степени стали направлять непосредственно на развитие промышленности. В эту же отрасль продолжался довольно интенсивный приток иностранного капитала. Все

это позволило радикально расширить объемы капитального строительства и приросты производственных фондов в промышленности.

Динамика промышленных фондов [345]

в ценах 1913 г., млрд рублей

	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Всего, в том числе:	4.6	4.9	5.2	5.6	6.1	6.5
Здания и сооружения	1.6	1.7	1.7	1.9	2.1	2.2
Оборудование	1.3	1.4	1.4	1.5	1.7	1.8

Из таблицы следует, что в структуре промышленных фондов большой удельный вес занимали оборотные средства, а также стоимость зданий и сооружений, что свидетельствует о все еще низком уровне механизации технологических процессов. Причем пестрота в индустриальном развитии отдельных регионов была контрастной.

Объем валовой продукции промышленности на 1 жителя и число занятых в ней на 100 человек населения в 1908 г. [346]

Губернии и регионы	Валовая продукция на 1 жителя, руб.	Число промышленных рабочих на 100 чел. населения
Московская	212	11.2
Владимирская	146	10.0
Калужская	14	1.4
Костромская	64	5.0
Нижегородская	35	1.9
Рязанская	17	1.1
Тверская	28	1.6
Тульская	19	0.8
Ярославская	64	2.8
Петербургская	164	6.1
Прибалтика	130	4.9

Первые девять губерний составляли Промышленный Центр России — ее ведущий регион. Сумма валовой промышленной продукции в расчете на 1 жителя по всему Центру составляла 71 рубль, коэффициент занятых в отрасли на 100 человек населения — 4.2. По всей России эти показатели достигали, соответственно: 30 и 1.4. Эти циф-

ры еще раз говорят о том, что процесс индустриализации страны, по существу, только начинался, но он уже имел собственную опору. Его стартовая позиция в 2-2.5 раза превышала уровень начала 90-х годов. При этом особое значение имели три базовых региона: Московская и Петербургская губернии, а также Прибалтика.

Одна из важных предпосылок второго цикла интенсивной индустриализации заключалась в том, что к его началу удалось стабилизировать опасные напряжения в сфере государственных финансов, возникшие в период войны с Японией и событий 1905 г. Кроме прямых военных расходов коварный удар по российской денежной системе нанесли состоятельные слои населения, напуганные жестким революционным взрывом 1905 г. Они в срочном порядке стали переводить золотые рубли за границу. Как вспоминал о том времени С. Витте, «финансы, а главное, денежное обращение начали трещать».[3.47] По дороге в США на переговоры о заключении Портсмутского мира он на короткое время задержался в Париже, чтобы прощупать возможности получить новый заем во Франции. Однако, когда коренные жители страны торопятся перевести свои деньги за границу, зарубежные банкиры свои сейфы открывают весьма неохотно. Только после того, как с помощью «кнута и пряника», а также многообещающих реформ удалось достигнуть политического успокоения и ввести экономику в привычную колею развития, России смогла получить крупный заем у международного консорциума банкиров, в котором французский капитал играл главную роль.

Благодаря такой поддержке удалось не прерывать свободный обмен кредитных билетов (бумажных денег) на золото, т.е. сохранить твердую валюту как прочную базу рыночных отношений внутри страны, а также как надежную гарантию привлечения иностранных капиталов для развития российской промышленности.

Денежная система России в 1908-1914 гг. [3.48]

на 1 января, в млрд. рублей

	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914
Кредитные билеты	1.15	1.09	1.17	1.23	1.33	1.49	1.66
Их золотое обеспечение	1.17	1.22	1.41	1.45	1.44	1.56	1.70
Процент золотого покрытия	101.2	112.2	120.5	117.4	108.2	104.1	101.8

К концу 1905 г., когда панические требования обмена бумажных денег приобрели массовый характер, показатель их золотого покрытия опустился до самой низкой отметки — 76.2 %. После стабилизации экономической обстановки этот коэффициент стал повышаться, достигнув в 1910 г. наивысшего уровня — 120.5 %. Затем начался быстрый спад, вплоть до полной отмены.

Однако, твердая валюта успела решить главную задачу — разогнать динамику промышленности до показателей ее интенсивного роста.Этому способствовал также новый бум образования акционерных обществ, т.е. мобилизация сбережений средних слоев сельского и городского населения для финансирования второго цикла индустриализации России.

Развитие акционерного капитала в России [3 49]

	Число компаний	в том числе: иностранных	Основной капитал млрд. руб.	в том числе: иностранный	Прибыль млрд. руб.	в том числе: иностранных компаний
1911	1573	183*	2.58	0.41	0.31	0.03
май 1914	2207	230	3.96	0.59	0.43	0.049

* Официально зарегистрированные как иностранные компании. Значительная часть зарубежного капитала находилась в русских компаниях.

Конечно, такой бум сопровождался новыми крупными спекуляциями и другими формами азартной биржевой «игры» с ценными бумагами.

Данные таблицы свидетельствуют о том, что менее чем за 3 года основной капитал акционерных обществ в России увеличился в 1.5 раза, а их прибыль — на одну треть. Такие показатели привлекали и национальных, и иностранных инвесторов.

При этом необходимо отметить два новых явления, которые не наблюдались в 90-х годах предыдущего столетия. Первое — возмужание российского капитала. Он не только вырос, но и сконцентрировал свои силы. Так, уже в 1910 г. на наиболее крупных предприятиях, составлявших всего пять процентов от общего числа заводов и фабрик, было занято свыше 53 % всех рабочих в промышленности. Национальный капитал достаточно окреп, чтобы проводить, как правило, самостоятельную политику, используя в своих интересах и иностранный капитал, хотя при этом приходилось платить ему дос-

таточно высокие проценты. В то же время промышленники стремились ограничить число посредников и самостоятельно организовывали реализацию своей продукции. Дело в том, что торговые фирмы нередко получали за услуги более высокую норму прибыли, чем товаропроизводители. Чтобы изменить такую практику, промышленники создали разветвленную сеть синдикатов, которые распределяли заказы, регулировали цены и обеспечивали выгодный сбыт готовой продукции (Более подробно о синдикатах будет сказано в главе IV-ой). Второе — если десять лет назад банки предпочитали выдавать промышленным предприятиям лишь краткосрочные ссуды для финансирования кругооборота оборотных средств, то в период нового цикла индустриализации они значительно расширили свое участие в промышленном строительстве, выступая в числе учредителей новых предприятий, приобретая в широких масштабах акции промышленных компаний.

Государство, ослабленное войной с Японией, частично свернуло финансовую помощь, которую оно раньше в разных формах оказывало промышленникам. В качестве рычагов воздействия государства на промышленность стали использоваться казенные заказы. Их объемы перед войной резко возросли. Так, в 1913 г. они достигли 679 млн. рублей (25 % расходной части бюджета).[3 50] Спрос на продукцию военной промышленности превысил ее производственные возможности. Довольно часто приходилось создавать дополнительные мощности.

Используя благоприятную экономическую и рыночную конъюнктуру российская промышленность в последнее предвоенное пятилетие достигла довольно высоких темпов прироста выпуска продукции, осуществляя «на ходу» глубокие структурные изменения.

Динамика промышленного производства в 1909-1913 гг. [3 51]
прирост (- спад) физического объема в % к предыдущему году

	1909	1910	1911	1912	1913
Вся промышленность	4.3	8.7	9.8	8.8	4.7
в том числе:					
Группа "А"	7.8	12.8	9.9	11.9	12.5
Группа "Б"	0.7	4.3	9.7	6.7	-4.6

Скорость движения всей промышленности в предвоенное пятилетие в среднем была несколько ниже (7.4), чем в период подъема

90-х годов (9.2), но значительно выше по сравнению со временем передышки (2.7). Тяжелая промышленность наращивала выпуск продукции примерно такими же темпами, как и в 90-ые годы: соответственно 13.5 и 12.0 %. Среднегодовые темпы прироста производства товаров для населения существенно замедлились: всего 3.3 % против 7.3 % в девяностые годы. В этой связи заметно изменилась структура валовой продукции: доля группы «Б» снизилась в 1913 г. до 53 % против 60 % в 1908 г., а удельный вес тяжелой промышленности повысился с 40 % до 47 %.

Доля отраслей в валовой продукции промышленности [3 52]

в процентах

	1908	1911	1913
Топливная	8.4	7.5	9.7
Горнодобывающая	3.1	3.1	3.0
Металлическая	17.3	16.7	20.1
Химическая	9.2	8.6	11.0
Силикатная	2.5	3.1	3.1
Обработка дерева	3.1	4.0	3.6
Бумажная	1.9	1.9	1.6
Текстильная	32.0	33.3	30.1
Кожевенная	3.0	2.4	2.5
Швейная	0.8	0.8	0.9
Пищевкусовая	18.7	18.6	14.4

Валовая продукция исчислена в текущих ценах. Поэтому реальные структурные сдвиги иногда искажены неоднозначным движением уровней цен. Однако, некоторые несоответствия не меняют общей картины. В тяжелой промышленности наибольший удельный вес и тенденцию к дальнейшему росту имели металлообработка и машиностроение, а также химическая промышленность. В группе «Б» преобладали, как и во всей промышленности, текстильная и пищевкусовая отрасли. Но тенденция была к понижению их удельного веса.

Узким местом всей промышленности и дальнейшего развития железнодорожного транспорта, а также электроэнергетики выступал топливный комплекс. Развитие нефтяной промышленности в этот период делится на два этапа, рубежом которых выступает 1910 г.

После разгрома нефтепромыслов в годы революции 1905 г. про-

изошло резкое падение добычи жидкого топлива, что вызвало продолжительный рост цен. В 1907 году они достигли высшей точки: в Баку платили 27.7 копеек за пуд нефти. Высокие цены стали стимулировать добычу нефти. Однако, ее удорожание заставило потребителей переключаться на дрова и уголь, вследствие чего цены начали падать. В 1910 г. за пуд нефти платили уже только 15 копеек, что опять вызвало сокращение ее добычи. С 1911 г. начался новый рост цен на все виды топлива. В следующем году пуд нефти в Баку стоил 34.8 копейки, а в 1913 г. уровень цены подскочил даже до 42.3 копеек. Причин таких колебаний было несколько. Но, как считает Л. Кафенгауз, «объединенные и монопольные нефтяные фирмы, которым принадлежала преобладающая часть наиболее богатых промыслов и вся нефтеторговая организация, сдерживали рост добычи, ибо они извлекали громадную ренту при медленном росте добычи и быстром росте цен на нефтяные продукты и поэтому были мало заинтересованы в быстром росте добычи».[3.53]

Добыча нефти и угля в России в 1909-1913 гг. [3 54]

млн. тонн

	1909	1910	1911	1912	1913
Угля, всего	20.4	19.4	22.5	24.7	29.1
в т.ч: в Донбассе	17.7	16.7	19.8	21.4	25.3
Нефти, всего	9.4	9.7	9.1	9.4	9.2
в т.ч: в р-не Баку	8.4	8.3	7.6	7.9	7.7

Сокращение предложения на рынке нефтепродуктов обусловило необходимость расширения ресурсов топлива за счет угля. До 1910 г. его добыча сокращалась под воздействием конкуренции со стороны относительно дешевых нефтепродуктов. Но со следующего года начался рост, в основном благодаря Донбассу. Практически все категории потребителей стали заменять жидкое топливо на твердое. К этому времени леса вокруг промышленных центров в значительной мере были вырублены, а производить заготовки дров в дальних районах стало невыгодно из-за высоких транспортных издержек.

Важное значение имели усовершенствования топок паровых котлов, позволившие эффективно сжигать донецкий антрацит. Это сорт угля обладал такими качествами, как высокая калорийность, возможность хранения в буртах без угрозы самовозгорания, а главное, твердостью, позволяющей перевозить антрацит на большие расстo-

яния без выветривания по дороге. Показательно, что поступление донецкого антрацита в Московский промышленный район, который одним из первых освоил технологическое использование этого вида топлива, возросло с 269 тыс. т в 1910 г. до 1260 тыс. т в 1913 г., т.е. более чем в четыре раза.

В целом в предвоенный период сохранилась тенденции вытеснения нефтепродуктов и дров углем как в промышленности так и на транспорте.

Структура потребления топлива в 1908-1913 гг. [3.55]

в % к общему итогу

	Промышленность		Железные дороги	
	1908	1913	1908	1913
Уголь	46.4	63.1	55.3	62.0
Нефтепродукты	13.6	7.1	26.4	22.7
Дрова и др. уголь	36.1	26.6	18.3	15.3
Торф	3.9	3.2	-	-
Всего	100	100	100	100

Дефицит угля, образовавшийся прежде всего из-за искусственного сдерживания увеличения добычи нефти, отрицательно сказывался на развитии всего народного хозяйства, особенно энергоемких отраслей, в том числе металлургии, которая потребляла большое количество угля как в обработанном, так и в сыром виде.

Производство кокса в 1909—1913 гг. [3 56]

млн. тонн

1909	1910	1911	1912	1913
2.6	2.8	3.3	3.9	4.4

Весь выжиг кокса в тот период производился в Донбассе. За пятилетие он возрос в 1.7 раза, т.е. примерно такими же темпами, как и производство чугуна. При этом расход кокса на выплавку чугуна был довольно высоким, по коэффициенту 1:1, что отражало несовершенство технологических процессов того времени.

Металла не хватало для удовлетворения всех потребностей народного хозяйства, несмотря на то, что к выполнению заказов подключились старые уральские заводы с их высокими издержками. Цены на литейный чугун в Донецком регионе повысились с 28 руб

за тонну в 1909 году до 43.2 руб в 1911 г. и остались на этом уровне до начала войны.

Производство чугуна, стали и проката в 1909-1913 гг. [3.57]

млн. тонн

	1909	1910	1911	1912	1913
Чугун	2.6	2.8	3.2	3.8	4.2
Сталь	2.7	3.1	3.5	4.0	4.2
Прокат	2.4	2.6	2.9	3.3	3.5

Производство стали и проката развивалось опережающими темпами. За пятилетие они составили, соответственно, 72 % и 67 %, против 63 % прироста чугуна. Однако, на рынке остро ощущался и их недостаток. Хотя цены на металл подскочили вверх, рынок не удалось сбалансировать. Выполнение заказов приходилось ожидать непривычно продолжительные сроки. Объясняя причины такой конъюнктуры, Л. Кафенгауз указывает на два обстоятельства: во-первых, в период грюндерства конца 90-х годов был построен ряд металлургических заводов, неудачных с экономической и технической точек зрения. Рассчитывали на казенные заказы по высоким ценам. В начале нового столетия выяснилось, что на их реконструкцию и модернизацию потребуется больше денег, чем на строительство новых заводов. Вторая причина заключалась в том, что франко-бельгийский капитал, которому принадлежали ключевые позиции в российской южной металлургии, стремился использовать необычную рыночную конъюнктуру для получения высокой прибыли, не форсируя производство. При этом они прямо или косвенно препятствовали строительству новых заводов.

В **цветной металлургии** наибольшее значение имело удвоение за пятилетие производства меди и неустойчивый, но все же рост добычи золота.

Производство меди и золота в 1909-1913 гг. [3.58]

	1909	1910	1911	1912	1913
Медь, тыс. т.	18.4	22.7	25.9	34.0	33.7
Золото, тонн	56.8	63.6	61.2	58.2	61.8

Расширение выплавки меди было связано главным образом с быстрым развитием в России кабельного производства, а спрос на

золото был высоким во все времена.

Нехватка и дороговизна черных металлов создавала немалые трудности для развития машиностроения. Тем не менее оно динамично развивалось, осваивая выпуск новой техники и расширяя ассортимент выпускаемых машин и оборудования.

Динамика продукции машиностроения и металлообработки [3 59]

	1909	1910	1911	1912	1913
Продукция, млн. руб.	347.5	389.3	420.2	490.0	573.2
Прирост к пред. году, %	5.0	12.0	7.9	16.6	16.9

Общий прирост производства в этой важной отрасли составил за пятилетие 73 %, что несколько ниже темпов развития всей тяжелой промышленности (77%). Но главное заключалось в структурных сдвигах. Если в 90-е годы машиностроение ориентировалось в первую очередь на заказы строителей и пользователей железных дорог, то в пятилетие накануне войны производство паровозов стало сокращаться, а железнодорожных вагонов росло медленно, кроме 1913 г.

Выпуск силовых установок и технологического оборудования составлял ядро российского машиностроения, поскольку высокий спрос на двигатели разных конструкций и назначения — отличительная черта механизации производственных процессов и замены ручного труда машинным.

Увеличение выпуска оборудования для силовых установок [3 60]

млн. рублей

	1908	1910	1911	1912
Паровые машины	1.7	2.0	2.1	2.1
Трансмиссии	2.4	2.8	3.1	3.4
Котлы и баки	6.9	9.7	11.7	12.4
Насосы и компрессоры	1.6	3.3	3.9	4.1
Двигатели внут. сгорания	3.7	3.5	5.4	8.4
Краны и подъемники	1.3	1.5	2.8	3.5

Таблица отражает начало очень важного процесса: замены паровых машин, характерных для начального этапа внедрения индустриальных технологий, на двигатели внутреннего сгорания, в основном на дизельные моторы. В России этот необходимый структурный сдвиг тормозили высокие цены на мазут, но движение, хотя и медленное, в

этом направлении началось, и машиностроители сыграли здесь не последнюю роль.

Одной из новых, только еще формирующихся подотраслей машиностроения в то время выступала **электротехническая промышленность.** В 1912 г. она включала в себя 20, как правило, небольших предприятий, напоминающих иногда мастерские, где производилась сборка электромоторов, амперметров, других измерительных приборов, а также электрических лампочек, в основном, из импортных комплектующих деталей.

Становление электротехнической промышленности в России [361]

Выпуск продукции, млн. рублей

1908	1910	1911	1912
14.1	25.3	28.4	36.8

По темпам роста эта подотрасль опережала развитие всей тяжелой промышленности и машиностроения. Наиболее крупными были кабельные заводы, которые работали на российской меди и практически полностью удовлетворяли потребности народного хозяйства в электрических проводах. В России в это время с помощью германских фирм были построены первые электростанции. Для производства и реализации их продукции потребовалось специальное оборудование, провода, трансформаторы, выключатели. Многое поступало по импорту, но постепенно и в России осваивалось производство паровых турбин, генераторов, динамо-машин и других сначала простых, а затем и сложных изделий.

Еще одной динамично развивающейся подотраслью выступало сельскохозяйственное машиностроение. Логично, что в первую очередь оно стало выпускать простые и дешевые механизмы для обработки почвы и уборки урожая. Более сложные машины продолжали поступать из-за рубежа.

Собственное производство и импорт сель-хоз. машин [362]

млн. рублей

	1909	1910	1911	1912	1913
Производство	33.0	39.8	42.9	45.2	52.0
Ввоз	34.6	34.7	48.2	53.2	44.6

Таблица свидетельствует, с одной стороны, о повышении общей культуры и укреплении экономики сельскохозяйственного производства в предвоенный период, а с другой, об отставании машиностроителей от быстро растущего спроса деревни на технические средства механизации крестьянского труда. Примерно половину используемых в сельском хозяйстве машин, прежде всего сложных, приходилось закупать за рубежом.

Естественно, что накануне Первой мировой войны российские машиностроители не могли не подключиться к выполнению масштабных судостроительных программ, освоению серийного выпуска артиллерийских орудий и других видов вооружения. Так, в период с 1910 по 1914 г. была проведена значительная работа по пополнению парка полевой артиллерии. Задание Генерального штаба в этой области было выполнено в установленные сроки. [3 62] Однако, из-за ограниченности финансовых ресурсов и серьезных просчетов того же Генштаба техническое переоснащение армии к началу войны так и не было завершено. (Подробнее см. гл. V).

В ходе второго цикла интенсивной индустриализации России закладывался также фундамент химической промышленности.

Выпуск важнейших химических продуктов в 1908-1913 гг. [3 63]

тыс. тонн

	1908	1910	1911	1912	1913	1913:1908
Сода кальцен-ая	110.5	123.2	139.6	153.7	159.9	144.6
Сода каустическая	42.1	46.9	48.5	46.4	49.3	117.1
Азотная кислота	2.1	5.9	6.6	8.7	10.0	465.6
Серная кислота	94.2	96.2	110.0	133.7	164.9	174.9
Суперфосфат*	12.1	39.7	42.6	55.2	62.9	520.7
Красители млн. руб.	6.3	10.0	9.3	10.7	н.д.	н.д.

*Без Польши и Прибалтики.

Из приведенных данных видно, что в предвоенное пятилетие в России была создана так называемая основная или тяжелая химия — производство исходных продуктов: соды и кислот. Объемы их выпуска измерялись десятками и лишь в отдельных случаях сотнями тысяч тонн. В центральной части России стало быстро расти производство ценного минерального удобрения — суперфосфата. До 1908 г. оно было сосредоточено, в основном, в Польше и Прибалтике. Скачок в производстве азотной кислоты только отчасти

связан с изготовлением азотных удобрений. Главным ее потребителем были пороховые заводы. Динамика собственного производства красителей имела вялый характер: импортные краски были лучше по качеству и доступными по цене.

Самыми высокими темпами в предвоенном пятилетии развивалась **промышленность строительных материалов.** За период 1908-1913 гг. ее продукция увеличилась в 2.1 раза. В условиях расширения строительства кирпичных зданий в промышленности, возведения все большего числа каменных жилых домов в городах, цепочки крепостей вдоль Западной границы началась горячка сооружения новых и расширения действующих цементных заводов, количество которых в 1912 году достигло 56. Выработка цемента возросла в три раза, опередив развитие всех других производств отрасли. Тем не менее спрос на него удовлетворялся не полностью и цены постоянно повышались. Весьма динамично расширялось производство строительного и огнеупорного кирпича, рыночный спрос на который также превышал предложение.

В итоге в 1913 г. в границах бывшего СССР было изготовлено 1.5 млн. т цемента, 2.9 млрд. штук строительного кирпича, 9 млн. условных плиток шифера, 8.8 млн. м^2 мягкой кровли, 23.7 млн. м^2 оконного стекла.[3.63]

Как уже отмечалось, производство предметов потребления в 1909-1913 гг. несколько отставало от развития тяжелой промышленности. Это объяснялось, с одной стороны, ограниченными возможностями расширения его сырьевой базы — сельского хозяйства, а с другой — определенным насыщением платежеспособного спроса на традиционные продукты питания.

Среднегодовые темпы роста отдельных отраслей группы «Б» [3 64]

неизменные цены, в %

	1893-1900	1909-1913
Текстильная	6.3	3.3
Кожевенная	8.0	4.5
Бумажная	8.5	8.4
Пищевая	9.3	3.4

Появились первые признаки того, что **текстильная промышленность** начала терять свою роль лидера по количеству занятых и объему валовой продукции. Пока это выражалось в замедлении

темпов развития. Начавшиеся изменения были связаны, с одной стороны, с распространением городской моды одеваться среди сельского населения и повышением рыночного спроса практически на все виды тканей. В то же время происходило удорожание исходного сырья для их производства на фоне общего повышения стоимости жизни, что противодействовало первой тенденции.

Одна из особенностей развития легкой промышленности в предвоенный период состояла в том, что она резко увеличила выпуск резиновой обуви. Так, производство галош, ставших весьма популярными и в городе, и в деревне, увеличилось за пятилетие в два раза. Этому способствовало снижение цен на натуральный каучук, который стали собирать в субтропиках на искусственных плантациях.

Пищевая промышленность, удовлетворявшая первую потребность человека, развивалась, хотя и не быстро, но относительно стабильно. Колебания ее динамики были в большей степени обусловлены неустойчивостью урожаев, чем изменениями рыночного спроса. В ее структуре наибольший удельный вес приходился на производство сахара и растительного масла.

Сахар в то время был относительно дорогим продуктом. В чай его не добавляли. Пили «вприкуску», предварительно расколов «голову» рафинада на маленькие кусочки. Поэтому сахар-песок использовался в основном для варки рафинада в заводских условиях.

Производство отдельных пищевых продуктов

млн. тонн

	1909	1910	1911	1912	1913
Сахар-песок	0.95	0.83	1.6	1.55	0.96
Рафинад	0.63	0.74	0.75	0.73	0.81
Растительное масло	0.20*	0.18	0.21	0.21	0.47
Соль	2.2	2.0	2.0	1.9	2.0
Спирт млн гкл	10.3	9.5	11.2	10.1	11.6

*1908

Растительное масло служило одним из основных продуктов питания широких слоев сельского и городского населения, особенно в постные дни. Потребности в соли удовлетворялись полностью. Акциз на спирт был важным источником доходной части бюджета. В первый же год войны был введен «сухой закон» и производ-

ство спирта упало.

Таким образом, центр тяжести второго цикла индустриализации находился в тяжелой промышленности, где процесс обновления и модернизации происходил наиболее интенсивно и в широких масштабах.

3.4 Рабочий вопрос становится в один ряд с крестьянским

Начавшаяся интенсивная индустриализация в России потребовала не только резкого увеличения, но и качественно нового человеческого материала — работников грамотных, умелых, дисциплинированных, а значит, и постоянных.

Количество занятых в фабрично-заводской промышленности [366]

в млн. человек

1801	1854	1881	1890	1895	1900	1905	1910	1913	1917
0.1	0.2	0.8	1.3	1.5	2.0	2.1	2.4	3.0	3.5

Как видно из таблицы, число промышленных рабочих в течение первой половины XIX века от крайне низкого уровня — 95 тысяч увеличилась всего в 2 раза. За вторую половину века — в 10 раз. За 13 лет двадцатого столетия — еще в 1.5 раза. Характерно, что к 1913 г. большинство фабричных рабочих, особенно после начала столыпинской реформы, окончательно порвало имущественные связи с деревней: выделилось из общины и продало свой надел, не сохранив за собой даже дома. Вместе с тем, оставались и сезонники. Некоторые фабрики работали только осенью и зимой. Поздней весной почти весь их производственный персонал, состоявший из крестьян, возвращался на поля, заготавливал сено, ухаживал за посевами и только после уборки урожая, подготовив свое хозяйство к зиме, снова появлялся на фабрике, набираясь опыта и знаний. Не случайно, что две трети заводов и фабрик были расположены не в городах, а в сельской местности, поближе к источникам дешевой рабочей силы, а в ряде случаев, и рынка сбыта товарной продукции.

Кроме промышленности наемная рабочая сила широко использовалась и в других отраслях. Так, согласно переписи 1897 г. из 9.7 млн человек, назвавших своим основным источником доходов работу по найму, 2.6 млн. были заняты в промышленности, 2.7 млн. — в сельском хозяйстве, 0.6 млн. — на транспорте и в торговле. Кро-

ме того, 3.2 млн. человек относились к категории разнорабочих и прислуги.[3.67]

Как уже отмечалось, в 1913 г. свыше половины всех промышленных рабочих трудились на крупных предприятиях. Среди городов первое место по числу промышленных рабочих в начале века занимал Петербург (129 тыс.), Москва (105 тыс.), Лодзь (62 тыс.), Рига (41 тыс.), Варшава (33 тыс.), Баку (28 тыс.), Ивано-Вознесенск (27 тыс.), Одесса (15 тыс.), Ярославль (14 тыс.), Тула (10 тыс.).

«Рабочий вопрос» уже во второй половине XIX века стал предметом постоянного внимания и озабоченности общества и правительства. Особую тревогу в период либеральных 60-х годов вызывали три проблемы:

♦ Широкое применение детского труда. Так, специальная комиссия, созданная при петербургском генерал-губернаторе в 1869 г., обследовав ряд текстильных фабрик, установила, что среди всех занятых доля малолетних детей в возрасте от 8 до 14 лет составляла 7.5%. Их рабочий день, как и у взрослых достигал 14 часов в сутки. По свидетельству комиссии: «дети показывали, что в последние часы работы, к вечеру, они бывают до того утомлены, что работают бессознательно, едва держатся на ногах и возвращаясь домой, не в силах бывают ужинать, а спешат скорее заснуть»;[3.68]

♦ Использование детей и женщин в ночные смены. Чаще всего для них сутки делились на четыре периода: первые 6 часов — работа; затем столько же — отдых и еда; третий период — снова труд; оставшиеся 6 часов — восстановление сил для следующих рабочих суток. Та же комиссия отмечала: «дети, работающие на бумагопрядильнях, вообще бледны, имеют вид изнуренный, малы ростом, так что 11 и 12-летним, пробывшим 2-3 года на фабрике, часто на вид нельзя дать более 7 или 8 лет»;[3 69]

♦ Злоупотребления хозяев при оплате труда и организации отдыха.

Вообще весь комплекс отношений между промышленниками и рабочими отличался крайним произволом со стороны владельцев фабрик, которые очень часто сами были выходцами из крепостных крестьян. Дорвавшись до собственности и власти, они стремились установить крепостные порядки в своих владениях. В договор о найме, отмечал один из фабричных инспекторов, включаются такие пункты, которые лишали рабочих возможности всякой защиты. Размер штрафов заранее не определялся. В правилах многих фаб-

рик была статья: «Замечания в нарушении фабричных правил *штрафуются по усмотрению хозяина*». Нередко штрафы превращались в емкий источник доходов для владельца фабрики. Сроки выдачи зарплаты также не фиксировались. Иногда ее выплачивали два раза в год (на пасху и рождество), иногда чаще. а бывало и один раз в год. В таких условиях, чтобы как-то существовать, рабочий вынужден был пользоваться кредитом в фабричной лавке, получая продукты не лучшего качества, но по высокой цене. Ко всему этому, условия для отдыха были ниже всякой критики. «Только на некоторых фабриках были особые спальни — но что за спальни! Мужчины, женщины, дети спали вповалку на нарах, без различия пола и возраста, в сырых, душных и тесных казармах... Но на большинстве фабрик и таких спален не было. Рабочие располагались спать тут же в мастерских на станах, столах, верстаках, на полу, положивши под голову какую-нибудь рваную одежду».[3 70]

Члены комиссий, как правило, высокопоставленные чиновники, столкнувшись с такой неприглядной обстановкой на фабриках уже после отмены крепостного права, решительно выступали за ограничения произвола хозяев фабрик. Конкретно они предлагали:

а) запретить прием на работу по найму детей до 12 лет;

б) ограничить рабочий день оставшихся несовершеннолетних 10-ю часами;

в) не допускать использование детского и женского труда в ночное время;

г) создать специальную инспекцию для контроля за условиями труда фабричных рабочих.

Однако эти предложения встретили отчаянное сопротивление со стороны промышленников. Причем они разделились на два лагеря: владельцы петербургских фабрик, где зарплата рабочих была примерно на треть выше, чем в московском регионе и других центральных губерниях, а по уровню механизации и производительности труда они вырвались вперед еще в большей степени, поддерживали проекты, выдвинутые комиссиями. Больше того, на некоторых фабриках они явочным порядком сокращали продолжительность рабочего дня, что довольно часто не приводило к падению общего объема производства поскольку возрастала часовая выработка каждого рабочего, и отказывались от ночных смен, что позволяло без каких-либо дополнительных затрат сократить процент брака готовой продукции.

Однако фабриканты других регионов, где на местном рынке рабочей силы предложение заметно превышало спрос, зарплата была относительно невысокой, а механизация и производительность труда низкой, выступили категорически против. Причем их аргументы отличались циничностью и ложью. Так, владельцы одной из крупнейших прядильных фабрик в России (Рязанская губерния) братья Хлудовы отклоняли предложенный проект со ссылкой на то, что запрещение ночной работы для малолетних остановит весь производственный процесс. «При том дети, лишась заработков на фабриках, не принесут своим родителям никакого материального пособия. Они будут пребывать во вредной для их возраста праздности и расстроят свое здоровье, находясь вместо светлого и здорового помещения фабрики в душной атмосфере своей избы».[3 71] Тверской фабрикант Шилов высказался против ограничения использования в промышленности малолетних, так как это нарушает «свободу народного труда».

Особенно обеспокоила промышленников перспектива создания фабричных инспекторов с широкими полномочиями для постоянного контроля за положением дел. Была организована широкая кампания против возможных нововведений, — и все проекты уже на верхних этажах власти были отправлены в архив.

Однако, жесткие стачки на Невской прядильной фабрике в Петербурге (1870 г.), на крупной Кренгольмской мануфактуре в Нарве (1872 г.), на других предприятиях показали, что крайняя острота ситуации требует активного вмешательства государства. Судебное разбирательство по обвинению зачинщиков этих стачек вновь обнажило воспаленную рану. Пришлось опять создавать очередную комиссию (Валуева), которая не торопясь, в довольно острых дискуссиях подготовила очередной проект.

Лишь в 1882 г., т.е. спустя более 20 лет после начала работы первой комиссии по данному вопросу, наконец-то был принят закон о регламентации фабричного труда малолетних. Это было время, когда должность министра финансов занимал Н. Бунге. Он отвергал социалистические идеи, но как политик-стратег, владевший теоретическими знаниями в области экономики, финансов и права, хорошо понимал, что сохранить и укрепить государство российское можно только путем его реформирования и основательного обновления. Абсурдно было сохранять крепостнические порядки в промышленности, сломав их в сельском хозяйстве.

Закон запретил использование для работы на фабриках и заводах малолетних детей, не достигших 12-летнего возраста. Продолжительность рабочего дня для подростков 12-15 лет ограничивалась 8 часами в сутки. При этом после четырех часов работы предусматривался обязательный перерыв. Подростков нельзя было назначать в ночные смены (от 9 вечера до 5 утра). Суббота и воскресенье отводились для отдыха. На владельцев предприятий возложили обязанность предоставлять возможность малолетним, не окончившим начальную школу, продолжать учебу в течение не менее 3-х часов в день. Для контроля за исполнением закона создавалась принципиально новая государственная структура — институт фабричных инспекторов.[3.72]

Как и ожидалось, позиция промышленников относительно нового закона была не однозначной: подавляющее большинство петербургских владельцев заводов и фабрик поддержало новые нормативы. Из центральных губерний поступали протесты и гневные письма. Не остались пассивными зрителями и рабочие. На фабриках Владимирской и Московской губерний произошли стихийные волнения.

В такой обстановке Н. Бунге последовательно продолжал начатое дело. В 1884 г. был подписан специальный закон о первоначальном обучении грамоте малолетних, занятых на фабриках и заводах.[3 73] Еще через год — закон, запрещавший привлечение на ночные работы в текстильной промышленности женщин и подростков, не достигших 17 лет. Наконец, в 1886 г. по инициативе министра внутренних дел графа Д. Толстого, серьезно напуганного рабочими волнениями, был принят весьма важный закон «О взаимных отношениях фабрикантов и рабочих».[3 74] Он предусматривал, что прием на работу осуществляется на основе личного договора о найме. При этом рабочий получал расчетную книжку, в которой фиксировались условия найма и отмечались все выплаты заработной платы, а также вычеты «за прогулы и причинение вреда хозяину». Оплата труда должна производиться не реже одного-двух раз в месяц. При этом запрещалось рассчитываться с рабочим вместо денег купонами, хлебом или другими товарами. Не разрешалось взимать с рабочих плату за врачебную помощь, освещение рабочих помещений и пользование орудиями труда. Вместе с тем рабочий не имел права обжаловать взыскания, наложенные хозяином. Договор найма мог быть расторгнут администрацией в случае «дерзости или дурного поведения рабочего».

Однако, последнему предоставлялось право увольнения в случае задержки зарплаты, побоев, тяжких оскорблений, а также условий, угрожающих здоровью.

Закон предусматривал уголовную ответственность рабочих за организацию и участие в стачках: «подстрекатели» могли быть по решению суда лишены свободы на срок до 8 месяцев, «рядовые» забастовщики — до 4 месяцев. В случаях насильственного принуждения к стачке срок тюремного заключения увеличивался до 1 года и 4 месяцев.

Для рассмотрения споров и конфликтных ситуаций, возникающих в промышленных регионах, создавались специальные органы — фабричные присутствия из представителей губернской администрации, суда, рабочей инспекции и земств.

В целом серия законов, принятых в короткий срок за период министерства Н. Бунге, существенно ограничила произвол промышленников по отношению к рабочим и снизила норму эксплуатации малолетних. Естественно, что эти меры вызвали бурную реакцию со стороны владельцев фабрик и заводов и острые нападки на министра финансов. Видимо это была одна из причин, почему он был вынужден уйти в отставку. Его преемник — И. Вышнеградский занял более гибкую позицию: новый закон (1890 г.) предусматривал, например, что местные фабричные присутствия и губернаторы могут разрешить отдельным предприятиям использовать подростков в возрасте 12-15 лет в ночных сменах. В то же время новый министр подготовил проект закона об ответственности хозяев промышленных предприятий перед рабочими и их семьями за несчастные случаи на производстве, повлекшие за собой смерть, увечье или серьезные травмы. Однако, он не успел провести его через Государственный совет, что выпало уже на долю С. Витте.

В этой связи стоит отметить, что за решением «рабочего вопроса» внимательно следил сам государь. Когда только что назначенный министр финансов внес проект Вышнеградского на рассмотрение Государственного совета, он натолкнулся на оппозицию, прежде всего, со стороны бывшего обер-прокурора К. Победоносцева, «человека, - по мнению Витте, - громадного ума, громадного таланта, но тем не менее крайне узкого». Этот «умница» выступил на Совете с большой речью категорически против проекта, ссылаясь на то, что в нем «есть стремление, есть симпатия к различным социалистическим идеям... Правительство под давлением рабочих прово-

дит различные законы об ответственности перед рабочими, законы крайне социалистического характера». Витте попал в трудное положение: ему вряд ли хотелось с первых шагов прослыть «социалистом», и он отозвал проект на доработку.

Когда же через несколько дней Витте прибыл с очередным докладом к императору, он был немало удивлен поставленным перед ним вопросом: «Почему вы взяли обратно проект об ответственности фабрикантов перед рабочими из Государственного совета?» Не менее неожиданной была и царская рекомендация: поскорее рассмотреть и провести закон через Государственный совет. Затем последовало разъяснение: «Победоносцев человек очень ученый, хороший, бывший его профессор, но что тем не менее из долголетнего опыта он (государь) убедился, что Победоносцев отличный критик, но сам никогда ничего создать не может». [3 75]

В конце XIX века в развитии рабочего вопроса наступил новый переломный момент: до того времени фабричное законодательство ограничивало и регламентировало рабочее время только детей и женщин. В июне 1897 г. был принят чрезвычайно важный с принципиальной точки зрения закон, ограничивающий продолжительность рабочего дня для *взрослых* рабочих.[3 76] На всех промышленных предприятиях Европейской части России был установлен его максимальный предел — не более 11.5 часов в сутки. Если работа хотя бы частично захватывала ночное время, ее общая продолжительность не должна была превышать 10 часов.

Промышленники довольно спокойно восприняли новые правила, так как многие на практике убедились, что механизация ручного труда и освоение более современных машин позволяют круто повысить часовую производительность и избежать падения общих объемов производства при сокращении рабочего дня. Для этого, в свою очередь, требовались квалифицированные, грамотные, постоянные работники, от роста производительности труда которых владелец предприятия получал намного больше, чем от повышения интенсивности, которая давно уже достигла своего естественного предела. Поэтому логично, что многие заводы и фабрики еще до издания закона 1897 г., руководствуясь своими интересами перешли на 10-ти 11-ти часовой режим работы.

Принятие закона о регламентации продолжительности рабочего дня для взрослых не означало однако, что вопрос об ограничении массового использования в промышленности детского и женского

труда был к этому времени уже решен. Напротив, количество малолетних и подростков, а также женщин на фабриках и заводах, особенно в губерниях центрального района продолжало расти не только абсолютно, но и относительно. Дело в том, что женщинам платили половину того, что получали взрослые рабочие, детям — только треть. Хозяева дальше сиюминутной выгоды не видели ничего.

Структура рабочих центрального промышленного района[377]

в процентах к общему числу

	1908			1913		
	Женщ.	Подрост	Малолет.	Женщ.	Подрост	Малолет.
Весь ЦПР	40.5	8.0	1.7	42.9	8.8	2.8
в т.ч. Москов. губ	37.9	7.1	1.2	40.0	8.4	1.1

Оставаясь в рамках действующего законодательства, значительная часть российских промышленников не торопилась вкладывать капитал в новое, более производительное оборудование. Им казалось проще и быстрее заработать прибыль за счет дешевого женского и детского труда. К тому же женщины и дети были безответны, легче мирились с тяготами жизни на фабрике, тем более, что за ее воротами всегда были желающие занять их место.

И все же нельзя не отметить, что к началу XX столетия фабрично-заводские рабочие, в целом, стали во многом другими, чем они были два-три десятилетия назад: набрались опыта и умения в работе с машинами. Стали самостоятельно разбираться в социальных и экономических вопросах. Лучше осознали свои права и возможности, организовались в профессиональные союзы, установили контакты с различными политическими партиями. Это позволило выдвинуть новую трудную задачу: добиться сокращения рабочего дня до 8-ми часов. Однако потребовалось еще почти два десятилетия упорной борьбы, чтобы достигнуть и этой цели. Особо значимыми уроками для них стали события 1905-1906 гг.

Поучительными были эти события и для правительства. Уже в феврале 1905 г. в срочном порядке была создана специальная комиссия под председательством В. Коковцева, которой поручили разработать законопроект о 10.5 - часовом рабочем дне (60 часов в неделю) и некоторые другие материалы по рабочему вопросу. Через несколько недель поручение было выполнено. Подготовленные документы передали для согласования представителям промыш-

ленников. И повторилась старая история. Владельцы заводов и фабрик не хотели, чтобы правительство официально установило предел продолжительности рабочего дня на уровне 10.5 часов. Верно, после открытия работы лево-либеральной Государственной думы они вынуждены были отступить и дать согласие на 60-часовую рабочую неделю. Но насильственный разгон Думы все вернул на свои старые места, хотя (по расчетам С. Струмилина) в 1909 г. в важнейших отраслях промышленности средний рабочий день фактически колебался от 9.9 до 10.8 часов в сутки, т.е. был уже на том уровне, который предусматривался законопроектом. [3.78] Видимо, для фабрикантов вопрос имел принципиальный характер.

Между тем происходящие качественные изменения в структуре фабричных рабочих постепенно накапливались, что означало практически и неуклонное накапливание потенциала обширных социальных перемен в не далеком будущем. Такие эволюционные трансформации можно отчетливо проследить на примере московского промышленного региона по материалам, собранным Н. Ивановой.

Доля постоянных и временных (сезонных) рабочих в фабрично-заводской промышленности [3.79]

в % к обшей численности

	1900		1918	
Губернии	Постоянные	Временные	Постоянные	Временные
Московская	88	12	98.1	1.9
Владимирская	91	9	98	2
Нижегородская	89	11	94.3	5.7
Тульская	91	9	99.7	0.3
Ярославская	84	16	99.1	0.9
Петербургская	93	7	99.6	0.4
Европ-ая Россия	91	9	96.5	3.5

Прежде всего следует отметить увеличение доли постоянного состава среди всей массы промышленных рабочих, что служило исходной предпосылкой повышения их профессионального мастерства, производительности труда и социальной организованности.

Несмотря на некоторую несопоставимость данных таблица достаточно достоверно показывает, что уже к началу века основные производственные кадры фабрично-заводской промышленности в Европейской части России составляли постоянные рабочие, а после

войны их доля вплотную приблизилась к предельному значению. При этом следует иметь в виду, что постоянными считались работники, которые были заняты на производстве все время, пока функционировала фабрика. Поскольку многие предприятия текстильной промышленности, находящиеся в сельской местности, делали общий перерыв на весь летний период, рабочий год для их персонала значительно сокращался. Кроме того, в 1913 г. около трети постоянных рабочих фабрик, расположенных в сельской местности имели земельные участки, которые обрабатывали в свободное время. Еще примерно 20 % вели хозяйство на земле с помощью членов своей семьи. Владельцев промышленных предприятий вполне устраивала такая комбинированная модель занятости: обеспеченные собственным продовольствием рабочие соглашались на относительно низкую заработную плату. Однако, общая тенденция состояла в том, что доля постоянных рабочих, полностью порвавших связи с земледельческим трудом, постепенно росла. Особенно быстрыми темпами этот процесс происходил в машиностроении, металлообработке и других отраслях тяжелой промышленности. Здесь квалифицированный труд опирался на специализацию и высокую зарплату. Доходы от труда на земле не выдерживали конкуренции с их доходами в промышленности. Закономерно, что в 1913 г. примерно половина занятых в фабрично-заводской промышленности имела стаж работы свыше трех лет, в том числе 10-20 % более десяти лет. Эти показатели нельзя считать высокими. В начале XX века в России резко обострились противоречия в связке социально-экономических проблем: качество трудовых ресурсов, система их подготовки, уровень зарплаты, продолжительность рабочего дня и его эффективность. Избыточной была только продолжительность труда. Все остальное — в дефиците. Для необходимого обучения и тренировки рабочих не хватало ни времени, ни денег.

Судя по дифференциации зарплаты в текстильной промышленности в 1913 г. свыше 80 % рабочих относились к категории мало — или неквалифицированных, примерно 15-20 % — к рабочим средней квалификации и лишь 2 %, в том числе мастера, составляли наиболее квалифицированную часть производственного персонала. В среднем по всей российской промышленности эти параметры выглядели несколько иным образом: на долю элиты — работников высшей квалификации приходилось 1.1 % всех занятых. Более трети составляли рабочие средней квалификации и свыше 60 % приходи-

лось на тех, кто относился к категории мало— и неквалифицированных трудовых ресурсов. [3.80]

Главной формой обучения грамоте будущих рабочих были начальные общеобразовательные школы с 3-х или 5-ти летним сроком обучения. В городах они охватывали только 47 % детей школьного возраста, в сельской местности еще меньше — 28 %.[3 81] Профессионально—технических училищ было крайне мало. Оставалась еще гипотетическая возможность домашнего образования и самоподготовки. Но, когда оба родителя заняты на производстве 10-11 часов в день и в доме не было ни одной книги, домашнее образование детей становилось утопией. Поэтому более половины рабочих оставались неграмотными. При этом умение читать и писать еще не свидетельствовало даже о средней квалификации рабочих. Проблема качества кадров для промышленности еще долгое время сохранялась нерешенной.

Но, пожалуй, ключевым и самым острым вопросом, в котором пересекались и сталкивались интересы промышленников и наемных рабочих, многие годы оставался вопрос об уровне и динамике *оплаты труда*. Ключевым он выступает потому, что размер реального заработка во многом предопределяет качество жизни семьи рабочего, возможности учиться самому и дать соответствующее образование подрастающим детям, создать благоприятные условия для отдыха и восстановления сил после работы. Важна и динамика реальной зарплаты. Объективно она должна иметь устойчивую тенденцию к росту, поскольку меняются и повышаются требования к здоровью и подготовке работника со стороны все более совершенных и сложных технологий. В производственных процессах возрастает роль и удельный вес умственного труда.

Имеется немало исследований, в которых с разных сторон рассматривается эта противоречивая проблема. Приводимые цифры у каждого автора чаще всего «свои». По данному поводу бесполезно спорить, поскольку все в чем-то правы и в чем-то неточны. В настоящей работе в качестве исходных взяты результаты фундаментальных исследований в области оплаты труда видного статистика и ученого С. Струмилина.

Хотя эти важные макроэкономические параметры не претендуют на абсолютную истину, они достаточно верно отражают как уровень оплаты труда рабочих фабрично-заводской промышленности, так и его динамику в номинальном и реальном выражении. В начале

Годовой заработок фабричного рабочего в России [3.82]
без Польши и Финляндии, в рублях

	Номинальный	Реальный, в ценах 1900	Индекс цен: 1900 г = 100
1900	187.3	187.3	100.0
1901	196.0	191.2	102.5
1902	196.5	189.1	103.9
1903	203.5	198.7	102.4
1904	207.7	197.1	105.4
1905	199.0	178.8	111.3
1906	222.7	186.7	119.3
1907	233.1	172.5	135.1
1908	236.2	173.8	135.9
1909	228.5	176.2	129.7
1910	232.0	186.8	124.2
1911	241.5	194.0	124.5
1912	246.5	184.5	133.6
1913	257.2	195.4	131.6

XX века денежная форма зарплаты в твердых, золотых рублях устойчиво росла. Сбои отмечались лишь дважды: в 1905 и 1909 гг. В первом случае падение зарплаты связано с известными революционными событиями, во втором — с экономически необоснованным, шоковым скачком оплаты труда в предыдущие два года. Всего номинальная зарплата рабочих за предвоенный период возросла на 37.3 %. За это же время цены выросли на 31.6 %. Таким образом, увеличение денежного заработка служило по существу действенным методом индексации доходов в связи с повышением рыночных цен. Реальные заработки рабочих за 13 лет возросли всего на 4-5 %, т.е. практически остались на уровне 1900 г., как и средний уровень производительности труда.[3.83] Заметный подъем реальных доходов наблюдался в 1903-1904 гг., т.е. после преодоления кризисного спада, затем, последовало их резкое падение в 1905 г., справиться с которым удалось только через пять лет, т.е. в начале нового цикла интенсивной индустриализации.

Для более полной характеристики оплаты труда промышленных рабочих в России определенный интерес представляют также международные сопоставления, проведенные разными специалистами.

Это данные позволяют утверждать, что в начале нынешнего столетия заработки российских рабочих при более продолжитель-

ном рабочем дне в несколько раз уступали тем же показателям западных стран.

Среднемесячный заработок разнорабочего 1904 г. [384]
(по данным Н. Рубакина)

в США	71 руб. при 56 рабочих часах в неделю
в Англии	41 руб. при 52.5 рабочих часах в неделю
в Германии	31 руб. при 56 рабочих часах в неделю
во Франции	43 руб. при 60 рабочих часах в неделю
в России	10-25 руб. при 60-65 рабочих часах в неделю

С. Струмилин в 1930 г. опубликовал результаты своих сопоставлений реальной зарплаты за 1909-1910 гг., которые подтверждают такой вывод.

Реальная зарплата индустриальных рабочих в 1909—1910 гг. [385]
США = 100, за час

США	Англия	Германия	Франция	Россия
100	58.6	40.0	35.9	32.2

Оба автора в принципе одинаково характеризуют существенное отставание России от США и развитых стран Европы по оплате труда фабрично-заводских рабочих. Таким образом, процесс первоначального накопления промышленного капитала в России опирался на предельно увеличенный рабочий день, т.е. на максимальную интенсификацию труда, с одной стороны, и на малоквалифицированные, но относительно дешевые трудовые ресурсы, с другой. Денежных капиталов не хватало, но рабочая сила в стране была в избытке. Ее предложение превышало спрос. Это определяло особенности характера первых двух циклов индустриализации в России: механизация труда и рост его производительности отошли на второй план. Главный упор делался на интенсификацию. Реализация такой стратегии в течение нескольких десятилетий не могла не повлечь за собой острые экономические и социальные противоречия. Не случайно работы К. Маркса, как идеолога рабочего класса периода первоначального накопления в Европе, получили на рубеже двух столетий широкое распространение в России.

Одновременно наступила стадия активного сопротивления рабочего класса недальновидной социальной политике российской буржуазии, которая неадекватно воспринимала реальности нового XX века. В секретной записке «О причинах забастовок» в октябре 1913 г. министр внутренних дел Н. Маклаков с тревогой отмечал: «Забастовки возникают преимущественно на почве неудовлетворения предъявляемых рабочими к работодателям экономических требований и лишь впоследствии приобретают политический характер. Поэтому одним из наиболее действенных средств к предупреждению забастовок явилось бы более отзывчивое отношение к означенным требованиям, поскольку они оказываются непреувеличенными и действительно оправдываются повсеместно наблюдаемым ныне вздорожанием жизни». Как видно из этой цитаты, министр внутренних дел, которого трудно заподозрить в симпатиях к фабричным рабочим, по существу оправдывает их протесты и стачки, поскольку повсеместно происходит «вздорожание жизни». Больше того, он прямо возлагает значительную часть вины на фабрикантов: «Недоразумения между рабочими и хозяевами, как это устанавливается имеющимися в департаменте полиции сведениями, нередко возникают не только в силу неумеренных требованиях рабочих, но и по вине самих же работодателей... Бывают случаи, когда забастовка вызывается заводовладельцами, предвидящими невозможность выполнить принятые на себя обязательства, дабы этим путем оправдать свою неисправность перед контрагентами».[3.86] Таким образом, причины забастовок были разными, но все они сливались в одной тенденции — быстрого роста их числа и участвующих в них рабочих.

Число стачек и их участников в Европейской России [3.87]

	Число стачек		Количество участников	
	абс. число	динамика	абс. число	динамика
1910	222	1.0	46623	1.0
1911	466	2.1	105110	2.3
1912	2032	9.2	725491	15.6
1913	2404	10.8	887096	19.0

Официальные отчеты фабричных инспекторов зафиксировали только за три года перед войной увеличение числа стачек почти в 11 раз и количества их участников в 19 раз. Но внимание привлекает

еще один аспект этого процесса: крутой рост числа и доли политических стачек.

Доля политических стачек в их общем числе[388]

	1910	1911	1912	1913
% политических стачек	3.6	5.1	64.1	43.0
% их участников	8.1	7.9	75.7	56.8

Для сравнения можно напомнить, что в 1905 г. доля политических стачек в их общем числе достигала 70 %, количество участников в массе забастовщиков — 64.4 %. Затем произошел спад, но в 1912 году в забастовочном движении был достигнут очередной пик, связанный с общим обострением социально-экономических и политических противоречий в стране, в том числе, в связи с расстрелом рабочих на Ленских приисках. Тем самым в России складывалась новая обстановка, которая тревожила правящие круги, потерявшие ориентацию, а потому напуганные неизвестностью и шарахающиеся из стороны в сторону. Для иллюстрации произошедших перемен целесообразно вновь вернуться к секретной записке министра Н. Маклакова, который в октябре 1913 г. со своих позиций обобщил происходящие в стране события: «Замеченное в последние годы развитие забастовок, вспыхивающих внезапно иногда по самым ничтожным поводам и захватывающих с чрезмерной быстротой обширные районы с десятками тысяч рабочих, несомненно является крупнейшим злом современной промышленной жизни. Но независимо от сего, переживаемое ныне забастовочное движение имеет еще более угрожающее общественное значение в том отношении, что оно развивает вражду и ожесточение между предпринимателями и рабочими, объединяет рабочих на почве непримиримого отношения к существующему государственному и общественному строю и таким образом создает среди рабочих готовые кадры для пополнения революционных партий...Среди рабочих в последнее время устанавливается такая согласованность действий, которая указывает на их сплоченность и организованность».[389]

Министру не откажешь в наблюдательности и трезвости оценок складывающейся новой политической ситуации. Начавшаяся вскоре мировая война ускорила неизбежную разрушительную развязку.

Глава 4
Эволюция системы управления экономикой

4.1.Активная роль государства в развитии народного хозяйства

Формирование древнерусского государства со столицей в Киеве было обусловлено в одинаковой степени военными и экономическими причинами. Дело в том, что в VIII-IX веках участились набеги степных кочевников и хазар на славянские племена, только недавно расселившиеся по берегам рек и озер Восточно-Европейской равнины. Для того, чтобы защитить свои семьи и хозяйства от непрошенных и опасных гостей, славянам нужен был постоянный, достаточно мощный и мобильный боевой отряд в пограничных районах со степью. Ополчение, которое из-за большой разбросанности поселений по территории союза племен слишком долго собиралось, не годилось для отражения дерзких и быстрых атак конницы весьма мобильного противника. Оторвать от хозяйства на длительное время молодых мужчин для несения постоянной военной службы представлялось слишком обременительным: они были главными работниками-кормильцами в крестьянских семьях. Экономически выгоднее выглядел другой вариант: нанять воинов-профессионалов со стороны. На такую роль можно было пригласить вооруженные дружины, сопровождавшие торговые экспедиции варягов, водный путь которых пролегал через земли славянских племен. Иностранные воины согласились на такое предложение , конечно, за соответствующий «корм». К тому же им выделили свободные участки зем-

ли, помогли возвести дома и хозяйственные постройки, обзавестись лошадьми и скотом.

Поначалу варяжские «гости» не вмешивались во внутриплеменные отношения славян, исправно несли военную службу, собирали дань (корм), занимались собственным хозяйством, организовывали торговые караваны в Византию и другие заморские страны. В границах племени сохранялась прежняя система хозяйствования, управления и суда, опиравшаяся на древние обычаи и авторитет племенных вождей, старейшин, а также потенциальную силу ополчения. Постепенно происходило сближение варяжских и славянских начал в рамках рождающегося русского государства. Дружинники все чаще брали себе в жены славянок, хотя известная обособленность варягов (бояр), как высшего сословия будет сказываться еще многие века. Тем не менее смешение и слияние двух культур неуклонно продолжалось, чему значительно способствовало крещение Руси. Служители церкви, как правило греки, т.е. представители третьей культуры, стремились сгладить национальные различия. Они принесли с собой новые понятия о правах и обязанностях власти, об ответственности князя перед Богом за благополучие подвластного ему народа.

В тот период поэтапно сформировались две параллельные системы власти. В столице и других крупных городах сохранились вече и выборная городская администрация, где ведущую роль играла торговая и военная из ополчения аристократия. На князя с дружиною возлагалась основная тяжесть защищиты государства от разрушительных набегов внешних противников. Вместе с тем дружина сама часто вторгалась на чужие территории, захватывала там скот, коней, пленных, другую добычу. При этом воины продолжали обрабатывать свои земли. Накопление богатств, захват земель, плюс возросшая боевая сила дружины — все это с течением времени перевесило чашу весов реальной власти в пользу князя. Он оказался наверху ее иерархической пирамиды. Процесс этот протекал противоречиво, с сопротивлением и открытыми вооруженными выступлениями коренного населения. Победила историческая закономерность: сильная централизованная власть была необходимым условием самого существования Руси в напряженной борьбе с агрессивными захватчиками, наседавшими как с Востока, так и с Запада. Логично, что князь-воин стал также князем-правителем. В новом государстве на базе старшей дружины, был сформирован особый совещательный орган — Совет бояр (от слова «боляр» —

воин), куда вошли также представители городской торговой аристократии, сотские и тысяцкие из ополчения, высшие чины духовенства. Городские и сельские органы самоуправления сохранились, но их полномочия сузились, а реальная роль стала второстепенной.

Первое время потребности князя и его дружины, а также ополчения в период его участия в боевых действиях, удовлетворялись в натурально-вещественной форме. Налоги (дань) выплачивались шкурками диких зверей, чаще всего мехом куницы и белки, другими продуктами леса и крестьянских хозяйств. Широко были развиты также трудовая, гужевая и другие повинности на господских землях. Постепенно основным источником материальных доходов для князя и бояр-дружинников становятся их собственные земли с закрепленными на них крестьянами, некоторые из которых в прошлом были захвачены в плен. Немалые выгоды они получали от торговли с Византией и другими заморскими землями.

В хозяйствах великих князей и бояр были созданы специализированные службы (пути), обязанность которых состояла в том, чтобы обеспечить бесперебойное снабжение княжеского двора и войска хлебом, мясом, рыбой, молоком, медом, соответствующими напитками и другими продуктами за счет собственного хозяйства, участков для рыбной ловли, сбора меда, охоты. Поскольку сельское и лесное хозяйства имели цикличный характер, централизовано создавались и хранились запасы необходимых продуктов иногда на весь год. В городах росло число ремесленников, которые изготовляли для княжеского двора оружие, одежду, обувь, другие предметы повседневного обихода.

Казалось,все шло к установлению сильной, центральной государственной власти. Но этого не произошло. Семена скорой гибели Киевской Руси были заложены внутри ее собственной структуры. Дело в том, что князья в то время имели большие семьи, в том числе нередко 4-7 сыновей. Каждому из них полагалось выделить свой удел. Получалось, что князь в течение всей жизни правдами и неправдами расширял свои владения. Однако, после его смерти они дробились и распадались на множество мелких, самостоятельных, а главное, жестко враждующих уделов.

Еще один уровень раздоров образовали бояре, бывшие старшие воины княжеской дружины. Они, как и удельные князья, обладали широкой самостоятельностью, враждовали между собой, только на меньшей территории. В то время среди них господствовал культ

физической силы и грубости, храбрости и жестокости. Слабые пытались защитить себя с помощью заговоров, беспринципного маневрирования и измены. Вражда, нередко перераставшая в военные конфликты, изматывала экономические силы князей, бояр, да и крестьянских хозяйств. Резко сузилась межрегиональная и внешняя торговля. Оскуднели запасы и казна. Таким образом, в XI-XIII веках возникла первая в истории Руси смута, послужившая одной из главных причин раздробления и ослабления Киевского государства, которое стала легкой добычей татаро-монгольского нашествия.

Поэтапное возрождение славянской государственности началось еще под игом Орды с процессов единения северо-восточных земель вокруг Москвы. В то время в этом регионе наиболее значимыми были Владимирское, Тверское и Московское княжества. Среди них последнее было самым слабым. Видимо, это послужило одной из причин, почему татары в конце концов поручили именно московскому князю собирать для них налоги со всех северо-восточных славянских земель. Иван Калита, правивший в то время в Москве, был умелым дипломатом и умным политиком. Сначала главное внимание он обратил на то, чтобы укрепить экономику, создать достаточно продуктивное сельское хозяйство и ремесла. Финансовые и хозяйственные функции государства стали приоритетными по отношению к военным. В то же время Калита собрал силы, чтобы побороть разбой и бандитизм, которые всегда расцветают там, где царит смута и ослаблена власть. Исправно платить налоги Казани и одновременно укреплять собственное хозяйство было невозможно, когда многие деревни, как правило, наиболее богатые, подвергались систематическим грабежам и насилию со стороны расплодившихся бандитских шаек. Ивану Калите потребовалось не так уж много времени, чтобы навести в своем княжестве порядок. Москва стала одним из наиболее «тихих» и безопасных регионов среди русских земель. Вскоре в Москву из Владимира перенес свою кафедру глава русской православной церкви, что оказало заметное политическое и духовное влияние на укрепление молодого государства. Закономерно, что сюда стали перебираться торговцы и ремесленники, а также крестьяне из соседних княжеств. Окрепшая экономика позволила создать сильную армию и начать мирное, а затем и силовое противоборство с Ордой, закончившееся окончательной победой в XV веке.

После освобождения от татарского ига ускорилось развитие

внутреннего рынка, что сопровождалось созданием относительно устойчивой серебряной денежной системы. В новых условиях военные и другие расходы государства постепенно стали приобретать денежные формы. Это, в свою очередь, потребовало соответствующего преобразования и его доходов. Одновременно происходило интенсивное укрепление централизованных начал государственной власти Не сразу, но все же удалось сформировать эффективно функционирующую для того времени вертикаль законодательной, исполнительной и судебной власти, в том числе в сфере хозяйственных и денежных отношений.

Сильная государственная власть была антиподом междоусобий и смуты XI-XIII веков, закончившихся печально для Руси. Новый характер власти обеспечивал надежную защиту границ и позволял поддерживать устойчивый порядок внутри многонациональной страны. Следует подчеркнуть, что присоединяя к Московскому княжеству новые территории, в том числе, населенные неславянскими народами, русские власти никогда не стремились притеснить, а тем более истребить местные народности. С ними, как правило, устанавливались добрососедские отношения, а национальная знать занимала почетное место среди приближенной к царю элиты. Это объяснялось прежде всего экономическими причинами: земли было много, а дефицит рабочей силы ощущался постоянно. Однако сохранение относительно самостоятельных крупных национальных структур создавало свои проблемы и потенциональную возможность вспышек местного сепаратизма. Наличие сильной центральной власти существенно снижало такую опасность.

Формирование абсолютной монархии заняло несколько столетий (XV-XVIII века) и проходило поэтапно. Сначала потребовалось преодолеть слишком широкую самостоятельность, а иногда и враждебность великих и удельных князей с помощью дипломатии, денег, удобного случая, а нередко и силы. Этот этап завершился присоединением к Москве Великого Новгорода (1478 г.), Тверского княжества (1485 г.) и Пскова (1510 г.). Параллельно происходил иной по содержанию и более гибкий процесс ослабления и вытеснения с ключевых постов в государстве полунезависимых и заносчивых бояр — потомков древних варягов. Им на смену приходили поместные дворяне, получившие землю от царя за свою службу. Естественно, что новое сословие было более покладистым и непритязательным.

В первые годы царствования Ивана IV была создана Боярская дума, по существу как новое государственное учреждение. Ее роль в системе управления определялась формулой: «великий государь указал и бояре приговорили». Члены думы назначались государем из бояр и окольничьих (особо близких людей). Со второй половины XVI века в ее состав стали входить думные дворяне. Существенное влияние на работу этого государственного органа оказывали думные дьяки, которые по выражению одного из иностранцев, посетивших Москву в 1670 г., вместе с дьяками и подьячими «доносили до государя думу».[4 01]

Исполнение принятых решений возлагалось на соответствующие приказы, которые в XVI-XVII веках в большом количестве формировались на базе дворцовых служб как новые специализированные государственные учреждения. Часть из них выполняла общие функции управления: посольский, разрядный (кадровый), поместный, счетный, приказ тайных дел. Другие занимались хозяйственными и финансовыми вопросами: приказ большой казны, денежных сборов, денежной раздачи, стрелецкого хлеба и т.д. Третья группа — вопросами армии: стрелецкий, пушкарский, рейтарский, казачий. Ряд приказов обеспечивал взаимодействие центра с регионами: сибирский, казанский, малороссийский и др. Практически каждая относительно обособленная территория находилась под контролем какого-либо приказа. Еще одна группа приказов обслуживала нужды царской семьи: большого дворца, конюшенный, постельный, ловчий, сокольничий, царская мастерская, золотых и серебряных дел и т.д. Были и монастырский, книгопечатных дел, ямской, разбойный и холопий приказы. В 1690 г. их аппарат насчитывал 4.6 тыс. человек. Практическая деятельность приказов координировалась и контролировалась Боярской думой, выполнявшей, таким образом, одновременно совещательную, частично исполнительную и судебные функции. Ее состав постоянно обновлялся и расширялся.

Таким образом, уже в XVII веке довольно четко проявились контуры государственного механизма формирующийся абсолютной власти: царь — боярская дума — приказы — воеводы на местах. Однако, хотя власть царя уже в то время формально никем не была ограничена, ее нельзя еще назвать абсолютной. Для того, чтобы она была действительно полной, необходимо было добиться высокой степени выполнения всех указов и других решений царя, т.е. достигнуть того единства его слова и дела, без которого никакая

власть вообще не может называться властью. Но для этого, в свою очередь, требуется соблюдать три условия: во-первых, решения должны быть обоснованными, реальными; во-вторых, необходим действенный государственный механизм их реализации, т.е. выполнения, и третье, исходное условие — квалифицированные кадры. Все эти условия в XVI-XVII веках находились в стадии зарождения, в лучшем случае, становления. Показательно, что именно в этот период руские государи при разрешении сложных проблем обращались за помощью и поддержкой к Земским соборам, своеобразным многосословным собраниям. Их называли также советами, имевшими законосовещательные функции. Всего за неполных два столетия они собирались около 60 раз. Земские соборы обсуждали и приняли: Судебник 1550 г., еще через год Стоглав, Соборное Уложение 1649 г., отдельные решения о войне и мире, о финансовых и государственных реформах. В 1565году Земской собор дал согласие Ивану Грозному на введение опричнины, в 1654 г. состоялось решение о принятии Украины в состав России. В сложных ситуациях Соборы избирали царей, в том числе Петра I в 1682 году (это был последний в нашей истории Земский собор).

Одно из главных и постоянных стратегических направлений политики московских властей состояло в том, чтобы всемерно способствовать быстрому развитию и укреплению производительных сил страны, используя для этого те благоприятные возможности, которые открылись после завоевания своей независимости. Во-первых, те довольно значительные налоги (полгривны с сохи), которые прежде Москва вынуждена была выплачивать татарским ханам, теперь оставались в распоряжении князя. Во-вторых, чеканка серебряных монет стала государственной регалией, что позволило регулярно получать крупный эмиссионный доход. В-третьих, и это главное, оживление торговли и ремесленных производств сопровождались расширением налогооблагаемой базы, а следовательно, и общим укреплением государственной казны.

Возросшие финансовые возможности государства использовались для дальнейшего усиления армии, строительства заводов по выплавке металлов и производства оружия, в том числе пушек, сооружения каменных стен Кремля, новых зданий и храмов. Чтобы перенять опыт и достижения европейских стран в области промышленности и строительства, государство стало широко практиковать приглашение иностранных мастеров для руководства работами в Москве.

Высшей точки своего позитивного развития абсолютная, т.е. полная власть монарха, достигла в период радикальных реформ Петра Великого. Но одновременно это была и полная власть государства, ибо он, как никто другой из русских царей, мог по праву сказать: «Государство — это я». Такая власть позволила сконцентрировать ресурсы на ключевых направлениях и оперативно маневрировать ими в зависимости от изменения задач и конкретной обстановки. Тем самым стало возможным осуществить крупномасштабные преобразования общества, структуры народного хозяйства, армии, системы государственного управления и культуры. При этом, иногда силовыми приемами, в повседневную деятельность государственных органов внедрялись достижения западной практики. Тем самым в сжатые сроки удалось значительно повысить качество основных звеньев государственного механизма, укрепить экономическую мощь страны и ее военный потенциал. Если отсталость России в многолетней войне во времена Ивана Грозного так и не позволила получить выход к Балтийскому морю, то реформированные петровские армия и флот, опиравшиеся на новую промышленность, победили противника, находившегося на уровне западной цивилизации тех лет, и «прорубили окно в Европу».

По инициативе и финансовой поддержке государства было построено примерно 100 промышленных мануфактур, заводов и фабрик разного профиля, в том числе гражданского назначения. По существу это означало создание новой для России отрасли народного хозяйства. Заново были возведены сооружения морских портов в Архангельске, а затем в Петербурге построены суда для торгового флота. Проложена система каналов, соединивших бассейн Волги с Балтийским морем. Заложены новые города, в том числе Петербург на болотистых берегах Невы. Все это потребовало огромных денежных расходов, и Петр, как уже отмечалось, кардинально перестраивает государственные финансовую, денежную и налоговую системы. Он закладывает основы профессионального аппарата законодательной, исполнительной и судебной власти в центре и на местах.

В государственной службе повышение в должности зависело теперь не от знатности происхождения, а от качества накопленных знаний, опыта и личных способностей офицера или чиновника. Церковь была также подчинена государству, точнее священному синоду, который возглавлял обер-прокурор, назначенный Петром. Боярскую думу царь упразднил. Ее место заняли ближняя канцелярия и

правительствующий сенат, выполнявший функции царя во время его отъездов из столицы, а это случалось часто. Вот несколько поручений, которые записал царь в своем указе от 2 марта 1711 г. о создании этого учреждения:

«1. Суд иметь нелицемерный, и неправедных судей наказывать отнятием чести и всего имения, то ж и ябедникам да последует.

2. Смотреть во всем государстве расходы, и ненужные, а особливо напрасные отставить.

3. Денег как возможно собирать, понеже деньги суть артерии войны.

4. Дворян собрать молодых для запасу в офицеры, а наипаче тех, которые кроются, сыскать. Також тысячу человек людей боярских грамотных для того ж...»[4 02]

Приказы были укрупнены и преобразованы в коллегии. Часть из них по-прежнему выполняла общие государственные функции: военная и адмиралтейская коллегии, иностранных дел, вотчинная, юстиц-коллегия, главный магистрат, которому напрямую, минуя губернаторов и воевод, подчинялись городские магистраты и ратуши. Ряд коллегий ведал вопросами финансов, промышленности и торговли: камер-коллегия, штатс-контора, ревизионная, берг-, мануфактур- и комерц-коллегии.

Реформы госаппарата были проведены в основном уже после Полтавской битвы. До той поры Петр I не хотел видимо ломать его структуры и менять кадры, так как не вполне представлял, чем их заменить. Он искал новые решения, экспериментировал на отдельных участках и только после военной победы начал общее обновление государственной системы.

Преемники Петра в XVIII веке, сохраняя по существу созданные им структуры государственной власти, довольно часто и произвольно меняли их названия, в основном, для того, чтобы под таким предлогом заменить их кадры на своих, т.е. преданных лично ставленников. Так, вместо тайной канцелярии в 1826 г. был создан верховный тайный совет, который позже сменил кабинет министров. Петр III учредил императорский совет, Екатерина II — совет при высочайшем дворе и т. д. Правительствующий Сенат постепенно, но последовательно трансформировался в высший судебный орган.

Новый этап реформирования государственной службы начался в XIX веке. Необходимость кардинальных перемен в этой ответственной сфере общественной и хозяйственной жизни чувствовали

и понимали даже в высшем эшелоне управления страной. В этой связи характерна позиция Александра I, который уже в начале века поручил своему молодому советнику Михаилу Сперанскому разработать общую концепцию дальнейших преобразований государственного устройства России. Сейчас трудно точно разграничить авторство в выработке такой концепции, суть которой сводилась к созданию трех самостоятельных подсистем власти: законодательной (Дума и Государственный совет), исполнительной (кабинет министров и местные органы управления), а также судебной.

В течение нескольких лет эту концепцию, хотя и в урезанном виде, удалось провести в жизнь. Из законодательных органов был создан лишь Государственный совет, который рассматривал проекты законов прежде чем они попадали на утверждение царю. Формирование Думы было отложено почти на столетие. Члены Госсовета назначались императором из числа высшей аристократии, военноначальников и администраторов. Всего их насчитывалось от 20 до 40 человек. Они были сгруппированы в четыре департамента: юридический, военный, дел гражданских и духовных, а также, государственной экономии. Последний занимался вопросами промышленности, торговли, финансов, казначейства, счетов и науки.

В 1802 г., после образования министерств, был создан Комитет министров. Министры также назначались императором и были ответственны только перед ним. В состав Комитета по должности входили председатели департаментов Госсовета. Звучит солидно, однако, нет оснований считать Комитет министров главным исполнительным органом страны. Скорее это был особого рода клуб узкого круга доверенных лиц из высшей администрации страны. По установленному порядку каждый министр, прежде чем направить свой доклад государю, должен был предварительно ознакомить с ним своих коллег, обсудить его в Комитете, учесть замечания и лишь тогда передавать наверх. Так, в Комитете были рассмотрены росписи государственных доходов и расходов на 1803-1806 гг. Здесь заслушивались отчеты министерств. Комитет разрешал некоторые ассигнования за счет казны, утверждал штаты отдельных учреждений, рассматривал балансы государственных банков и др. Государь иногда специально назначал его заседание, чтобы посоветоваться по разным вопросам управления страны с умными и опытными государственными деятелями. Однако, бывало и так, что этот орган годами не собирался вообще, а министерства, как ни в

чем не бывало, спокойно работали, получая задания непосредственно от государя и отчитывались только ему. Особенно заметно роль Комитета снизилась (как и роль Госсовета) с 1826 г., после того как Николай I резко расширил полномочия Собственной Его Величества канцелярии. Фактически эта канцелярия превратилась в центральный орган управления страной. Здесь стали готовить проекты законов и указов, ведать назначением и увольнением высших чиновников, обращая особое внимание на борьбу с угрозой государственных преступлений.

В начале столетия всего было создано восемь министерств: военное, морских сил, иностранных дел, юстиции, внутренних дел, финансов, коммерции и народного просвещения. Новыми среди них по существу были два: внутренних дел и просвещения. Кроме задач по поддержанию общего порядка в стране, на Министерство внутренних дел возложили также обязанности по управлению государственной промышленностью и строительством. Министерство народного просвещения, кроме своих непосредственных функций, занималось подготовкой кадров для государственной службы. В его ведении находилась также Академия наук, университеты, другие учебные заведения.

Тогдашний Минфин с полным основанием можно назвать Министерством экономики: настолько широки были его полномочия и ответственность за состояние и развитие всего народного хозяйства. Ему подчинялись берг-коллегия (в 1806 г. переименована в департамент), ассигнационный и другие государственные банки, лесной департамент, монетное дело, оброчные статьи, хозяйственное управление казенных земель и имений, казенные палаты по винным подрядам и откупам и вообще «по всем делам, до умножения государственных доходов и ассигнования сумм касающихся».

Обязанности, возложенные на Министерство финансов, во много раз превышали его возможности, если учесть, что в 1802 г. в его штате числилось всего 39 сотрудников, с ассигнованием на их содержание 52.3 тыс. рублей в год. Хотя жалование было достаточно высоким, в среднем 112 руб. на человека в месяц, однако, никому до сих пор не удавалось объять необъятное. Поэтому Министерство финансов в первые десятилетия своей деятельности сосредоточило свое внимание и силы,в основном,на том, чтобы во время готовить росписи государственных доходов и расходов на следующий год, жестко контролировать затраты и находить источники по-

ступления дополнительных денежных средств в казну.

В 1810 г., используя короткую передышку между войнами, был осуществлен второй этап реформирования государственной системы. Число министерств и ведомств было увеличено с 8 до 12. Половине из них поручили заниматься хозяйственными и финансовыми вопросами: МВД, финансов, государственному казначейству, ведомству ревизии государственных счетов (госконтролю), науки и просвещения, главному управлению путей сообщения.

В Министерстве внутренних дел осталась заводская промышленность и внутренняя торговля. В Министерстве финансов — все хозяйственные звенья, определяющие поступление государственных доходов: управление госимуществом, внешняя торговля, дела горные и соляные, заведование казенными крестьянами, сборы и налоги всех видов, доходы городов и земств, дело монетное и др.

Государственные структуры, сформировавшиеся в 1802-1810 гг. без каких-либо существенных изменений функционировали с переменным успехом до начала XX века. Постепенно активизировалась роль министерств, как органов централизованного регулирования и управления экономикой, особенно Министерства финансов, которое несмотря на то, что из него выделилось самостоятельное Министерство торговли и промышленности, оставалось по своим синтетическим функциям и значению Министерством экономики. Оно стало главным инвестором в грандиозное строительство железных дорог и средств связи, что,в конечном итоге,практически привело к их национализации.

Весьма вяло и безынициативно существовал Кабинет министров. Николай I резко усилил политические, в том числе полицейские функции государственной службы, что, в конечном итоге, дало довольно сомнительные результаты. Александр II пристроил к государственной машине земскую подсистему, украшенную элементами демократии, провел важную судебную и военную реформы, но сам трагически попал под колесо истории, катившееся по инерции...

Александр III развернул контрреформы, которые уже ничего не могли изменить. Его преемнику, Николаю II выпала самая тяжелая доля: он стал свидетелем и непосредственным участником сначала острого кризиса, а затем полной катастрофы трехсотлетнего дома Романовых. Чувствуя неминуемость развязки, он пытался задержать ее любыми средствами, начиная от расстрела толпы и кончая запоздалыми, непоследовательными уступками, в том числе крес-

тьянской реформой Столыпина и созданием Государственной думы, которую он успел дважды разогнать.

Вместе с рождением государства появились и налоги. В течение нескольких столетий они имели натуральную форму, что соответствовало их содержанию: «корм», «дань». Во времена господства Орды размер налогов увеличился. Он составлял полгривны серебра (чуть более 200 грамм) с сохи (единицы площади), которую обрабатывали два мужика, т.е. с определенного продуктивного звена. Такая соха служила условной единицей счета и при взимании налогов с ремесленников, а также с отдельных орудий труда. Например, кузница, как объект обложения приравнивалась к одной сохе, невод шел также за одну соху, металлический плуг — за две. Применялось и такое равенство: соха — это три лошади и три мужика. Одна лошадь и один работник — это уже одна обжа.[4 03] Позже соха стала соответствовать определенному количеству земли с учетом ее качества: лучшей («доброй») 1/2 десятины или 500 четвертей, средней — 600 , худой — 700 , очень худой — 800 четвертей.

Размер сохи, а значит и налога, колебался также в зависимости от социального положения ее хозяина: самый низкий, льготный налог устанавливался для черных земель, т.е. для государственных крестьян. Для монастырских угодий он был повыше и самый высокий — для помещичьих владений и вотчин.[4 04]

Примерно с середины XVII века размеры, методы и формы обложения населения налогами изменились: они стали нестабильными с устойчивой тенденцией к росту. Исходной точкой для их расчета стали служить постоянно увеличивающиеся расходы государства на военные нужды. Полученные таким методом суммы потребных доходов распределялись (развертывались) между отдельными группами налогоплательщиков. Поскольку основные расходы государства были связаны с содержанием армии был введен специальный стрелецкий налог. Значительного объема достигал налог для выкупа русских пленных. Был введен также целевой налог для финансирования закупок пороха и др. Поскольку денег государству все равно не хватало, население обязывали заплатить еще дополнительно так называемую 5-ую, 10-ую или 15-ую деньгу. Первый раз 5-ую деньгу стали требовать в 1614-1615 гг. Разоренное смутой население ответило на это массовым бегством. Целые деревни собирали свои небогатые пожитки, забирали скот и брали курс на Дон, в Поволжье, а некоторые даже в Сибирь. Показательно, что за период между двумя перепися-

ми 1678 и 1710 гг. население Архангельской губернии сократилось на 40 %, Смоленской — 21%, Московской — на 25 %. Многие записывались в стрельцы, драгуны, солдаты, поскольку служивые люди освобождались от тягла. Другие отказывались от собственности на землю или продавали ее за бесценок с тем, чтобы арендовать ее у новых хозяев. Это было выгоднее, чем платить все новые и более высокие налоги.

Петр I вынужден был заняться и налоговой реформой. Снизить уровень налогового обложения он не мог, т.к. военные расходы продолжали расти. Но он поборол стихию налоговой разверстки, ввел ее в жесткие рамки. Многочисленные прямые денежные поборы были сведены к одному душевому налогу. Такая налогооблагамая единица не менялась на протяжении многих лет. Тем самым каждый налогоплательщик знал, что если он рассчитался с казной, ему уже не придется сверх выплаченного налога вносить в казну еще пятую или десятую деньгу. К таким условиям можно было приспособиться, работать и кормить семью.

Введение подушных податей дало заметную прибавку в доходную часть государственного бюджета, но с другой стороны потребовалось создание громоздкого и дорогого аппарата для проведения переписей населения и исправного сбора платежей с каждой мужской души. Показательно, что уже в конце XIX века, при проведении переписи 1897 г. люди стремились занизить истинную численность своей семьи, так как опасались каких-нибудь новых «выдумок» Минфина в системе налогообложения. Кроме того, поскольку имущественное положение населения, в том числе крестьян, отличалось большой дифференциацией и его основную массу составляли бедные и мало обеспеченные слои, сразу же возникли и стали расти недоимки. И как ни старались сборщики налогов, получить их полностью никак не удавалось. Поэтому уже с начала XIX века стала четко проявляться тенденция снижения доли и значения подушной подати в доходах государства и в восьмидесятых годах ее официально отменили, хотя практически это решение удалось осуществить только в начале нового столетия. Альтернативой стало увеличение косвенных налогов, а также налогов на имущество, в том числе на квартиры, на землю и на доходы. Это еще один пример того, что история часто использует для своих конструкций модель спирали.

Напомню, что киевские князья использовали в качестве единицы для налогообложения дом («дым»). Чтобы меньше платить налогов,

люди стали жить под одной крышей очень большими семьями. Правители в ответ сделали объектом обложения единицу пахотной земли — «соху». Крестьяне стали сокращать посевы, а когда стало совсем невмоготу, побежали в регионы, где налогов не собирали. Пришлось государству снова вернуться к старому — объектом обложения сделали двор. Вернулись и старые контр-приемы: состав семьи стал быстро расти, на одном дворе хозяйничали три поколения. Петр I придумал новый ход — ввел подушную подать. Но, как уже отмечалось, и это не разрешило проблему. В XIX веке постепенно сформировался комбинированный объект обложения: во-первых, мужчина-работник, во-вторых, земля, наделы которой распределялись пропорционально количеству таких работников в семье, в-третьих, домохозяйство (двор), которое вела большая крестьянская семья. Гарантом такой системы выступала община (круговая порука). Однако, главная трудность и причина растущих недоимок состояла в том, что растущий уровень налогов и других платежей натолкнулся на предел плодородия почвы и производительности труда крестьянина.

Новый вариант разрешения этой исторической задачи нашел С. Витте: во-первых, он навел строгий порядок в сфере косвенных налогов, очистив ее от массы мелких и крупных теневых дельцов (винная монополия); во-вторых, превратил казенный сектор, в основном железные дороги, в емкий источник доходной части государственного бюджета. Тем самым был заложен прочный фундамент для стабилизации и укрепления как всей финансовой, так и денежной системы, что, в свою очередь, послужило исходной предпосылкой для проведения на рубеже двух столетий важных экономических реформ, высоких темпов индустриализации и подъема народного хозяйства в целом.

4.2. Реформы местных органов власти в России

Жители любого поселка, города, целого района имеют специфические проблемы и коллективные потребности, которые они удовлетворяют сообща, создавая при этом временные или постоянные органы управления, призванные поддерживать общий порядок, организовывать людей, осуществляя координацию их действий и мотивацию поведения. Тем самым в государстве формируется система из нескольких уровней и форм управления. Несущем каркасом такой

системы служит более или менее упорядоченные взаимосвязи, сотрудничество, а нередко и борьба между структурами центральной и местными органами власти. Причем последние в зависимости от своего характера и назначения распадаются на две группы: первая — назначаемые «сверху» представители центральных структур в регионах и вторая — выборные органы самоуправления.

Основная функция и высших, и местных органов власти по существу совпадают:создание наиболее благоприятных условий для жизнедеятельности населения, прежде всего, в сфере хозяйственной и быта, а также безопасности, внешней и внутренней. Именно общность главных целей и функций создает потенциальные возможности для эффективного разделения и кооперации управленческого труда и, соответственно, обязанностей, ответственности и прав на разных этажах иерархии власти. Финансовый результат (эффект) такой кооперации реализуется, точнее должен реализоваться, в доходах государственного и местных бюджетах, что позволяет говорить о реальной возможности достижения взаимовыгодного единства и устойчивого сотрудничества между взаимосвязанными звеньями центральных и региональных органов управления. Однако, такая возможность чаще всего реализуется лишь частично. Конкретных точек соприкосновения и столкновения противоречивых интересов слишком много и не всегда носителям власти хватает ума и терпения для того, чтобы своевременно найти разумный компромисс по трудным и спорным вопросам.

Опыт истории показывает, что в зависимости от гибкости форм и методов согласования противостоящих интересов между разными этажами системы управления, укрепляется или наоборот падает устойчивость всего государственного механизма. Очень важно также, чтобы каждая ветвь власти, выполняя свои функции, не выходила за рамки соответствующих полномочий. Когда общегосударственные органы подминают местное самоуправление и берут на себя выполнение их функций, а такое случается не так уж редко, в центре системы возникают опасные перегрузки, деформируются отношения ответственности, снижается уровень дисциплины и управляемости всего государственного аппарата. В то же время, когда структурное равновесие управления нарушается из-за несуразного разбухания региональной власти выше ее прав и реальных возможностей, разрушается целостность государства, снижается уровень его качества, что, в конечном итоге, оборачивается круп-

ными потерями для всей страны.

Известный специалист в области истории местного самоуправления А.А. Кизеветтер отмечал, что развитие общественной самодеятельности на местах может происходить по двум причинам: во-первых, «из крайней скудности государственного сознания». При этом оно не в состоянии своим воздействием охватить все стороны народной жизни и образовавшийся вакуум заполняется самодеятельностью «снизу». Во-вторых, из особенной его зрелости, когда центральная власть понимает свои ограниченные возможности и сама активизирует самодеятельность на местах, как дополнительный источник развития регионов и страны, в целом. «Жизненный опыт обнаруживает, — продолжает он, — что система односторонней правительственной опеки бессильна осуществить идеал государственного благоустройства и народного довольства, — бессильна по двум причинам: 1) по быстро развивающейся отчужденности бюрократического класса от живых, вечно подвижных, вечно обновляющихся интересов и потребностей народа, и 2) в силу того обстоятельства, что свободное участие в делах управления само по себе составляет глубокую потребность общества и является необходимым элементом общественной удовлетворенности и довольства».[4 05]

Важная особенность истории развития российской государственности состоит в том, что первое феодальное государство Киевская Русь сформировалось на базе наследия древней демократии самоуправления славянских племен. Высшим органом непосредственной власти в те далекие времена выступало вече со всеми его сильными и слабыми сторонами. Это был сход всех свободных жителей города или села, обсуждавший и принимавший решения по наиболее важным вопросам, прямо или косвенно затрагивающим их жизненные интересы, в том числе выбирал органы исполнительной власти: вождя племени, совет старейшин, старост, назначал военачальников ополчения. Решения, принятые сходом, были обязательны для исполнительной власти. Они опирались на авторитет и силу вече, в составе которого преобладали воины ополчения. Однако, следует иметь в виду, что вече собиралось нерегулярно. Среди собравшихся образовывались различные группировки. Не всегда удавалось достигнуть общего согласия. Нередко сход заканчивался безрезультатно, хорошо еще, если без драки.

В период формирования славянского государства поэтапно образовались две параллельные системы власти. В столичном и других

крупных городах сохранились вече и выборная городская администрация, где решающую роль играла военная и торговая аристократия и, в меньшей степени представители ремесленников и других посадских кругов. В сельских общинах продолжал функционировать общий сход и выборные старосты.

Новое состояло в том, что в решении вопросов местного самоуправления все активнее стал участвовать князь со своею дружиною.В города князь направлял своего наместника, обычно старшего воина (боляра) с небольшим отрядом, который «кормился» там, выполняя кроме военных, одновременно некоторые финансовые, административные и судебные функции: собирал дань, взимал таможенные пошлины, следил за порядком, разбирал имущественные споры и уголовные преступления. В сельские районы князем назначались волостели, выполнявшие аналогичные функции среди крестьянского населения. Такая модель своеобразного двоевластия сохранялась до XII-XIII веков, а в Пскове и Новгороде еще дольше. Неустойчивое равновесие между двумя, разными по характеру видами власти: княжеской и остатками местного самоуправления, опиралось на реальную силу народного ополчения и княжеской дружины, а также на заключенные договора и исторические обычаи.

Первоначально реальная сила народного ополчения превосходила военную мощь дружины князя. Отсюда верховенство вече. Однако, время изменило ситуацию. Выше уже отмечалось, что князь с дружиной не только защищали государство, но и сами вторгались на чужие территории, захватывали там коней, скот, пленных, другую «добычу», которую затем продавали в Византии и на других рынках. Накопление материальных и денежных богатств, захват земель, плюс возросшая боевая сила дружин — все это постепенно перевесило чашу весов реальной власти в пользу князя. Местная городская и торговая аристократия, а также сотские и тысяцкие из ополчения вместе с духовенством вошли в состав Совета бояр и княжеских мужей. Городские и сельские органы самоуправления сохранились, но их реальная значимость в решении общих вопросов упала.

Еще одно звено самоуправления образовывали бояре, бывшие старшие воины княжеской дружины. Они, как и удельные князья, обладали достаточно широкой независимостью, только чаше всего на меньшей территории.

Поэтапное возрождение славянской государственности, в том числе сильной центральной власти и местного самоуправления, на-

чалось еще под игом татаро-монгольских завоевателей. Сначала главное внимание на местах было обращено на то, чтобы укрепить экономику, наладить многоотраслевое сельское хозяйство, накопить денежные средства. Интенсивно развивалась добыча мехов, меда, воска. Увеличился лов рыбы. В городах и деревнях быстро росли масштабы ремесленных производств, в том числе за счет притока беженцев из городов южной Руси.

В новых условиях происходило прежде всего интенсивное укрепление централизованных начал государственной власти, ослабление самостоятельности великих и удельных князей, а чуть позже и бояр. Представителями центра на местах выступали наместники, губернаторы, воеводы и другие должностные лица.

Местные органы самоуправления ослабли и увяли. В сельской местности, по существу, единоличными правителями стали помещестные дворяне, получившие ничем неограниченную власть над крепостными крестьянами. Между тем умные правители понимали, что сверху невозможно контролировать и регулировать все многочисленные и противоречивые социально-экономические процессы в стране. В этой связи они пытались сохранить или восстановить самоуправление на местах, освободив тем самым центр от многих функций, которые более результативно и экономно могут выполнять региональные органы власти.

Можно напомнить ряд конкретных мер, предпринятых самодержавием в XVI-XIX веках в этом направлении.

В середине XVI века Иван Грозный осуществил радикальную реформу регионального управления. Были упразднены наместники, а тем самым и многовековая система «кормления». Вместо них создано выборное самоуправление. В частности, под контроль выбранных населением (в том числе, свободными крестьянами) «излюбленных людей» из дворян в губах (волостях) были сформированы суд и полиция. Перестройке подвергся также порядок сбора податей и ведения финансового хозяйства. Раньше на местах этим занимались земские старосты. Собранные деньги, меха, другие ценности они передавали наместнику. Теперь же, поскольку это передаточное звено было ликвидировано, выбранный из «лучших людей» губной староста должен был доставить собранные налоги непосредственно в местную государственную казну. Обычно на такую должность избиралось доверенное лицо из служилых людей. Ему помогал специально избранный целовальник и дьяк. Все вмес-

те они образовывали особое присутствие (губную избу). Институт губных старост просуществовал до времен Петра.

Царь-реформатор провел ряд коренных преобразований местных органов управления, подчиненных одной цели: максимально полной мобилизации материальных, денежных и людских ресурсов для победы в долгой, изнурительной войне за выход к Балтийскому морю. Эти преобразования иногда возникали спонтанно, то есть не были подчинены какой-либо общей завершенной концепции. Так, Петр I дважды перекраивал административную сетку России. В 1702 г. вместо губных старост и других органов самоуправления были назначены воеводы — полновластные представители центральной власти. Решать конкретные местные проблемы им помогали выборные представители от дворян.

В 1708 г. наиболее развитые в хозяйственном отношении регионы страны были организованы в восемь губерний во главе с губернаторами. Спустя одиннадцать лет их число было увеличено до 12. Губернии делились на провинции и уезды, где главным лицом стал воевода. Петр I придавал этой должности особое значение и подготовил специальный «Наказ воеводам», в котором четко определил их многочисленные обязанности о поддержании в состоянии боеготовности крепостей и других оборонительных сооружений, об обеспечении всем необходимым расквартированных на его территории военных соединениях. Особо воевода должен был заботиться «о матросах, ежели в его провинцию определены». На воеводу была возложена ответственность за то, «чтоб никому насилия и грабежа чинено не было, а воровство и всякие разбои и преступления весьма б были прекращены и по достоинству наказаны».

Вместе с тем воевода стал и основным контролером за деятельностью расположенных на его территории государственных учреждений, особенно Земских комиссаров, выполнявших функцию местной государственной казны. «Смотреть же и того, чтоб Комиссар в сборе поголовных денег чинил сущую правду, при котором сборе каждому попу своего прихода с Комиссаром и подьячими присутствовать и свидетельствовать: все ли от оных истино выбраны и не остались ли какие утаенные». «Не допускать Земским комиссарам никакого убавления в доходах с публичных и шляхетских (дворянских - Р.Б.) маетностей или дворов». Воевода должен был обладать экономическими знаниями, поскольку ему поручался также финансовый контроль за деятельностью казенных предприятий:

«Понеже немалые суммы денег на производство казенные заводы из казны получают, для того ему, Воеводе каждую четверть года старательно смотреть над приставленными к оным заводчиками: стоит ли произведенная от них работа полученных из казны денег, и удовлетворены ли у них работные и рукодельные люди».

Воеводы формально подчинялись губернатору, но имели право, если считали это необходимым, по крупным и срочным вопросам обращаться напрямую в центральные органы власти, обходя губернию.[4 06]

Администрация уездов состояла из земских комиссаров, писарей и надзирателей.

Известно, что Петр всячески способствовал, насколько это позволяли возможности, развитию торговли, ремесел и промышленности. Одним из направлений такой политики была реформа городских органов власти. Уже в 1699 г. они получили статус самоуправления, независимого от воевод. Городское население делилось на два класса: граждане регулярные и нерегулярные. Регулярные, в свою очередь, образовывали две гильдии: первую составляли купцы, банкиры, врачи, аптекари, инженеры, ювелиры, художники и ученые. Вторую — мелкие торговцы и ремесленники, объединенные в цехи.

К категории нерегулярных относились наемные рабочие, другие свободные посадские люди.

Дворяне, духовенство, крестьяне, проживавшие в городе, числились гражданами, не участвующими в городском самоуправлении.

Главным органом городской власти стал магистрат, административно подчинявшийся главному магистрату в С.-Петербурге. В выборах магистратов участвовали только регулярные граждане. Нерегулярные избирали своих старост, которые работали под руководством магистрата.

Основные функции магистрата состояли в том, чтобы содействовать развитию торговли и ремесел. Он имел право проверять работу цеховых организаций. Возглавлял такие организации старшина, из мастеров. Чтобы получить звание мастера нужно было выдержать специальный экзамен. Действенным стимулом для этого служило положение: не имея звания мастера, нельзя было открыть свою мастерскую.

Преемники Петра многие реформы повернули вспять: упразднили выборный суд и подчинили его губернаторам и воеводам. Были ликвидированы городские магистраты. Представители центра ста-

новятся единственными носителями власти на местах.

Такое положение сохранялось вплоть до времен Екатерины II. Ее реформы оставили заметный след в развитии местных органов власти.

Прежде всего она восстановила и упорядочила многое из того, что за полвека до нее начал Петр Великий. Так, вместо 20 губерний, существовавших в начале ее царствования, она создала пятьдесят одну. При этом в основу их построения был положен принцип примерного равенства по числу жителей, в пределах 300-400 тыс. человек. Соответственно сблизились их хозяйственные и тягловые (финансовые) возможности. Одновременно была упрощена структура управления: ликвидировано промежуточное административное звено — провинции. По вертикали губернское правление непосредственно выходило на уезды, население которых колебалось в пределах от 20 до 30 тысяч. Это позволило примерно на треть укоротить путь при движении бумаг сверху - вниз и обратно.

Но, главное заключалось в том, что всем местным органам власти (кроме городов) был придан четко выраженный дворянский характер: эти органы действовали под руководством «благородного» сословия, через его представителей и в интересах помещиков-землевладельцев. Во главе их был поставлен губернатор, наделенный в качестве «государева наместника» широкими полномочиями по надзору за органами местного управления и судом. Исполнительную власть по делам административным возглавляло губернское правление, по делам финансовым и налогам — казенная палата. Их руководители назначались Сенатом. В администрацию губернии входил также приказ общественного призрения, ведавший устройством школ, приютов, богаделен. Его возглавлял профессиональный чиновник и выборные заседатели.

Высшими судебными органами в губернии выступали палаты уголовная и гражданская. Действовали также специальные суды, рассматривавшие дела только одного из сословий: дворян, горожан, государственных крестьян. Их председателями были профессиональные судьи-дворяне. Заседатели избирались от того сословия, делами которого занимался соответствующий суд.

Администрация уезда состояла из капитана-исправника и заседателей, избранных дворянами. Исправник считался главой уезда и напрямую подчинялся губернатору. В нижнем административном звене действовали также судебные учреждения, рассматривавшие

дела дворян, и нижняя расправа — для суда по делам государственных крестьян. Председатели всех уездных учреждений назначались губернатором только из местных дворян.

Таким образом, Екатерина II надолго закрепила безраздельное правящее положение поместного дворянства на уровне губерний и уездов. Крепостное крестьянство не было представлено ни в одном из органов местной власти. Его проблемы единолично и безапелляционно решал помещик, руководствуясь своими личными интересами.

После Екатерины реорганизация местных органов власти продолжалась.

Наиболее значимыми по своему содержанию и последствиям были две реформы местного управления во второй половине XIX века: земская 1864 г. и городская 1870 г. Их основные контуры были очерчены еще М. Сперанским.

Согласно земской реформе в 34-х губерниях Европейской части России было создано во многом новое местное самоуправление: губернские и уездные земские собрания — выборная представительная власть, а также исполнительные органы — губернские и уездные управы.

Новое состояло прежде всего в том, что впервые в местных органах власти были представлены бывшие крепостные крестьяне, составлявшее значительную массу населения России. Если раньше губерниями и уездами управляло одно дворянское сословие, то теперь доступ к местной власти в той или иной степени получили все сословия.

Реализация реформы происходила не только трудно, но и болезненно. По положению 1864 г. предполагалось на первом этапе создать земства лишь в губерниях, где бывшие крепостные обрели свободу, а также надежду выкупить в будущем и землю. Процесс формирования новых органов власти растянулся на 5 лет, так как правительство, приняв решение о преобразовании местного самоуправления, почти сразу же засомневалось: а правильно ли оно поступило? Другая причина замедленных действий и нередких ошибок — почти полное отсутствие опыта. Многое пришлось начинать практически с нуля, при отсутствии сколько-нибудь подготовленных кадров. Но самая большая трудность заключалась в том, чтобы найти способ преодолеть хронический и острый дефицит финансовых ресурсов, который часто не позволял осуществить самые хорошие задумки и начинания.

Сложности и противоречия возникали уже при подготовке выборов в земские собрания. Они проходили поэтапно. Сначала на трех съездах раздельно избирались выборные от землевладельцев, владельцев городской недвижимостью и сельских обществ (крестьян). Затем уже выборные избирали членов земских уездных собраний. Последние в свою очередь определяли членов губернских собраний (один губернский гласный от шести уездных).

Исполнительные органы — *губернские и уездные управы* избирались соответствующими собраниями на три года в составе председателя и 2-4 (в уездах) и 3-6 (в губерниях) членов. Свою практическую деятельность они осуществляли через специализированные отделы и комиссии. Их функции и полномочия были определены нечетко, а значит достаточно широко. По существу рамки инициативы и самостоятельности новых органов управления ограничивались двумя рамками: во-первых, им запрещалось вмешиваться в вопросы, отнесенные к компетенции правительства, сословных и других государственных учреждений, а во-вторых, крайней ограниченностью денежных средств, которыми они располагали для финансирования своих проектов. Тем не менее во многих губерниях и особенно в уездах земства энергично взялись за решение одновременно трех глобальных проблем: а)создание системы начального народного образования, б)формирования основ местного здравоохранения, доступного широким слоям населения, и в)укрепления региональной экономики, прежде всего в сфере сельского хозяйства. С этой целью была развернута пропаганда лучших достижений агрономической науки и практики, а также организована подготовка квалифицированных специалистов для оказания конкретной помощи крестьянским хозяйствам.

Вполне логично, что осуществление своих задумок земские деятели начали с создания *исходной базы народного образования: организации школ и подготовки для них молодых учителей.* Постепенно на обширной территории Европейской части России развертывалась сеть начальных школ с 3-х и 4-х летним сроком обучения, в основном, крестьянских детей. За это время они должны были овладеть навыками чтения, письма, основами арифметики, природоведения, географии и закона Божьего. По разным причинам не всем это удавалось. Но часть учеников приобретала новое качество — грамотность. Причем специалисты считали, что процесс преподавания в земских школах был поставлен не хуже, а в ряде случаев даже

лучше, чем в министерских и церковноприходских.

Первоначально земства открывали школы при условии, что часть расходов по их строительству и оплате учителей возьмут на себя сельские общины. По мере увеличения своих бюджетов уездные и губернские управы расширяли долю своего участия в развитии народного образования. Так, с начала XX века земства практически повсеместно стали сами выплачивать жалование учителям. Большинство из них получало 150-180 рублей в год и лишь немногие — 240-300 рублей.[407]

За счет земств школы обеспечивались учебниками и учебными пособиями, комплектовались библиотеки. В наиболее обустроенных школах каждый ученик обходился местному бюджету примерно в 100 рублей, что почти соответствовало среднегодовому доходу небольшой крестьянской семьи. Неудивительно, что ограниченные финансовые возможности земств выступали главным препятствием, сдерживающим развитие народного образования. К концу 70-х годов в России насчитывалось порядка 10 тысяч земских школ, к началу XX века — 27 тысяч, в 1913 г. — около 40 тысяч. Динамика выглядит весьма внушительно. Но в начале столетия лишь в лучших уездах на одну школу приходилось не более 1- ой тысячи жителей. В других уездах их число достигало 3-5 тыс. Поэтому посещать земские школы могла только третья часть детей школьного возраста, преимущественно мальчишки. Среди девочек 90 % оказались вне сферы влияния народного образования.

Наряду с общеобразовательными были открыты десятки начальных профессиональных школ, главным образом, ремесленных и сельскохозяйственных, а также средние специальные учебные заведения для подготовки учителей и ветеринаров. Не забыли и о взрослых. Для них были созданы воскресные школы по ликвидации неграмотности.

Другое направление деятельности земств в сфере народного образования было связано с организацией массовой подготовки учителей для земских школ. С этой целью в срочном порядке пришлось создавать систему учительских семинарий, проводить краткосрочные курсы и съезды школьных преподавателей по обмену опытом работы с детьми, искать и находить другие формы повышения квалификации учителей. Определенное значение имел и тот факт, что многие выпускники университетов охотно соглашались ехать в сельскую глубинку для работы в земской школе. Это был

период знаменитого «хождения в народ». Правда, не все выдерживали неудобства сельского быта, жилья с земляным полом, необустроенность школьных помещений, текучести детской аудитории, но, как говорится, «ложка была к обеду».

Вторая главная задача, на решении которой земства сосредоточили свои силы и денежные средства, это *попечение о народном здравии.* Следует отметить, что в то время медицинское обслуживание населения России было крайне скудным, а сельская медицина, за исключением деревень, где жили государственные и удельные крестьяне, фактически вообще отсутствовала. Для того, чтобы строить на пустом месте, всегда нужны денежные средства, а их, как уже ни раз отмечалось, в распоряжении земств почти не было. Поэтому приходилось думать о том, как с наибольшей отдачей использовать свой больше, чем скромный, бюджет. Например, в начальный период медицинская помощь оказывалась часто не конкретным больным, а уездам и губерниям в целом: санитарные врачи систематически обследовали большие территории, выявляли очаги эпидемий, пропагандировали среди населения элементарные правила личной гигиены, брали под контроль водоемы, на берегах которых находились населенные пункты, проводили другие мероприятия, чтобы предупредить возможные вспышки массовых заболеваний, прежде всего холеры, оспы, тифа, дифтерии. По настоянию санитарных врачей в сельской местности на время пика полевых работ открывались специальные ясли—приюты, куда матери—крестьянки могли временно поместить малолетних детей, которых в ином случае они вынуждены были бы оставить дома безо всякого присмотра взрослых.

Второе стратегическое направление состояло в том, чтобы открыть фельдшерские пункты, как можно в большем числе сел. Были и возражения против такой политики: чем мол могут помочь крестьянам при сложных заболеваниях фельдшер и акушерка, а в легких случаях они привыкли лечиться сами «народными средствами». Поэтому в деревне нужны врачи-специалисты. Против таких аргументов трудно было возражать. Однако решающим был экономический аргумент: среднее жалование земского врача в конце 90-х годов в России составляло 1200 рублей в год. (60 % всех врачей получали от 1000 до 1500 руб., примерно 20 % — менее 1000, еще столько же — свыше 1500). [4.08] Фельдшер обходился три-пять раз дешевле. А когда он лет 5-7 поработает практически, то мало в чем уступает

молодому дипломированному врачу. Во всяком случае, в глазах местных крестьян. Поэтому такой вариант и был выбран для начала.

Дипломированные врачи использовались по вызову в особо сложных случаях. В этих целях уезд был поделен на 4, 5 и более участков. Оптимальным считался участок диаметром примерно 30 верст с лечебницей в центре. В среднем одна лечебница приходилась на 100 сел и 20 тысяч жителей. В губернском городе находилась главная больница. На содержание одного больного в больнице в течение суток расходовалось 61-92 копейки, в том числе питание — от 11 до 16 коп., осмотр врача — 11-19 коп.[409] Показательно, что расходы земств на медицину увеличивались быстрее, чем на образование. В 1890 г. они составили свыше 13 млн. рублей или 28 % всех их расходов. Стоит отметить также, что в начале XX века число врачей на 10 тыс. жителей в земских губерниях было в 2.5 раза, а количество больничных коек в 3 раза больше, чем в других регионах.

В начальный период нынешнего столетия положение с медицинским обслуживанием населения продолжало улучшаться во всех регионах России. Так, число врачей к 1913 г. увеличилось более, чем в 4 раза. Количество больничных коек на 10 тыс. населения намного превысило отметку «100».

Эти успехи опирались на общий экономический подъем страны и ее регионов. После создания земств не прекращались споры о том, как расширить источники финансовых поступлений в их бюджет. Правительство в этом отношении сколько-нибудь значительно помогать не хотело, да и не могло. Рассчитывать приходилось, в основном, на самофинансирование за счет дополнительного налогообложения. Однако, продуктивная земля и без того была перегружена всякого рода обязательными платежами. Поэтому пришлось делать упор на обложение растущего недвижимого имущества частных компаний и физических лиц, а также самим заниматься коммерческой деятельностью. Например, многие земства вкладывали в уставной капитал обществ взаимного кредитования, что приносило до 10 % годовых.

Доходы земств в 34 земских губерниях[404]

млн. рублей

1865	5.6	1901	88.6
1880	36.3	1912	220.2

Наиболее емкими источниками доходов были сборы с недвижимого имущества. В 1913 г. они составили 63.6 % всех поступлений в земские бюджеты. Из них на долю сборов с земель и лесов приходилось 44 %, с заводов и фабрик 18.3 %.

В расходной части преобладали две статьи: на народное образование — 31.2 %, на медицинское обслужзивание населения — 23 %.

Несмотря на многочисленные ограничения прав и недостаточные финансовые возможности земские органы самоуправления заложили основы участия представителей всех слоев населения в решении актуальных хозяйственных, социальных и политических проблем развития регионов. Логично, что в первую очередь они занялись созданием учреждений медицины и школ, доступных широким слоям населения.

Важно отметить также, что земства стали начальной политической школой для многих тысяч крестьянских вожаков и представителей разночинной интеллигенции. Хотя губернаторам и Министерству внутренних дел было вменено в обязанность тщательно следить за деятельностью земств, именно здесь постепенно сформировалась массовая либеральная оппозиция царскому самодержавию. Это на десятилетия предопределило характер взаимоотношений между верховной и местной властью.

Принятие аналогичной *реформы самоуправления в городах* сознательно затягивалось. Только в 1870 году многострадальный и значительно урезанный проект «Городского положения» обрел силу закона. В 509 городах России вводились формально всесословные органы самоуправления — городские думы. Каждая из них избирала свой постоянно действующий орган — городскую управу, в составе городской головы и трех-пяти постоянных членов. Городская голова был председателем одновременно и думы, и городской управы.

Однако очень скоро растущая активность и влияние земств, их тревога в связи с оскудением деревни и критическое отношение к сложившимся социальным порядкам, стали пугать центральные власти, и они решили перейти в наступление на вышедшую, по их мнению, из законных берегов местную демократию.

Начались контрреформы. В 1890 и 1892 гг. были пересмотрены земское и городское положения. Губернаторам предоставлены права проверки всех гражданских учреждений, запрета собраний и закрытия органов печати, контрольного просмотра списков кандидатов на выборные должности. В 80-х годах они получили также право

вводить «исключительное положение» в отдельных регионах своей губернии.

В земских учреждениях расширили представительство дворян. Крестьяне лишились права непосредственно избирать гласных (члены уездного собрания от крестьянского сословия стали назначаться губернатором из кандидатов, избранных сельским сходом).

Крестьянское самоуправление в волостях было поставлено (1889 г.) под контроль земских участковых начальников, назначаемых сверху из местных помещиков. Такие начальники получили право наказывать крестьян без суда и права апелляции. Одновременно (1893 г.) была ограничена самостоятельность крестьян распоряжаться надельными землями. Резко активизировалась роль назначенных губернатором лиц полицейского профиля (становые приставы, урядники, полицейские сотские и десятские).

Резко усилив полицейский и административный режим в рамках уезда, самодержавие решило формально не разрушать органы крестьянского самоуправления (волостной сход, волостной суд, институты старшинства и сельского старосты) в волостях, не являвшихся административными единицами.

Городская управа стала по существу одним из звеньев административного аппарата, хотя организации городских сословий: купцов, мещан, ремесленников сохранились со времен Екатерины без принципиальных изменений.

Таким образом, система местных органов власти к началу XX века постепенно возвращалась к состоянию, которое она имела сто лет назад. Это было еще одним признаком увядания всего государственного механизма.

4.3. Управление промышленными предприятиями

Управление первичными звеньями экономики — производственными предприятиями, выполняет самую важную функцию во всем хозяйственном механизме, организует и стимулирует создание материальных и культурных благ для населения. За свою многовековую историю управление пережило заметную качественную эволюцию: от крайне примитивной схемы: дан приказ — его надо выполнять под страхом жесткого наказания, до создания весьма тонкого и гибкого инструмента, целенаправленно воздействующего на интересы и социальную психологию не только производственного

коллектива, но и населения в целом.

При формировании и совершенствовании такого механизма использовался опыт управления семейной кооперацией крестьянских домохозяйств, многоотраслевых экономий князей, дворян и монастырей, четкой регламентации ремесленных цехов, коллективизма артелей, бюрократии приказов и коллегий. Но, пожалуй, наибольшее влияние на формирование структуры, методов и форм управления производственными предприятиями оказали крупные купеческие фирмы (торговые дома), особенно те, которые были созданы выходцами из крестьян-старообрядцев, выделялись своей целеустремленностью, высокой самодисциплиной и почти аскетическом образом жизни.

Личный состав петровских фабрикантов доказывает, что «крупная промышленность развивалась в соответствующей среде, которая создана всей предшествующей историей Московского государства, - отмечал известный экономист М. Туган-Барановский. — Если бы ее не существовало, то и возникновение у нас крупного производства в маломальских широких размерах было бы невозможно. И это по той простой причине, что возникновение фабрики, несмотря на пособия правительства, требовало крупных денежных затрат со стороны частных лиц, стоявших во главе этих фабрик».[4 10]

Торговый капитал предшествовал промышленному. Уже в XVI-XVII вв. ремесленники в городе и кустари в деревне зависили от купца, через которого все в больших масштабах осуществлялась реализация их товарной продукции. При этом торговый капитал накапливался значительно быстрее, чем ремесленный и кустарный. Однако, купец не стремился стать хозяином производства. Такой вариант добавил бы ему забот и хлопот, снизив в то же время его общую норму прибыли.

В XVIII в. экономическая ситуация стала меняться: введя высокий налог с оборота на очень многие товары, Петр I резко снизил норму торговой прибыли, а фабрикантам давал большие субсидии. Таким образом, купцы стали экономически заинтересованы вкладывать свои накопления в становление промышленности. Например, трое купцов Апраксин, Толстой и Шафиров на создание крупной шелковой мануфактуры вложили собственных капиталов на общую сумму 81.3 тыс. рублей, получив от государства субсидий на 36.7 тысяч, не считая отдельных построек и материалов. Важное значение имел также царский указ 1721 г., который дал право

«купецким людям» покупать к фабрикам и заводам крепостных крестьян целыми деревнями.[4 11]

Соединение интересов крупного торгового капитала и государства позволило сразу создавать очень крупные для того времени предприятия. Например, к девяти пермским заводам было приписано 25 тыс. крестьян мужского пола. На сестрорецком оружейном заводе работало 683 человек. К казенному оружейному заводу в Туле было приписано 508 крестьянских дворов. На казенной парусной фабрике в Москве трудились 1162 работника.

Для промышленных мануфактур XVII-XVIII вв., основанных на специализации труда и его кооперировании, потребовались руководители-специалисты. Но поскольку первые такие предприятия создавались в структуре барских имений, руководили ими крупные землевладельцы. При этом наиболее часто встречались два подхода к осуществлению управленческих функций. В первом случае барин ограничивался общими указаниями. Его интересовал, главным образом, конечной продукт: качественные ткани, посуда, фарфоровые изделия и другие предметы, которыми можно было украсить свой дом, подарить вышестоящему вельможе, удивить соседа. Такой хозяин предпочитал передать непосредственное руководство предприятием и все связанные с этим затраты ума, сил и времени управляющему, имевшему довольно широкие полномочия. В распоряжении управляющего находился специальный штат помощников. Второй подход к управлению предприятием обуславливался тем, что хозяин-барин пытался сам руководить производством, с удовольствием вникая в каждый, в том числе рутинный и мелкий вопрос. При этом, в большинстве случаев, он не скупился на ругань, угрозы и наказания. Помогавшие ему управляющий и приказчики быстро становились послушными, мало инициативными исполнителями хозяйской воли. Такие мануфактуры обслуживали, в основном, узкий круг людей и были малорезультативны с коммерческой точки зрения. Но от них в рамках барского натурального хозяйства, основанного на использовании бесплатного крепостного труда, никто и не требовал эффективности.

На смену таким руководителям в начале XVIII века все чаще приходили ремесленники, которые управляли производством со знанием технологии, значительно более эффективно, что имело уже определенное значение, поскольку экономика все в большей степени приобретала рыночные черты. Возмещение издержек за счет выручки

и получение коммерческой выгоды становятся не только сопутствующим, но и необходимым условием ведения производства. Уже не один руководитель, но весь управленческий персонал приучается считать затраты, экономить ресурсы, совершенствовать организацию и технологию производства. Среди управленцев появляются, сначала иностранные, а затем и русские мастера своего дела.

В этом отношении показательна история развития системы управления на металлургических предприятиях династии мастеровых Демидовых из Тулы. Первый металлургический и, одновременно, оружейный завод был основан здесь голландцами и датчанами в середине XVII века, при царе Алексее Михайловиче. Им бесплатно выделили землю. На 20 лет освободили от податей (налогов). Предоставили ряд других льгот. Гарантировали сбыт продукции. По контракту с представителем царя заводчики поставляли армии пушки и другое оружие по твердым ценам. Кроме того, заводчики брали на себя обязательство подготовить мастеров из русских. После истечения льготного времени (20 лет) предприятие должно было платить в казну 100 рублей в год с каждой печи.

К концу века завод оставался сравнительно небольшим предприятием: на нем работало, в основном на условиях вольного найма, всего 72 человека. Из них 7 были заняты в плавильном производстве, 59 — в кузнечном. Один специализировался на изготовлении замков, трое — кузнечных мехов. Двое выполняли обязанности плотников.[4 12] Их зарплата была не очень высокой. Иностранный мастер получал 100-120 рублей в год, подмастерье (русский) — 70-95, мастер по замкам — 35 рублей.

Бурное развитие дело Демидовых, которые работали на этом заводе, получило при Петре I. По его инициативе они переехали на Урал, где и заложили свою главную производственную базу. К концу XVIII в. в их хозяйстве было уже несколько заводов, в том числе в ряде регионов России, а также за границей, в Европе. Они имели свои водные и сухопутные транспортные средства для перевозки металла на дальние расстояния. Открыли главные конторы в Петербурге и Москве.

При этом сам Демидов сосредоточил свое основное внимание на организационной и коммерческой стороне дела. Он, как хозяин всех предприятий, имел постоянные контакты с берг-коллегией и другими правительственными учреждениями, продавал значительную часть металла в Англию, держал под постоянным контролем весь

денежный оборот. Вместе с тем он стремился не упустить из рук руководство управленческим персоналом и производством в целом.

Оперативное управление предприятиями осуществляли заводские конторы. Штат одной из таких контор в Нижнем Тагиле насчитывал 23 человека (не считая 7 казенных солдат-охранников). Из них трое были в должности главных приказчиков, двое — просто приказчиков, один конторщик, семь подьячих, расходчик, три писаря, два рассыльника и другие. Функции, обязанности и права каждого служащего были подробно и конкретно изложены в специальных должностных инструкциях. Оплата их труда отличалась большой дифференциацией. Так, писарь получал в год 10-12 рублей, расходчик — до 100, главный приказчик — 150-200 рублей. Не сказать, что это было очень много. Однако, следует иметь в виду, что дело Демидовых опиралось, главным образом, на труд крепостных, в том числе и в сфере управления. Поэтому даже небольшая зарплата бесправным людям представлялась подарком.

Кроме заводской конторы, представители администрации постоянно находились на всех важных участках производства: при домнах — надзиратели и приказчики, в кузнечном производстве — только надзиратели . Иначе, как же заставишь результативно работать крепостных. Неудивительно также, что количество управленческого персонала быстро росло. Так, на том же нижнетагильском заводе за четверть века оно более чем удвоилось.

Интересно отметить , что среди рабочих-крепостных практиковались мирские сходы, на которых обсуждались наболевшие вопросы их жизни, выбирался староста. Администрация мирилась с подобными элементами самоуправления и использовала их (круговую поруку) для укрепления дисциплины и повышения общих конечных результатов производства. Разрешение некоторых бытовых проблем и споров она предпочитала сознательно передать на рассмотрение общего схода или старосты.

XIX век внес существенные изменения как в объект, так и в методы управления. На передовых предприятиях появились паровые двигатели, станки, новые технологии, позволявшие организовать производство относительно дешевой и нужной продукции. Повысилась производительность труда. Среди рабочих быстро рос удельный вес свободных, вольнонаемных рабочих: уже в 1804 г. из 95.2 тыс. заводских рабочих, больше половины — 45.6 тыс. были вольнонаемными.[4 13]

Динамика промышленных предприятий в России[414]

	1765	1801	1854	1896	1913
Количество предприятий	262	2 423	9 944	38 401	22 923
Число занятых, тыс.	38	95	460	1 742	2 559
Объем продукции, млн. рублей*	5	25	160	2 745	6 098

*В текущих ценах

После 1861 г. остатки крепостничества на промышленных предприятиях постепенно, при упорном сопротивлении хозяев вывозили на свалку истории. В то же время начался быстрый их количественный и качественный рост. Если к концу царствования Петра I число заводов и фабрик вплотную приблизилось к отметке «200», то к началу XX столетия счет пошел на десятки тысяч, а количество занятых на миллионы.

Число предприятий в 1913 г. по сравнению с концом XIX в. уменьшилось более чем на треть, что свидетельствует прежде всего об их укрупнении. Характерно, что счет занятых в промышленности увеличился за это же время в 1.5, а объем продукции в 2.2 раза.

Процесс концентрации производства и централизации управления — отличительная черта развития промышленных предприятий на рубеже двух столетий. Следует подчеркнуть, что он проходил в гибких, часто скрытых от внешнего наблюдателя формах. В сфере управления все большее значение приобретала власть капитала. Администрация предприятия превращалась лишь в инструмент реализации его финансовой, экономической и социальной политики. При этом деньги выполняли свою направляющую и регулирующую роль, гибко воздействуя на интересы работников, занятых непосредственно как в сфере производства, так и управления.

Купеческий, а тем более барский стиль не годился для управления людьми, занятыми в машинном производстве. Повсеместно требовался новый тип руководителя-профессионала, обладавшего не только практическим опытом, но и широким набором теоретических знаний, в том числе, в области техники и технологии, ры-

ночной экономики, финансов, кредита, права, управления. В России начали изучать теорию рационализации производства. Еще в 1881 г. было основано общество улучшения народного труда, название которого достаточно четко говорит о предмете его интересов. В 1912 г., в Петербурге на собрании общества технологов со знанием дела обсуждались работы Ф. Тейлора о более производительной организации труда и возможности применения его рекомендаций в российской промышленности. Накануне первой мировой войны появился учебник Н.Ф. Чарновского «Организация промышленных предприятий по обработке металлов», выдержавший несколько изданий.[4 15] Конечно, все это еще не означало, что в России началось массовое внедрение накопленного передового опыта в практику управления и организации промышленными предприятиями. Пока там преобладали рутинные, издавна привычные методы интенсивного выжимания прибыли с помощью жесткой дисциплины и 10-11 часового рабочего дня. Однако, стоит подчеркнуть, что еще в начале столетия появились альтернативные идеи и первые сеятели зерен принципиально нового подхода к воздействию на производственный персонал и технологические процессы.

Качественный скачок в сфере управления промышленными предприятиями произошел в XX столетии в связи с массовым распространением относительно новых организационно-хозяйственных форм: товариществ, полных и на вере, а также акционерных обществ.

Товарищество полное образовывалось двумя или более лицами с целью открытия торгового или промышленного предприятия. Его отличительная черта — ответственность компаньонов (товарищей) за долги фирмы всем своим имуществом. *Товарищество на вере* отличалось от предыдущего тем, что его участники делились на две категории: первая доверяла свой капитал реальным руководителям фирмы и сама не принимала непосредственного участия в ее управлении, но и отвечала за его негативные результаты только в размере своего вклада. Вторые — полные товарищи руководили всем делом, но, в случае провала, они несли личную и имущественную ответственность за возникшие убытки. Если все кончалось хорошо и товарищество получало прибыль, то ее делили между всеми участниками пропорционально вложенному капиталу.[4 16]

В хозяйственной практике начала столетия наиболее часто встречалась *акционерная форма товарищества на паях*. Обыч-

но их называли акционерными обществами , члены которых отвечали за коммерческие результаты хозяйственной деятельности компании только в размере своих вкладов (акций). По существу, произошло существенное изменение отношений собственности: вместо единоличного хозяина появилась, если не коллективная, то чаще всего групповая собственность. Группа крупных финансистов и промышленников, владеющая контрольным пакетом акций, имела возможность проводить через общее собрание акционеров решения, прежде всего, в своих интересах. Главная предпосылка для этого — ввести своих людей в правление.

Основная функция акционерных компаний — собрать под свое начало свободный капитал среднего класса для его производственного использования. С этой целью учредители выпускали в продажу, преимущественно через банки и специальную фондовую биржу, акции — ценные бумаги, удостоверяющие участие их владельца в капитале акционерного общества. Номинальная стоимость акций, в зависимости от того, каких компаньонов хотели иметь учредители, колебалась от 100 до 5000 рублей. В 1910 г. средний размер основного капитала российских акционерных компаний составлял 1 миллион рублей. Вложенный капитал не мог быть востребован обратно. Но акцию можно было продать по рыночной цене на фондовой бирже. В случае ликвидации компании имеющиеся в ее распоряжении средства использовались в первую очередь для удовлетворения внешних долгов. Только после погашения таких обязательств оставшиеся средства распределялись между владельцами акционерного капитала.

Акцию можно рассматривать как товар особого рода, приносящий доход (дивиденды) на вложенный капитал. Однако, размер такого дохода не гарантирован. Он колеблется под воздействием многих факторов объективного и субъективного характера. Соответственно меняется и цена акций. При этом главным фактором выступает эффективность коммерческой деятельности компании, что выражается в норме прибыли, частью которой являются дивиденды. Определенную роль в движении спроса, а следовательно, и цен на акции играют изменения банковского процента на депозиты. Зависимости здесь нелинейные, как в карточной игре. Покупатель акции рискует: он может крупно выиграть, а может и проиграть. Его риск возрастает, поскольку на рынке ценных бумаг почти всегда действуют спекулянты, играющие то на понижение, то на повышение курса акций тех или иных компаний. Игра нередко заканчивается

банкротством отдельных фирм, не говоря уже об владельцах акций. Иногда такие игры выходят из под контроля ее участников, происходит общее обвальное обесценение «ценных» бумаг, а банкротства и разорения приобретают массовый характер. При этом кто-то, конечно, и обогащается: в итоге любой азартной игры есть свои неудачники и свои счастливчики. Подобное обвальное падение курса акций со всеми его печальными последствиями произошло на Петербургской бирже в конце прошлого века.

Один из способов борьбы со спекулянтами состоит в том, чтобы акции были именными. Первое положение о порядке образования акционерных обществ в 1836 г. отдавало предпочтение именным акциям. Но в 1871 г. все ограничения при выпуске безымянных акций были устранены. В начале 1914 г. только 41 % всех компаний официально выпускали именные акции. Остальные имели право сами определить и записать в уставе, какой тип ценных бумаг они предпочитают.

Развитие акционерных обществ в России [4 17]

	1861	1898	1901	1914*
Количество	128	1146	св.1500	2200
Капитал, млрд руб.	0.256	2.1	2.5	4.5

*в начале года.

Из таблицы видно, что темпы роста числа и капиталов акционерных компаний в XX веке значительно повысились. Только за четырехлетие: 1909-1912 годы правительство выдало 935 разрешений на создание АО. Успели начать действия за этот же период 549 компаний.

Организация управления акционерными компаниями регламентировалась гражданским законодательством [4 18] В начальный период, пока не реализованы все акции и общее собрание акционеров не назначит правление или директоров, компанией управляют учредители. При этом никакому лицу, в том числе из учредителей, «не может быть присвоено право на всегдашнее и бессменное управление делами компании». Учредители могли быть избранными в состав правления только на общих основаниях.

«Правление распоряжается делами и капиталами компании не иначе, как на основании ее устава», в том числе в пределах указанной в нем суммы. Требования выплаты или перечисления денег со

счетов компании удовлетворялись кредитными учреждениями только тогда, «когда они подписаны по крайней мере тремя членами правления». О каждом изменении в составе директоров или членов правления кредитное учреждение должно было быть уведомлено в письменной форме за подписями предшествующих директоров и вновь назначенных, засвидетельствованными в установленном порядке. О таких изменениях компания обязана была информировать общественность через ведомости.

«В обстоятельствах, не терпящих отлагательства» правлению предоставлялось право «решать дело своей властью и свыше суммы, в уставе предназначенной, но с тем, чтобы за необходимость и последствия таких решений члены правления сами уже и ответствовали перед общим собранием акционеров».

Правление принимало решения простым большинством присутствующих членов. Не согласившемуся с таким решением предоставлялось право записать свое мнение в специальный журнал. Когда же решение не получало поддержки даже большинства присутствующих, спорный вопрос переносился на рассмотрение общего собрания акционеров.

Члены АО, желающие вынести какой-либо вопрос на рассмотрение общего собрания, могли это сделать только через правление.

Общее собрание акционеров имело исключительное право на обсуждение и решение таких вопросов, как «назначение запасного капитала, рассмотрение отчета, распределение дивиденда, избрание новых директоров или членов правления, представление правительству о необходимых изменениях в уставе, равно вопросы о закрытии компании или о дальнейшем продолжении ее действий после срока и тому подобные предметы». Общее собрание принимало решения большинством не менее трех четвертей явившихся акционеров. Голоса подсчитывались по числу акций, которыми владели отдельные члены АО.

Как видно из приведенных выдержек, закон о «компаниях на акциях» был составлен таким образом (влияние на персональный состав правления, принятие решений от имени правления простым большинством от числа присутствующих на заседании, право «в исключительных случаях» превышать полномочия, установленные общим собранием, обязательность обращения рядового акционера к собранию только через правление и т.п.), чтобы обеспечить группе, владеющей контрольным пакетом акций, возможность осуще-

ствлять реальное руководство всеми аспектами производственной и коммерческой деятельности компании, в том числе в своих узких интересах.

Еще один важный шаг в сторону объединения капиталов и концентрации реальной власти был сделан в начале столетия в связи с широким распространением синдикатов и трестов. Хотя впервые они появились во второй половине XIX века, однако их массовое создание началось под влиянием кризиса тяжелой промышленности в 1901-1902 гг. В короткий отрезок времени был создан ряд крупнейших монополий: на рынке черных металлов ключевые позиции заняла «Продамета» (1902). Еще через год был образован «Гвоздь», затем «Продуголь», «Продвагон». В нефтяной промышленности сформировались три синдиката, контролировавшие в начале 1914 г. 60 % добычи нефти в России: картельное объединение товарищества «Бр. Нобель» и «Мазут», Каспийско-Черноморское нефтепромышленное и торговое товарищество (перешедшее в 1912 г. из рук парижских Ротшильдов в руки англо—голландского треста «Шелл») и образовавшийся в 1912 г. трест Русская нефтяная корпорация («Ойль»).[4 19]

Вначале перед вновь созданными синдикатами стояла задача: используя свое монопольное положение на внутреннем рынке, остановить вызванный кризисом спад производства и снижение цен. Такой результат в той или иной степени был достигнут, конечно, не только под воздействием синдикатов. Но они быстро вошли в роль и уже в условиях наметившегося подъема продолжали свою активную деятельность, регулируя объем выпускаемой продукции и уровень цен таким образом, чтобы обеспечить участникам синдикатного соглашения достаточно высокую прибыль.

О том, как управлялись и действовали синдикаты, можно достаточно четко проследить на примере «Продаметы», созданной, как уже отмечалось в 1902 г. Через 8 лет его членами (контрагентами) были 30 крупных предприятий металлургической промышленности с основным капиталом 174 млн. рублей и годовым оборотом 255 млн. На их долю приходилось 88 % производства сортового проката, 82 % листа, 74 % бандажей и осей для ж.д. вагонов.

Высшим органом управления синдикатом выступал Совет, который избирался на общем собрании контрагентов в составе не менее 3 и не более 20 членов. В его компетенцию входило: выработка общей стратегии деятельности «Продаметы»; поиск и оформление

первичных, главным образом, оптовых заказов на металл; определение принципиальных условий заключения договоров; установления уровня базовых цен на 5 важнейших видов товарной продукции синдиката: сортовой прокат, листовое железо, балки, рельсы, ж.д. оси и бандажи; контроль за покупкой и продажей крупных партий товаров.

Администрация — исполнительный аппарат Совета представлял собой разветвленную, весьма сложную систему функциональных и по товарных отделов, региональных контор, посредников и др. Функции всех этих управленческих учреждений сводились к двум главным: распределение заказов между заводами-производителями и реализация их готовой продукции заказчикам и другим потребителям.

Большое влияние на политику и условия конкретных сделок оказывали входившие в состав Совета представители крупных банков и акционерных обществ. Причем борьба за ключевые позиции в Совете фактически никогда не прекращалась. Первым председателем Совета был избран директор правления Южнорусского днепровского металлургического общества И. Ясюкович, который был главным инициатором образования синдиката. Это общество находилось под большим влиянием французского капитала: банков Лионский кредит, Парижский и др. Их поддерживал Дойче банк. Против этой группы выступал ряд других французских и бельгийских, а также русских банков. Через пару лет они взяли верх и поставили во главе Совета француза Дарси. Он оставался на посту председателя до конца существования «Продаметы».

Для удобства управления практической деятельностью на местах вся территория России была разделена на 13 районов, в каждом из которых находилась региональная контора синдиката. Через нее, сверху-вниз доводились заказы до контрагентов, производились расчеты, осуществлялся контроль за ходом выполнения заключенных соглашений. Взаимные обязательства «Продаметы» с входившими в синдикат предприятиями оформлялись в виде контрактного договора по конкретному продукту.

Важная обязанность синдиката заключалась в том, чтобы обеспечить каждого производителя гарантированным заказом на конкретный вид проката по определенной цене. Если вспомнить, что «Продамета» была создана в период кризисного спада производства и снижения цен, то не приходится сомневаться в заинтересованности предприятий в таких условиях. Практически для каждого

предприятия-производителя (контрагента) выделялась твердая квота (доля) в общем объеме заказов, полученных синдикатом. Если предприятие производило продукции меньше, чем предусматривалось квотой, ему выплачивали из кассы синдиката 25 коп. на каждый пуд не произведенной продукции, т.е. фактически возмещалась неполученная прибыль. Если же предприятие произвело больше квоты, но реализовало дополнительную продукцию через конторы «Продаметы», оно вносило в кассу те же 25 коп. с пуда.

Предприятие обязано было продать **всю** продукцию только синдикату. Если оно нарушало это условие договора и продавало часть металла на сторону, на него налагался штраф в размере 10 тыс. рублей и сверх того по 1 рублю с каждого пуда «левого» товара.[4.20]

Другим важным вопросом, затрагивающим интересы предприятия были цены, по которым синдикат оплачивал его продукцию. Это были средние цены по региональной группе заводов, установленные на базе выравненной себестоимости. (Вся территория страны, с точки зрения дифференциации цен была разделена на 4 района). Тем самым большую прибыль получали заводы, имевшие относительно низкую индивидуальную себестоимость, то есть стимулировалась экономия, технический прогресс и лучшая организация производства.

Свой товарный металл «Продамета» продавала по рыночным ценам, на которые оказывала влияние в сторону их плавного повышения. Сразу после кризиса скачок цен был более существенным. Если в 1901-1902 гг. цены на листовое железо снизились до уровня 1 р. 40-45 к., через два года они поднялись до 1 р. 70 к. Основными покупателями металла выступали оптовые торговые фирмы, на долю которых приходилось более половины объема его реализации. Четвертую часть приобретали железные дороги. Относительно небольшая доля металлопродукции, используемой, главным образом, для бытовых нужд, например, листовое железо, реализовалось через мелкие торговые фирмы.

Высокие монопольные цены, другие злоупотребления синдикатов и трестов в условиях ограничения, а нередко и отсутствия конкуренции на рынке, вызывала критику и жалобы со стороны многих потребителей, в том числе казенных предприятий. Особенно активно протестовали против завышения цен на рельсы и уголь железные дороги. Летом 1908 г. 106 депутатов Думы обратились с письмом в правительство, в котором указывали на необходимость усиления государственного контроля за продажными ценами, «дабы

они не переходили за установленный заранее максимальный предел...» Почти два года спустя была создана комиссия во главе с товарищем министра торговли и промышленности, которая признала, что на данном уровне торгово-промышленного развития России образование монополий «представляется явлением неизбежным, что воспрещение деятельности их не привело бы к практическим результатам и что единственно целесообразным является лишь разработка мер борьбы со злоупотреблениями в этой области». Поскольку злоупотребления со стороны синдикатов, как и жалобы на них продолжались, правительство вынуждено было вновь заняться этим вопросом в конце 1912 г. Совещание возглавил сам министр. В результате обсуждения было признано наказуемым «значительное, не оправдываемое условиями производства и сбыта, повышение или понижение цен на массовые товары». Виновные подлежали наказанию вплоть до тюремного заключения и штрафа.[4.21] Однако, о случаях действительного наказания синдикатов-нарушителей правил свободной торговли до сих пор ничего неизвестно. Между тем общественное мнение было устойчиво настроено против монопольных объединений. В газетах часто публиковались статьи, где они обвинялись в искусственном завышении цен и создании с этой целью дефицита то чугуна, то угля, то других продуктов. В это же время усилились организованные выступления промышленных рабочих с требованиями сокращения рабочего дня, повышения заработной платы, улучшения условий труда.

Общее обострение социально-политической обстановки подталкивали промышленников к самоорганизации. В 1905-1906 гг., в ответ на революционные выступления рабочих по России прокатилась волна спешного формирования территориальных и отраслевых организаций промышленников. К 1914 г. их насчитывалось около 300. Так, в Петербурге в 1906 г. было создано общество заводчиков, в уставе которого предусматривалось принятие мер к устранению «недоразумений», возникающих между нанимателями и нанимаемыми; организации промышленных палат; выдачи пособий своим членам в случае возникновения на их предприятиях забастовок; создании специального фонда для поддержки локаутов и возмещения убытков от забастовок.[4 22]

В 1906 г. завершилось формирование Совета съездов, как всероссийской организации промышленности и торговли, призванной выразить и защитить их интересы.

4.4. Люди, которые управляли страной и экономикой

Известно, что результативность любой системы управления зависит в наибольшей степени от того, какие люди осуществляют ее функции, а также от качества организации и мотивации их действий. Российская система управления не была исключением в этом отношении.

Еще в период формирования Киевской Руси, начав с сотрудничества, вскоре стали соперничать между собой два типа управленцев: один — это племенные вожди, старейшины и воеводы ополчения, обладавшие опытом, достаточной мудростью и выдержкой. Они были воспитаны в условиях демократии, характерной для родовых отношений. Этим людям противостояли князь с дружиной, созданные для военных действий и организованные на основе единоначалия, достаточно четкого распределения обязаностей и дисциплины. Они обладали храбростью, решительностью и энергией молодости. Иными словами, крестьянская основательность, житейская смекалка и расчетливость уже на начальном этапе борьбы за власть столкнулись с боевитостью и напористостью воинов, которым по существу нечего было терять, поскольку они и без того постоянно находились рядом со смертью, реальной возможностью получить ранение, попасть в плен. Такую обстановку выдерживают только сильные, натренированные люди, отличающиеся аскетическим образом жизни. О жестких и напряженных условиях их повседневной жизни свидетельствует поучение Владимира Мономаха: «Пусть не застанет вас слонце в постеле...В доме своем не ленитесь, за всем сами наблюдайте, не полагайтесь на тиуна или на отрока...На войну выйдя, не ленитесь: сторожей сами наряжайте, и ночью, расставив стражу со всех сторон, около воинов ложитесь, а встаньте рано...Лжи остерегайтеся, и пьянства, и блуда, от того ведь душа погибает и тело».

Закономерно, что многовековое противостояние двух типов управленцев закончилось победой молодых, сильных, объединенных вокруг князя. Однако, как уже отмечалось, княжеская власть, раздробленная на враждующие уделы, не смогла противостоять монолитно организованной массе татарского нашествия.

Тяжелый период зависимости от Орды коренным образом изменил характер и стиль жизни князя и дружины. Военные операции, связанные, в основном, с ликвидацией разбойничьих шаек, рутинной

охраной границ и торговых путей, отодвинулись на второй и на третий план. Вперед вышли хозяйственные заботы. Князь и дружина уже не совершали дальних походов, разве только с данью и подарками татарскому хану. Они стали вести преимущественно оседлый образ жизни и очень быстро «вросли в землю». Теперь только от земли можно было получить приток свежих сил, дополнительный заряд энергии и, разумеется, денег.

Резко возросла роль дворового хозяйства князя. Его отдельные участки возглавляли два типа служилых людей: вольные слуги и бесправные холопы. Это были: конюшний, дворецкий, оружейничий, казначей, контролер, ключник, постельный, стольник, чашник, ловчий, сокольничий и другие тиуны. Первые три должности были главными. Иногда их занимали бояре. Конюшний ведал всем табуном лошадей, принадлежавших князю. Это было не только главное богатство, но и основа мобильности и мощи дружины, поскольку все воины и в походе, и в бою действовали на лошадях. Оружничий отвечал прежде всего за оружие, а также за все ценности, украшавшие дворец, парадную одежду, принадлежности царского выхода, другие дорогие вещи, собранные позже в оружейной палате. Дворецкий выполнял роль коменданта всего дворового хозяйства князя. Позже к ним присоединился окольничий, близкий к князю человек, обычно специализировавшийся на ведении судебных дел.

Большинство служилых были холопами. Парадокс состоит в том, что князь больше доверял бесправным слугам. В окружавших его людях он прежде всего ценил личную преданность. Свободный слуга мог уйти к другому князю или боярину. И иногда уходил. Положение холопа было другим. По действующим тогда законам он не имел права покинуть хозяина. И холоп старался заслужить его доверие и милость своим постоянным старанием и искренней личной преданностью. Этим, видимо, объясняется также смысл традиционного заверения боярина, которым он заканчивал свое официальное обращение к царю: «холоп твой» и называл свое имя. Боярыня говорила то же самое: «твоя рабица» или «раба». Эти слова выражали не унижение, а высокую степень лояльности и преданности знатных людей по отношению к государю. «Все вельможи, светские и другие люди высшего класса, — отмечал В. Ключевский,— называли себя холопами государя и не считали бесчестием для себя, когда государь приказывал кого-либо из них побить за какой-нибудь проступок».[23]

В такой обстановке укрепление абсолютной власти государя неизбежно вело к конфликту с боярством. Противоречивая ситуация назревала долго, но неотвратимо. В XIV-XV вв., в период интенсивного объединения восточнославянских земель вокруг Москвы наблюдался массовый приток в молодую столицу бывших удельных князей и их бояр. Они становились новыми свободными слугами московского царя, не получая от этого особого удовлетворения. Но и к прошлому возврата не было. Накопившееся неудовольствие и раздражение вновь прибывшей знати выливалось наружу в форме бесконечных споров и ссор между ними за место у княжеского стола и служебную должность во дворце и в армии. Какой-нибудь бывший удельный князь категорически не хотел служить под началом московского боярина и выполнять его приказы или указания. Когда подобный конфликт возникал в боевой обстановке, его последствия выходили далеко за рамки спора двух вельмож.

Политика московского государя по отношению к «своим» и пришедшим из других княжеств боярам прошла два этапа: вначале пришлось разобраться и навести порядок относительно знатности именитых семей (родов). Этим занялся специальный приказ. Были составлены родословные книги, где каждому князю и боярину указывалось его место в ряду элитных людей. Если теперь кто-либо затевал по этому поводу спор, государь с полным основанием строго наказывал зачинщика.

Второй этап был более длительным и мучительным. Цель его состояла в том, чтобы постепенно вытеснить бояр из государственной службы и заменить их поместными дворянами. Речь шла, по существу, опять об усилении личной преданности служилых людей государю, как условия укрепления его абсолютной власти. История показала, что уровень лояльности и преданности человека его вышестоящему руководителю находится в тесной связи со степенью его экономической зависимости. С такой точки зрения титулованные князья и бояре представлялись относительно малонадежными: они имели свою землю (вотчину), доходы, воинский отряд и право покинуть службу, когда им заблагорассудится. Так, князь Курбский, командовавший русскими войсками, перешел на сторону Литвы во время боевых действий, т.е. изменил своему государю в самое неподходящее время. Поскольку вотчины переходили по наследству, такая система сама себя воспроизводила. Верно, вотчины часто крошились на кусочки, т.к. сыновей обычно было много.

Предвидя возможность нежелательных вольностей, московские цари примерно с конца XIV - начала XV века стали все в больших масштабах привлекать к себе на службу зависимых от них дворян. Термин «дворянин» впервые появился во второй половине XII века. Под это понятие попадали «дети боярские», юноши 15-17 лет и старше, которые постоянно «жили» при дворе, выполняя, в основном, функцию охраны князя. Каждую ночь в спальни князя дежурил постельничий с двумя надежными людьми. В соседнем помещении находилась еще одна группа охраны. Кроме них в доме и дворе дополнительно размещались два-три десятка вооруженных людей, все из числа детей боярских. Многие из них принадлежали к небогатым семьям, владевшим небольшими земельными вотчинами. Они были вынуждены служить князю, чтобы обеспечить себе более менее приличное существование. Но среди них были и представители знатных, богатых боярских родов, переселившихся в столицу, где жить было интереснее, а главное, поближе к царю, что не могло не сказаться на будущей карьере. С началом активных военных действий против татар во второй половине XIV в. вся эта молодежь стала участвовать в дальних походах и боевых схватках с опасным противником. Выходцам из бедных семей царь стал выплачивать небольшое жалование — до 20 руб в год, остальным — 5-7 рублей. Некоторым выделял землю с крестьянами (поместья) на несколько лет или до конца службы. Их стали называть поместными дворянами. Естественно, они попадали в экономическую зависимость от центральной власти, что обычно повышало уровень их лояльности по отношению к царю, укрепляя тем самым государственную систему управления в целом.

Вытеснение бояр-вотчинников из этой системы происходило постепенно, принимая иногда жесткие формы. Так, сломив сопротивление тверского князя и присоединив его земли к Москве (1485 г.), Иван III отобрал вотчины у местных бояр. Взамен им были выделены поместья в восточных приграничных районах. На освободившихся тверских угодьях он разместил дворян из Москвы. Одна из задач опричины при Иване Грозном заключалась в том, чтобы ликвидировать некоторые оппозиционные к царю именитые боярские семьи. Поэтапно ограничивались свободные права бояр. Так, вскоре они стали *обязаны*, наравне с дворянами, ежегодно являться весной для несения военной службы с вооруженными ратниками, количество которых определялось размером их собственной земли.

Соответственно менялась и **дума**. Совет бояр, как собрание старших воинов дружины, в условиях господства татарского хана, фактически перестал функционировать. Да и прежней дружины уже не было. Вместо совета стала действовать боярская дума. По существу это было совершенно новое государственное учреждение с весьма нечеткими правами и функциями. Регулярно она стала созываться только после освобождения Московского княжества от татарского контроля. В XV-XVI веках дума превратилась в центральный орган при царе, выполнявший некоторые законодательные, судебные и исполнительные функции. Количественно ее состав колебался от 25 до 40 человек. В то время в число родовитых фамилий входило 200-250 семей. Не все они были представлены в думе. Вначале в ее состав входили только лично известные царю бояре, если не считать нескольких дьяков и подьячих, которые вели протокол и оформляли дела, проходившие через этот орган.

Обычно члены думы собирались рано утром в грановитой палате и чинно рассаживались на скамьях в ожидании царя. Места за столом, стоявшем в центре помещения, занимали несколько бояр, наиболее близких к государю, и два дьяка, которые записывали принимаемые решения. Царь, расположившись на возвышавшемся троне, открывал заседание. Обсуждались наиболее актуальные государственные и судебные дела. Некоторые бояре здесь же получали личные поручения, чем очень гордились.

Со временем положение изменилось. Во-первых, в состав думы были введены так называемые думные дворяне и окольничие. т.е. незнатные, но способные люди, лично известные государю и пользующиеся его расположением. Во-вторых, глава государства все чаще стал обсуждать и решать важные и в какой-то степени деликатные вопросы в узком кругу доверенных лиц. Например, Иван Грозный — в неофициальном совете, в состав которого входили дворянин А. Адашев, священник А. Сельвестр, князь Д. Курлятев и некоторые другие. Таким образом, были подготовлены реформы местного управления и судебной системы. Значение думы и бояр стало снижаться. Она все больше превращалась в орган, координирующий деятельность приказов, число которых быстро росло. Здесь важно подчеркнуть, что вместе с приказами также быстро сформировалась относительно самостоятельная прослойка наиболее квалифицированных кадров государственной службы - дьяков и подьячих.

Приказ обычно возглавлял боярин, чаще всего - член думы. Но дело предрешали его грамотные помощники. Немногие бояре умели читать и еще меньшее их число — писать. В те времена школ в России не было. Грамоте обучали в монастырях, в семьях священников и дьяков. Богатые люди имели возможность учить своих детей дома. Но потребность в этом была невелика. Да и усилий требовалось много, чтобы из букв складывать слова и целые предложения. А кругом было так много интересных и полезных занятий. Вот и получилось, что поповичи и дети дьяков стали обладателями особой привилегии — умением читать, писать и считать. Они и образовали ту профессиональную прослойку, на почве которой позже вырастит многочисленный класс квалифицированной российской бюрократии. Но, пока, в XV и XVI веках они помогали усилиям государей вытеснить малоподготовленных бояр из системы государственного управления страной и экономикой.

В начале XVII века бояре предприняли последнюю отчаянную попытку прорваться к государственной власти, посадив Василия Шуйского на царский престол. Но их время уже кончилось. Хотя очередная смута дорого обошлась русскому народу, эта попытка провалилась. Дворянство выбрало своего государя из новой династии — Михаила Романова. Завершающий, последний удар по боярству нанес Петр I. Он окончательно упразднил боярскую думу, сделав своей опорой новое дворянство, влив в него свежую кровь и знания, в том числе за счет грамотных поповичей, дьяков и подьячих.

Создавая заново профессиональную армию, флот, государственную службу и промышленность, царь столкнулся, казалось бы, с неразрешимой проблемой: найти для них кадры умелых, знающих руководителей и организаторов. Разрешить кадровую проблему оказалось еще труднее, чем финансовую: для обучения и подготовки специалистов требовались десятилетия. Но времени у Петра было еще меньше, чем денег. Сколько мог, он привез специалистов из-за границы. Но этого было явно мало. Пришлось буквально на пустом месте, но у себя дома, создавать систему обучения и подготовки управленческих кадров и специалистов.

В то время в России не было начальных и средних школ. Действовало лишь одно, недавно сформированное высшее учебное заведение — Славяно-греко-латинская академия, которая готовила священнослужителей. Петр начал строить систему образования с создания в Москве, в 1700 г. «школы математических и навигацион-

ных наук» для детей дворян и приказных. За ней последовали школы адмиралтейская, артиллерийсткая, инженерная и две горные, на Урале. В различных городах начали функционировать свыше 20 светских и еще больше церковных начальных школ. Однако, очень скоро стало ясно, что открыть школы — это даже меньше, чем полдела. Для них не было ни учащихся, ни учителей. Желающих получить образование, особенно среди детей благородных родителей, было немного. Пришлось использовать методы принуждения: дворянским детям, например, не разрешалось женится пока они не окончат школу. Это мало помогало. В 1727 г. во всех начальных школах числилось чуть больше 2000 учащихся. Из них 45 % приходилось на детей священнослужителей, 20 % были выходцами из семей солдат, 18 — дьяков и подъячих, 4.5 — посадских, и лишь 2.5 % детей дворянских.

Еще сложнее обстояло дело с высшем образованием. В 1725 г. в Петербурге была образована Академия наук, при ней — университет и гимназия. В гимназию без особых трудностей зачислили 120 человек, а с набором студентов в университет получилась осечка. Из Германии специально пригласили 17 профессоров. С ними приехали 7 студентов. Русских слушателей было еще три-четыре десятка. Вот и получалось, что на лекцию профессора приходили 2-3 человека. Некоторые курсы вообще пришлось прекратить из-за отсутствия слушателей. Подобная ситуация повторилась и при открытии в 1755 г. московского университета.

Но семена просвещения попали в благодатную почву и дали хорошие всходы. В 1800 г. действовали уже 315 разного рода училищ, где проходили подготовку 20 тысяч молодых людей. Их обучением занимались 790 преподавателей. С начала XIX века поднялась вторая волна массового просвещения в России.

К 1900 г. было открыто 9 университетов: Петербургский, Московский, Казанский, Харьковский, Одесский, Киевский, Варшавский, Юрьевский, Томский, в которых занималось 16.2 тыс. студентов. Здесь готовились квалифицированные кадры специалистов широкого профиля для всех отраслей народного хозяйства, государственной службы, науки и культуры.

В 1913/14 учебном году в разного типа начальных и средних школах обучалось 8.7 млн юношей и девушек. Начальные классы посещали 47 % детей школьного возраста в городах и 28 % в сельской местности. Количество студентов высших учебных заведений в это же время составило 71.4 тыс. человек. Их них половина, 35.7

тыс.были студентами 10 российских университетов. Стоит отметить также, что если еще в 1900 году среди студентов университетов дети дворян, чиновников и офицеров составляли 52 %, то в 1914 г. их доля сократилась до 36 %. За то же время доля выходцев из семей мещан, купцов, цеховых, крестьян и казаков возросла с 22 до 50 %. В технических вузах удельный вес этой категории студентов был еще выше: в 1914 г. он составил 72 %.[4 24] Такой крутой количественный рост учащейся молодежи, при одновременном повышении качества преподавания в школах и вузах, заложили фундамент для целой эпохи просвещения и возрождения духовной культуры России в XIX - XX веках.

Влияние образования и просвещения на судьбы людей можно проиллюстрировать на многочисленных примерах. Вот лишь несколько из них:

Многоликий Иван Посошков (1652-1726) — изобретатель, иконописец, предприниматель, купец и, самое важное, самородок-мыслитель. Образование и наука не успели отшлифовать грани его таланта. Книга И. Посошкова «О скудности и богатстве» намного обогнала время и, как часто бывает, не была замечена современниками. Сам он умер в заточении, в Петропавловской крепости.

По иному сложилась судьба другого самородка из народа — Михаила Васильевича Ломоносова, родившегося почти на 60 лет позже (1711-1765). Он получил высшее образование и работал в Центре науки. Это помогло ему стать первым российским Ученым с большой буквы.

Сын сельского священника Михаил Михайлович Сперанский (1772-1839) — наиболее яркий пример духовного образования. Первоначальные знания он получил в Суздальской семинарии, продолжил учебу во Владимире. Как одного из лучших учеников молодого Михаила для завершения образования направили в Петербург, в Александро-Невскую главную семинарию, переименованную вскоре в Академию. После успешного ее окончания магистра богословия оставляют преподавателем, сначала по математике, его любимому предмету, затем по красноречию, философии, французскому языку. Сам он мечтал продолжить учебу в одном из университетов в Германии.

Если согласиться с определением, что «гений — это талант, умноженный на трудолюбие», то Михаил вполне заслуживал такого звания. В. Ключевский назвал его «Вольтером в православно-богослов-

ской оболочке».«Сперанский был лучшим, даровитейшим представителем старого духовно-академического образования. По характеру этого образования он был идеолог, как тогда говорили, или теоретик, как назвали бы его в настоящее время...Но Сперанский имел не только философский, но и необыкновенно крепкий ум, каких всегда бывает мало, а в тот философский век было меньше, чем когда-либо. Упорная работа над отвлеченностями сообщала необыкновенную энергию и гибкость мышлению Сперанского: ему легко давались самые трудные и причудливые комбинации идей».[4.25]

По рекомендации одного из влиятельных церковных деятелей М. Сперанский был зачислен в штат канцелярии генерал-прокурора Сената князя А. Куракина в чине титулярного советника. Светская карьера выпускника духовной академии понеслась вскачь. Вскоре его переманил в свое ведомство министр внутренних дел В. Кочубей, входивший также в состав «Негласного комитета» реформаторов при Александре I. Сперанский был назначен статс-секретарем этого комитета. Ему пришлось редактировать многие материалы негласного мозгового центра страны. Несколько записок о реформе государственного устройства России он подготовил самостоятельно. В 1806 г., во время доклада вместо заболевшего В. Кочубея царь близи рассмотрел в М.Сперанском тот талант, в котором он крайне нуждался. Так сын сельского священника оказался рядом с человеком, который определял судьбу России. И стал у него доверенным советником.[4 26]

Как человек широкой эрудиции и таланта, М. Сперанский оставил после себя богатое наследство зрелых, оригинальных идей, проектов и конкретных дел, которые и сегодня звучат весьма актуально и значимо. Так, например, «План государственного преобразования», над которым он работал несколько лет, содержит целостную концепцию реформ государственного устройства России, предопределившую политику самодержавия в этой области на целое столетие. Исходные положения этого плана можно использовать и в настоящее время:

«Законы существуют для пользы и безопасности людей, им подвластным...

Время есть первое начало и источник всех политических обновлений. Никакое правительство, с духом времени не сообразное, против всемогущего его действия устоять не может. Посему первый и главный вопрос, который в самом преддверии всех политических

перемен разрешить должно, есть своевременность их назначения...

Царства земные имеют свои эпохи величия и упадка. В каждой эпохе образ правления должен быть соразмерен той степени гражданского образования, на коим стоит государство. Каждый раз, когда образ правления отстает или предваряет сию степень, он опровергается с большими или меньшими потрясениями...

Когда разум начинает распознавать цену свободы, он отметает с пренебрежением все детские, так сказать, игрушки, коими забавлялся он в своем младенчестве...

Три силы движут и управляют государством: сила законодательная, исполнительная и судная. Начало и источник сих сил — в народе: ибо они не что другое суть, как нравственные и физические силы людей в отношении к общежитию. Чтобы сделать их действующими, надлежит их соединить и привести в равновесие. Соединение действия сих сил составляет державную власть...Предметом и свойством государственных коренных законов (конституции - Р.Б.) есть определить образ, какие силы государственные сопрягаются и действуют в их соединении».[4.27]

Конкретная, практическая часть плана Сперанского предусматривала, что в каждой волости будут созданы представительные органы власти, думы, состав которых предполагалось избирать по принципу: одного представителя от 500 казенных крестьян и, отдельно, от земельных собственников. Срок полномочий волостной думы 3 года. Основные функции таких дум: а) выбирать членов волостного правления, в ведение которого находились текущие хозяйственные вопросы, а также контроль за местными доходами и расходами, б) выбирать депутатов в окружную (уездную) думу, ставить перед нею вопросы, решение которых относится к компетенции уездных властей.

Окружной представительный орган должен избирать депутатов в губернскую думу, окружной совет и окружной суд. Губернская дума имела аналогичные полномочия по хозяйственным вопросам, но соответственно в рамках всей губернии. Кроме того, депутаты всех губернских дум должны были один раз в год собираться в столице, образуя Государственную думу. Предполагалось, что ее председателем станет канцлер, назначаемый императором. Конкретная работа должна производиться по комиссиям. Законодательные полномочия оставались за верховной властью. Но Дума могла по своей инициативе обсуждать и ставить перед вышестоящими

органами вопросы, связанные с общегосударственными нуждами, а также об ответственности должностных лиц, нарушающих коренные государственные законы.

Государственные функции исполнительной власти передавались реорганизованным министерствам и кабинету министров.

Сенат становился высшим судебным органом. Сенаторы пожизненно избирались губернскими думами и приступали к своей деятельности после утверждения царем.

Таким образом, для всей системы представительных, законодательных и судебных учреждений сохранялось единое верховное начало, призванное направлять, координировать и контролировать деятельность основных трех ветвей власти. Александр I одобрил план М. Сперанского. Однако, на его реализацию потребовалось ровно 100 лет: в 1810 г. был создан новый Государственный совет, где председательствовал сам император. Еще через год — реорганизованы министерства. В 1861,1864 и 1870 гг. созданы новые представительные и исполнительные органы власти в волостях, уездах и губерниях. И только в 1906 году собралась I-ая Государственная дума, которую к тому же через три месяца разогнали.

Другая сложная народнохозяйственная проблема, ключи к решению которой удалось подобрать М. Сперанскому — государственные финансы. Известно, что в начале XIX века бюджет страны оказался в крайне трудном положении: денежных средств по крупному не хватало и постоянно приходилось прибегать к эмиссии бумажных ассигнаций, которые быстро обесценивались. В такой обстановке Александр I поручил Сперанскому найти выход из создавшегося положения. В очень короткое время советнику государя по всем вопросам удалось найти решение, известное в литературе как «финансовый план Сперанского». Он состоял из двух частей: первая включала в себя традиционную систему оперативных мер, с одной стороны, по сокращению (экономии) расходов, а с другой, увеличению доходов государства за счет повышения косвенных налогов и продажи определенной доли казенного имущества.

Особый интерес представляет вторая часть, где впервые в российской практике была предложена новая методология разработки бюджета, обеспечивающая укрепление его устойчивости и сбалансированности:

- расходы допустимы, только в том случае, если они обеспечены соответствующими доходами. (В прошлом расходы осуществ-

лялись по запросам военного и других ведомств, а затем уже власти искали, где бы найти деньги);

- все государственные расходы объединялись в три группы: а) необходимые, от которых нельзя отказаться ни в каком случае, б) полезные. Их можно временно отложить до лучших времен; в)излишние, которые можно и нужно вычеркнуть;
- сам бюджет делился на две части: первая — обыкновенный бюджет. Это необходимые и некоторые полезные расходы, обеспеченные надежными доходами. Вторая часть — чрезвычайный бюджет. Это оставшиеся полезные расходы, которые финансировались за счет нетрадиционных доходов внутренних или внешних займов и др.

Методологические принципы Сперанского использовались Министерством финансов на всем протяжении XIX - XX веков, что позволило поэтапно подойти к сбалансированному государственному бюджету, а от него к золотому рублю.

Стоит отметить, что Александр I «особо» отметил заслуги М. Сперанского: в 1811 г. царь отправил своего талантливого помощника в ссылку. Сперанскому еще повезло: его реабилитировали при жизни. Он даже получил титул «графа». Важнее однако другое. По возвращению из ссылки Михаил Михайлович подготовил и издал Свод законов Российской империи — очень емкий источник исторических фактов и нормативных актов. Поэтому его по праву можно назвать летописцем России XIX века.

Если М. Сперанский дал старт прошлому столетию, то успешный финиш ему обеспечил другой гений российского управления — С.Ю. Витте. Так уж получается, что в переломные моменты истории на капитанском мостике управления государством появляются талантливые люди и не от них зависит, что их способности реализуются далеко не полностью.

С. Витте представлял собой настолько неординарную личность, слишком высоко поднимавшуюся над массой сановников, деловито суетившихся вокруг царя, что среди современников (как и нынешних историков) не было единства в оценках его способностей и государственной значимости. Одни считали его «социалистом» и даже «революционером». Дело дошло до того, что в январе 1907 г., не без участия черносотенцев, в печные трубы его дома с крыши были опущены две бомбы, которые должны были взорваться, когда печи затопят. Другие, напротив, рассматривали С. Витте как реакционера,

жестоко расправившегося с участниками революции 1905 г. Сам он писал: «Вся моя семья была в высокой степени монархической семьей, и эта сторона характера осталась у меня по наследству».[4.28]

Одна из особенностей воспитания С. Витте состоит в том, что он получил так называемое домашнее образование с помощью гувернеров-французов и приходящих учителей. Когда же подошла пора сдавать экзамены на аттестат зрелости уже в гимназии, видимо, из уважения к его дяди, генералу Р. Фадееву, в семье которого Сергей жил в Тифлисе, ему по всем предметам поставили удовлетворительные оценки. С таким багажом семнадцатилетний юноша отправился в Одессу поступать в университет и провалился. Но он не вернулся в генеральский дом. Снял скромную комнату у местного учителя и начал самостоятельно заполнять многочисленные пустоты в своих знаниях. Через год успешно поступил на физико-математический факультет, который окончил одним из первых выпускников. Открылась прямая дорога стать профессором университета. С. Витте выбрал государственную службу. Получил опыт работы и в коммерческой железнодорожной компании.

Говорят, судьба руководит человеком через случайности. Пример Витте тому подтверждение. В конце восьмидесятых годов, будучи уже управляющим Юго-Западной дороги, он потребовал снизить скорость движения бронированного, а потому тяжелого царского поезда, следовавшего из Петербурга в Крым. Витте считал, что рельсы не рассчитаны на перегрузки, возникающие при быстрой езде. Поэтому высока вероятность крушения. Министр путей сообщения, сопровождавший поезд, был до крайности возмущен: «Никто никогда не осмелился требовать, чтобы государя везли с меньшей скоростью». На что управляющий дорогой твердо ответил: «Пускай другие делают, как хотят, но я государю голову ломать не хочу...» Витте вспоминает: «Император Александр III слышал мое замечание, конечно, был очень недоволен моей дерзостью, но ничего не сказал». Спустя несколько месяцев, возвращаясь с Юга уже по другой дороге, царский поезд недалеко от Харькова сошел с рельсов и упал под откос. Серьезно пострадало несколько человек. Досталось и императору. Здесь-то он вспомнил предупреждение Витте и проникся к нему глубоким доверием. Этот случай сыграл не последнюю роль в том, что бывший управляющий дороги вскоре стал министром путей сообщения, а с 1892 г. 43-х летний С.Ю. Витте занял кабинет министра финансов.

Он вошел в историю как дальновидный стратег, министр-предприниматель и человек дела. С его именем связаны:

- практическое завершение формирования единого национального рынка России: строительство транссибирской магистрали, соединившей европейскую часть страны с Сибирью и Дальним Востоком, создание других элементов рыночной инфраструктуры, введение золотого рубля;
- осуществление начального, трудного этапа индустриализации народного хозяйства;
- активная поддержка со стороны государства частнокапиталистического предпринимательства, как необходимой предпосылки глубокого обновления социальной организации экономики;
- оказание финансовой помощи основной части населения — крестьянству: снижение ставок за кредиты Крестьянского банка, списание недоимок, отсрочка выкупных платежей. Витте был одним из авторов крестьянской реформы 1907 г.

Будучи министром финансов, а затем, короткое время председателем Совета министров, Сергей Юльевич имел четкую и логичную концепцию реформирования России. Наиболее полно она изложена в курсе лекций, которые он прочитал Великому князю Михаилу в 1900-1902 гг.[4.29]

«Конечной целью хозяйственной деятельности человека является потребление. Все ценности производятся для того, чтобы служить удовлетворению потребностей, быть потребленными...Народы тем богаче, чем больше у них материальных и духовных потребностей и чем полнее могут быть удовлетворены эти потребности.

Хозяйственная деятельность характеризуется стремлением человека достичь наибольших результатов с наименьшими усилиями.»

Однако, «одного лишь существования, даже в обширном количестве, полезных и приятных предметов недостаточно для того, чтобы народ мог считать себя относительно богатым. Предметы эти должны быть, кроме того, распределены таким образом, чтобы все общественные классы пользовались известной степенью достатка...Равенство всех поданных перед законом есть основное условие народного благосостояния и более равномерного распределения достатка в народной массе».

Особое значение для достижения высокого благосостояния народа Витте придавал развитию промышленности: «Опыт показывает, — говорил он, — что экономическое преуспевание страны не

может быть основано на одном земледельческом производстве... Необходимо вывести Россию на такой путь, при котором национальный труд находил бы разнообразное приложение и заработок; для предприимчивости, как и для технических усовершенствований и изобретений открывалось бы широкое поле деятельности, а большинство потребностей в промышленных изделиях удовлетворялось бы собственными произведениями».

В решении такой задачи главную роль он отводил знаниям, предприимчивости хозяйственников и активной деятельности государства:

«Великие научные открытия и связанные с ними технические изобретения, повлекшие за собой удивительные перевороты в промышленности.., с ясностью показывают, как важен прогресс знаний. С другой стороны, не менее важное значение имеют и заботы о большей доступности знаний для всего населения страны.

Чем дальше идет прогресс, тем сложнее становится отправление производственного процесса и тем труднее роль его участников. Чтобы справиться с этой ролью, они должны обладать личными особыми качествами — предприимчивостью и энергией, развивающимися на основе самодеятельности...Наше купечество далеко не отличается той предприимчивостью, какая необходима для современной торговли. Ему мешает в этом и недостаток знаний, и привычка ждать от правительства указаний и поддержки.»

Аргументируя необходимость активной экономической роли государства, Витте указывал на то, что центральная власть выражает и удовлетворяет общенациональные нужды: «Тогда как частное хозяйство преследует личный интерес хозяина и всеми средствами стремиться достичь возможно больших выгод для своих участников, хозяйство государственное, преследуя выгоды государственной казны, подчиняется в своих действиях высшим интересам охраны народного благосостояния, а потому должно отказываться от фискальных выгод, идущих в разрез с преуспеванием народного хозяйства».[4.30]

Размышляя над высказываниями С. Витте, невольно задаешься мыслью: как много сделано ошибок из-за того, что наш народ плохо знает свою собственную историю. И еще можно добавить: талантливых, творческих государственных служащих в России не только не ценили, но и преследовали, как возмутителей спокойствия. Витте, как и Сперанский, попал в опалу верховной власти и вынужден был уехать за границу, где и закончил свои воспомина-

ния, как своеобразное завещание потомкам.

Кадры предпринимателей и специалистов для частного сектора в течение многих веков формировались стихийно, в процессе естественного отбора, в условиях острой конкурентной борьбы со всеми ее особенностями. Как уже отмечалось, первые удачливые купцы, занимавшиеся, в основном, внешнеторговыми операциями, появились в городах еще до создания Киевской Руси. С образованием древнерусского государства они быстро нашли общий язык с князем и его высшей дружиной, деятельно участвуя в их дальних торговых экспедициях. В это же время в Киеве развернули свою активную деятельность ростовщики, главным образом, евреи , выходцы из Хазарского каганата.

Во время татарского ига, в южных и северо-восточных землях внешняя торговля практически свернулась, а внутренняя едва теплилась. Исключение составляли Новгород и Псков, которые продолжали торговлю с европейскими странами мехами и другими продуктами леса, сохранив под своим контролем почти всю северную часть бывшей Киевской Руси. Зато князья и бояре- вотчинники, имевшие угодья в Нечерноземье, волей-неволей должны были стать расчетливыми хозяевами-предпринимателями. Чтобы выплачивать довольно высокую дань татарским ханам и иметь еще что-то для себя, нужно было поднять доходность собственных земель, развивать ремесла, поддерживать оставшихся торговцев. Для этого пришлось ввести специализацию хозяйства по отдельным отраслям, повысить экономическую ответственность управленцев, четко разграничить функции и обязанности отдельных служб, расширить их права и самостоятельность, наладить элементарный учет и контроль. Одновременно стали меняться характер и стиль руководства как со стороны князя, так и кадров, занимавшимися хозяйством. На каждом уровне управления определялись конкретные экономическое, а в ряде случаев и финансовые задачи. Все чаще приходилось считаться с ценами, определять затраты, уровень оплаты труда, выгодность тех или иных решений и действий. Сочетание ответственности и самостоятельности порождало инициативу и предприимчивость.

Все это вместе существенно подняло эффективность хозяйствования в Московском княжестве, что, в свою очередь, позволило одновременно платить дань, расширять и укреплять экономику страны, формировать сильную армию. Конечный результат —

благоприятный исход для Московского княжества трехвекового противоборства двух государственных и хозяйственных систем.

Получив самостоятельность и дополнительные ресурсы за счет отказа платить дань правителям Орды, Москва приобрела новую возможность для ускорения своего экономического развития, в том числе, ремесел и торговли. Этому способствовало также введение относительно устойчивых серебряных денег, снижение, а затем и полная отмена межрайонных пошлин, общее укрепление порядка и безопасности внутри страны.

Место лидера в экономических отношениях в XVI-XVII веках заняло купечество. Торговля обеспечивала наибольшую прибыль и почетное положение в обществе. Здесь сконцентрировались наибольшие капиталы. Закономерно, что профессия купца становиться семейной традицией. Согласно проведенным в конце XIX в. исследованиям родословных купцов с верхней Волги 43 % из них принадлежала к династиям, которые занимались торговлей от 100 до 200 лет, еще четверть — 200 и более лет.[4.31]

Успешная торговля требовала обширных знаний, особых навыков обращения с людьми, товарами и деньгами, расчетливости, гибкости, смелости и трудолюбия. Поэтому к торговому делу сыновья готовились с детства. Их обучали грамоте, счету, но главными были практические занятия: часть детства проходила в лавке, а также в дальних, нередко опасных торговых экспедициях вместе с отцом. Так, известные в XVII веке купцы Босовы ежегодно отправляли в Сибирь обозы в 50-70 лошадей, груженных порохом, ружьями, водкой, сермяжным сукном, холстом, топорами, другими изделиями. Обратно возвращались с пушниной. Например, в 1649/50 гг. они привезли из дальних краев свыше 169 сороков соболей (6 767 шкурок) и других мехов. Ясно, что участие в такой поездке была для юноши высшей школой не только коммерции, но и жизни.

Значительная часть купцов «выросла» из посадских людей, в том числе ремесленников, которые не только производили, но и сами продавали свою продукцию. Обычно те из них, которые накапливали большой капитал, продолжали сочетать производственную и торговую деятельность, но руководили своим делом с капитанского мостика — из центральной конторы. На местах их волю и конкретные указания исполняли управляющие и приказчики. Широкую известность в этом отношении приобрел купец из посадских людей Ярославля Григорий Никитников. Основную часть прибыли он полу-

чал от торговли мехами, солью, хлебом. Но одновременно он строил ладьи и суда, на которых перевозил свои товары по Волге и другим рекам. В начале XVII века он вложил большие деньги в солеваренную промышленность. В 30-ые годы в Соликамском уезде ему принадлежали 30 варниц, на которых кроме крепостных было занято свыше 600 наемных работников. Для торговли солью Никитниковы имели лавки в Вологде, Ярославле, Нижнем Новгороде, Астрахани и Москве.[4.32]

В XVII столетии московские купцы выделились из тягловых людей в особую прослойку, которая в свою очередь делилась на *гостей, гостиную и суконную сотни и слободы.*

Высшее и почетное место принадлежало *гостям.* (В то время их было не более 30 человек). Каждый из них имел торговый оборот не менее 20 тыс. рублей в год. Звание гостя такой купец получал от царя одновременно с предоставлением ряда льгот, в том числе право покупать в свое владение вотчины. По своему социальному положению гости не уступали дворянам, а в ряде случаев превосходили их, поскольку обладали уникальными знаниями по ведению коммерческих и финансовых дел, которые постоянно беспокоили верховную власть. Царь нередко обращался к ним за советом и помощью, давал ответственные поручения, например, по сбору таможенных пошлин с иностранных купцов, приглашал на службу по финансам. Но главное было в том, что в распоряжении гостей были огромные деньги, в которых в большей или меньшей степени, но всегда нуждался государь. И он часто брал у купцов деньги, расплачиваясь предоставлением разных льгот, земель, почетных званий. Так, купцы Строгановы в период смутного времени, а затем в годы царствования Михаила Романова пожертвовали на общегосударственные нужды 842 тыс. рублей (для сравнения: в 1680 г. все военные расходы московского государства составили 700 тыс. рублей). По существу, они организовывали и финансировали сибирские походы Ермака, оказали огромную денежную поддержку Петру I. Естественно, что и московские власти не оставались в долгу. Строгановым были пожалованы обширные земельные владения по берегам Камы и других приуральских рек. Площадь полученных владений в 1700 г. превысила 10 млн. десятин. На этих землях работало 45 тыс. мужских душ. Кроме того 33 тыс. числилось в бегах.[4.33] Хозяйство Строгановых имело целый ряд экономических льгот, было неподсудно губернским властям, в то же время имело

право судить своих людей. В их распоряжении находились воинские подразделения, среди них — артиллерийские. Некоторые из рода Строгановых получили титул барона и даже графа. Их владения без всякого преувеличения можно назвать государством в государстве.

Если в XVII в. лишь некоторые купцы наравне с торговлей сами занимались производством товаров, то в следующем столетии это стало массовым явлением. Такой трансформации активно содействовал Петр Великий. Ее всячески поддерживала и Екатерина II, которая объявила «открытие нового предприятия и устройство всякого рода промышленных заведений совершенно свободным для всех». Этим разрешением воспользовались крестьяне, прежде всего, государственные и в меньшей степени крепостные. Но и среди них нашлось немало предприимчивых натур. Помещики, особенно из нечерноземья, охотно отпускали хватких, инициативных крепостных в город для занятий коммерческой деятельностью. В таких случаях они получали денежный оброк значительно большей, чем от крестьян, остававшихся на земле. Можно привести, хотя и не очень типичный, но поучительный пример крепостного крестьянина Ивана Гарелина. Начал он с того, что стал скупать у себя в деревне домотканые полотна и с выгодой продавать их в городе. Накопив денег, купил небольшую мануфактуру с 200 ткацкими станами. В начале XIX в. он умер, но его преемники успешно продолжали дело, прикупая на имя помещика землю и крепостных для работы на фабрике. В 1817 г. здесь действовало уже свыше 1000 станов и 85 набивных столов. Чистая прибыль достигала почти 50 тыс. рублей. В 1828 г. Гарелины выкупились на волю, оставив помещику мануфактуру, жилые дома и хозяйственные постройки, 700 десятин земли и 25 тысяч наличными. Помещик охотно получал деньги, но сам хозяйствовать не умел. Дела на фабрике пошли не очень хорошо и через 9 лет он продал мануфактуру Гарелиным. Настоящие предприниматели начали с того, что технически переоборудовали производство, сделав его одним из наиболее эффективных в России.

Большинство новых предпринимателей в начале XX века были выходцами из крестьян. Часто это было уже 3 или 4 поколение.

Первое поколение оставалось крестьянским по своей культуре, целеустремленности и трудолюбию. Многие из них были старообрядцами. Открыв дело, они вели аскетический образ жизни, расчетливо взвешивая как наиболее выгодно использовать каждую копейку. Часть таких предпринимателей не могла адаптироваться к

жестким условиям конкуренции, другая выживала и вскоре начинала бурно расти.

Второе поколение, получив наследие отцов делилось на две основные категории: одна продолжала целеустремленно совершенствовать и расширять свое производство или торговое дело, другая, дорвавшись до шальных денег, пускалась в разгул, проводя время в веселых компаниях, пока хватало полученных платежных средств.

Третье поколение отличалось, прежде всего, своим образованием, средним или даже высшим. Многие его представители выписывали специальную литературу, изучали зарубежный опыт, понимали необходимость постоянного обновления и совершенствования управления и производства.

Четвертое поколение предпринимателей, появившееся на рубеже двух веков, стало серьезно заниматься машинами, новыми технологиями, достижениями науки. Закономерно, что среди них появились специалисты с дипломами инженера. На заводах и фабриках создаются исследовательские лаборатории и что-то вроде будущих конструкторских бюро. Проявился также профессиональный подход к финансам и банковскому делу. Стало меняться отношение к производственному персоналу. Росло понимание необходимости иметь на предприятии постоянный костяк квалифицированных рабочих. Соответственно меняются взгляды на социальные вопросы, в том числе на условия быта и подготовки кадров технических специалистов и коммерсантов.

Таким образом, в начале столетия Россия имела сравнительно большой корпус квалифицированных кадров управленцев и предпринимателей, способных осуществить поэтапный переход страны в индустриальную цивилизацию.

Глава 5
Война деформирует и разрушает хозяйство

5.1. Экономика России не выдерживает перегрузок

Крупные державы мира вступили в XX век с грудой противоречий и готовностью подраться друг с другом. Дело в том, что за короткое время мировая структура технологических, экономических и политических сил круто изменилась. Если в XVIII веке лидером мировой экономики выступала Голландия, опиравшаяся при этом на сильный флот и мощный финансовый капитал, то в XIX столетии Великобритания, первой освоив преимущества парового двигателя и машинного производства, в упорной борьбе вытеснила голландцев и заняла главные позиции на суше и на море. Однако уже в конце XIX — начале XX века Германия сумела заметно опередить соперницу на новых, ключевых направлениях технического прогресса. Здесь был создан и освоен бензиновый мотор и дизельные силовые установки, разработан ряд эффективных электродвигателей. Крупные успехи были достигнуты в транспортном машиностроении и производстве станков, в химии и металлургии, а также в средствах связи. Сложившаяся система государственных границ стала тесной для ее исследовательского, инженерного и производственного потенциала.

Цифры показывают, что распределение колоний в начале столетия не соответствовало доли Германии в мировой экономике. По выплавке стали, производству красок (что характеризовало развитие химии), продукции машиностроении она превышала уровень Англии и Франции, вместе взятых.

Макропоказатели Англии, Франции и Германии в 1913 г. [501]

	митрополии					колонии	
	население млн. человек	территория млн. кв. км	производство стали млн. т	производство красок млн. т	машиностроение % в мировом производстве	население млн. человек	территория млн. кв. км
Англия	45.9	0.3	7.8	4.5	11.8	393.5	33.6
Франция	39.8	0.5	4.7	7.5	1.9	55.5	10.6
Германия	62.1	0.5	17.1	135.0	20.6	12.3	2.9

Основная ось противоречий проходила по линии столкновения германских интересов с интересами Англии. По существу речь шла о новом переделе мировых ресурсов и сфер влияния. Договориться по таким вопросам без силовой борьбы обычно не удается. Явно переоценивая свои возможности, Германия взяла курс на военное решение проблемы. Уже давно был заключен союз с Австро-Венгрией и Италией. После балканских войн к ним примкнула Турция. Этому блоку противостояла Антанта: Англия, Франция и Россия.

Николай II опасался и не хотел новой войны. Он скорее чувствуя, чем понимая неготовность своей страны к большой войне, склонялся к тому, чтобы пойти на уступки, искал возможности договориться. Однако, добиться компромисса с Германией не удалось. Кроме того, новые союзники обещали в случае победы положительно рассмотреть вопрос о контроле России над проливами — выходе из Черного в Средиземное море. А это была давнишняя мечта и одна из главных целей российской дипломатии.

Таким образом, накануне военного пожара каждый занял позиции в соответствии со своими интересами и замыслами. Нужна была только искра, чтобы вспыхнуло пламя. Такой искрой стал выстрел в Сараево — убийство наследника австро-венгерского престола. Австрия немедленно начала войну против Сербии. Колесница Марса сдвинулась с места и покатилась по полям Европы: 19 июля (1 августа) 1914 г. Германия объявила войну России. Но военные действия она начала на другой день с оккупации Люксембурга и вторжения в нейтральную Бельгию. Французы официально узнали от Германии, что находятся с ней в состоянии войны. Вступила в войну и Англия.

Немецкий генеральный штаб, захватив инициативу, рассчитывал,

что он будет контролировать развитие событий и навяжет участникам свой план и свои сроки ведения военных действий. Имелось в виду (план Шлиффена) в сжатые сроки разгромить Францию, а затем уже серьезно заняться с Россией и Англией.

5.2.Затянувшаяся мобилизация промышленности

Народное хозяйство России за четверть века перед началом войны пережило две волны интенсивной индустриализации, существенно изменившей структуру и характер ее национальной экономики. «...Мы, — отмечал С. Витте, — *минуя средние ступени хозяйственного развития, минуя мануфактурный период, прямо переходим к машинному производству,* пользуясь *знаниями и опытом Западной Европы».* Вместе *с* тем он трезво оценивал возможности России:*»Несмотря на поразительно быстрый рост за последнее время нашей обрабатывающей, горнозаводской, перевозочной и торговой промышленности, мы, вчера только вышедшие из примитивного экономического строя, находимся еще в начале развития промышленно-торговой ступени народного хозяйства».*[502]

Германия успела значительно дальше продвинуться в этом направлении, что давало ей ощутимые преимущества, прежде всего в качестве своей экономики. Так, обобщающий, конечный показатель реальной производительной силы страны — национальный доход Германии в 1913 году составил 10.5 млрд ам. долларов, а в России только 7.5 млрд. В расчете на душу населения эти показатели двух стран соотносились как 3.6 : 1 в пользу западного соседа.[503] Экономические возможности предопределяли верхние границы наращивания военного потенциала.

В 1910-1914 гг. в России в срочном порядке был принят ряд крупных программ, направленных на модернизацию и укрепление армии и флота. Правительство еще не оправилось от «японского синдрома» и невольно делало крен в сторону ускоренного восстановления военно-морских сил. Так, в мае 1911 г. начала действовать «программа усиления Черноморского флота», предусматривающая постройку трех линкоров, девяти эсминцев и шести подводных лодок. Общая сумма затрат — более 100 млн рублей.

Через год была одобрена «малая судостроительная программ». Ставилась задача в течение пяти лет спустить на воду 4 больших и

8 легких крейсеров, 36 эсминцев, 18 подводных лодок, а также необходимое количество вспомогательных судов. Стоимость программы — свыше 400 млн. рублей. Одновременно началась разработка «большой судостроительной программы» на 15-20 лет, реализации которой потребовала бы не менее 2 млрд рублей.

В 1913 г. Военное министерство закончило в основном составление «большой» четырехлетней программы, которая предусматривала расширение и укрепление сухопутных войск, в том числе артиллерии. Но, было уже поздно, а, главное, отсутствовали финансовые и материальные ресурсы.

О том, что промышленный потенциал России значительно уступал немецкому, свидетельствуют данные о производстве важнейших видов продукции:

Уровень выпуска отдельных продуктов в 1913 г. [504]

	мощность механических установок млн. л.с.	добыча угля млн. т	выплавка стали млн. т	производство меди тыс. т	% машиностроения в мировом производстве
Германия	6.9	190.1	17.1	49.5	20.6
Россия	3.0	36.0	4.9	32.3	1.8
Германия: Россия раз	2.3	5.3	3.5	1.5	11.4

Первопричиной многих напряжений в народном хозяйстве России стала кризисная обстановка с металлом, другими видами сырья и топливом. В ходе войны эти напряжения неуклонно возрастали. Этот прцес наглядно отражают следующие динамические ряды:

В таблице, как в зеркале, отражены особенности структурных изменений в российской промышленности военных лет, ее проблемы и ресурсные перекосы. Прежде всего бросается в глаза резкий скачок выпуска военной продукции: вооружений, боеприпасов, различной техники. Но, почти одновременно начала сокращаться доля производства сырья, в том числе металла, а также топлива. Из-за расширяющегося дефицита материалов пришлось свертывать выпуск товаров для населения и, что было особенно болезненым, — сельскохозяйственных машин и инвентаря. Это, в свою очередь вызвало деформацию хлебного рынка. Резкое падение транспортного машиностроения и производства технологического оборудова-

Доля выпуска продукции различного профиля [5.05]

в % к общему объему = 100

	1913	1914	1915	1916
Товары для населения	69.0	66.4	58.1	53.1
Военная продукция	4.6	6.5	17.7	24.8
Сырье и материалы	15.5	15.7	14.5	14.0
в том числе: топливо	1.2	1.5	1.7	0.8
Технол. оборудование	2.3	2.2	2.0	2.5
в том числе: силовое	0.9	1.0	0.9	0.9
Транс. оборудование	4.9	5.6	4.0	1.9
Сель. хоз. машины	0.5	0.4	0.2	0.2
Сель. хоз. инветарь	0.2	0.1	0.1	0.1

ния создавало трудности при строительстве новых предприятий, в том числе, оборонных.

Еще в предвоенные годы увеличение ресурсов угля отставало от быстрого роста парка и мощности паровых двигателей. Главным его потребителем выступала текстильная промышленность (более 1/3 всех ресурсов угля), металлообработка и машиностроение (около 1/4), горная, металлургия, а также ж.д. транспорт. В то время более 20 % потребностей в этом виде топлива удовлетворялось за счет импорта, в основном, из Англии.

Производство и импорт топлива в 1913-1917гг. [5.06]

млн. тонн

	1913	1914	1915	1916	1917
Добыча угля	29.0	32.0	31.5	34.4	31.2
Импорт угля	7.8	4.9	0.7	0.2	0.2
Добыча нефти	9.2	9.1	9.3	9.9	8.7

Во время войны весь импорт доставлялся морским путем до Архангельска и Владивостока, где его перегружали на железную дорогу. Но, инфраструктура этих портов была не в состоянии обработать внезапно нахлынувший многотоннажный грузопоток. Даже ценные товары скапливались здесь в огромных количествах и лежали месяцами, а иногда годами, портились и становились безхозными. Для угля, естественно, места не оставалось. Таким образом, Россия вдруг недосчиталась 7-7.5 млн. тонн ценного топлива. Верно, «повезло» в другом: с нефтепродуктами. До войны примерно

1 млн. тонн (в пересчете на уголь) керосина, бензина и других нефтепродуктов вывозился за рубеж, в основном через порты Черного моря. Но участие Турции в войне на стороне Германии перекрыло эту торговлю. Из-за трудностей сбыта уже имевшихся запасов керосина и бензина, добыча сырой нефти в 1914 г . несколько сократилась, а затем начала медленно расти, частично перекрывая дефицит угля. Но настоящей палочкой— выручалочкой стали дрова. Их доля в топливном балансе России с 35 % в 1913 г. повысилась до 43 и даже 52 %, соответственно, в 1916 и 1917 годах.

Перебои с поставками кокса, железной руды и трудности с транспортом, серьезно тормозили увеличение одного из главных ресурсов войны — металла.

Производство черных металлов в 1913-1914 гг. [5.07]

млн. тонн

	1913	1914	1915	1916	1917
жел. руда	9.2	6.5	5.2	6.6	5.0
чугун	4.2	4.1	3.7	3.8	3.0
сталь	4.2	4.4	4.1	4.8	3.1
сталь. прокат	3.5	3.6	3.3	3.4	2.4

Еще острее сложилась ситуация с медью — основным сырьем для электротехники, промышленности связи и радио. Если в 1913 г. ее выпуск в России составил 32.3 тыс. тонн, то в 1916 г. — только 22.1 тыс. Поэтому потребовалось почти в десять раз расширить импорт: с 6.2 тыс. т накануне войны, до 59 тыс. т в 1916 г.[5.08]

Химическая промышленность в период войны раздвоилась: одна ее часть стала круто подниматься в гору, в область производства пороха, других боеприпасов, а также необходимых для этого исходных продуктов. Другая — «мирная» химия медленно спускалась на тормозах вниз. По данным промышленной переписи в 31 губерни объем валовой продукции в химических отраслях с 1913 по1916годы увеличился в 1.8 раза, в том числе производство взрывчатых веществ — более чем в 10 раз.

По динамичности развития химия лишь немного уступала военной промышленности. Но, это было достигнуто, в основном, за счет резкого увеличения производства пороха и других ВВ. Основная химия (производство кислот, щелочи, солей) упорно держалась на уровне довоенных лет. Выпуск продукции для населения, в том чис-

Динамика химической промышленности в 1914-1917 гг. [509]
в % к 1913 г.

	1914	1915	1916	1917
Вся отрасль в том числе:	97.6	129.3	180.7	146.4
Взрывчатые веществава	158.6	541.8	1045.0	813.0
Основная химия	100.2	102.0	101.6	61.7
Красители	119.2	121.9	211.1	135.9
Мыло	94.8	78.1	77.2	62.7
Спички	106.7	80.2	67.3	60.6

ле таких важных в быту, как мыло и спички, с первых же месяцев войны стал сокращаться и в 1917 г. составил менее 2/3 от довоенного уровня. Снизилось также производство минеральных удобрений.

В таком же «расслоенном» положении оказалось машиностроение. Казенные предприятия, специализировавшиеся на выпуске стрелкового оружия и артиллерийских орудий, относительно быстро перешли на массовое производство и расширяли его высокими темпами. Другая его часть, принадлежавшая частным владельцам и акционерам, получив государственные кредиты, с переменным и неодинаковым успехом осваивала новую технику: выпуск самолетов, авиамоторов, автомобилей и броневиков, станков разного назначения, телефонную и радиоаппаратуру, другие незнакомые, а потому сложные изделия.

Наконец, была и третья часть машиностроителей, которая, столкнувшись с дефицитом сырья и топлива, рабочей силы, финансов и других ресурсов, стала свертывать производство. В первую очередь, такая судьба выпала на долю производителей разного рода локомобилей и паровых турбин, транспортных средств, машин и металлоизделий для крестьян. Так, выпуск паровых установок сократился к 1917 г. в два, сельскохозяйственных машин в 2.2, весов и гирь — в 3 раза. Производство пассажирских вагонов уменьшилось наполовину.

Таким образом, главным тормозом в расширении военного производства выступал дефицит сырья и топлива. Эта глобальная диспропорция увеличивалась из-за грубых просчетов военных ведомств при определении реальных потребностей армии и

традиционного «зажима» денежных средств со стороны Министерства финансов. Поэтому наращивание выпуска вооружений и боеприпасов, особенно в первый год войны происходило со сбоями, сумбурно, но все же в целом динамично.

Болезненные перебои начались прежде всего в снабжения действующей армии стрелковым оружием: **винтовками** и **пулеметами**.

Еще в начале XX века было завершено вооружение русской пехоты винтовкой Мосина, отличавшейся дальностью и высокой точностью стрельбы, простотой и надежностью при использовании в боевой обстановке. Общепризнанно, что в то время это была одна из лучших винтовок в мире. Закончив большое и нужное дело в 1903 г. и заложив заниженные нормативы запасов в мобилизационные планы, военные ведомства явно поторопились в три раза сократить наряды (заказы) на производство винтовок в ближайшей перспективе. В результате основная часть квалифицированных оружейников оказалась без работы и вынуждена была уйти с оружейных заводов.

Уже война с Японией показала опасные последствия такой поспешности. Однако, поскольку военные действия относительно быстро прекратились, а в бюджете, как всегда, «свободных» денег не было, все осталось по-старому.

Главное артиллерийское управление, которое совсем недавно своим сокращением нарядов способствовало ослаблению оружейных заводов, в 1912 г. забило тревогу. Оно представило специальный доклад о необходимости сооружения еще одного предприятия по выпуску винтовок. Военный министр сначала не согласился с ГАУ. Аналогичную позицию заняло и министерство финансов. Решено было ограничиться реконструкцией и расширением действующих заводов.[5 10]

Неудивительно, что уже в начале войны положение с вооружением миллионов мобилизованных солдат стало катастрофическим. Ситуация осложнялась тем, что строительство двух новых заводов началось слишком поздно: закончилось оно уже после войны. А действующие заводы находились в стадии реконструкции. Поэтому перевод их на двух- и трехсменный режим, желание руководства и рабочих помочь фронту, - часто не достигало желаемых результатов: негде было развернуться.

О положении, сложившимся со снабжением русских войск мож-

Производство винтовок и револьверов [511]

тыс. штук

	1913	1914	1915	1916	1917
винтовки	65	132	733	1301	1022
револьверы	87	76	120	181	86

но судить по следующим данным: всего в армию за годы войны было призвано 13 млн. человек. На 20 июля 1914 г. в частях насчитывалось 4.1 млн. винтовок, включая драгунские, казачии и карабины. Мобилизационный запас — еще 4.6 млн. Таким образом, несколько миллионов новобранцев в ходе войны вооружать было нечем. Дело доходило до того, что безоруженных солдат направляли в боевые порядки с заданием: найти для себя винтовки среди убитых и раненых. За период войны было изготовлено 3.2 млн. винтовок (из них почти 3/4 в последние два года), закуплено за рубежом еще 2.5 млн, захвачено у противника — 0.7 млн. В тоже время несколько миллионов этого вида оружия по разным причинам выбыло из строя. Осталось примерно 11 млн при потребности 17.7 млн винтовок.[512]

Еще более острая обстановка сложилась с поставками **пулеметов**. Впервые их закупили за границей для русской армии, около 400 штук, еще в конце XIX века. Война с Японией показала высокую боевую эффективность нового вида оружия. Поскольку за каждый пулемет приходилось платить почти 3 тысячи рублей явно завышенную цену, решено было приобрести у фирмы «Викерс» лицензию на производство пулемета системы «Максим». И уже в 1905 г., т.е. весьма оперативно, их выпуск был освоен на Тульском оружейном заводе.

Специальным решением Совета государственной обороны предусматривалось иметь в пехотном полку и каждой кавалерийской дивизии одну пулеметную роту, вооруженную восемью «Максимами». В этой связи объем их производства увеличивался до 500 единиц в год. Одновременно была поставлена задача уменьшить вес пулемета. Над ее решением параллельно работали конструкторы тульского завода и фирмы «Викерс». Тульский образец получился более удобным, надежным и легким, чем его зарубежный аналог. Его и запустили в 1908 г. в массовое производство.

Казалось, все получилось очень удачно. Так оно наверное и было, если бы ГАУ правильно определило потребности армии в пулеметах

и заказало нужное их количество на Тульском заводе. Первые же дни большой войны показали, что и в этом деле были допущены крупные просчеты в сторону занижения реальных потребностей. На фронте всюду требовали, просили прислать им пулеметы. Пришлось на ходу перестраиваться, чтобы резко увеличить их производство: закупили необходимое оборудование, удвоили количество персонала, ввели трехсменный режим работы. Одновременно сделали заказы союзникам и США. Тульский завод сработал более оперативно, о чем наглядно говорят следующие данные:

Обеспечение русской армии пулеметами в годы войны [5 13]

единицы

	1914	1915	1916	1917
Изготовлено на Тульском заводе	828	4251	11072	11420
Закуплено у союзников	-	500	628	7462
Закуплено в США	-	557	8880	24371

Как видно из таблицы, тульские оружейники за первый год войны увеличили производство пулеметов в 5 раз, в 1915 г. — еще в 2.6 раза. Союзники в самый тяжелый период войны действовали весьма вяло. Раскачались только к концу, особенно американцы. В 1917 г. они поставили 24.4 тыс. пулеметов: русские оплачивали свои заказы золотом.

Обеспечение действующей армии **артиллерийскими системами** было напряженным по-своему. Традиционно русские пушки не уступали армиям противника по качеству. Накануне войны в России была завершена программа модернизации, обновления и пополнения артиллерии. В 1914 г. в ее составе преобладали 76 и 107 мм скорострельные пушки, 122 и 152 мм гаубицы, 76 мм горные орудия и др. Не хватало тяжелых и зенитных орудий.

Совсем мало было снарядов. Генеральный штаб не предполагал, что предстоящая война будет длительной. Поэтому не предусматривалось создание больших стратегических запасов, в том числе орудийных снарядов. В действительности все обернулось по-другому. Боевые действия приобрели затяжной, позиционный характер, со своими тяжелыми наступлениями и откатами. Противник зарывал-

ся в землю, и, чтобы «достать» его, нужна была артиллерия, в том числе тяжелая. Уже в условиях войны пришлось срочно, притом существенно, корректировать и расширять производство орудий, а также снарядов, пороха и других взрывчатых веществ.

Выпуск полевых орудий в России в 1914-1917 гг. [5 14]

единицы

	август-декабрь 1914	1915	1916	1917
76 мм пушка	354	1349	3721	3205
76 мм гор. пушка	51	305	366	245
152 мм гаубица	-	60	122	149

Чтобы обеспечить такой крутой рост серийного производства полевых орудий, особенно 76 мм скорострельной пушки, потребовались дополнительные вложения капиталов, оснащение заводов новым оборудованием, углубление специализации и перестройка кооперации между обособленными производителями стволов, затворов и лафетов. Все это в свою очередь требовало четкой организации, дисциплины и поддержки со стороны не только руководителей, но и всей массы занятых в промышленности. Так, освоение по существу нового производства минометов в России было осуществлено в 1915-1916 гг. благодаря вложению капиталов и инициативы частных предпринимателей.

К сожалению, на таком, относительно благоприятном фоне уже в первые месяцы возник опасный кризис со снабжением армии орудийными снарядами. Частые артиллерийские дуэли, характерные для позиционной войны, необходимость разрушения капитальных оборонительных сооружений противника, все это потребовало небывало большого количества боеприпасов. Как показала практика, фактический расход снарядов превышал довоенные расчеты генштаба в 12-15 раз.[5 15] Трудности со снабжением усугублялись тем обстоятельством, что военные ведомства не имели специализированных заводов по производству снарядов. В начале войны их изготовляли далеко не всегда согласовано на семи казенных горных заводах и десяти частных предприятиях.

Чтобы ликвидировать образовавшийся провал, было решено привлечь к производству снарядов еще 16 крупных заводов, скоординировав их возможности и усилия. Была поставлена задача в макси-

мально короткие сроки многократно увеличить выпуск снарядов и удовлетворить насущные потребности армии. Пока все необходимые структуры организовывались и запускались в действие, весной 1915 года на позициях русских войск разразился настоящий «снарядный голод». Немецкая артиллерия господствовала по всей линии фронта. Русские же войска, имея исправные пушки, не могли им ответить: стрелять было нечем. Когда же стал налаживаться процесс массового изготовления снарядов, обнаружился острый дефицит пороха и других взрывчатых веществ, а также сырья для их изготовления, которое до войны получали в основном из Германии.

Для преодоления всей полосы препятствий, потребовалось огромное напряжение сил, предприимчивости и изобретательности, а также взаимной поддержки патриотически настроенных людей. О том, что почти все трудности с немалыми издержками все же удалось преодолеть свидетельствуют следующие данные:

Производство артиллерийских снарядов в годы войны [5 16]

млн. штук

1914	1915	1916	1917
0.1	9.6	31.0	24.4

Такой «бешенной» динамики (рост за два года в 310 раз!), какую получило в 1915-1916 гг. производство снарядов, не имела ни одна другая отрасль военной промышленности.

Одна из важных особенностей развития военной техники в начале XX века состояла в том, что на смену лошади, как главной тягловой силы в артиллерии и материально-техническом снабжении армии, а также при эвакуации раненых, прибыли **автомобиль** и **трактор**. Особое значение имело и то обстоятельство, что, когда их одевали в броню, они превращались в грозные боевые машины — броневик и танк. Качественный скачок в этой сфере произошел не в одночасье: он накапливался в течение десятилетий, параллельно в разных странах.

В России еще в 1876 г. штабс-капитан С. Маевский представил в правительство проект самодвижущей машины с паровым двигателем. Это был один из многих экспериментов, который невозможно было реализовать на практике из-за низкого соотношения мощности мотора к его весу. Надо было ждать создания двигателя, который бы мог непосредственно трансформировать энергию

сжигания топлива в движущую силу, минуя стадию парообразования. Тем самым вес двигателя в расчете на единицу мощности (л.с.) снижался в несколько раз. Вскоре такой двигатель появился: в 1884 г. на Охтенской судоверфи был построен восьмицилиндровый двигатель внутреннего сгорания. На его основе В.Луцкий сконструировал и построил бронированную машину, которая успешно прошла испытания на маневрах 1902 г. Однако денег у военного министерства для ее внедрения в производство не нашлось, и чертежи Луцкого были переданы во Францию.[5 17]

Спустя четыре года на Краснрсельских маневрах демонстрировалось уже несколько моделей бронемашин. Специальная комиссия высоко оценила результаты испытаний. Но дальнейшего продвижения новой техники в армию, опять из-за ограниченности финансовых ресурсов, не произошло. Такой сценарий повторялся несколько раз. Дело в том, что в России не было автомобильной промышленности. В 1912 г. 50 первых автомашин было выпущено на Русско-Балтийском заводе, в г. Риге. В следующем году здесь было изготовлено 127 и в 1914 г. — 300 автомобилей. Потребность в новых транспортных средствах была очень высокая. В 1910-1914 гг. за рубежом было закуплено 21 тыс автомашин, в том числе, для военного министерства 259 легковых и 418 грузовых автомобилей. Они и составляли тот парк механических транспортных средств, с которым русская армия начала войну. Вскоре к ним присоединили еще 3 тыс. легковых и 430 грузовых автомобилей, а также 1800 мотоциклов, мобилизованных у частных лиц.

Броневики приходилось полукустарно изготавливать на неспециализированных заводах. Так, материальная часть первой автобронероты состояла из 8 броневиков, построенных в 1914 г. на Ижорском заводе по проекту полковника Добржанского. Одновременно полковник Секретов был направлен со своими чертежами сконструированной им бронемашины в Англию для налаживания ее производства на заводе «Остин». Вскоре в Россию с Британских островов прибыли первые 48 боевых машин.

Чтобы как-то поправить положение, военное ведомство в 1916 г. добилось от правительства кредитов на строительство первого автозавода с привлечением частного капитала. Русские предприниматели братья Рябушинские и Кузнецов образовали «Автомобильное московское общество» (АМО) и на окраине старой столицы начали сооружение нового предприятия. Имелось в виду завершить

его за один сезон и уже в 1917 г изготовить первые 150 автомобилей. Реализовать эти планы полностью не удалось. Небольшое количество машин для фронта собрали из готовых частей, закупленных у фирмы «Фиат». Будущий «ЗИЛ» вступил в строй уже после войны.[5 18] Поэтому основную часть новых автомобили пришлось закупать за границей: в США и других странах. Большая доля заказов так и не была выполнена.

Всего за период войны было изготовлено в России и ввезено из-за рубежа 25 тыс. автомобилей. Основная их часть была направлена в армию: 490 бронемашин, 13.6 тыс. грузовиков, 7.5 тыс. легковых машин, 2.2 тыс санитарок, 596 цистерн, 234 автокухни, 51 автобус, 45 автомастерских, 10 прожекторных установок.[5 19] Для многомиллионной армии это было совсем немного.

Авиацию в России создавали Личности — люди, обладавшие талантом, большой волей и мужеством. Правительство слишком долго и безучастно наблюдало за этим трудным процессом со стороны. Создателем первого отечественного самолета по праву считается А.Ф. Можайский. Молодые годы он провел в длительных плаваньях на парусных судах и пароходах, внимательно наблюдал за природой, стараясь понять ее движущие силы и законы. Зрелый период своей жизни Александр Федорович посвятил идеи создать летательный аппарат с механическим движетелем. Многолетние опыты с моделями различных планеров, разработка и создание многочисленных вариантов воздушного винта, — позволили ему накопить обширные теоретические и прикладные знания, достаточные для строительства реального самолета. Непреодолимой преградой стал мотор. В то время самым эффективным считался паровой двигатель. Но, удельный вес единицы его мощности оказался слишком велик даже для автомобиля, не говоря уже о самолете. И не вина, а беда А. Можайского состояла в том, что в принципе, т.е. независимо ни от каких придумок конструктора, даже лучший паровой двигатель конца XIX века не мог поднять его самолет в воздух. Заслуга А. Можайского состоит прежде всего в том, что он заложил первые камни в фундамент теории самолетостроения. У него нашлось много последователей. К началу XX столетия в России сложилась своя научная школа аэродинамики. Результаты исследований Н. Жуковского и С. Чаплыгина по теории крыла, винта, воздушных потоков и вихрей и других областей знаний о полете самолета и сейчас используются конструкторами и летчиками.[5 20]

Закономерно, что в начале XX столетия в России появилась целая серия самолетов различного типа и назначения: истребители и тяжелые бомбардировщики И.Сикорского, летающая лодка Д. Григоровича, военные самолеты Я. Гаккеля, С. Гризодубова и др. Возникло несколько частных предприятий по производству моторов и самолетов, число которых в 1917 г. превысило два десятка.

Во время Балканских войн Болгария обратилась к России помочь военными самолетами. Правительство не могло это сделать официально, но оно не препятствовало «Первому Российскому товариществу воздухоплавания» послать туда летчиков-добровольцев на русских самолетах. Они активно участвовали в боевых действиях против Турции. Полученный опыт заставил Генеральный штаб пересмотреть свою позицию о роли авиации в будущей войне. Было принято решение о создании специальных военно-воздушных отрядов. Сразу же возникла проблема оснащения их самолетами. Высказывались предложения о целесообразности строительства государственных самолето- и моторостроительных заводов, но военное министерство было категорически против, считая, что частные предприятия в состоянии сами выполнить все его заказы. При этом по традиции наибольшим доверием и уважением у «начальства» пользовались иностранные конструкции и фирмы.

Инженерное ведомство организовало конкурсные испытания русских и иностранных самолетов. Лучшими были признаны машины Сикорского, усовершенствованные на заводе Дукс в Москве истребители Форман и Ньюпор и некоторые другие модели. За два месяца до начала войны в России и Франции было заказано около 300 самолетов, т.е. примерно столько же, сколько уже имела в то время Германия (232 единицы).[5 21]

Из 208 самолетов, которые были в строю в начале 1915 г., к 15 сентября выбыла почти половина. Немцы имели преимущество в количестве и качестве аэропланов. Чтобы противостоять им прихо-

Производство самолетов воюющими странами [5.22]

тыс. единиц

	1914	1915	1916	1917
Англия	0.2	1.9	6.1	14.4
Франция	0.5	4.7	7.5	14.9
Россия	0.5	1.3	1.9	1.9
Германия	1.3	4.5	8.2	19.7

дилось всячески форсировать производство и закупки авиационной техники. В тылах воюющих сторон началась жесткая борьба за господство в воздухе над линией фронта.

Эта таблица убедительно иллюстрирует тот факт, что в войнах XX века, исход которых решает соотношение техники и моторов, преимущество имеют страны с высоким инженерным и технологическим потенциалом. Россия заметно проигрывала в этом отношении Германии. Конечно, если подсчитать количество самолетов всех стран Антанты, то общий баланс склонялся в их пользу. Но союзники стремились в первую очередь обеспечить свое превосходство на Западном фронте, а на Восточном многократный перевес имели немцы, В конце 1917 г. в России насчитывалось в строю 1109 самолетов (в несколько раз меньше,чем у немцев). Из них на фронте находилось 579 машин. Остальные использовались в учебных центрах. Из заказанных на этот год за рубежом 1153 самолетов, получено было всего 148 машин.[5 23]

Таким образом, отставание России в современных технологиях и развитии базовых отраслей, прежде всего, машиностроения стало одной из главных причин ее поражения в войне. При этом она собрала все свои силы и сумела сделать огромный рывок вперед. Однако он стоил слишком дорого и был осуществлен с большим опозданием.

5.3. Начало продовольственного кризиса - разрыв в слабом звене

«Продовольственный вопрос принадлежит к числу самых грозных, — с тревогой отмечал Н.Д. Кондратьев в марте 1917 г. — Запасы продовольствия в армии и крупных потребляющих центрах исчисляются днями и быстро тают. Наступающая распутица грозит углубить тяжесть положения и сделать его трагичным».[5 24] Такая оценка сложившейся ситуации с хлебом для многих оказалась неожиданной. Совсем недавно, в первые два года войны возник вопрос: что делать с 600—650 млн. пудов «лишнего» зерна, поскольку его вывоз за границу почти полностью прекратился, а урожай, особенно в 1915 г., собрали высокий. И вдруг, спустя совсем немного времени, заговорили о реальной угрозе голода. Что же произошло?

Существенные перемены на хлебном поле России в 1916 году достаточно четко отражают следующие данные:

Посевы, урожайность и валовые сборы зерна в годы войны [5 25]

	1914	1915	1916
Посевы, млн десятин	85.7	82.4	75.9
Урожайность, пуд/дес	54.4	58.3	52.7
Валовой сбор, млрд пуд	4.7	4.8	4.0

В 1914 году было собрано хлебов на 4 % , в 1915 - на 1.2 % , в 1916 - на 18.5 % меньше, чем в среднем за 1909-1913 гг. Как видно из этих данных, резкий перелом в худшую сторону произошел в 1916 г, когда особенно круто сократились посевные площади и урожайность. Основная причина заключалась не в колебаниях погоды, а в том, что в 1915-1916 гг. село в полной мере ощутило на себе всю тяжесть войны.

В наибольшей степени сказалась массовая мобилизация в армию взрослых мужчин. Всего с начала войны и до конца 1916 года в России под ружье было призвано 12.4 млн. человек. Из них 5.1 млн. — во второй половине 1914 г, еще 5.2 млн. в 1915 г. и 2.1 млн. в 1916 гг. Если учесть, что в 1913 г. сельские жители составляли более 82 % всего населения, то легко подсчитать, что к началу 1917 г. солдатские шинели одели на себя свыше 10 млн. наиболее трудоспособных крестьян. Это составляло от трети до половины всей мужской рабочей силы деревни. Общая численность работников в сельском хозяйстве, включая женщин, накануне войны достигала 44-46 млн.человек. Среди них, на мой взгляд, по несколько завышенным оценкам, находились 13-15 млн., не имевших полной нагрузки.[5 26] Мобилизация не только поглотила скрытую безработицу, но и вызвала дефицит рабочей силы во всех сельскохозяйственных регионах страны, в том числе особенно острый в 45 % обследованных губерниях.[5 27]

Структура трудовых ресурсов сельского хозяйства приобрела соотношение 1:1.6 в пользу «слабого пола». В такой обстановке крестьянки вынуждены были взять на себя основную часть тяжелых полевых работ. Помогали подростки и старики. В 1916 г женщины в многих семьях выступали не только в качестве основной рабочей силы, но и в роли хозяина—организатора, а также равноправного члена сельского схода, активно участвуя в решении всех вопросов непростой жизни общины.

Важную роль в преодолении трудностей, возникших в связи с вынужденным уходом мужчин на войну, в 1914-1915 годах сыграла

взаимопомощь сельских жителей. Одной из форм выражения патриотического подъема среди крестьянства в те годы стала безвозмездная помощь трудом, семенами, продуктами, вещами и деньгами, прежде всего, многодетным, чаще всего безлошадным семьям, оставшимся без отца. Иногда сельский сход облагал земельные наделы целевыми сборами, за счет которых создавался «фонд мирской самопомощи».[5 28]

К концу 1915 г., после того как из деревни «забрали» на войну еще 5 млн. мужчин, обстановка изменилась. Почти половина домохозяйств стала нуждаться в помощи, а возможности для ее оказания заметно сузились. Тем не менее, люди старались любыми способами пережить трудное время. Широкое распространение получила родственная взаимоподдержка. Иногда на время сева, сенокоса и уборки создавались своеобразные артели, объединявшие 2-4 слабых семьи. Некоторые земства создали специальный парк жаток и других машин, которые нуждающиеся имели возможность на льготных условиях взять на прокат. Все эти меры смягчали боль, но они не могли преодолеть общего расстройства баланса трудовых ресурсов в деревне. В этом деле лишь частично помогли и те 2 миллиона беженцев и военнопленных, которых централизовано направляли в деревню. Обычно они попадали в распоряжение крупных помещиков и богатых землевладельцев.Так, специальные обследования показали, что в рядовых крестьянских хозяйствах на долю беженцев и военнопленных приходилась лишь 1/20—1/30 часть всей рабочей силы, а в помещичьих хозяйствах каждый четвертый работник был из их числа.

Обострение дефицита рабочей силы пожалуй, главная, но не единственная причина сокращения посевных площадей и снижения урожайности хлебов, поскольку затягивание уборки из-за нехватки помощников всегда увеличивает потери зрелого зерна.

Другой осложняющий фактор — использование для военных нужд крестьянских лошадей. Всего за период войны для армии было мобилизовано или закуплено 2.6 млн. лошадей.[5 29] Поскольку взрослое конское поголовье в этот период колебалось между 24-26 миллионами, то убыль основной тягловой силы в деревне была относительно небольшой: всего порядка 10 %. Такие потери удавалось перекрывать за счет молодняка.

Как свидетельствуют данные, в 1916 г. по 47 губерниям Европейской части страны удалось восстановить количество рабочих

Поголовье лошадей в сельском хозяйстве России [530]

млн. голов

	1913	1914	1915	1916
Рабочие лошади:				
по 47 губерниям	16.6	17.2	16.0	16.7
по 71-72 губерниям	24.5	25.5	23.8	.
Все поголовье:				
по 47 губерниям	20.9	21.6	20.2	23.0
по 71-72 губерниям	32.6	33.9	32.0	31.4*

*Оценка

лошадей (старше 4-х лет) до довоенного уровня, а если считать с молодняком, даже превзойти его. Численность всего конского поголовья по стране также приблизилось к довоенным показателям, отставая в то же время по количеству рабочих лошадей.

Конь в то время служил главной тягловой силой сельского хозяйства. Его роль особенно возрастала в период посевной, сенокоса и уборки урожая, поскольку он приводил в движение различные жатки, косилки, конские грабли, другие механизмы, а также обыкновенную телегу. Существовала устойчивая зависимость между парком сельскохозяйственных машин и количеством лошадей.

Ежегодное поступление конных машин в сельское хозяйство [531]

тыс. единиц

	Жатки лобогрейки	Жатки самосброски	Сено-косилки	Конные грабли
1911-13:				
производство	97.0	8.0	7.8	0.8
импорт	-	30.7	53.9	61.7
всего	97.0	38.7	61.7	62.5
1916:				
всего	36.9	13.1	3.8	5.6

В период войны парк конных машин в сельском хозяйстве увеличивался крайне медленно и имевшегося поголовья лошадей было достаточно,чтобы его полностью использовать. Конечно, в погожие дни сенокоса и уборки хлебов возникали перенапряжения и было бы хорошо на такие дни иметь запас жаток и косилок. Но резервов не было, и обходились без больших потерь за счет привычных кос и серпов.

Одной из причин, которая привела к снижению посевных площадей в 1916 г., был недостаток хороших семян и их высокая цена. Например, по этим причинам недосев яровых весной в Казанской и Владимирской губерниях составил от четверти до трети по сравнению с довоенным уровнем. В Московской губернии из-за отсутствия семян овса многие хозяева вместо зерновых сажали картофель.[5 32]

Дефицит ресурсов органических и минеральных удобрений — один из главных факторов снижения урожайности хлебов. Их не хватало и до войны, но некоторое сокращение поголовья скота и почти полное свертывание импорта, еще больше обострили обстановку. Так, если в 1913 г. импорт туков составлял 34.3 млн пудов, — в основном из Германии, то уже в 1914 году он сократился до 22.6 млн., а еще через год вообще прекратился. Внутреннее производство, которое накануне войны удовлетворяло около трети рыночного спроса, также резко упало, а цены на удобрения подскочили в 2-4 раза. Попытки пустить новые предприятия также не дали результатов: не хватило ни инвестиций, ни времени.

Аналогично с зерновой сложилась непростая ситуация с производством хлопка. В предвоенный период оно стремительно росло. Достаточно отметить, что посевные площади под хлопок, в основном в Средней Азии, в 1914 г. достигли 149 тыс. десятин, что в два раза превысило уровень 10 года. Среднеазиатский хлопок стал постепенно вытеснять американский с российского рынка. Однако, начиная с 1915 года возник обратный процесс. Валовой сбор хлопка резко сократился и текстильная промышленность осталась, по существу, без сырьевой базы, в то время как потребности армии и населения в хлопчатобумажных тканях увеличились в несколько раз.

Относительно благополучно в непривычной обстановке держалось животноводство. В имеющихся литературных источниках приводится весьма противоречивые статистические показатели относительно численности поголовья скота и его динамики в военные годы. Чаще всего рисуется мрачная картина. Это объясняется тем, что достоверные данные по этому вопросу получить трудно. В ходе военных действий Польша, часть Прибалтики и некоторые другие территории были оккупированы германскими войсками. Поэтому для того, чтобы получить надежные динамические ряды, приходится пользоваться соответствующими показателями в большей или меньшей степени ограниченного числа губерний, а в ряде случаев экспертными оценками.

Поголовье скота в России во время войны [5.33]

млн. голов

	1913	1914	1915	1916
Круп. рогатый скот:				
по 47 губерниям	30.4	30.9	28.9	37.7
по 72 губерниям	49.1	50.0	47.7	50.4
Овцы и козы				
по 47 губерниям	35.1	35.9	35.1	61.5
по 72 губерниям	73.2	71.1	74.8	84.5
Свиньи				
по 47 губерниям	10.3	10.8	10.8	16.3
по 72 губерниям	13.7	14.5	14.5	19.5

Следует отметить три особенности развития животноводства России в военный период: во-первых, удалось сохранить поголовье довоенного стада крупного рогатого скота; во-вторых, в 1916 г. резко увеличилось количество овец, коз и свиней. Коза в семье бедняка — это маленькая корова, которая дает, хотя и немного, но питательного молока, шерсть и даже мясо. Но наиболее эффективными «переработчиками» фуражного зерна выступали свиньи. Их поголовье за один 1916 год возросло более, чем на треть; в-третьих, в региональном разрезе выравнилось количество коров в расчете на 100 человек населения. Если перед войной насчитывалось 29 уездов, где на сто жителей приходилось не более 13 коров, то в 1916 году число таких уездов упало до 8. За то же время с 41 до 71 возросло число уездов, где такой показатель колебался от 14 до 20 коров.[5.34] При этом уровень потребления мяса был значительно ниже, чем в развитых странах Европы. По данным проф. А. Челинцева еще в довоенный период дефицит говядины составлял 2.7-3.3 млн. пудов. Причем ее основными потребителями были горожане: уровень потребления мяса в деревне был примерно в два раза ниже, чем в городах. С начала войны горожане еще больше повысили платежеспособный спрос на мясные и молочные продукты: промышленность до 1916 года продолжала наращивать объем производства. Соответственно увеличивался денежный фонд заработной платы ее работников. Одновременно все более значительная доля мясных ресурсов стала направляться в армию. В городах торговля этим продуктом происходила с перебоями. Начиная с 1916 года рыночная конъюнктура еще больше обострилась. Рост цен на мясо стал обгонять темпы удорожания хлеба.

Если принять средние цены на мясо 1913-1914 гг за 100, то в мае 15 года они составляли 122, в январе 1916-го уже 175, а еще через пять месяцев 332 пункта.[535]

Кроме производственных, было немало причин экономического и социального характера, которые серьезно повлияли на ухудшение конъюнктуры рынка продовольственных товаров, прежде всего, мяса и хлеба. Среди них следует особо отметить снижения интереса крестьян вывозить свою продукцию на рынок. Дело в том, что их денежные поступления быстро росли, а некоторые расходы либо снижались, либо увеличивались, но медленнее, чем доходы. Так, по расчетам министра Временного правительства С. Прокоповича только пособия семьям военнослужащих за два года войны увеличились в 4 раза и составили в 1916/17 г. почти 1.4 млрд. рублей. В это же время, в связи с введением «сухого закона», крестьяне не тратили деньги на казенную водку и пиво, сэкономив тем самым 1.2 млрд. рублей.[536]

К сумме крестьянских доходов следует добавить также многомиллиардную выручку за проданный хлеб, мясо и другие сельскохозяйственные продукты, рыночные цены на которые возрасли в несколко раз. Все это существенно увеличило объем и изменило структуру бюджетов крестьянских семей.

Н. Кондратьв приводит следующие данные о изменениях крестьянских бюджетов в производящих и потребляющих зерно губерниях:

Крестьянские бюджеты в Симбирской и Московской губерниях[537]

	Симбирская			Московская		
	Выручка на 1 хоз. тыс. руб.	Расход на 1 хоз. тыс. руб.	Расход: выручка %	Выручка на 1 хоз. тыс. руб.	Расход на 1 хоз. тыс. руб.	Расход: выручка %
Довоенные гг.	475.0	427.3	90.0	542.2	499.8	92.1
1915 г.	707.2	528.1	74.7	829.7	755.8	91.1
1916 г.	1276.6	787.3	61.7	1730.8	1343.8	77.6

Из этих данных видно, что валовая денежная выручка в расчете на 1 крестьянское хозяйство выросла в период войны в 2.5-3 раза как в производящих, так и в потребляющих губерниях. При этом чистый доход и его доля в стоимости валовой продукции в симбирской (производящей зерно) деревне оказался в денежном выраже-

нии выше (489 руб.), чем в московской (387 руб.). Главную роль в таких изменениях сыграло не производство, а благоприятная для селян конъюнктура рынка, ценовой фактор. Дело в том, что увеличение денежных поступлений в распоряжение крестьянских смей не сопровождалось соответствующим расширением расходов, поскольку их платежеспособный спрос не встречал адекватного предложения на рынке промышленных товаров. Как уже отмечалось, резко сократился импорт сельскохозяйственных машин и металлоизделий (кос, пил, лопат, топоров, другого инструмента), минеральных удобрений, кожаной обуви, других изделий. Одновременно свернули производство товаров для села собственная легкая промышленность и металлообработка. Оставшиеся в деревне кузнецы и ремесленники лишь частично перекрывали образовавшийся дефицит. Повышение цен создавало лишь видимость рыночного равновесия. Крестьяне отвечали тем же: сокращали физический объем реализации хлеба и других продовольственных продуктов, одновременно повышая их денежную стоимость с помощью цен.

Таковы основные факторы, которые вызвали трудности на хлебном рынке в период войны. Удивительно другое: опросы показали, что каждый пятый город начал испытывать затруднения в торговле хлебом буквально с первых дней войны, когда его запасы в России составляли более 500 млн. пудов.[5 38] Осенью 1915 г. такие затруднения отмечены уже в трех из четырех опрошенных городов. Видимо, это было связано с тревожными предчувствиями населения, что наступают тяжелые времена: испокон веков русский мужик стремился запастись на лихое время сухарями.

Наступающие напряжения в торговле хлебом проявились прежде всего в быстром и устойчивом повышении цен. Если принять уровень цен в предвоенные 1909-1913 гг. за 100, то в июле 1914 года денежная форма стоимости 4-х главных хлебов составила 108, в декабре — 120, в июле 1915 года — 137, в декабре того же года — 174.

Цены на рожь и пшеницу в 1914-1915 гг. [5 39]

коп. за пуд

	ил.1914	дек.1914	ил.1915	дек.1915
Рожь, Елец	84	106	110	129
Пшеница, Киев	107	125	126	158

Первыми серьезную угрозу стабильности обстановки и удорожания продовольствия разглядели городские власти потребляющих регионов. Поэтому главной их заботой стало: как сдержать рост цен. Они стали закупать относительно дешевое зерно и муку сразу же после уборки с тем, чтобы «выбросить» его на рынок в зимние и весенние месяцы и не допустить очередного спекулятивного скачка цен. Однако, финансовые возможности местных бюджетов для осуществления подобных операций купли—продажи были весьма ограниченными. Часто приходилось брать кредиты в коммерческих банках, но это вело к удорожанию хлеба...

Одной из действенных организационных форм самообороны населения против дороговизны выступала потребительская кооперация. Она действовала как крупный покупатель и поставщик относительно дешевого продовольствия для своих членов, сдерживая в определенной степени рост цен. Неудивительно, что люди охотно вступали в ее ряды. К концу 1916 г. потребительская кооперация в России насчитывала около 10 млн. членов. Ее годовой оборот достиг 300 млн. рублей.[5 40]

Правительственные органы в борьбе с дороговизной опирались, в основном, на привычные административные методы. Еще в июле 1914 г. Министерство внутренних дел предписало губернаторам «озаботиться изданием в установленном порядке обязательных постановлений, регулирующих цены на предметы первой необходимости, и использовать всю полноту принадлежащей им власти для борьбы со спекуляцией, нередко развивающейся на почве общественных бедствий».[5 41]

Наиболее широко для реализации этого предписания региональные органы власти использовали так называемые «местные таксы» на хлеб и мясо. Их уровень устанавливался на базе выровненной региональной себестоимости и невысокой нормы прибыли. При этом практически таксы согласовывались с текущими рыночными ценами. По существу, роль этого инструмента сводилась к тому, чтобы сдержать рост цен и, если удастся, «заморозить» на какое—то время их зафиксированный уровень. Однако, далеко не всегда такая цель достигалась в рыночной практике. Свободные цены потому и назывались свободными, что они повышались стихийно, не оглядываясь на установленные таксы. Конечно, определенная связь существовала, но связь двусторонняя. Поэтому таксы приходилось часто менять, как правило, в сторону повышения. Если вла-

сти начинали строже следить за соблюдением установленных такс, то у торговцев существовали обходные пути: например, снижалось качество товара. Покупателей обвешивали почти с их согласия. Иногда таксированные товары исчезали с прилавков и их можно было купить только из-под полы, у спекулянтов.

Новый этап регулирования продовольственного рынка начался с конца 1915 - начала 1916 гг. Как уже говорилось, в первый период войны главную роль в этом деле играли местные органы власти. Государство ограничивалось тем, что без особых хлопот заготовляло хлеб и другие продукты для нужд армии, закупая их на рынке. Однако, серьезное сокращение производства зерновых в 1916 г., другие негативные факторы настолько изменили конъюнктуру рынка, что государственным органом пришлось адекватно менять формы, методы и организацию заготовок, беря на себя заботу не только о снабжении армии, но также крупных городов и промышленных центров.

Заготовки зерновых в 1914-16 гг. [542]

	задание	его выполнение	% к заданию
1914/15	231.5	303	131
1915/16	343.2	500	146
1916/17	686.0	541	78

Как следует из приведенных данных, задания по заготовке (закупке) зерновых для армии в 1914 и 1915 годах были осуществлены весьма успешно, с большим перевыполнением. Почти 2/3 зерна было куплено через посредников и кооперативы, остальное напрямую у крестьян и помещиков. Потребности армии были удовлетворены полностью. Часть заготовленного хлеба была направлена в распоряжение городских властей для поддержания устойчивости цен.

Заготовки из урожая 1916 года происходили совершенно в иной обстановке. Во-первых, задание было установлено на уровне в два раза выше, чем в предыдущем году. Это связано с тем, что государственные органы были вынуждены взять на себя заботу по снабжению населения ряда городов и промышленных центров потребляющих губерний. Во-вторых, установленное задание удалось выполнить далеко не полностью, что вызвало трудности в снабжении хлебом войсковых частей и значительной доли гражданского населения. Следует отметить, что задание по заготовкам хлебов

предусматривало поступление по твердым ценам в распоряжение государства порядка 15-17 % валового сбора зерновых. Эти цифры нельзя назвать напряженными. Но и их не удалось реализовать полностью. Фактически было заготовлено только 13 % валового сбора зерна. Крестьяне неохотно с ним расставались, поскольку имели возможность продать его на рынке по более высоким ценам. К ноябрю 1916 года стало ясно, что получить зерно в планируемом объеме не суждено. Нужно было принимать дополнительные, притом срочные меры, чтобы как-то поправить положение и не оставить солдат без хлеба.

1916 год — период перехода российского государства к активной экономической политике и административного регулирования рыночных отношений, особенно в продовольственном секторе. Взятие на себя исполнительной властью новых, чрезвычайно трудных функций: разверстка заданий по принудительной заготовке (закупке) хлеба под угрозой его реквизиции, установление твердых цен, организация железнодорожных перевозок не только военных, но и некоторых гражданских грузов, регулирование распределения и потребления основных продуктов питания в городах, — все это потребовало существенной перестройки организационной структуры и методов работы государственного управления. В данном разделе эти вопросы рассматриваются применительно к регулированию движения продуктов питания от производителей до потребителей.

Напомню, что в самом начале войны общее руководство и координация закупок продовольствия для армии была возложена на Министерство земледелия и его представителей на местах. Последние в свою очередь привлекали к решению конкретных задач чиновников различных ведомств, а также добровольцев из Госсовета, Думы и других государственных учреждений.

Многообразие и разнородность участников продовольственного дела требовали четкой организации и согласования их действий, что, как правило, не удавалось осуществить на практике. Весной 1915 г. исполнителей первых ролей поменяли — верный признак, что дело не ладилось. Основную ответственность за решение продовольственной проблемы возложили на министерство торговли и промышленности. При нем, как в таких случаях обычно поступают, создали Главный продовольственный комитет — стало на кого свалить вину. Как и следовало ожидать, эта реорганизация сколько-нибудь заметных улучшений в положение с заготовками хлеба не принесла. Больше

того, признаки наступающего продовольственного кризиса проявлялись все отчетливее.

В августе 1915 г. новая реорганизация: создание Особого совещания по продовольствию. В его состав вошли представители нескольких министерств, высших законодательных органов, а также Союзов земств и городов. Совещанию были предоставлены широкие возможности для сбора необходимой информации, а также право накладывать в особых случаях секвестр на использование запасов зерна и других продуктов, корректировать формы и методы заготовок, а в ноябре 1915 г. — право устанавливать предельные цены на важнейшие виды продовольствия. Для связи с местными органами власти Совещание создало сеть своих представителей в регионах. Там, под их председательством начали действовать губернские, областные, городские, а в 1916 г. и районные совещания по продовольствию. Схемы их образования были самые неожиданные. Например, в Петрограде в середине 1916 года уполномоченным Особого совещания по продовольствию был назначен градоначальник, а по районам города — полицмейстеры и приставы.[5.43]

Одна из главных задач, поставленных перед Совещаниями по продовольствию, заключалась в том, чтобы создать действенную систему сдерживания роста дороговизны. Дело в том, что сложившаяся к тому времени практика оплаты заготовок (закупок) хлеба и другого продовольствия формально уже осуществлялась по твердым ценам, но в действительности они не стали «твердыми», т.е. неизменными или хотя бы стабильными на протяжении сколько-нибудь длительных периодов времени.

Как уже отмечалось, использование таких цен местными органами власти началось в первые же месяцы войны. Однако результаты оказались невысокими. Общее повышение цен продолжалось ускоряющими темпами. Конечно, главная причина инфляционных процессов находилась не в локальной области ценообразования на продукты сельского хозяйства, а в гораздо более высокой и широкой сфере денежного обращения (более подробно этот вопрос будет рассмотрен в следующем параграфе). Но уж так устроены люди: они всегда пытаются лечить не саму болезнь, а признаки ее проявления. Слишком упрощенное понимание проблемы вело к тому, что против глубинных сбоев в экономике стали применять примитивно-наивные методы директив, административных норм и указаний.Так, еще в феврале 1915 г. был издан специальный закон о применении твердых цен при

закупках зерна и муки. В их основу были положены осенние цены 1914 года с добавкой 30 копеек на каждый пуд хлеба. Большинство из таких цен оказались несколько ниже биржевых. Естественно, сразу же возникли дополнительные трудности при заготовках. Твердые цены пришлось срочно отменить. Хозяйственная практика еще раз показала, что уровень и движение твердых цен подчиняется не административным, а экономическим законам, не зависимо от того, нравится кому-то такая ситуация или нет.

Заготовки зерновых из урожая 1915 года начались по вольным ценам. Валовой сбор был заметно выше, чем в предыдущем году. Поэтому ожидали, что предложение хлеба будет достаточно объемным и цены останутся стабильными. Но, у рынка, точнее у тех, кто за ним стоит, свой характер, свои задумки и поведение. Чрезмерная эмиссия денег и рост цен двигались, крепко держась друг за друга, что ставило заготовителей в трудное положение. В ноябре того же года опять вернулись к прежнему, т.е. административному противостоянию такой тенденции, шаг за шагом уступая давлению со стороны объективных факторов. Н.Кондратьев художественно описал этот процесс: «*твердые цены рисуются нам в данный период как фиксация корректированных вольных цен*...Твердые цены не в состоянии отразить вибрацию вольных цен. И если вольные цены можно сравнить с волнующей поверхностью озера, то твердые цены пришлось бы уподобить ледяному покрову этого озера».[5.44]

Показательно, что введение твердых цен было по-разному встречено в регионах производящих и потребляющих хлеб, а также соответственно их представителями в многочисленных организациях и учреждениях. Первые выдвигали убедительные аргументы против регулирующего вмешательства государства в дела рынка: крестьяне потеряли интерес к выращиванию хлебов. Посевные площади сокращаются. Качество зерна ухудшается. Расстраивается торговля и пищевая промышленность.

Сторонники твердых цен и не менее твердой политики их соблюдения на практике, ссылались прежде всего на социальную опасность удорожания продовольствия. Разгул дороговизны больно бьет по интересам основной массы населения. Инфляционная спираль разрушает основы рыночных отношений, расшатывает государственный бюджет, а также систему финансирования военной промышленности и действующей армии. Чтобы добиться компромисса

с крестьянством, они предлагали установить твердые цены на промышленные товары, предназначенные для села.

Поскольку виды на урожай 1916 года были плохими и ожидался новый всплеск инфляции, сторонники твердых цен оказались в большинстве. В нескольких регионах начали разрабатывать проекты новых твердых цен франко - станция отправления. Изменился подход к их обоснованию: специальные комиссии определяли средние по региону издержки производства и транспортировки зерна. К себестоимости прибавлялась умеренная норма прибыли, что по замыслу должно было удовлетворить интересы крестьян-производителей. Общий уровень твердых цен 1916 г. был несколько ниже соответствующих рыночных параметров, что в той или иной мере соответствовало запросам потребителей хлеба.

Казалось, достигнуто определенное равновесие интересов. Но это было расчетное равновесие. Реально платежеспособный спрос превышал предложение. Крестьян - товаропроизводителей не устраивали твердые, даже незначительно пониженные цены. Они всегда могли продать хлеб по рыночным, а если с риском, то и по спекулятивным ценам. Поэтому организованные государством заготовки зерна и муки происходили с растущим напряжением и большим отставанием от установленных заданий по разверстке, что, в свою очередь, резко отрицательно сказывалось на продовольственном снабжении городов. У хлебных магазинов и лавок выстраивались длинные очереди. Но, если еще в первом полугодии 1916 года, простояв несколько часов, можно было все же получить хлеб, то к концу года его, не говоря уже о мясе, часто не хватало на всех, кто находился в очереди. В такой обстановке новый министр земледелия решился на экономический маневр. Внешне он сохранил твердые цены, но изменил их базу: вместо цен франко - станция отправления, было взято франко - амбар. Тем самым расходы крестьянина по доставке зерна до станции возмещались дополнительно, т.е. в конечном итоге с ним расплачивались по повышенной цене. Но и это не помогло: задание по заготовкам было сорвано.

Таким образом, все попытки в военные годы «вживить» в стихийные рыночные отношения действительно твердые цены закончились весьма незначительными позитивными результатами. Рынок взял верх над государственной администрацией. Практика еще раз показала, что воду в обычном мешке не сохранишь, даже если вокруг поставить несколько чиновников и вооруженных часовых.

5.3. Денежная система и бюджет оказались более прочными

Война потребовала мобилизации огромных финансовых и денежных ресурсов, а также концентрации их в распоряжении государства. Именно в бюджете, как в фокусе, отразились все перенапряжения и противоречия военной экономики, вызванные ее перестройкой и подчинением нуждам фронта. При этом имелись существенные особенности проявления таких процессов на уровне государства, отдельных предприятий и населения.

Государственные доходы и расходы России в 1913-1914 гг.[545]

в млрд. рублей

	1913	1914	1915	1916
Доходы:				
обыкновенные	3.4	2.9	2.8	4.0
чрезвычайные	0.2	1.6	8.3	13.8
Всего:	3.6	4.5	11.1	17.8
Расходы:				
обыкновенные	3.1	2.9	2.6	2.9
чрезвычайные	0.3	2.8	9.0	15.2
Всего:	3.4	5.7	11.6	18.1
Баланс доходов и расходов	+ 0.2	-1.2	-0.6	- 0.3

Глядя на таблицу, создается впечатление, что в военные годы обыкновенные и чрезвычайные доходы, с одной стороны, и совокупные расходы, с другой, были в основном сбалансированы. Дефицит, составивший в 1916 г. всего 0.3 млрд. рублей при общей сумме расходов, превышающей 18 млрд. рублей, не кажется сколько-нибудь угрожающим.

Но счетная, внешне спокойная, почти полная сбалансированность бюджета весьма обманчива. Конкретный анализ показывает, что уже во второй половине 1914 года в финансово-денежном секторе завязался узел, который быстро стал все туже затягиваться и в 1916 г. начал сдавливать экономику, нарушая нормальный товарно-денежный оборот.

Прежде всего следует отметить, что общая сумма бюджетных расходов в 1916 году по сравнению с предвоенным уровнем возрос-

ла в 30 раз (в неизменных ценах — примерно в 15 раз), в то время как валовая продукция промышленности и сельского хозяйства снизилась. Это означало, что под оболочкой финансовых отношений образовался огромный воздушный пузырь, который мог лопнуть в любой момент. Однако, его продолжали накачивать, не задумываясь о последствиях.

В 1914 году из общей суммы всех чрезвычайных доходов — 1.6 млрд. рублей, 0.4 миллиарда было получено от выпуска 5 % - го внутреннего займа и чуть меньше: 1.2 млрд. — в результате реализации краткосрочных обязательств государственного казначейства и его же 4 % билетов. Поскольку размещение внутреннего займа натолкнулось на растущие трудности, финансисты решили пойти по более «легкому» пути — выпуску краткосрочных обязательств государственного казначейства. Их покупал, разумеется не по своей воле, Государственный банк, рассчитываясь при этом бумажными кредитными билетами. Нарастающая эмиссия таких билетов очень быстро превратилась в главный, если не сказать единственный, источник финансирования крайне тяжелой и несуразной войны.

Интересно отметить, что в первые месяцы после начала военных действий эмиссионное впрыскивание в народное хозяйство одного миллиарда бумажных денег не вызвало заметной инфляционной волны роста цен. Дело в том, что Госбанк в предвоенный период сознательно сдерживал выпуск кредитных билетов в обращение. В результате в середине июля 1914 года в обращении находились 1633 млн. рублей в кредитных билетах, на 98,2 % обеспеченных золотым запасом. В это же время в народном хозяйстве успешно выполняли свои функции около 500 млн. рублей в форме золотых монет, на 223 млн. рублей банковское и разменное серебро, а также на 18.5 млн. медные монеты.[5.46]

Сразу же после начала войны был издан специальный указ, согласно которому «Временно, впредь до минования чрезвычайных обстоятельств» был прекращен обмен кредитных билетов на золото. Золотые рубли стали срочно изыматься банком из обращения. Логично, что население, которое имело на руках золотые монеты, сразу же последовало примеру государства, т.е. убрало в укромные места свой золотой запас. Это означало на практике, что количество денег, находившихся в обращении, в весьма короткий срок уменьшилось почти на 0.5 млрд. рублей. В хозяйстве сразу же возник их острый недостаток. Так, из Риги в шифрованной телеграмме от 14 июля 1914

г. министру внутренних дел сообщали: «Приостановка заводов и фабрик, вследствие не получения банками денег и невыдачи вкладов рабочим, оставшимся без работы, при вздорожании съестных продуктов, грозит серьезными осложнениями». Из Варшавы телеграфировали министру финансов: «Во всем Привисленском крае ощущается острая нужда в мелких кредитных билетах и разменной монете, угрожающая остановкой фабрик и заводов». Аналогичные сообщения, свидетельствующие об отсутствии необходимого количества наличных денег поступали из многих городов России.[5 47]

В таких условиях первый миллиард эмиссии кредитных рублей подействовал на рынок сначала как хорошее лекарство: товарно—денежное обращение протекало без серьезных сбоев и, хотя на рынке отмечались примеры панической закупки хлеба и других продуктов, они не приобрели массового характера. В колебательном движении цен едва проглядывала легкая тенденция к повышению.

Хорошо известно, что во всем нужно знать меру. Но, одно дело знать, а другое иметь возможность соблюдать ее в напряженных условиях войны. Для сбалансирования бюджета, при резко разбухшей его расходной части, у министерства финансов таких возможностей не было. Гипотетически при решении этой задачи оно могло выбрать один или несколько вариантов из четырех:

а) повысить прямые и косвенные налоги;
б) выпустить внутренний заем;
в) получить кредит за рубежом;
г) увеличить эмиссию бумажных денег.

Министерство финансов перепробовало все, но найти решение удалось не сразу. Так, увеличение некоторых налогов не перекрывало потери доходов от винной монополии и ставшего отрицательным сальдо внешнеторговых операций. Облигации внутреннего займа расходились с трудом, а зарубежные банкиры, в том числе в союзных странах, не торопились с новыми кредитами, требовали своевременного возврата старых и оплаты заказов золотом. В этой связи пришлось с большими трудностями отправить в Англию в 1914-1916 гг. золото на сумму 264 млн. рублей. В таких условиях оставалось только одно: смелее пользоваться печатным станком, все шире используя эмиссию денег, как специфическую форму косвенного налога и принудительного займа.

Если перед войной Госбанк имел право выпустить в обращение кредитных билетов, не обеспеченных золотом, всего на сумму не

более 300 млн. рублей, то в июле 1914 г. эту планку подняли до 1.2 млрд рублей. В 1915 году такую операцию проводили дважды: весной закон расширил право выпуска не обеспеченных металлом бумажных денег до уровня 2.5, а осенью до 3.5 миллиардов рублей. В следующем году движение вверх легального объема обесцененных кредитных билетов продолжалось: сначала до 5.5, а в декабре 1916 года до 6.5 миллиардов рублей.

Формально право выпускать в обращение необеспеченные золотом бумажные деньги получил Главный банк страны, фактически это делало государство, его центральные органы, от имени которых выступало государственное казначейство. Оно выпустило в обращение в огромных объемах государственные краткосрочные обязательства, представлявших собой по существу особый вид векселя. С одной стороны, такой финансовый инструментарий позволил привлечь в распоряжение государства колоссальные денежные средства для оплаты скачкообразно увеличившихся военных расходов. С другой, он основательно расшатал и ослабил всю денежную систему, что,в свою очередь,послужило главной причиной относительно быстрого роста цен.

Вначале такие обязательства покупались только Госбанком. Хотя их называли «краткосрочными», но у специалистов не было сомнений в их бессрочном, т.е. безвозвратном характере. Таким образом, они служили инструментом оформления растущей задолженности правительства пред государственным банком. Позднее они поступили на фондовую биржу. Стали использоваться также как средства оплаты за поставки военной продукции. Всего на частном рынке к концу 1916 года обращалось ГКО на сумму 2.6 млрд. рублей. Но, основной формой их реализации оставалась эмиссия кредитных билетов.

В целом можно считать, что денежная система России в период 1914-1916 гг. удовлетворительно удовлетворяла потребности воюющей армии и перевода экономики на военные рельсы. Количество бумажных денег в обращении увеличилось за этот период в 3.6 раза. Цены на продукцию промышленности повысились в 2-2.8 раза. Цены на хлеб в 2-2.3 раза. Наибольшее удорожание отмечено в металлообработке: в связи со стимулированием производства снарядов и в химической, где лихорадочно наращивали выпуск пороха и других боеприпасов. За ними следовала пищевая промышленность, в чем отражалось растущее напряжение в снабжении про-

Выпуск кредитных билетов и движение цен в 1914-16 гг.[5 48]

	1914	1915	1916
Количество кредитных билетов в обращении,			
млрд. бумажных рублей июль	2.3	4.0	6.8
декабрь	2.9	5.6	8.4
Курс бумажного рубля, декабрь	80.6	61.2	59.4*
Цены промышленности,			
уровень цен 1913 г. = 100	110	152	219
в том числе:			
горнодобывающей	110	142	173
металлообработки	112	152	248
машиностроения	110	130	153
химической	121	181	239
пищевой	111	156	235
обувной	109	116	142
хлопчатобумажной	106	153	230
Цены на зерно и муку,			
уровень цен 1913 г. = 100			
июль	108	137	197
декабрь	120	174	227*
в том числе:			
пшеницу (Киев), июль	107	126	172
в коп за пуд, декабрь	125	158	230**
рожь (Елец), июль	84	110	151
в коп за пуд, декабрь	106	129	180*

*ноябрь, **сентябрь

мышленных центров мясом и хлебом.

Следует отметить также, что с начала войны и до второй половины 1916 года динамика роста товарных цен отставала от темпов увеличения количества бумажных денег в обращении. Как уже отмечалось, это в первую очередь было связано с тем, что население стало накапливать золотые монеты, а затем серебренные и даже медные, изымая их из обращения и увеличивая тем самым спрос на кредитные билеты. Со второй половины 1916 года положение изменилось: товарные цены по темпам роста вырвались вперед и уже не уступали лидерства до окончания войны.

В 1915-1916 гг. возникла острая нехватка разменной серебряной и медной монеты. Поскольку бумажные деньги постоянно обесце-

нивались, серебро и даже медь в семьях с невысокими доходами стали выполнять функцию накопления и сохранения хоть какого-нибудь богатства в расчете на черный день. В связи с этим возникли проблемы с так называемой мелочью, без которой невозможно поддерживать нормальный процесс рыночного товарообмена. Правительство попыталось заполнить образовавшуюся пустоту путем дополнительной чеканки монет достоинством 10 и 15 копеек из имевшихся запасов серебра на сумму 8.5 млн. рублей. Но они исчезали так стремительно, что рынок не успел как-либо отметить их появление в товарно-денежном обороте. Пришлось искать другой выход: начали печатать крупными тиражами, но небольшие по размеру и номинальной ценности бумажные марки с портретами царей. К концу 1916 года таких марок было выпущено на 128 млн. рублей. Таким образом, денежное обращение в России после двадцатилетнего перерыва вновь стало полностью бумажным, что способствовало падению курса кредитного рубля.

Банковская система довольно быстро адаптировалась к новым условиям хозяйсвования и расчетов с помощью обесценивающихся бумажных денег.

Государственный банк с августа 1914 года начал учет (покупку за вычетом определенного процента) краткосрочных обязательств по существу, как уже отмечалось, векселей государственного казначейства. Вскоре эта операция стала для него главным занятием. К концу первого года войны сумма учтенных таким образом векселей госказначейства составила 1.6 млрд. рублей. Еще через год она увеличилась до 3.8 млрд., достигнув к 1-му марта 1917 года объема в 7.9 миллиардов.

До войны свободные средства Госбанка направлялись в форме разного рода кредитов в основном на развитие частной торговли и промышленности. Их объем достигал порядка 0.8 млрд. рублей. В период войны вложения банка в частный сектор остались номинально примерно на том же уровне. Это означает, что с учетом роста цен фактически они сократились в два раза. В то же время многократно увеличилось фактически безвозмездное кредитование военных расходов, которое по своему объему превысило задолженность всех других клиентов банка, вместе взятых.[5.49]

Изменилась и структура пассивов Госбанка. В середине 1914 года на депозитах числилось 27 млн. рублей и 260 млн. на текущих счетах клиентов. В течении военных лет общий размер депо-

зитов увеличился незначительно. Зато текущие счета возросли в несколько раз, в основном за счет различных государственных учреждений и организаций. Так, из 1.4 млрд. рублей, находившихся на текущих счетах в Госбанке, две трети денег принадлежали правительственным подразделениям, 104 млн. — земствам и другим организациям, 229 млн. — коммерческим банкам и лишь 109 млн. — частным лицам.

Коммерческие банки, с самого начала активно участвовавшие в переориентации работы промышленности на военные заказы, незначительно расширили реальные масштабы своей кредитной деятельности. Количество крупных банков в период войны возросло с 40 до 44. Их обороты и балансы возросли только номинально. С учетом роста цен эти параметры даже снизились. Такая же картина наблюдалась и с динамикой банковской прибыли. Согласно опубликованным отчетам восьми крупнейших коммерческих банков Петрограда, их прибыли за 1916 г. увеличились на 95 млн. рублей или на 49 %.[5.50] Поскольку индекс отпускных цен в промышленности за это же время подскочил на 43 %, то получается, что реальное увеличение банковской прибыли было не таким уж и большим. Видимо, банкиры в массе своей следовали призыву авторитетного российского коммерсанта П. Рябушинского: «Требования рынка и частного обихода должны быть поставлены на задний план». Вперед выходят нужды фронта.[5 51]

В чрезвычайное время, когда вопрос стоял: «быть или не быть», правления и акционеров банков устраивали средние прибыли. Важнее было выжить и, по возможности, укрепить свои позиции в происходящей структурной перестройке и борьбе за правительственные заказы. В это время происходила сложная перегруппировка сил и формирование новых финансово-промышленных структур. Банки стремились занять в них ключевые позиции, что часто им удавалось, но далеко не всегда. Поэтому недостаточно было рассчитывать только на капитал. Нужны были постоянная активность и инициатива, лучшее понимание своих и общих интересов, умелое использование связей и благоприятных обстоятельств.

Одним из главных объектов активной политики коммерческих банков стали **акционерные общества.** Общая направленность такой политики состояла в том, чтобы с помощью финансовых зависимостей соединить в относительно целое технологически взаимосвязанные между собой производства. Например, металлурги-

ческие комбинаты, используя посреднические услуги банков, скупали акции каменноугольных предприятий, машиностроители укрупняли свои структуры совместно с металлообработкой, охотно скупая в то же время акции бывших германских компаний.

Расширение военного производства сопровождалось созданием новых акционерных обществ. При этом Госбанк своими кредитами подкреплял инвестиции коммерческих банков, которым нередко принадлежала ведущая роль в практической реализации задуманного военным ведомством проекта. Показательно, что после некоторой растерянности, возникшей в начальный период войны, общий объем капитальных вложений в народное хозяйство возрос к 1916 г. до 924 млн. рублей, превысив предвоенный уровень почти в два раза.[5 52] Расширяли действующие предприятия и строили новые в военное время довольно быстро и достаточно хорошо.

В том же 1916 году, главным образом под военные заказы было создано 244 новых акционерных обществ с основным капиталом 373 млн. рублей. Подобная система позволяла, как правило, оперативно привлекать свободные частные капиталы для расширения производства военной продукции.

Прибыльность таких производств не всегда играла главную роль при выборе того или иного проекта, хотя за ней, конечно, внимательно следили. Относительно уровня рентабельности работы **промышленных предприятий** в военные годы имеются достаточно разноречивые характеристики.[5 53] В этой связи, думается, можно воспользоваться данными промышленной переписи 1918 года, которая не лишена недостатков, но все же охватывает большее количество предприятий, а потому более представительна.

Валовой доход цензовой группы промышленных предприятий увеличился за 1914-1916 гг. по сравнению с довоенным уровнем в 3.9 раза, чистая прибыль за то же время, в 3.8 раза. Поскольку индекс оптовых цен на продукцию промышленности за этот период возрос в 2.2 раза, можно сделать вывод, что основным фактором увеличения номинальной прибыли была инфляция, обычная для воюющих стран. В реальном исчислении прибыль в промышленности увеличилась в 1.7-1.8 раза, что было совсем не плохим показателем, т.е. промышленники не забывали и о своих коммерческих интересах.

Интересные изменения произошли и в сфере распределения валового дохода: остро нуждаясь в деньгах, правительство резко увеличило налоговое обложение прибыли. В результате доля налога на

Движение прибыли в крупной промышленности в 1913-16 гг.[5 54]

345 предприятий, в млн. бумажных рублей

	1913	1914	1915	1916
Валовой доход млн. бум. рублей	39.2	53.2	111.0	152.9
Распределение вал. дохода, в % :	100	100	100	100
амортизация	24.0	20.1	12.4	12.3
отчисл. на осн. капитал	1.1	1.3	0.3	0.5
налог на прибыль	5.6	8.7	18.1	20.8
премии служащим	5.8	5.6	6.6	8.3
списание убытков	9.3	12.3	6.3	2.2
на благотворительные цели	2.2	2.8	2.7	4.9
Остаток чист. прибыли	52.0	49.4	53.6	51.0

прибыль возросла с 5.6 до 20.8 % дохода. Но промышленники в ответ совершили оперативный маневр по сокращению размера амортизации недвижимого имущества, а для финансирования новых капиталовложений, связанных с военными заказами, широко использовали долгосрочные кредиты госбанка. Одновременно повысились премии служащим за счет сокращения списания убытков. Ответный ход центральных органов власти не заставил себя долго ждать: они приняли меры по усилению контроля за составлением бухгалтерских балансов.

Следует отметить также, что за первые военные годы заметно возросла доля прибыли в расчете на рубль валовой продукции. В 1913 г она составляла 9 копеек, в 1914 г. —12 коп, еще через год — 16, а в 1916 году — уже 18 коп. Соответственно сократились удельные затраты. Однако, как уже отмечалось, главным фактором роста рентабельности в это сложное время стало удорожание выпускаемой продукции и экономия на амортизационных отчислениях. Наиболее высокая доля валового дохода (и прибыли) в стоимости продукции была в добывающих отраслях. Среди перерабатывающих предприятий высокий уровень рентабельности имела металлообработка — 20 копеек. Химическая промышленность занимала среднее место — 18 коп/рубль.

Следует отметить также, что война существенно сказалась на положении рабочих. Значительная их часть была мобилизована в

армию и попала на фронт. Их заменили женщины и, в меньшей мере, подростки.

Рабочие оборонных предприятий мобилизации не подлежали. Поэтому доля взрослых мужчин, занятых на таких производствах, практически не изменилась. Наибольший приток женщин наблюдался в отраслях, выпускавших товары для населения.

Половой и возрастной состав занятых в машиностроении и текстильной промышленности в 1913 - 1917 гг.[5 55]

в процентах

	1913	1914	1915	1916	1917
мужчины, из них:	61.3	60.5	58.5	56.4	56.6
взрослые	91.3	91.1	90.2	89.4	90.1
подростки	7.1	7.9	8.3	8.8	8.0
малолетние	1.4	1.3	1.5	1.8	1.9
женщины, из них:	38.7	39.5	41.5	43.6	43.4
взрослые	88.5	88.6	88.2	88.4	89.1
подростки	9.7	9.6	10.1	9.6	8.9
малолетние	1.8	1.8	1.7	2.0	2.0

Сложным был вопрос о продолжительности рабочего дня. Еще в начале века он достигал 11-11.5 часов в день. Напуганное событиями 1905 года правительство предложило ограничить его максимальный уровень 10-тью часами. Однако, промышленники всячески тормозили принятие такого закона. Фактически перед войной продолжительность рабочего дня в среднем по промышленности составляла 9 часов в день. Формально этот норматив действовал и в годы войны. Но, когда это требовалось широко применялись сверхурочные. Соответственно увеличивалась и средняя зарплата.

Как свидетельствует таблица, реальная зарплата промышленных рабочих в первые два года войны, хотя и медленно, но все же росла. В 1916 году она начала снижаться, но пока еще оставалась почти на 8 процентов выше довоенного уровня. В 1917 году произошел ее резкий спад.

Реальная оплата труда служащих начала снижаться с самого начала войны, но ее значительный отрыв от уровня заработной платы рабочих сохранился до конца войны. В 1913 г. соотношение между ними было 1:4, в 1915 г - 1:3.4, в 1916 г. - 1:3. Очень крутое снижение реальной оплаты труда служащих: до 38 % к довоенному

Годовая зарплата фабрично-заводских рабочих и служащих[5 56]

	1913	1914	1915	1916	1917
Зарплата рабочих					
в кредитных руб.	258	275	365	573	1703
1913 = 100	100	106.6	141.5	222.1	660.1
в золотых руб.	258	272	281	278	220
1913 = 100	100	105.4	108.9	107.7	85.8
Зарплата служащих					
в кредитных рублях	1058	1051	1251	1699	3117
1913 = 100	100	100.3	118.2	160.6	294.6
в золотых рублях	1058	1050	962	825	402
1913 = 100	100	99.2	90.2	78.0	38.0

уровню произошло в 1917 году.

С экономической точки зрения важное значение имел тот факт, что в военное время удалось обеспечить опережающий рост производительности труда по сравнению с повышением реальной заработной платой рабочих.

Динамика производительности труда и реальной заработной платы на одного рабочего в промышленности[5 57]

в процентах к 1913 г.

	1913	**1914**	**1915**	**1916**	**1917**
Производительность труда	100	101.5	125.9	127.4	85.3
Сред. зарплата	100	105.0	105.7	107.1	83.3

Сохранилась и устойчивая зависимость между уровнем средней зарплаты, производительности и прибыльности в работе промышленных предприятий. В 1913 г. на предприятиях, где средний заработок одного рабочего составлял всего 83 копейки в день, валовая продукция за то же время равнялась 3.9 рубля, а чистая продукция — 2.0 рубля. Другие показатели получались на предприятиях, где средний заработок достигал 2.8 руб в день. Там валовая продукция в расчете на одного работника составляла 12.3 , а чистая — 6.5 рубля.[5.58] В 1914-1916 гг. эти соотношения практически мало изменились: квалифицированные работники больше получали, одновременно обеспечивая для хозяев и большую прибыль. Для 1917 г. ха-

рактерно резкое падение производительности труда, реальной зарплаты рабочих и особенно служащих. Одним из лозунгов у демонстрантов на улицах было требование «равенства». На практике это требование часто трансформировалось в уравниловку.

Следует иметь в виду также уровень и динамика производительности, а также зарплаты в значительной степени зависели от военной значимости того или иного производства.

Динамика производительности и зарплаты[559]

на одного рабочего, в ценах 1913 г

	1913	1914	1915	1916	1917
Произ-во вооружений:					
производительность	100	100.1	162.7	175.7	112.7
средняя зарплата	100	110.9	115.3	122.8	74.8
Пр-во невоен. характера:					
производительность	100	97.9	100.9	94.5	64.5
средняя зарплата	100	100.3	86.8	84.8	53.9

Обобщая итоги краткого анализа финансового положения государства, банков и отдельных секторов промышленности, а также денежных доходов ее работников, можно утверждать, что бюджетная, кредитная и денежная системы в первые три года войны в целом выдержали высокую волну резко возросших непроизводительных расходов, вызванных крупномасштабными военными действиями по всей линии фронта. В этот же период заметно выросли доходы предприятий, скромнее — реальная зарплата работников, занятых в промышленности, особенно на оборонных предприятиях. Оклады служащих, в том числе инженерно-технического персонала, потеряли часть своей прежней покупательной способности. Но многие из них владели акциями высокодоходных предприятий, другими ценными бумагам, получали разного рода премии. Так что в целом их уровень жизни в 1914-1916 гг. не понизился.

Денежные доходы сельского населения, поступавшие от реализации его товарной продукции, несколько снизились. Но крестьяне начали больше оставлять продукции для собственного потребления, то есть сами стали лучше питаться.

Однако, в 1917 году общая экономическая конъюнктура круто ухудшилась по всем параметрам. Как показало будущее, начавшийся спад удалось остановить только в 1921-1922 годах.

Глава 6
Обострение экономических противоречий приводит к социальному взрыву

Известно, что первая мировая война потребовала от России напряженной мобилизации всех ресурсов. Ее начало не было неожиданностью. Однако, длительное время в генеральном штабе господствовало мнение, что предстоящая «большая» война будет непродолжительной: возможно несколько месяцев, но не больше года. Считалось, что для снабжения армии хватит продукции казенных военных заводов и запасов, которые удалось накопить по нормам расходования вооружений, боеприпасов и продовольствия, сложившимся в период русско—японской войны. «Можно с полной уверенностью сказать, что среди государственного и военного руководства никто не думал до войны об организации тыла, о работе всей промышленности, включая и частную, для снабжения армии на случай такой войны, которая началась».[601]

Другая конкретная причина неподготовленности страны к войне по мнению бывшего председателя Совета министров В. Коковцева «заключалась в том хаосе, который существовал при Сухомлинове (военный министр - Р.Б.) во всех заготовительных операциях, в отсталости заказов, в нескончаемых переменах технических условий и в том, что никакого законченного плана на самом деле у нас не было». При этом выделенные военному министерству из бюджета средства использовались далеко не полностью.[602]

Весной и летом 1915 г. фронт, протяженностью 1.5 тыс. километров, представлял собой драматическую картину: многомилли-

онная отступающая армия, которая с отчаянием просила прислать ей снаряды, патроны и винтовки, общая неразбериха, отсутствие связи, кое-где паника. Все это для руководства страны оказалась непредвиденным, непонятным и страшным. Правительство растерялось. Произошел первый «развал власти».[6 03]

6.1. Запаздалая перестройка управления

Дума, которая и раньше была в оппозиции к правительству, настойчиво требовала отставки его председателя «невозмутимого» И. Горемыкина. Однако, государь, который сам не мог понять многого из того, что происходило вокруг, не соглашался менять на переправе послушных ему «лошадей».

В такой обстановке, желая найти средство прямого воздействия на военную экономику в обход правительства, председатель думы М.Родзянко выступил с инициативой создать новый центральный орган управления — Особое совещание по обороне государства, в состав которого вошли бы представители Думы, Госсовета, правительства и промышленности. На такой вариант Николай II вынужден был согласиться. В августе 1915 г. соответствующий законопроект одобрил Государственный совет и утвердил царь. Всего было создано четыре взаимосвязанных высших органа оперативного управления военной экономикой: Особые совещания:

а) по обороне государства;
б) обеспечению топливом;
в) продовольственному делу;
г) по перевозке топлива, продовольственных и военных грузов.

Каждое из них получило очень широкие полномочия. По существу эти совещания можно назвать чрезвычайными комиссиями по обеспечению воюющей армии вооружениями, боеприпасами и продовольствием.

Наиболее широкие права и функции имело совещание по обороне государства, которое возглавил А. Поливанов, недавно назначенный вместо Сухомлинова на должность военного министра. Поливанов прошел непростую школу жизни. На войне с Турцией он был ранен. Затем окончил две академии: инженерную и Генерального штаба. В 1906 году становится помощником военного министра: «вел» вопросы бюджета, военных резервов, материально—технического снаб-

жения артиллерии и др. Как общительный, знающий и гибкий чиновник, он поддерживал деловые отношения с П. Столыпиным и его приемником В. Коковцевым, умел ладить с Сухомлиновым, а также с Гучковым и другими членами думских комиссий по обороне и бюджету. Закономерно, что под руководством Поливанова деятельность Особого совещания по обороне была достаточно конкретна и результативна. Особое внимание оно сосредоточило на вопросах координации усилий казенных и частных предприятий, финансовой и организационной поддержке отечественной промышленности. По своему составу это был небольшой полупарламент и одновременно полуправительство.

Место председателей Особых совещаний занимали соответствующие министры: военный, торговли и промышленности, земледелия, путей сообщения. Без их подписи ни одно решение не имело силы, т.е. министры, по существу, обладали правом вето. При этом председатель Совещания по обороне имел полномочия, когда считал нужным, приостанавливать решения, принятые совещаниями по топливу, продовольствию и перевозкам. В таких случаях вопрос

Состав особых совещаний

человек

	по обороне	по топливу	по продовольствию	по перевозкам
Члены Госдумы	10	7	7	7
Члены Госсовета	10	7	7	7
Из министерств:				
военного	5	1	1	1
морского	1	1	-	1
финансов	1	1	1	1
путей сообщения	1	1	1	6
торговли и пром.	1	4	1	1
гос. контроля	1	1	1	1
внутренних дел	-	1	1	-
земледелия	-	1	3	1
ЦВП комитет	4	3	-	-
Союз земств	1	1	1	1
Союз городов	1	1	1	1
Пригла-ые лица	по усмотрению председателей			

переносился на совместное заседание. Если и здесь не удавалось достигнуть согласия, окончательное решение принимал Совет Министров. Несогласные с решением, принятым Особым совещанием, имели право записать свое мнение в протокол.

Особое совещание по обороне рассматривало, если считало целесообразным, любые вопросы, связанные с производством продукции для армии. Главным было распределение военных заказов, финансирование и организация их выполнения. О конкретных направлениях деятельности этого органа можно судить по названию постоянных комиссий, которые ему непосредственно подчинялись: по расширению и строительству новых оборонных заводов, в том числе авиационных, автомобильных, выпускающих специальные стали и цельнотянутые трубы, телеграфное и телефонное оборудование; наблюдательная с контрольно-ревизионными функциями; реквизиционная [6 04]; по учету и распределению иностранной валюты; две подготовительные и другие. Кроме того, в подчинении этого по существу, главного совещания, находился ряд отраслевых комитетов: по металлургической промышленности, химический, по кожевенным делам и другие организации. Имелся также свой аппарат в регионах — специальные уполномоченные, чаще всего генералы, под председательством которых действовали местные совещания (их называли также заводскими совещаниями) с участием представителей земств, городских властей и региональных военно-промышленных комитетов. Таким образом, в короткое время был создан мощный централизованный государственно-общественный механизм, который добился заметного улучшения материально-технического снабжения фронта. Он осуществлял постоянный контроль, координировал и направлял работу всех, в том числе частных, предприятий, выполнявших военные заказы. Если возникали трудности с сырьем, топливом, оборудованием, оказывалась необходимая помощь. В тех случаях, когда сбои происходили по вине руководства предприятия, соответствующие комитеты или уполномоченные на местах от имени Особого совещания имели право смещать директоров, управляющих, других ответственных лиц и назначать на их место новых руководителей. В крайних случаях предусматривался секвестр отдельных предприятий. Карательные санкции применялись редко, но все же примеры были, в том числе в отношении такого гиганта, как Путиловский завод. Чаще приме-

нялись экономические методы воздействия: при распределение выгодных заказов учитывалось, кто как работает. Соответствующим образом выдавались кредиты, субсидии, регулировались цены, распределялось дефицитное сырье.

Стоит отметить, что работа Особого совещания по обороне часто была перегружена мелкими вопросами. Например на его заседании 4 января 1917 г. обсуждался вопрос о принудительном занятии (реквизиции) для Всероссийского союза городов помещения товарищества на паях «Парижский гараж» по адресу: Москва, Арбат 23.

На этом же заседании оживленную дискуссию вызвало предложение реквизировать кирпич, необходимый оборонному заводу в Кольчугино, у ближайших частных кирпичных заводов, и об обязательных принудительных поставках коксующихся углей некоторым металлургическим заводам.[6 05]

Важную роль в распределении все более дефицитных угля и нефти играло Особое совещание по топливу. В его работе использовался балансовый метод увязки ограниченных ресурсов с растущими запросами потребителей. Хотя в названии этого органа прямо указывалась его главная функция — *обеспечивать топливом,* выполнять ее удавалось не всегда. Из-за нехватки кокса сокращалась выплавка металла. Из-за перебоев в поставках угля простаивал подвижной состав на железных дорогах. Постоянно ощущались трудности с перевозками грузов. Чтобы сдержать в таких условиях тенденцию резкого удорожания топлива, Совещание устанавливало предельные цены на все основные виды энергоносителей.

Особое совещание по продовольственному делу в течение нескольких лет безуспешно пыталось развязать гордиев узел в системе снабжения армии и городского населения хлебом и мясом. Как уже отмечалось (см. 5.2), ресурсов зерна в годы войны, особенно если учесть резкое сокращение его вывоза за границу, было достаточно, чтобы удовлетворить потребности армии (через военное интендантство в 1916 г хлебом обеспечивалось 10 млн. человек) и городское население. Трудности и даже серьезные перебои в снабжении этим жизненно важном продуктом возникли в связи с тем, что довоенный хлебный рынок был деформирован и частично разрушен, а новый механизм, в том числе и Особое совещание по продовольствию, не годился для решения этой задачи. Неразрешимыми оказались три узловых проблемы: наладить продуктообмен с

крестьянством, регулировать цены с учетом интересов производителей и потребителей, создать приемлемую для производителей хлеба систему закупок и заготовок. В связи с резким сокращением импорта промышленных товаров для села, при одновременном свертывании их внутреннего производства, — материальная база продуктообмена между городом и деревней сузилась до критического предела: крестьянин не хотел продавать зерно за бумажные деньги, не обеспеченные товарной массой. Этому способствовала и политика сдерживания динамики хлебных цен, начавшаяся еще осенью 1914 г. и достигшая своего бесплодного расцвета в 1916/1917 году. «Твердые» цены систематически подтягивались до уровня «свободных», рыночных, но последние почти сразу же вновь подпрыгивали вверх. Логично, что третьей составляющей продовольственной политики совещания стала организация принудительной заготовки хлеба. До завершенного вида ее довел А.Риттих, ставший в конце 1916 г. новым министром земледелия. Он должен был понимать крестьян, поскольку участвовал в проведении столыпинской реформы. Вместо прежней практики закупок и заготовок зерна на рынках в производящих регионах Риттих ввел разверстку — обязательные задания поставки зерна по твердым ценам для отдельных губерний. Последние, в свою очередь, должны были довести соответствующие задания для каждого уезда, а те — до волостей и сел. Таким образом предполагалось примерно за два месяца получить 772 млн. пудов хлеба против 408 млн. пудов, заготовленных министерством земледелия в 1915/1916 г. за восемь месяцев.

С самого начала не было единого мнения в правильности предложенных мер. Министерство внутренних дел считая, что оно лучше бы справилось с решением этой проблемы, не помогало Министерству земледелия. Торговая буржуазия утверждала, что государство влезло не в свое дело. На уровни губерний к спорящим сторонам прибавлялись уполномоченные по заготовкам (обычно председатели управы) и уполномоченные по продовольствию (чаще всего губернаторы). Каждого из них интересовали только свои обязанности. Еще больше спорщиков появлялось на уровне уездов и волостей, которые считали доведенные до них нормативы нереальными и либо самовольно корректировали их, либо вообще отказывались выполнять полученные сверху задания. Специалисты, обследовавшие положение с продовольствием в январе 1917 г.,

писали: «Продовольственный вопрос запутался безнадежнее прежнего. Пресловутая разверстка успела наглядно обнаружить свою несостоятельность, а продовольственное дело в империи превратилось в общеимперскую продовольственную катастрофу, грозящую еще худшими последствиями стране и ее будущему».[606] Все это свидетельствует о том, что деятельность Особого совещания по продовольствию провалилось полностью.

По-своему сложно складывалась судьба военно-промышленных комитетов, создание которых тесно связано с инициативой известного фабриканта и банкира П. Рябушиеского. Весной 1915 г. он несколько месяцев провел в прифронтовой полосе, где воочию убедился в повсеместной нехватке снарядов и другого вооружения. Вернувшись в Петербург, Рябушинский обратился к российским промышленникам с патриотическим призывом создать свою самостоятельную организацию для «снаряжения и вооружения армии». Как уже отмечалось, Родзянко в организации Особых совещаний видел способ *обойти стороной* недееспособное правительство. Рябушинский пошел *в лобовую атаку* против него: если вы несостоятельны, мы будем действовать сами. По инициативе Рябушинского быстро формируется Московский военно-промышленный комитет, сфера деятельности которого охватила предприятия 12 центральных губерний. Павел Павлович был избран его председателем. Одно из первых конкретных мероприятий комитета — пуск завода по производству снарядов. Средства для этого — 4.5 млн рублей были собранны по подписке среди московских предпринимателей и купцов. Уже в конце августа предприятие дало первую продукцию. Проектная мощность завода: 1 тысяча крупнокалиберных (наиболее дефицитных) и 3 тысячи 3-х дюймовых снарядов в день. Предприятия Московского ВПК вместе с земским и городским союзами приняли участие в расширении производства военного обмундирования, обозного имущества, саперного инструмента и т.п.[607]

Инициативное движение по формированию военно-промышленных комитетов докатилось до захолустных городков. В июле 1915 г. состоялся I съезд новых организаций, который резко критиковал правительство и требовал его «дооборудования». Председателем Центрального ВПК был избран крупный промышленник и банкир А.И. Гучков, его заместителем стал А.И. Коновалов. Пос-

ле такого съезда военное министерство не очень-то хотело развивать сотрудничество с военно-промышленными комитетами, но нужда в снарядах и других боеприпасах, в различных видах военного имущества, которые проще всего, а иногда и дешевле можно было получить у частных предпринимателей, заставляла терпеть критику и делать дело. С другой стороны, сами ВПК могли существовать только за счет бюджетных средств: на их содержание отчислялся 1 % от стоимости заказов, проходивших через эти органы управления.

К концу года было создано 32 областных и 221 местных комитетов. Эти организации и правительство, как уже отмечалось, действовали без взаимных симпатий, что не могло не сказаться на конечных результатах. На долю предприятий, объединенных в ВПК, приходилось всего 3-4 % от общей суммы военных заказов. В основном их выполняли средние и мелкие предприятия. Иными путями, кроме как через ВПК военному министерству трудно было бы наладить деловые контакты с такими производителями.[6 08] С середины 1916 г. военное министерство по политическим и другим причинам начало сокращать заказы военно-промышленным комитетам.

Аналогично развивались взаимоотношения правительства с земским и городским союзами. В начале войны прошли их съезды, которые сформировали постоянные центральные органы — главные комитеты, представлявшие в масштабе страны соответствующие организации местного самоуправления. Во главе земств встал князь Г. Львов. Главный комитет городов возглавил председатель Московской думы М. Челноков. По вертикали были созданы постоянно действующие уездные, губернские и фронтовые комитеты союзов земств и городов. На первом этапе они сконцентрировали свои силы на оборудовании госпиталей, санитарных поездов, заготовке медикаментов, хирургических материалов и перевязочных средств, подготовке младшего медицинского персонала. Затем эти учреждения стали выполнять заказы главного интендантства на производство для армии белья, одежды и обуви, организовывать помощь беженцам. С 1915 г. они выступили в роли посредников между военными заказчиками и местной кустарной промышленностью, поставляя на фронт различное снаряжение, а ряде случаев и боеприпасы. Для координации их работы был создан объединенный ко-

митет — Земгор, который очень скоро ввязался и в политическую борьбу, выражая и защищая интересы крестьянства, сельской и городской буржуазии.

6.2. Политические партии вступают в борьбу за власть

Отдельные конфликты между быстро крепнувшим частным предпринимательством и правительством наблюдались и раньше, но массовый и глубокий характер они стали приобретать с начала XX века. В первую очередь, это относится к московскому купечеству и промышленникам, которые в меньшей степени зависели от правительственных заказов, поскольку в центральном промышленном районе преобладали легкая, пищевая и металлообрабатывающая промышленность, работавшие на массовый внутренний рынок: крестьянство и горожан.

В 1905 г. группа «молодых» московских промышленников, считая, что XX век в России должен стать веком буржуазии, выступила с инициативой созыва торгово-промышленного съезда, основная задача которого виделась в том, чтобы объединить всех крупных и средних предпринимателей вокруг общей цели — обновления России. При этом они считали целесообразным ограничить властные функции самодержавия, прежде всего, путем создания «конституционного государства» и придания Думе законодательных, а не только совещательных полномочий. Нет надобности говорить, что царское правительство постаралось сделать все, чтобы такой съезд не состоялся.

Вооруженное восстание рабочих в Москве и другие острые проявление революционных событий 1905 г. заметно поколебали взгляды радикально настроенных промышленников. Они оказались как бы между двух стульев: кадетами и октябристами. Последние были в основном удовлетворены уступками царя и требовали только полной реализации положений манифеста 17 октября, трактуя его как первый шаг введения конституционной монархии. Однако, введение полевых судов, другие жесткие меры Столыпина по наведению порядка в стране, запрещение газеты, которую начал выпускать П. Рябушинский, высылка его из Москвы по распоряжению губернатора, — все это способствовало тому, что «молодые» промышленники отошли от октябристов, не примкнув

однако и к кадетам. После нелегких исканий, продолжая критику правительства и его социальной опоры — поместного дворянства и чиновничества, они сформировали свою «прогрессивную» группу, которая активно выступила в 1912 г. на выборах в IV Думу. Однако, сильной фракции среди вновь избранных депутатов им создать не удалось. Поэтому пришлось вернуться к прежней идеи формирования единого союза всех оппозиционных к царизму партий, включая и социалистов.

Весной 1914 г. в Москве состоялось совещание представителей прогрессистов, кадетов, левых октябристов, социал-демократов и эсеров. Речь шла о том, чтобы объединенными усилиями заставить правительство пойти на уступки оппозиционных партий. «Правительство, — пояснил крупный текстильный фабрикант А. Коновалов, — обнаглело до последней степени, потому что не видит отпора и уверено, что страна заснула мертвым сном. Но стоит только проявиться двум—трем эксцессам революционного характера, и правительство немедленно проявит свою безумную трусость и обычную растерянность».[6 09]

Начавшаяся мировая война повернула энергию и заботы патриотически настроенных предпринимателей на формирование военно-промышленных комитетов и резкого наращивания выпуска продукции для нужд фронта. Спустя короткое время они с гордостью делали надпись на ящиках с боеприпасами, отправляемых в армию: «снарядов не жалеть». Но тревожила старая «рана», о которой П. Рябушинский на I съезде ВПК выразился следующим образом: «мертвенное» положение правительства «может нас привести и поставить на край гибели». Постоянно звучали жалобы на то, что «комитеты на каждом шагу встречают препятствия в своей работе», «на неспособность правительственного элемента организовать страну для победы».[6 10]

В 1916 г. удалось преодолеть голод в боеприпасах и вооружении, но резко обострился продовольственный кризис. До этого времени примерно 50 % хлеба государственные органы заготавливали через частных торговцев. В кампанию 1916/1917 г. решено было обойтись без посредников, т.е. покупать зерно непосредственно у производителей, но по повышенным ценам. Однако такой маневр еще более обострил положение: помещики и крестьянские хозяйства, выращивавшие товарный хлеб, отказывались его продавать за бумажные

деньги, хотя и по повышенным ценам. Пришлось шире применять реквизиции, а затем и разверстку. Результат был плачевным. Обстановка вокруг хлеба накалилась не только в городах, но и в деревне. Недовольство адресовалось в первую очередь царскому правительству.

Поэтому логично, что конфронтация между буржуазией и правительством вышла за рамки конкретных, частных проблем. Предприниматели все чаще затрагивали необходимость разрешения общих, принципиальных вопросов изменения устаревшего социально-политического устройства государства. В этой связи на первый план вышел вопрос об укреплении прежних и создании новых форм организации буржуазии как класса. Из прошлого наиболее значимыми были биржевые комитеты, объединявшие, в основном, купечество. Но поскольку к началу столетия многие купцы трансформировались в промышленников и банкиров, биржевые комитеты незаметно превратились в представительные органы, объединявшие на местах всех крупных и средних городских предпринимателей. В начале XX века таких комитетов в России насчитывалось свыше 150. Существовали также отраслевые и территориальные организации промышленников. В такой обстановке 4 июля 1905 г., в помещении Московской биржи собрался съезд русских торговцев и промышленников, который высказался за «немедленное объединение предпринимателей» и избрал постоянное бюро во главе с М. Норпе, которому поручили доработать проект Политической и экономической программы новой организации. Во второй половине года Бюро энергично работало как Всероссийский центр промышленников, завершая в то же время подготовку программы.

Такое развитие событий тревожило власти. Вскоре у М. Норпе был произведен обыск и бумаги, касающиеся Бюро, изъяты у его председателя. В ответ было принято решение вместо довольно рыхлой организации съездов, подготовить создание Всероссийского торгово-промышленного союза, как «более полное и прочное объединение» с разветвленной системой филиалов и достаточно строгой дисциплиной его членов. При таких условиях промышленники могли бы «многие вопросы решать между собой без обращения к правительственным органам». Однако некоторые региональные и отраслевые организации, особенно биржевые комитеты, опасались потерять свою самостоятельность в рамках довольно жестких структур

единого Союза. Да и внутриполитическая обстановка за истекший год изменилась: с одной стороны, последовал манифест 17 октября, а с другой, декабрьское восстание рабочих, заставившее заводчиков искать защиты у правительства. Поэтому было решено переименовать «Союз» в «Съезды представителей торговли и промышленности». На первый план выдвигался деловой характер этого объединения.

В октябре 1906 г., состоялся съезд новой организации. Его «мирный» характер подчеркивало присутствие на первом заседании 3 министров и 11 членов Госсовета. Съезд образовал Совет — высший исполнительный орган объединения предпринимателей. Его председателем стал В.Тимирязев (бывший министр). Товарищами председателя были избраны Н. Авдаков — считалось, что его годовой доход как акционера и управляющего составлял около 400 тыс рублей; Э. Нобель — одна из наиболее влиятельных фигур в торгово-промышленном мире; И. Ясюкович — высокообразованный инженер и экономист, глава ряда фирм и обществ. В кулуарах его часто называли фактическим руководителем Совета. Через 8 месяцев Тимирязева на посту председателя сменил Н. Авдаков.

В последующий период до начала войны съезды представителей промышленности и торговли созывались, кроме 1910 г., ежегодно. В военный период такая регулярность была нарушена, но, как головная организация русских предпринимателей, она продолжала не только действовать, но и развиваться. Если в 1913 г. в ее состав входили 59 действительных (коллективных) членов и 277 отдельных фирм (с совещательным голосом), то в начале 1917 г. их число возросло, соответственно, до 67 и 588 фирм. Общую стратегию и тактику этой организации определяла узкая группа наиболее богатых, влиятельных и активных предпринимателей, в состав которой, кроме названых заместителей председателя, входили: П. Рябушинский, А. Коновалов, Г. Крестовников, В. Жуковский, М. Норпе, А. Вольский, Н. Ясюкинский, А. Бобринский и немногие другие.

Как уже отмечалось, съезд выступал высшим руководящим органом всей организации. Собирался он обычно один раз в год. В остальное время его замещал Совет, состоявший из 36, а затем 48 человек. Они заседали один-два раза в квартал. Постоянно действующим органом управления был Комитет, в составе председателя Совета, трех его заместителей и нескольких членов, представ-

ляющих основные промышленные центры страны. Важную аналитическую, информационную и частично организационную работу выполнял аппарат Совета, где были собраны квалифицированные юристы, хозяйственники, инженеры и другие специалисты.

Основные функции Совета съездов:

а) лобирование интересов предпринимателей в многочисленных государственных и общественных учреждениях;

б) подготовка аналитических, справочных, нормативных и других материалов для членов Совета;

в) информационная и разъяснительная работа среди различных слоев населения о деятельности Совета съездов;

г) подготовка проектов резолюций и других документов, выносимых на рассмотрение Совета и съезда предпринимателей.

Особый интерес вызывают программные документы, которые стали разрабатываться еще до начала войны. Так, четкая позиция русских предпринимателей о необходимости коренных реформ в России была изложена в докладе Совета «О мерах к развитию производительных сил России», завершенном в 1915 г. Документ был обнародован меньше чем через год после начала войны, в период, когда страна терпела поражения «не только на фронте боевых действий, но и на экономическом фронте».[6 11]

Уже во введении подчеркивалось «настоятельность коренной реформы хозяйственного строя нашего отечества, необходимость проникновения нового духа и новых начал. Задача не решится мелкими, отдельными реформами, — требуется широкий синтез, широкий план согласованных мероприятий, обнимающий все области хозяйственной жизни страны в духе развития производительных сил России... Поэтому вопросы накопления, вопросы добычи, вопросы усиления производительности народного труда, —должны встать впереди вопросов распределения народного богатства». Здесь же авторы делают важную оговорку: «Такая постановка вовсе не исключает заботы о благосостоянии масс, — совсем напротив, ибо главную экономическую основу страны составляют не зажиточные классы, а народная масса, — но предуказывает искать решение задачи не в переделе существующих богатств, а в накоплении нового — в развитии производительных сил».

Вместе с тем авторы доклада демонстрируют диалектический подход при раскрытии активной роли государства в хозяйственной

жизни России. «Задача развития производительных сил России может быть разрешена двояко: или путем усиления предпринимательской деятельности казны, захватывающей в оборот государственного хозяйства все новые и новые области приложения народного труда, или путем развития частной и общественной предприимчивости... Мы полагаем необходимым в настоящий грозный момент провозгласить и отстаивать принцип частной хозяйственной инициативы и предприимчивости как единственный правильный выход из настоящих и неизбежных в будущем затруднений».

Одновременно авторы доклада соглашаются с тем, что «конечно хозяйственные организации должны быть подчинены ясному и определенному закону и находиться под контролем государства. Это важно везде, но это важно особенно в России, в виду подавляющего значения русского государства как хозяйственного фактора.-..Государство должно вести политику покровительства народному труду, народному капиталу и народному земледелию и согласовывать все, часто противоречивые, интересы.[6 12]

Таким образом, формировавшаяся как класс русская буржуазия сумела уже в 1915 году завершить разработку четкой программы послевоенных преобразований экономики России. В ее основу были положены следующие четыре положения:

- всемерное развитие производительных сил — главная стратегическая задача;
- реформа государственной и экономической системы. За государством оставались функции обеспечения общего порядка, координации и контроля;
- предоставление широкой свободы частной инициативе и предпринимательству;
- конечная цель — повышение благосостояния народных масс.

Интеллигенция выступала другой крупной социальной силой, находившейся в оппозиции к царскому правительству. Здесь главную роль играло не количество, а качество. В 1913 г. к интеллигенции можно было отнести около 2 млн. человек, что составляло 1.1 % всего населения. Из них свыше 1.3 млн. — служащие госаппарата, а также правлений кооперативных и общественных организаций. Примерно 0.5 млн. были заняты в сфере здравоохранения, просвещения, культуры и науки.[6 13] Высокая социальная

значимость интеллигентных людей определялась тем, что они использовали в своих занятиях преимущественно умственный труд, знания, а также умение анализировать, обобщать, прогнозировать конкретные события и причинно-следственные связи между ними. Наиболее способные из них могли, опираясь на высокий интеллект, разнообразную информацию и интуицию, вырабатывать стратегию своих собственных и коллективных действий.

Вместе с тем, интеллигенция, как никакой другой слой населения, отличалась большим разнообразием по социальному происхождению, культуре, интересам, личным способностям и пониманием окружающей обстановке. Многое зависело от того, на какой стадии зрелости находился тот или другой интеллигентный человек. Первая ступень — образованность, т.е. усвоение в процессе учебы определенной части знаний, накопленных человечеством. Вторая — формирование собственного мировоззрения, культуры, устойчивых принципов, на которых строятся отношения с окружающими людьми и природой. И, наконец, высшая ступень — проверка таких принципов на практике, их корректировка и творческое использование не только для саморазвития, но и для совершенствования и даже радикального реформирования всей социальной системы.

В начале века большая часть интеллигенции находилась на первой и второй ступенях зрелости в силу особенностей своего воспитания и подготовки для будущей профессии. К ней относилась основная масса чиновников, офицерства и священнослужителей. В годы войны начался быстрый подъем интеллигенции на третью ступень: повсеместно распространился критический настрой к существующим социальным порядкам, росло понимание необходимости реформирования или даже слома действующей государственной системы, шел напряженный поиск конструктивной модели для ее замены, но ясности в решении этого, по существу, главного вопроса не было ни у кого.

Стоит напомнить, что важная группа интеллигенции так называемые веховцы, все еще не могла оправиться от шока, растерянности и самобичевания, вызванных событиями 1905-1907 гг. В этом отношении весьма показательны результаты анализа составных элементов характера русской интеллигенции, изложенные С. Булгаковым в известном сборнике «Вехи»: «Есть здесь и доля наследственного барства, свободного в ряде поколений от забот о хлебе

насущном и вообще от будничной «мещанской» стороны жизни. Есть значительная доза просто некультурности, непривычки к упорному, дисциплинированному труду и размеренному укладу жизни...

Известная неотмирность, эсхатологическая мечта о Граде Божием, о грядущем царстве правды (под разными социалистическими псевдонимами) и затем стремление к спасению человечества — если не от греха, то от страданий — составляют, как известно, неизменные и отличительные особенности русской интеллигентности...В этом стремлении к Грядущему Граду, перед которым бледнеет земная действительность, интеллигенция сохранила, быть может, в наиболее распознаваемой форме черты утраченной церковности...Вообще душевными навыками, воспитанными Церковью, объясняется не одна из лучших черт русской интеллигентности, которые она утрачивает по мере своего удаления от церкви, напр., некоторый пуританизм, ригористические нравы, своеобразный аскетизм, строгость личной жизни».[6 14]

Некоторые авторы сборника еще резче говорили о «крушении много обещавшего общественного движения, руководимого интеллигентским сознанием», о быстром развале «наиболее крепких нравственных традиций и понятий в среде русской интеллигенции». Все это обнажило «скрытую дотоле картину бессилия, непроизводительности и несостоятельности традиционного морального и культурно—филосовского мировоззрения русской интеллигенции».[6.15] Выход веховцы видели только в одном: покаянии и возвращении в лоно церкви. «Нужно «покается», — писал Булгаков, — т.е. пересмотреть, передумать и осудить свою прежнюю душевную жизнь в ее глубинах и изгибах, чтобы возродиться к новой жизни».[6 16]

Однако основная масса интеллигенции не последовала такому призыву. Больше того, она не только осталась во всех оппозиционных партиях, но фактически возглавила их в силу своей профессиональной подготовки и высокого интеллекта, умению, как никто другой, выбрать и обосновать общую стратегию, увлечь за собой молодежь, да и не только молодежь. «Рука», а точнее «голова» интеллигенции видна в программных документах всех партий, независимо от того, что иногда они отражали принципиально противоположные позйции. Так, во всех политических программах того времени присутствуют три обещания— требования: забота о благе народа, изменение государственной системы, защита гражданских

прав и свобод.

Тем не менее в силу отмеченного уже разнообразия характера и зрелости отдельных групп интеллигенции в ее политическом движении довольно четко выделились два основных направления: либеральное и революционное, социалистическое. Их отличие друг от друга состояло прежде всего в том, насколько далеко их программы «разрешали» зайти в политических и социальных преобразованиях, а также какими методами добиваться поставленных целей: эволюционными или революционными. Отсюда потенциальная возможность временных соглашений, компромиссов между обеими направлениями и высокая степень вероятности принципиальных расхождений при решении практических вопросов.

Либеральное направление наиболее полно и концентрировано проявилось в позиции и действиях конституционно—демократической партии (кадетов), образовавшейся в 1905 г. По мнению ее лидера П.Н. Милюкова в ее рядах в то время насчитывалось около 100 тыс членов, по более поздним и, видимо, реальным оценкам — 50 тыс.[6.17] Если учесть, что в начале века численность творческой интеллигенции составляла порядка 350-400 тыс. человек, то кадеты были одной из самых крупных и влиятельных политических организаций России. По свидетельству П. Милюкова «ее наиболее активными элементами были прогрессивные земские и городские деятели: единственная группа людей, испытанных в общественной борьбе и далеко не ограничивавшихся узкими рамками технической работы в тогдашних земствах. Они были, с другой стороны, связаны с «народными низами», особенно через посредство так называемого «третьего элемента»: — врачей, агрономов, учителей».[6.18] В то же время кадетов часто называли «профессорской партией». Среди ее членов были академики В. Вернадский и П. Струве, профессора С. Муромцев, В. Гессен, А. Карнилов, князья Павел и Петр Долгоруковы, Д. Шаховской и другие. Конечно, все эти люди имели свои взгляды, не всегда совпадающие друг с другом. П. Милюков стремился удержать разногласия в определенных рамках: «Партия конституционная не должна была быть «республиканской»— это первое ограничение. Партия «демократическая не должна была быть «социалистической» — это второе».[6.19]

Главный вопрос, который конституционные демократы в своей программе (1905 г) поставили на первое место, это — «Основные

права граждан»: равенство всех перед законом, свобода совести и вероисповедания, а также свобода слова, собраний, образование союзов, неприкосновенность жилища, свобода передвижений и выезда за границу.

Решение принципиальных вопросов государственного устройства было отложено до созыва учредительного собрания или законодательной думы. Выборы членов «собрания народных представителей» должны происходить на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования.

Крупные экономические проблемы, прежде всего вопросы собственности, в программе конституционных демократов были старательно обойдены. В аграрном разделе предусматривалось увеличение земли мелких крестьянских хозяйств за счет государственных угодий, а также отчуждения, в потребных размерах, частновладельческих земель с вознаграждением за счет государства нынешних владельцев, т.е. помещиков, по «справедливой (не рыночной) оценке».

В разделе программы, посвященному рабочему законодательству, предусматривались свобода союзов и собраний, право на проведение стачек, введение восьмичасового рабочего дня, развитие охраны труда женщин и детей, обязательное, за счет предпринимателей, но при посредстве государства, страхование при болезни и несчастных случаях, а также государственное страхование по старости и нетрудоспособности.

В области просвещения намечалось введение всеобщего, бесплатного и обязательного обучения в начальной школе. Полная автономия и свобода преподавания в университетах и других высших школах, увеличения их числа. Развитие профессионального образования.

Как видно из этого краткого обзора, в программе кадетов главный упор был сделан на расширение демократических свобод, что должно было импонировать широким массам населения как в городе, так и в деревне, но явно не нравилось правительству. Требование 8-ми часового рабочего дня и введение обязательного, за счет предпринимателей страхования при болезни и несчастных случаях, вызывало недовольство и противодействие со стороны промышленников. Но это только поднимало популярность кадетов. Что касается выкупа части помещичьих земель для расширения крестьянско-

го землепользования, то такой процесс, независимо от кадетов, уже происходил на практике все в расширяющихся масштабах: большинство «частновладельческих» имений давно было заложено в ипотечных банках, постепенно переходило в их собственность и затем продавалось крестьянам. Иными словами, границы, очерченные П. Милюковым для своей партии,—»несоциалистическая, нереволюционная»,— строго соблюдались. Конфликт обострился в политической сфере: Николай II категорически отказывался расширять демократические свободы и ограничивать власть самодержавия какой-либо конституцией.

Позиции, расположенные левее от кадетов, занимали более десятка партий, в названии которых присутствовало слово «социалистическая», часто с указанием их места рождения: армянская, украинская, белорусская, латышская, польская и т.д. При этом национальный вопрос в их программах, как правило, занимал центральное место. «Социалистическая» постольку, поскольку это способствовало решению главного вопроса. Наиболее крупными среди «чисто социалистических» партий были две: социалистов—революционеров (эсеров) и российская социал—демократическая рабочая партия (РСДРП).

Поскольку Россия — страна прежде всего крестьянства, то и социализм, родившийся в этой стране, унаследовал характерные черты крестьянской общины:

а) коллективизм, воспитанный горьким опытом многих веков;

б) справедливость, как основа равноправных отношений и принцип решения возникающих споров внутри общины;

в) труд, как главный источник и мерило крестьянских ценностей.

«Мы *русским социализмом,*— писал А. Герцен,— называем тот социализм, который идет от земли и крестьянского быта, от фактического надела и существующего передела полей, от общинного владения и общинного управления,— и идет вместе с работничьей артелью навстречу той *справедливости,* к которой стремится социализм вообще и которую подтверждает наука». «У нас нет молитвы: у нас есть труд. Труд — наша молитва».[6 20]

Путь в поисках социалистического идеала был долгим и мучительным. При этом важно отметить, что к середине прошлого века в России сформировалась довольно специфическая прослойка населения, где рождались, крепли и множились новые взгляды на соци-

альное развитие страны. Это были разночинцы — интеллигентные люди, не принадлежавшие ни к привилегированным, ни к угнетаемым сословиям. Многие из них понимали, что своим особым положением они обязаны трудовому народу, получив за его счет образование и многие другие блага. То есть они чувствовали себя в долгу перед народом, прежде всего перед крестьянством, и искали возможность оплатить свою задолженность.

Между тем, к концу 60-х годов окончательно выяснилось, что реформы Александра II не только не облегчили, но, напротив, значительно ухудшили и отяготили участь основной части народных масс. Возник вопрос — как быть дальше? Готового ответа не было. Его предстояло еще искать и не ошибиться при выборе правильного варианта. Первыми за это взялись такие талантливые литераторы-мыслители как А. Герцин, Н. Чернышевский, Н. Некрасов, Н. Добролюбов, Д. Писарев и другие. С одной стороны, они правдиво и, вместе с тем, эмоционально раскрывали то катастрофическое положение, в котором оказалась деревня, а с другой, пытались определить и подсказать те конкретные действия, которые, по их мнению, могли бы изменить ситуацию к лучшему. Так, еще в конце 1861 года, когда после студенческих волнений сотни молодых людей были исключены из Петербургского университета, Герцин через свой Колокол обратился к ним со следующими словами: «Ну куда же вам деться, юноши, от которых заперли науку? Сказать вам: куда? ...*В народ! К народу!* — вот ваше место, изгнанники науки». Этот клич, брошенный по частному случаю, как эхо прокатился несколько раз над просторами России и остался в памяти молодежи.

Восторженные возгласы по поводу реформы 1861 г. были далеко не всеобщими и продолжались недолго. В это время к недовольству относительно условий освобождения крестьян прибавились студенческие волнения, восстание в Польше. Все это переплелось в запутанный и колючий клубок, который, как казалось правительству, покатился к революции. Руководство страны стало нервничать и, как часто случается в подобных ситуациях, обрушило жесткие репрессии, не особенно разбираясь в том, кто виноват, а кто просто попал под руку. В первую очередь досталось университетам и другим высшим учебным заведениям — этим «гадким рассадникам» разночинной интеллигенции и вольнодум-

цев. Министерство просвещения попыталось строго регламентировать их деятельность, всячески ограничивая при этом поступление в вузы детей из небогатых семей.

«Польская революция положила конец всем реформам,— писал князь П. Крапоткин. Правда, в 1864 и1866 годах ввели земскую и судебную реформы, но они были готовы еще в 1862 году... Затем, немедленно после обнародования обеих реформ, значение их сократили, а в некоторых случаях даже уничтожили при помощи многочисленных «временных правил»... Александр II, конечно не был заурядной личностью, но в нем жили два совершенно различных человека с резко выраженными индивидуальностями, постоянно боровшимися друг с другом... Он мог быть обаятелен и немедленно выказать себя грубым зверем. Перед лицом настоящей опасности Александр II проявлял полное самообладание и спокойное мужество, а между тем он жил в страхе опасностей, существовавших только в его воображении...Он подписывал самые реакционные указы, а потом приходил в отчаяние по поводу их...Настоящими правителями России были тогда шеф жандармов Шувалов и петербургский обер-полицмейстер Трепов. Александр II выполнял их волю, был их орудием. Правили же они страхом. Трепов же до того напугал Александра II призраками революции, которая вот-вот разразится в Петербурге, что, если всесильный обер-полицмейстер опаздывал во дворец на несколько минут с ежедневным докладом, император справлялся: «Все ли спокойно в Петербурге?»[6.21].

После реформ 60-х годов круто изменилось и так называемое общественное мнение «элитных» слоев населения. При дворе и в придворных кругах либеральные идеи были на плохом счету. На самостоятельных, думающих людей смотрели как на неблагонадежных. Многие из них вынуждены были подать в отставку. Героем дня стал Катков, выступавший как русский «патриот». Он немедленно помещал в разряд «изменников» всех тех, кто еще вспоминал о реформах, не говоря уже о социалистах.

Не все выдерживали суровые испытания судьбы. Многие «изменили свои убеждения и стали тяготеть к своего рода отеческому самодержавию. Большинство же хотя и сохранило еще свои взгляды, но стало до такой степени осторожным в выражении их, что эта осторожность почти равнялась измене...Их кодекс житейской философии заключался теперь в пословицах: «Сила солому ломит»,

«Лбом стену не прошибешь» и тому подобных, которых, к несчастью, так много в русском языке. «Мы кое-что сделали, не требуйте большего от нас» или «Потерпите, такое положение вещей долго не продержится».[6.22]

Практически одна молодежь готова была действовать, рисковать и, если потребуется, жертвовать собой. «Дети» не хотели быть похожими на «отцов». В первую очередь они повели бескомпромиссную борьбу против лжи и условностей повседневной жизни — предрассудков, суеверий, привычек и обычаев, существования которых разум не мог оправдать. В литературе эта борьба получила название «нигилизма» и часто подается в карикатурном виде. Между тем, нигилизм, если освободить его от перегибов и крайностей, резко выступал только против двуличия, фальши и «полированности», которые слишком часто прикрывали безнравственность и несправедливость. «Нигилисту были противны бесконечные толки о красоте, об идеале, искусстве для искусства, эстетике и тому подобном...Он знал, что так называемое «поклонение прекрасному» часто было лишь маской, прикрывавшей пошлый разврат...Брак без любви и брачное сожитие без дружбы нигилист отрицал. Девушка, которую родители заставили быть куклой в кукольном доме и выйти замуж по расчету, предпочитала лучше оставить свои наряды и уйти из дома».[6.23] Нигилизм широко распространился прежде в обеспеченных семьях, в том числе дворянских. Это был один из главных источников формирования разночинной интеллигенции.

В конце 60-х, начале 70-х годов все большая часть способных юношей и девушек из состоятельных семей стала выезжать за границу, чтобы получить там высшее образование. Здесь они часто попадали под влияние революционно настроенных русских эмигрантов. Среди наиболее известных из них стоит назвать П. Лаврова — отставного полковника артиллерии. За участие в революционном движении в 1866 г. его сослали в Вологодскую губернию, где он создает свои «Исторические письма», сыгравшие важную роль в формировании первого поколения критически настроенных народников. Среди молодежи наиболее часто обсуждались два его философских положения:

«Развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении, воплощенное в общественных формах истины и справедливости — вот краткая форма, обнимающая все, что можно

считать прогрессом» и «Всякое цивилизованное меньшинство, которое не хотело стать цивилизующим в самом обширном смысле этого слова, несет ответственность за все страдания современников, которые оно могло бы устранить, если бы не ограничилось ролью представителя цивилизации, а взяло бы на себя и роль ее двигателя». Вместе с тем он предупреждал, что русский народ еще не готов к социалистической революции. Поэтому начинать нужно с кропотливой работы по просвещению народных масс.

Другим видным представителем русской эмиграции в Швейцарии в то время выступал М. Бакунин. Он шел значительно смелее и дальше, а потому пользовался большей популярностью среди молодых людей, чем П. Лавров. Соглашаясь с необходимостью решения общей задачи воплощения в практике истины и справедливости, Бакунин указывал, что для этого требуется социальное и экономическое освобождение народа: упразднение всякой наследственной собственности, передача земли — общинам, а фабрик, капиталов и других орудий производства — рабочим ассоциациям, уравнение прав женщин и мужчин, упразднение брака и семьи, общественное воспитание детей.

Практически осуществить такие преобразования невозможно при сохранении государства, как механизма насилия и принуждения, независимо от того, будет ли это конституционная монархия или демократическая республика. Дело в том, что бюрократизм, безответственность и взяточничество — хронические болезни, внутренне присущие любой иерархии государственной власти, построенной по принципу сверху вниз. Поэтому она подлежит ликвидации. Вместо нее должна быть создана система органов самоуправления и их ассоциаций, в которой властные полномочия передаются снизу-вверх и могут быть отозваны, если «верхи» злоупотребляют ими. Такие система управления получила название анархии. В 70-х и 80-х годах она была поддержана не только молодежью, но и некоторыми образованными, опытными людьми, хорошо знавшими государственную систему России, в том числе, князем П. Кропоткиным.

Одна из установок М. Бакунина — призыв к молодежи идти в деревню и готовить крестьян к бунту против государственного строя самодержавия. По времени этот призыв близко совпал с распоряжением официального Петербурга вернуть к 1 января 1874 г.

русских студентов из заграницы. Иначе, как им грозили, они будут лишены права работать в России. Многие предпочли вернуться в Россию. Они прервали учебу и весной 1874 года полустихийно «пошли в народ». Подобные поступки отмечались и раньше. Но в первой половине 70-х движение приобрело массовый характер. При этом некоторым удалось устроиться учителями, агрономами, фельдшерами под крышей земств. Другие — пилили дрова, ремонтировали дома и хозяйственные постройки, помогали на сенокосе, при уборке урожая. Однако, не владея ни опытом, ни умением работать в сельском хозяйстве, они далеко не всегда встречали уважение и доверие со стороны селян. В таких условиях агитировать крестьян против самодержавия было непросто. Один из участников хождения в народ вспоминал позже с иронией: «Идем мы с товарищем по дороге. Нагоняет нас мужик на дровнях. Я стал толковать ему, что податей платить не следует, что чиновники грабят народ и что по писанию выходит: надо бунтовать. Мужик стегнул коня, но и мы прибавили шагу. Он погнал лошадь трусцой, но и мы побежали вслед, и все время продолжали втолковывать ему насчет податей и бунта. Наконец мужик пустил коня вскачь...»[6 24]

Нередко о таких «агитаторах» сообщали в полицию. В 1874 г. примерно из 2-2.5 тысяч народников 770 человек были арестованы и попали под суд. Среди них 215 юношей и девушек получили разные сроки тюремного заключения.[6 25] Это был провал, а вместе с тем, горький и запоминающийся урок на будущее: с наскока, без тщательной подготовки такие дела не делаются.

С середины 70-х годов начинается новый этап в развитии теории и практики крестьянского социализма: *во-первых,* налаживается систематическая само учеба молодой интеллигенции в многочисленных кружках и группах, созданных во многих городах России, печатается и широко распространяется популярная литература по наиболее злободневным проблемам развития крестьянства, сельского хозяйства и социализма. *Во-вторых,* вместе с интенсивным развитием промышленности особую актуальность приобретает рабочий вопрос. Все большие число народников начинает вести кружки самообразования среди заводских рабочих. Растет понимание того, что у рабочих и крестьян много общих интересов и разрешать их нужно и можно только сообща. Переводятся на русский язык теоретические работы по социализму западных авторов, в том числе,

«Капитал» К.Маркса, который изучали во всех слоях российского общества. *В-третьих,* происходит организационное объединение и укрепление народнических сил.

В 1876 г. завершилось формирование крупного общества «Земля и воля», в состав которого вошли разрозненные революционные, в том числе рабочие, кружки и группы Центральной России, Украины, Белоруссии, Поволжья, Кавказа и Польши. Его название, аналогичное обществу, действовавшему в 1865-1866 гг., как бы подчеркивало духовное родство народников 60-х и 70-х годов. Руководство обществом было коллективное, но фактически его лидером стал энергичный и принципиальный Александр Михайлов. Программные требования общества предусматривали социализацию частновладельческой земли и передачу ее в пользование крестьянским общинам; развитие демократического самоуправления на местах. Отмечалось, что реализовать эти требования можно только «посредством насильственного переворота». Чтобы осуществить такой переворот, нужна тщательная подготовка. Начинать следует с агитации среди крестьян и рабочих, нацеленной на «возбуждение народа к бунтам и стачкам», а также с действий по дезорганизации работы правительства. Особое внимание уделялось пропаганде революционных идей среди крестьянства. Чтобы быть ближе к нему, в сельской местности создавались специальные поселения интеллигенции.

Вся деятельность землевольцев опиралась на глубокую конспирацию, дисциплину и четкость исполнения, взаимную выручку и товарищеский контроль. Полиции, несмотря на все ее старания и затраты, в течение почти трех лет, так и не удалось раскрыть эту организацию. В ее структуре было создано специальное подразделение для охраны и контрдействий. Первые террористические акции «Земли и воли» носили оборонительный характер. В. Засулич застрелила петербургского военноначальника Трепова за то, что он приказал подвергнуть телесному наказанию находившегося в тюрьме политзаключенного. Характерно, что суд присяжных оправдал ее, а присутствующая на суде молодежь отбила попытку полиции арестовать Засулич уже после оправдательного приговора. Однако, терроризм быстро расширялся, что можно объяснить двумя причинами: во-первых, правительство ужесточило свои действия против любых проявлений оппозиции, грубо и безответственно нарушая

законодательство. Но, как известно, действие рождает противодействие. Во-вторых, попытки землевольцев поднять крестьян на бунт, по большому счету, провалились. Это обескураживало и даже раздражало революционно настроенную интеллигенцию. «Деревенское дело, на время по крайней мере, погибло, — признавался один из активных народников. — В этом я был убежден и имел на то солидные основания».[6 26] Поэтому многие, чтобы использовать накопившуюся энергию и желание результативно действовать, иногда «скрепя сердце», примкнули к террору.

Народники раскололось на две неравные части: «деревенщики» вошли в «Черный передел», сторонники активной террористической деятельности — в «Народную волю». Первая организация просуществовала весьма недолго — не было убежденности в нужности и результативности своего дела. Некоторые члены были арестованы, другие успели перебраться за границу, оставшиеся — примкнули к Народной воле. Ее члены, называвшие себя социалистами и революционерами, продолжали активно действовать. Несколько покушений на царя, в том числе взрыв в Зимнем дворце, закончились безрезультатно. 1 марта 1881 г. группе террористов, руководимых С. Перовской, все же удалось добиться своего. Правительство ответило на убийство царя беспощадной расправой над участниками Народной воли. К концу 1884 года, как организация, она перестала существовать. Ее традиции продолжало новое поколение социалистов-революционеров.

Первые, чаще всего, немногочисленные группы социалистов-революционеров (эсеров) стали формироваться в середине 90-х годов. В их составе преобладали интеллигенты. Идеологические воззрения эсеров представляли собой своеобразный синтез крестьянского социализма с западным марксизмом. Исключение составлял, пожалуй, только тамбовский кружок, вокруг которого было создано несколько крестьянских организаций-братств, выступавших за развитие сельского самоуправления и отмену частной собственности на землю. Руководил кружком Виктор Чернов — человек необычной судьбы. Дед его был крепостным. Отец, окончив уездное училище, пошел служить. Начал с писаря, кончил — уездным казначеем. Получил личное дворянство. Мать происходила из обедневшей дворянской семьи. Умерла рано, оставив пятерых детей. Виктору, младшему из них, было около года. Вто-

рая жена помогла удвоить количество детей в семье. Но жили безбедно. Арендовали землю и всей семьей интенсивно ее обрабатывали. Так что будущий идеолог социалистов-революционеров с детства познакомился с крестьянским трудом, нравами и бытом российской деревни.

Как гимназист, попал в Саратов, где познакомился не только с литературой народников, но и лично с некоторыми видными их представителями. По этой причине власти не разрешили ему закончить гимназию. Пришлось перебираться в Дерпт. Получив там аттестат, поступил в Московский университет, на юридический. Но очень скоро главным занятием для него стало активное участие в студенческом движении. В 1894 г. арест, пребывание в Петропавловской крепости, в других тюрьмах, где он завершает свое высшее образование, самостоятельно изучая философию, экономику, право и, особо, крестьянский вопрос. Затем высылка под надзор полиции на три года. По окончании срока, — выезд за границу, продолжение самообразования в жарких политических и теоретических дискуссиях. Так В. Чернов становится главным теоретиком социалистов-революционеров. Он подготавливает проект программы, принятой на I-м съезде партии в 1906 г.

Исключительную роль в формировании этой организации сыграла Е. Брешко-Брешковская — дочь поместного дворянина Черниговской губернию. Она прожила 90 лет,— поэтому ее и называли «бабушка», энергичная, волевая, неунывающая и несгибаемая. С 17 лет Катя активно участвовала в российском революционном движении. Соучастница 4 крупных террористических актов. «Ходила в народ». Человек дела во благо народа Екатерина Константиновна большую часть жизни отбывала разного рода наказания. Прошла тюрьмы, Петропаловку, каторгу, ссылки, эмиграцию, снова аресты и новая ссылка. Февральская революция освободила ее уже тяжело больной из Минусинска. Вернувшись в Петроград, стала одним из почетных лидеров партии социалистов-революционеров.

Программа этой партии видела конечную цель в осуществлении «великой задачи социально-революционного переворота»: «обобществление труда, собственности и хозяйства»..», то есть планомерную организацию всеобщего труда на всеобщую пользу».

«Вся тяжесть борьбы с царизмом, несмотря на наличность либерально-демократической оппозиции.., падает на пролетариат,

трудовое крестьянство и революционно-социалистическую интеллигенцию».

«Осуществление полностью партийной программы, т.е. экспроприация капиталистической собственности и реорганизация производства на социалистических началах, предполагает полную победу рабочего класса, организованного в социал—революционную партию, и в случае надобности, установление его временной революционной диктатуры».[6 27]

Оригинальность эсеровского социализма заключалась в модели преобразования собственности на землю. Исходным в этой модели было положение о некапиталистической эволюции крестьянских трудовых хозяйств в России к социализму и о начале его «прорастания» в деревне раньше, чем в городе.[6 28]

Социализация земли предусматривала «изъятие ее из товарооборота и обращение из частной собственности отдельных лиц или групп в общенародное достояние на следующих началах: все земли поступают в заведование центральных и местных органов народного самоуправления». Землю получают те, кто может своим трудом ее обрабатывать, единолично или в товариществе. Размер надела должен обеспечить потребительскую норму питания всем членам семьи. Рента поступает на общественные нужды. Обращение земли в общенародное достояние осуществляется без выкупа. Недра остаются за государством.[6 29]

Стоит отметить также, что, в отличие от бытовавшей среди народников упрощенной трактовки крестьян социалистами «по рождению», вытекающей из особенностей характера общинной жизни, эсеры более точно подчеркивали, что «общинно кооперативный мир деревни вырабатывал в ней своеобразное трудовое правосознание», которое может служить предпосылкой для развития в *дальнейшем* социалистических отношений.

В политической и правовой областях программа предусматривала для граждан полную свободу совести, слова, печати, собраний, союзов, стачек, неприкосновенность личности и жилища, всеобщее избирательное право. Предусматривалось также установление 8—ми часового рабочего дня, предела минимальной зарплаты, усиление охраны труда и др.

По поводу тактики программа ограничивалась общим заявлением, что борьба будет вестись «в формах, соответствующих конк-

ретным условиям русской действительности».

Программный документ партии социалистов-революционеров был принят в самый разгар революционных событий 1905-1907 гг. Он безусловно способствовал росту ее популярности и притоку новых членов. Показательно, что если к началу этого периода в ее рядах насчитывалось 2-2.5 тысячи человек, то к концу 1907 г. — примерно 50-60 тысяч. Эсеры активно участвовали в организации и вооружении рабочих дружин, выступавших против царизма. Одновременно резко расширилась их террористическая деятельность. Так, если до 1905 г. боевая организация эсеров совершила 6 терактов, то за последующие 2.5 года их количество возросло до 200.

После поражения революции обстановка круто изменилась. Популярность и численность партии эсеров быстро таяли. Так всегда бывает после крупных поражений, но были и другие причины. Во-первых, тяжелым моральным ударом по всему революционному движению стал получивший широкую огласку факт, что Азеф — руководитель боевой дружины эсеров был агентом полиции. Во-вторых, крупной ошибкой партии был бойкот выборов в I Думу, состав которой, вопреки бойкоту, было избрано более 100 крестьянских депутатов. Это свидетельствовало об отрыве партии от деревни, не понимании настроений крестьянства. В-третьих, эсеры выступили против Столыпинской реформы, в то время как часть крестьянства ее поддерживала. В-четвертых, почти все руководство и активисты партии после поражения революции оказались либо в ссылке, либо (большинство) — в эмиграции. В-пятых, во время войны «оставшиеся в живых» эсеры разругались и разделились на интернационалистов и оборонцев, что, конечно, не могло способствовать укреплению партии.

Все эти причины, вместе взятые, почти полностью разрушили организационную структуру партии социалистов-революционеров. В конце 1916 г. департамент полиции докладывал правительству, что «таковой партии в России не существует». В этом докладе чувствуется стремление охранного отделения приукрасить свои заслуги и выдать желаемое за действительность. Однако, в одном полиция была права: партия эсеров накануне февральских событий не представляла серьезной опасности для самодержавия.

В аналогичной ситуации находилась и другая крупная партия революционного направления — Российская социал-демократичес-

кая рабочая партия (РСДРП), ослабленная расколом на несколько течений и группировок. Причем в основе расхождений, как правило, находились не только принципиальные, ключевые вопросы, но и личные антипатии и недоверие, возникавшие в открытой, а чаще в невидимой внешне борьбе за лидерство: каждый руководитель стремился овладеть «контрольным пакетом» влияния на основную массу членов партии и не допустить к ней соперников, которых обычно было несколько. Показательно, что на местах рядовые члены социалистических партий, которые имели разные названия, чаще всего выступали против самодержавия в едином строю и, оказавшись в сложной ситуации, без оговорок оказывали друг другу помощь и поддержку.

Первая марксистская организация — группа «Освобождения труда» была создана в 1883 г., в Женеве в основном из эмигрантов-народников во главе с Георгием Плехановым. С полным основанием его можно назвать «дедушкой русской революции», за спиной которого была трудная, полная мучительных исканий и противоречий, но всегда духовно чистая жизнь. Достаточно сказать, что лишения, связанные с последствиями революционной деятельностью отца, послужили причиной гибели двух его любимых дочерей.

Родился Георгий в 1856 г., семье небогатого дворянина, отставного штабс-капитана. Его юные годы прошли в обстановке, типичной для детей этого класса. Военная гимназия, учеба в Константиновском артиллерийском училище, окончание которого обещало офицерское звание. Но такое будущее уже не привлекало юношу, почувствовашему потребность быть полезным своему народу. Он становится студентом горного института. На втором курсе — новый поворот судьбы: увлечение идеями Бакунина, вступление в тайную организацию «Земля и воля», выступление с речью на демонстрации у Казанского собора, за что получил кличку «Оратор» и преследование полиции. Несколько месяцев пришлось скрываться за границей. После возвращения — руководство просветительными кружками среди рабочих, знакомство с марксистской литературой, раздумья о судьбе народников и растущие сомнения в целесообразности террора. В 1879 г., на съезде под Воронежем болезненный разрыв с «Землей и волей». Террор ничего хорошего для России не обещает. Для Плеханова это означало обвал точки опоры, на которую он с надеждой забрался

три года назад. Но, что взамен? Нет конструктивного ответа. Обескураженный и гонимый полицией он снова в Швейцарии, вместе с семьей. Постоянных заработков нет. Нужда дает о себе знать со всех сторон. Но важнее другое: он кажется находит ответ на мучительные вопросы о будущих судьбах России.

Европа уже накопила большой опыт рабочего движения. О нем написана масса интересных, в том числе умных работ. Плеханов с жадностью читает все, что удается достать или купить, несмотря на трудности с деньгами. Знакомится с «живыми» социал—демократами и революционерами. Не нужно еще раз изобретать велосипед. Задача видется в том, чтобы донести до русского рабочего движения в доходчивой форме европейскую теорию и имеющийся опыт социальных преобразований.

В мае 1895 г. в Женеву приезжает руководитель петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» Владимир Ульянов (Ленин) — другой восходящий лидер формирующейся партии. В то время ему было 25 лет, Плеханову — почти 40. Между ними состоялось несколько откровенных бесед. Темы: от философских до бытовых, включая острый дефицит денег. Важное место занял и деловой вопрос: о сотрудничестве. Договорились, что группа «Освобождение труда» будет издавать для распространения в России периодический сборник «Работник». Распрощались с самыми добрыми чувствами. В письме к жене Плеханов писал о Ленине: «Приехал сюда молодой товарищ, очень умный, образованный и даром слова одаренный. Какое счастье, что в нашем революционном движении имеются такие молодые люди».[6 30] Надежда Крупская, вспоминая те годы, отмечала, что Ленин любил Плеханова «страстно». «Плеханов сыграл крупную роль в развитии Владимира Ильича, помог найти ему правильный революционный путь, и потому Плеханов был окружен для него ореолом, всякое самое незначительное расхождение с Плехановым он переживал крайне болезненно».[6 31]

Вскоре после своего возвращения в Россию Ленин был арестован и сослан в Сибирь. Вторая его встреча с Плехановым состоялась только через пять лет. Теперь речь зашла о практическом деле: наладить за границей выпуск российской социал-демократической газеты «Искра». При этом заранее главная роль отводилась молодому лидеру. Имелось в виду, что редактировать газету будут Ленин, Мартов и Потресов, а «ближайшими участниками»

станет группа «Освобожденный труд». При этом Ленин считал целесообразным, поскольку «старики» крайне нетерпимы», издавать газету не в Женеве, а в Мюнхене. «Это сделает нас *независимее от Г.В. ...*»[6 32]

У Плеханова хватило ума и опыта, чтобы сразу сообразить, о чем идет речь. К тому же он был достаточно честолюбив и обидчив. Встреча едва не кончилась разрывом, а «Искра» была близка к тому, чтобы потухнуть. Но Плеханов уступил, в интересах дела согласился стать только активным сотрудником и автором многих материалов газеты.

Второй раунд разногласий между двумя лидерами разгорелся в период подготовки проекта программы партии. Плеханов считал себя одним из ведущих теоретиков II Интернационала. И это соответствовало действительности. Поэтому он по «праву» подготовил к предстоящему съезду теоретическую часть программы. Однако, она подверглась резкой критике со стороны Ленина. Последний не без оснований считал, что все теоретические положения нужно в большей степени увязать с конкретной социально-политической и экономической обстановкой в России, а также более четко сказать о диктатуре пролетариата.

Только после неоднократных дискуссий и поправок проект был согласован и опубликован в «Искре» для обсуждения. Теперь больше уступок сделал Ленин. Он не хотел обострять отношения с Плехановым накануне съезда, тем более, что у него появился новый соперник — Л. Мартов. В конце июля 1903 г. Г. Плеханов небольшой, взволнованной речью открыл II съезд РСДРП, который принял программу, подготовленную двумя главными теоретиками. Из ее содержания можно выделить три основные части:

Политическую. Конечная цель социал-демократии — обобществление собственности на средства производства и введение планомерной организации производственного процесса для «обеспечения благосостояния и всестороннего развития всех членов общества».

Необходимым условием достижения этой цели выступает диктатура пролетариата, «т.е. завоевание пролетариатом такой политической власти, которая позволит ему подавить всякое сопротивление эксплуататоров».

В качестве ближайшей задачи было намечено «низвержение цар-

ского самодержавия и замена его демократической республикой».

Общедемократическую. Введение всеобщего, равного, прямого избирательного права; широкого местного самоуправления; неприкосновенности личности и жилища; свободы совести, слова, печати, собраний, стачек и союзов; выборности судей; бесплатного и всеобщего образования и др.

Экономическую. Введение 8-часового рабочего дня; запрещение использования детского труда; ограничение труда женщин; введение государственных пенсий по старости и инвалидности и др. Для крестьян: отмена выкупных платежей, а также других повинностей; снятие ограничений в распоряжении землей, возвращение отрезков, сделанных во время реформы 1861 г. и др.

Эта первая программа российских социал-демократов стала исходным образцом не только при разработке программных документов других социалистических партий, но и для кадетов, которые включили в свою программу почти целиком общедемократическую и экономическую части программы РСДРП.

Необходимо отметить, что обсуждение программы и устава на съезде проходило весьма остро. По существу противоборство за лидерство между Лениным и Мартовым (Ю. Цедербаумом) приобрело открытые формы. Раскол на две фракции: меньшевиков и большевиков был оформлен после съезда. К 1905 г. каждая из них имела свой руководящий центр, печатный орган и местные организации. Всего большевиков насчитывалось 14 тыс., меньшевиков — 12.5 тыс.[6 33]

Несмотря на то, что обе фракции имели одну и ту же программу, борьба между ними со своими спадами и подъемами продолжалась до 1917 года. Очевидно причины раскола заключались не в разных подходах к принципиальным вопросам тактики и стратегии, а в чем-то другом. Видимо, определенную роль играла и разная национальность соперников. Так, на V съезде РСДРП (1907 г.), где были представлены обе фракции, среди меньшевиков было 34 % русских, 29 % грузин и 23 % евреев. Среди большевиков указанные национальности составляли соответственно — 73, 3 и 11 процентов.[6 34]

Если в период 1905-1907 гг. наблюдалась тенденция к сближению и сотрудничеству между двумя фракциями, то после поражения революции трещина между ними стала глубже и шире. При-

чем внутри каждой из фракций наблюдалось дробление еще на более мелкие группы и течения (ликвидаторы, отзовисты, богоискатели и др.). В это сложный период Плеханов опять потерял ориентиры и то примыкал к меньшевикам, то отходил от них. Но зато появился еще один кандидат в лидеры партии — Лев Троцкий. Вначале он сотрудничал с ленинской «Искрой». В 1903 г. Ленин писал о нем: «Человек, несомненно, с недюжинными способностями, убежденный, энергичный, который пойдет еще вперед».[6 35] Но уже на II съезде Троцкий оказался среди меньшевиков. Его первый взлет с заявкой на будущее — осень 1905 г., когда он в течение почти двух месяцев был одним из руководителей Петербургского Совета рабочих депутатов. Затем полтора года предварительного заключения, суд, ссылка, дерзкий побег. В 1908 году эмиграция в Вену, где Троцкий на протяжении четырех лет издает свою газету «Правда». При этом он стремится занять надфракционную, центристскую позицию, чтобы примирить конфликтующие течения и группы и стать лидером объединенной партии. Мартов характеризует его как «человека, который всегда приходит со своим собственным стулом».[6 36] В августе 1912 г. Троцкий собирает в Вене обособленную конференцию в пику Пражской. Однако, затея не кончилась успехом. Созданный «августовский блок» никак не тянул на партию и вскоре распался. Между тем угроза быть интернированным в связи с нападением Австрии на Сербию вынудила Троцкого быстро собрать вещи и эмигрировать с семьей из Вены в США, где он пробыл до февраля 1917 года.

Начавшаяся мировая война вызвала еще одну волну распада оставшихся немногочисленных организаций РСДРП на оборонцев и интернационалистов. Ленин выдвинул лозунг превращения империалистической войны в войну против реакционных и буржуазных правительств. Депутаты социал-демократы в Государственной думе, большевики и меньшевики,— выступили с декларацией, в которой осудили войну и отказались голосовать за военные кредиты. В ноябре 1914 г. все они были арестованы и после суда сосланы в Сибирь. Располагая через свою агентуру в руководстве РСДРП достаточной информацией о сети партийных организаций в России, царское правительство настолько их ослабило систематическими арестами и вытеснением за границу, что уже не видело серьезной опасности для самодержавия со стороны левого революционного фланга.

6.3. Катастрофа

К началу 1917 г. верхние этажи самодержавия оказались в плотном кольце недружелюбных или даже враждебных к ним сил. Некоторые настойчиво требовали ограничения царской власти, другие — ее ликвидации. Главная опасность угрюмо надвигалась со стороны многочисленных неудач и поражений на войне. Линия фронта на северо-западе угрожающе выгнулась в сторону северной столицы. Одновременно быстро росла критическая масса сирот, вдов, калек, пропавших без вести.

Армия устала от бессмысленных жестокостей и неурядиц войны. Среди офицерства росло недоверие к способностям верховного командования. Все чаще возникали разговоры об измене среди приближенных царя. Еще более сильное брожение наблюдалось среди солдат. Участились случаи дезертирства. В январе 1917 г. на Юго-Западном фронте восстал целый пехотный полк.

Одновременно менялась атмосфера и в тылу. В этой связи П. Милюков отмечал: «В 1915 году главная забота русских людей была направлена на исправление военных неудач, и это достигалось сотрудничеством, хотя и не дружным, Совещания по обороне и общественных организаций с правительством. В 1916 году этого сотрудничества уже недостаточно, ибо забота обращена не на фронт, а на тыл. Не отступление войск и отсутствие снарядов заботит русских людей, а **глубокое функциональное расстройство самой страны** (выделено мною - Р.Б.)».[6 37]

В качестве убедительной иллюстрации такого расстройства Милюков привел показания для Чрезвычайной комиссии дворянина, бывшего октябриста А. Протопопова, который в последние полгода деятельности царского правительств занимал пост министра внутренних дел. Думается, его нельзя заподозрить в незнании обстановки в конце 1916 года, да и сами показания звучат достаточно откровенно: «Финансы расстроены, товарообмен нарушен, производительность страны — на громадную убыль.., пути сообщения — в полном расстройстве... Двоевластие (ставка и министерство) на железных дорогах привело к ужасным беспорядкам...Наборы обезлюдили деревню (брался 13-й миллион), остановили землеобрабатывающую промышленность, ощущался громадный недостаток рабочей силы... Общий урожай в России превышал потребность

войска и населения. Между тем система запрета вывоза — сложная, многоэтажная; реквизиции, коими злоупотребляли, и расстройство вывоза создали местами голод, дороговизну товаров и общее недовольство... Таксы (твердые цены - Р.Б.) развили продажу «из-под полы», получилось «мародерство»... Армия устала, недостатки всего понизили ее дух, а это не ведет к победе».[6 38]

Как уже отмечалось, неспособность казенных заводов обеспечить воюющую армию необходимым количеством вооружений, боеприпасов и амуниции, заставляло царское правительство идти на сотрудничество с русскими предпринимателями в деле расширения производственной базы оборонной промышленности за счет частного сектора. В то же время инстинктивный страх перед молодой, быстро растущей буржуазией, заставлял правительство Николая II внимательно следить за ее политическими действиями и всячески мешать укреплению ее позиций в общественной жизни. В этом отношении весьма показателен эпизод, произошедший в Москве в январе 1917 г.

Группа молодых промышленников во главе с П. Рябушинским, которая уже несколько месяцев готовила Всероссийский торгово-промышленный съезд, призванный внести больше целенаправленности, организованности и дисциплины в действия предпринимателей на завершающем этапе первой мировой войны. Съезд должен был также провозгласить, что «разрешение продовольственной проблемы возможно только при участии торгового класса» и что в результате политики правительства «наступает паралич хозяйственной деятельности и что власть ведет страну к гибели, предостеречь о возможности безудержного прорыва народного гнева». Открытие съезда намечалось на 25 января. За неделю до этого срока его организаторы неожиданно получили уведомление от командующего Московским военным округом, что он «запретил не только съезд, но и собрания, хотя на частных квартирах, с указанной целью. Посему прибытие в Москву участников предполагавшегося съезда является излишним».[6.39]

Несмотря на уведомление важного генерала член Государственного совета П. Рябушинский все же пригласил «на совещание» в свой особняк на Пречистинском бульваре Москвы прибывших делегатов съезда. С утра 25 января полиция установила за его домом «наружное наблюдение». К вечеру продрогшие филеры насчи-

тали 24 человека, вошедших в двери роскошного особняка. Открывая совещание, хозяин дома с горечью отметил: «Власти пытаются остановить саму жизнь...Лишь чувство великой любви к России...-заставляет безропотно переносить ежедневно наносимые властью, потерявшей совесть, оскорбления...Посмотрите на жалкие ряды наших министров...Это или раболепствующее ничтожество, или делающие себе карьеру беспринципные комедианты...Так долго продолжаться не может».[640] Примерно через два часа после начала совещания в дом Рябушинского явился жандармский полковник и предложил собравшимся разойтись, передав ему предварительно свои визитные карточки. Хозяин объяснил ему, что собравшиеся не имеют в виду заменить собой съезд, и попросил полковника покинуть дом. После его ухода Рябушинский заметил: «Как бы правительство не мобилизовало жандармов и городовых, ему это не поможет». Согласно доносу в департамент полиции от агента, внедрившегося в доверие хозяина дома, собрание решило «не позднее конца февраля явочным порядком созвать съезд в Москве».[641] (практически съезд удалось провести лишь после Февральской революции, в марте 1917 г.)

Другой «субъект», который очень тревожил и пугал самодержавие в годы войны, — это IV Дума. В окружении царя, если кто-то хотел дать политику крайне отрицательную характеристику, говорили: «Да, он не лучше думы». Сам Николай II считал, что согласившись в 1905-1906 гг. на создание этого органа власти, он совершил непоправимую ошибку, и делал все возможное, чтобы ограничить, принизить ее роль и значение в общественной жизни. Тем самым, вместо того, чтобы получить в ее лице важного союзника и помощника в трудные годы войны, государь сделал из народного представительства опасного для себя противника, негативно воздействовавшего на общественное мнение и мотивацию значительной части населения.

Дело в том, что царь и его ближнее окружение не понимали, что самодержавие, а вместе с ним и тысячелетняя Россия, вступили в полосу старости, увядания. Обострение экономической и политической обстановки в стране было одним из проявлений этого сложного, болезненного процесса. Оно указывало на назревшую потребность обновления и омоложения России, ее общественного и государственного строя. Создание Думы — интуитивный шаг вер-

ховной власти в этом направлении и никакая не ошибка.

Война сразу обнажила во многих местах бессилие одряхлевшей системы управления войсками и хозяйством. Не хватало воли, стратегического мышления и организаторских способностей, прежде всего в центре, в верхних этажах власти. Отсутствовала надежная система отбора и выдвижения самостоятельных, творческих кадров. Иногда кандидатуру на пост министра и других ключевых должностей определяли рекомендации государыни Александры Федоровны или даже Григория Распутина. Показательно, что по мере затягивания войны и нарастания трудностей, участились случаи замены одного бездарного сановника на другого, еще менее способного к государственной службе, но сумевшего убедить их величества в своей преданности. Именно по такому критерию подбирались многие кадры в руководство армией и страны. Такие люди не выдерживали трудных экзаменов военного времени, но, как правило, под разными предлогами задерживались на своих высоких местах.

Государственная Дума искренне хотела и, пожалуй, смогла бы помочь верхам лучше разобраться в людях, сориентироваться в обстановке, а также в выработке общей стратегии и тактики. Стоит отметить, что IV Дума, деятельность которой пришлась на период войны, по своему характеру и качеству существенно отличалась от своих предшественниц. Первая и вторая Думы (1906-1907 гг.) были продолжением и одной из форм проявления народного бунта, вспыхнувшего в начале века. Поэтому они с самого начала заняли позицию активной оппозиции по отношению к правительству, включив в повестку своих заседаний самый острый вопрос того времени — земельный. Две фракции — кадетов (153 депутата) и трудовиков (107), на долю которых приходилось более половины всех голосов, — выступили, с незначительными оговорками, единым фронтом за то, чтобы передать всю землю частных владельцев, прежде всего помещиков, в общественный фонд, из которого наделять тех, кто ее может обрабатывать своим трудом, т.е. крестьян, по справедливым нормам. Когда совместная разработка соответствующего законопроекта, несмотря на категорические возражения правительства и явное недовольство государя, стала приближаться к завершению, I Дума, проработавшая всего 72 дня, была распущена. Это произошло 9 июля 1907 г.

Через четыре месяца, в ноябре указом Николая II было объяв-

лено о проведении новой аграрной реформы, направленной на то, чтобы расколоть крестьянство: все желающие получили право свободного выхода из общины вместе со своим наделом земли и единоличного, точнее сказать семейного ведения хозяйства. Одновременно по прежней схеме были назначены новые выборы в Думу, которая, вопреки ожиданиям получилась еще более «левая». Большинство депутатов вновь приступили к завершению агарного законопроекта, подготовку которого начала еще I Дума. Это был прямой вызов властям и Николай II принял его. 2 июня 1907 г. он писал Столыпину: «Я ожидал целый день с нетерпением извещения Вашего о совершившемся роспуске *проклятой* (выделено мною - Р.Б.) Думы...Дума должна быть завтра, воскресенье утром распущена. Твердость и решимость — вот что нужно показать России». Жесткое требование царя было выполнено — через 103 дня с начала работы дерзкая, «мужицкая» Дума была закрыта.[6 42] Этот акт в литературе называют «третьиюньским переворотом», который как бы подвел черту, обозначившую окончание бурного периода 1905-1907 гг.

Вместе с тем он означал, что и самодержавие и либеральная демократия получили «2» за обучение в начальных классах русского парламентаризма. Своеобразные выводы из таких результатов сделало высшее руководство страны. Охотнее всего оно прервало бы щекотливые эксперименты с введением демократии и вообще отказалось бы от проведения новых выборов. Однако, опыт подсказывал, что колесо истории крутиться со своими циклами и ритмами только в одну сторону — вперед. Попытки остановить его, а тем более повернуть его назад всегда кончались крупными неприятностями.

Поэтому верховная власть решила идти другим путем: коренного изменения порядка выборов таким образом, чтобы до минимума сократить число депутатов от кадетов, трудовиков (крестьян) и социалистов. Замысел удалось реализовать. Если в I Думе кадеты были представлены 140 депутатами, то в III Думе их осталось только 54, трудовиков было 107, теперь—14. Социал-демократы получили 19 мест.[6 43] В то же время «Союз 17 октября» стал самой крупной фракцией — 154 депутата, правые и умерено правые — 121 депутат. Эти две группы располагали абсолютным большинством голосов. Практически в III Думе сложилась довольно устой-

чивая либерально-центристская коалиция из 250-260 депутатов, которая была готова сотрудничать с правительством по всем принципиальным вопросам. И она сделала свое дело: утвердила столыпинские реформы, помогала в рамках своих возможностей становлению гражданского общества, развитию плюрализма мнений о путях дальнейшего развития страны. Крайние правый и левый фланги не могли помешать такому движению Думы по центру. Николай II и его окружение терпели новую Думу, хотя и не изменили своего негативного отношения к ней по существу. Тем самым их позиция несколько отличалась от позиции П.Столыпина, который считал возможным и целесообразным подключить Думу к сложному процессу реформирования и обновления России. Некоторые историки не без основания высказывают предположение: если бы 1 сентября 1911 г. в киевском театре не прозвучали те два роковых выстрела, оборвавшие жизнь главы правительства, то его отставка произошла бы в ближайшие месяцы.

IV Дума начала свою деятельность в иной обстановке. Новый премьер-министр В. Коковцев в отношениях с представительным органом был целиком на стороне царя. О настроении и взглядах высокого сановника о месте Думы в общественной жизни накануне войны достаточно красноречиво свидетельствует следующий отрывок из его воспоминаний: «Министры, не проникнутые идеей так называемого абсолютизма, а тем более Государственная Дума, вечно докучающая правительству своей критикой, запросами, придирками и желанием властвовать и ограничивать исполнительную власть,— все это создано, так сказать, для обыденных, докучливых текущих дел и должно быть ограничиваемо возможно меньшими пределами, и чем дальше держать этот неприятный аппарат от Государя.., тем лучше»..[6 44]

Заседания IV Думы начались 15 ноября 1912 г. Министерство внутренних дел и другие правительственные учреждения сделали все, чтобы ее депутаты «не мешали» Николаю II и его правительству. Из 442 представителей народа 75 % составляли помещики и священнослужители. Каждый третий владел заводом, фабрикой, торговой фирмой, доходным домом и другой недвижимостью. Среди «солидной» публики интеллигенции было почти не видно: на ее долю приходилось всего 15 процентов всех мест. Правительство могло рассчитывать в новой Думе на поддержку двух блоков, имев-

ших абсолютное большинство голосов: право-октябристского — 283 голоса и октябристско-кадетского — 226 голосов.

Кадеты считали себя самой крупной оппозиционной группой — 58 человек (13 %). За ними шли прогрессисты — 48 депутатов (11 %). Группы социал-демократов, трудовиков, национальных партий, а также мусульман и беспартийных имели от 1.4 до 3.4 % всех голосов.[6 45]

При таком раскладе сил правительство, конечно при желании с его стороны, могло бы сотрудничать практически по всем вопросам с монархическим большинством IV Думы. Однако, ни царь, ни новый премьер-министр В. Каковцев не имели такого желания. Они бессознательно упустили эту возможность, не понимая происходящих перемен и явно переоценивая свои силы. С первых же заседаний думцев попытались «утопить» в вязкой «вермишели» мелких законопроектов. По инициативе правительства на их рассмотрение было предложено более 2000 таких, заранее подготовленных проектов, а принципиальный вопрос — о бюджете на 1914 г., вопреки традициям и закону, был решен в обход Думы и Госсовета. Таким образом общественности демонстрировали, что Дума не нужна, что это лишний орган. Без него работать легче и быстрее. Не все могли понять, что происходит и что же нужно делать. Один из лидеров кадетов — А. Шингарев так характеризовал сложившуюся обстановку: «Скука в IV Думе напоминает состояние пассажиров поезда, застрявшего на глухой станции».[6.46.]

Подобная позиция верхов не могла не возмущать депутатов, которые чувствовали себя ответственными перед избирателями и рассчитывали принять участие в решении действительно государственных, часто неотложных проблем, накопившихся за десятилетия. Многие из них, еще недавно лояльно относившихся к царю и правительству, стали пополнять ряды оппозиции. Весной 1914 г. из таких людей начал формироваться новый, более широкий «прогрессивный блок», в который вошли представители как радикальной буржуазии, октябристов, кадетов, так и трудовиков, а также социал-демократов. Примерно через год, очистившись от радикалов, он станет мощной объединенной силой, выступающей с резкой критикой неудач и провалов правительства и настойчиво требующей его замены.

Объявление войны со стороны Германии на короткий период

резко изменило настроение людей как в стране, так и в народном представительстве. На один день, 26 июня Дума была собрана в Таврическом дворце. В своем обращении к народу царь призывал: «В грозный час испытания да будут забыты внутренние распри. Да укрепится еще теснее единение Царя с его народом, и да отразит Россия, поднявшаяся как один человек, дерзкий натиск врага».[6 47]

Все выступавшие искренне поддержали этот призыв. Так, в ответном слове председатель Думы М. Родзянко, под гром аплодисментов собравшихся, подчеркнул: «Наш народ миролюбив и добр, но страшен и могуч, когда вынужден за себя постоять...Вы думали, что нас разъединяет раздор и вражда, а между тем все народности, населяющие необъятную Русь, слились в одну братскую семью, когда общему отечеству грозит беда».

Премьер-министр, заверив, что «война застает нас в финансовом положении, которое не внушает опасений», то же высказал надежду, что народ сплотиться «вокруг единого знамени, на котором начертаны величайшие для всех нас слова «Государь и Россия».

Не очень еще известный в то время депутат из Саратовской губернии А. Керенский был полон оптимизма: «Мы верим, что на полях бранных в великих страданиях укрепится братство всех народов России и родится единая воля — освободить страну от страшных внутренних пут...Крестьяне и рабочие — все, кто хочет счастья и благополучия России, в великих испытаниях закалите дух ваш, соберите все ваши силы и, защитив страну, освободите ее».

Как всегда, с большим пафосом выступил П. Милюков: «Наше дело — правое дело: мы ведем борьбу за освобождение нашей родины от иноземного нашествия, Европы и славянства от германского преобладания...В этой борьбе мы все заодно, мы не ставим условий и требований, мы просто кладем на весы борьбы нашу твердую волю одолеть насильника».

Социал-демократ Хаустов, отметил, что «настоящая война, порожденная политикой захватов, является войной, ответственность за которую несут правящие круги всех воюющих стран». Аплодисменты вызвали его слова: «Пролетариат, постоянный защитник свободы и интересов народа, во всякий момент будет защищать культурные блага народа от всяких посягательств, откуда бы они не исходили».[6 48]

Высокая волна патриотизма, вызванная ультимативными требо-

ваниями и последующим военным нападением Германии, прокатилась по всей России. Однако, эйфория продолжалась недолго. Обычно говорят: победителей — не судят. Но проигравших сражение обвиняют виновными тоже без суда. Поэтому первые крупные поражения российских войск на фронтах весной и летом 1915г. резко развернули вектор патриотизма основной массы народа от «настроения подъема» к «настроению тревоги». Такой разворот событий совсем не устраивал центристскую часть Думы, поскольку логически за ним мог последовать следующий шаг — стихийные выступления против правительства и самодержавия. Видный представитель умеренных правых, монархист В. Шульгин напомнил разговор, который состоялся у него с П. Милюковым в то время. Лидер кадетов с горечью отметил: «Неудачи сделали свое дело...В особенности повлияла причина отступления...И против власти неумелой, не поднявшейся на высоту задачи ...сильнейшее раздражение». Шульгин переспросил: «Вы считаете дело серьезным?»

« Считаю положение серьезным...и прежде всего надо дать выход этому раздражению. От Думы ждут, что она заклеймит виновников национальной катастрофы. И, *если не открыть этого клапана в Государственной Думе* (выделено мною - Р.Б.), раздражение вырвется другими путями».[6 49]

Выполнение этой новой задачи и функции Думы потребовало существенной перестройки ее внутренней структуры: начались интенсивные переговоры о формировании специального блока, получившего название «прогрессивный». В него вошли шесть фракций: прогрессисты, часть «русских националистов», группа «Союз 17 октября», кадеты и партия Центра. Рамки этого объединения вышли за рамки Думы — в него вошли также три фракции Госсовета (Центр, академики и внепартийные). Проведения каких-либо радикальных реформ блок не предусматривал — слишком разные позиции занимали отдельные его составляющие. Коренным и, фактически единственным, был вопрос: о формировании правительства, пользующего доверием, а значит и поддержкой Думы. Это был бы крупный шаг в создании демократического парламента в России.

На уровне Думы решение вопросов обеспечивалось абсолютным большинством, которым располагал здесь Прогрессивный блок — 235 голосов. Но, царь и премьер видели в таком развитии событий прямой подкоп под самодержавие и не хотели даже разго-

варивать на эту тему. Тем не менее две частные встречи с некоторыми министрами состоялись, но и они позитивных результатов не дали. По поводу неудачи В. Шульгин с горечью писал: « На этом пункте две стороны — верховная власть и народное представительство разошлись и из-за этого конфликта погибли. Погибла и династия, погиб и российский парламент...

Вину за такую развязку в первую очередь следует возложить на верховную власть. Дума до конца своих дней продолжала старательно играть свою роль: она сумела смягчить напряжение, вызванное отступлением 1915г. Ей в значительной степени «удалось перевести накипевшую революционную энергию в слова, в пламенные речи и в искусные, звонко звенящие «переходы к очередным делам». Удалось подменить «революцию» «резолюцией», то есть кровь и разрушение словесным выговором правительству...

«В минуты сомнений мне иногда начинало казаться,— признается Шульгин, — что из пожарных, задавшихся целью тушить революцию, мы невольно становимся ее поджигателями. Мы были слишком красноречивы, слишком талантливы в наших словесных упражнениях. Нам слишком верили, что правительство никуда не годно...Весь ужас и состоял в том, что это действительно было так, — оно действительно было никуда не годно».[6 50]

Естественно, что и царь, и само правительство категорически не были согласны с такой оценкой. Николай II нашел выход из крайне противоречивой и напряженной ситуации в том, чтобы прервать работу Думы на пять месяцев. Депутаты вернулись в Таврический дворец только в феврале 1916г. Обстановка в стране за это время еще более ухудшилась и обострилась. К концу года к тяжелому положению на фронте, добавились прогрессирующая разруха в народном хозяйстве, высокая волна забастовочного движения рабочих, быстро растущее массовое недовольство правительством среди населения и солдат. Повсеместно не хватало топлива. С перебоями работал транспорт. Но, особое раздражение людей вызывали перебои в торговле хлебом.

«В продовольственном вопросе,— отмечалось на одном из последних заседаний Думы в феврале 1917г., — воцарились полный хаос и неразбериха...Он переживает критический момент и скоро положение дела в этом вопросе может принять катастрофический характер». Часами, в том числе ночью, на морозе женщины и дети

стояли в очередях за хлебом без всякой гарантии, что они его получат. На всех хлеба не хватало. Часто люди расходились ни с чем, озлобленные и гневные.[6.51]

Продовольственная проблема стала одной из главных в повестке дня заседаний народных представителей. На ее фоне еще острее и требовательнее звучали голоса о необходимости отставки правительства. Так, на заседании Думы 14 февраля депутат Чхеидзе (меньшевик) прямо указал, что действующие правительство «архиреакционно по своему составу и по своей природе. Оно антигосударственно, антинародно, антинационально и оно никогда не пойдет навстречу насущным вопросам страны».[6 52] Спустя десять дней он посчитал нужным указать с трибуны на новое важное обстоятельство: «Улица уже заговорила, господа, и с этим теперь нельзя не считаться». (Стоит отметить, что примерно в это же время министр внутренних дел Протопопов заверял царя, что он контролирует обстановку в столице и «нет решительно никаких оснований для беспокойства»[6 53]).

Между тем, некоторые выступления в Думе стали приобретать революционный характер. Так, прогрессист Ефремов указал на то, «что великая опасность, переживаемая Россией, заключается в отжившем, не приспособленном к требованиям времени, старом государственном строе...Необходима не смена лиц на министерских постах, а изменение всей системы государственного управления.... Личный режим.., пережитки самодержавия парализуют живые силы народа».[6.54.]

Другой депутат, Родичев решительно заявил: «Мы требуем именем голодного народа ...власти, достойной значения той минуты, которую страна переживает. Требуем призыва к ней людей, которым вся Россия может верить, и изгнания оттуда людей, которых вся Россия презирает».[6.55.]

Таков был финал той жесткой борьбы, которую упорно вело самодержавие против либерально-монархической Думы в течение более дух десятилетий. Дважды оно разгоняло народное представительство, прерывало его работу на несколько месяцев без каких-либо серьезных причин, некоторые депутаты подвергались административным преследованиям и даже арестам. Поскольку действие рождает соответствующее противодействие, Дума, находясь под постоянным недоброжелательным нажимом сверху, постепенно из

потенциального союзника превратилась в опасного противника для царя и его окружения. Здесь было однозначно решено разогнать ее или хотя бы прервать работу на несколько месяцев. Задержка произошла только из-за опасений уличных беспорядков, которые мог вызвать подобный шаг.

10 февраля 1917г. председателю Думы была дана последняя Высочайшая аудиенция. М. Родзянко был принят не только холодно, но и с нескрываемым раздражением. В заключении своего доклада он решил пойти на откровенность: «Считаю своим долгом государь, высказать Вам свое личное предчувствие и убеждение, что этот доклад мой у Вас последний...Дума будет распущена, а направления, по которому идет правительство, не предвещает ничего доброго... По-моему будет революция и такая анархия, которую никто не удержит».[6 56]

В. Шульгин, ссылаясь на запись беседы, приводит ее концовку в несколько иной редакции: «Ваше величество,—убеждает Родзянко,— спасайте себя. Мы накануне событий, исхода которых предвидеть нельзя. То, что делает Ваше правительство и Вы сами, до такой степени раздражает население, что все возможно...Я Вас предупреждаю, я убежден, что не пройдет и трех недель, как вспыхнет такая революция, которая сметет Вас, и Вы уже не будете царствовать».[6 57]

По словам М. Родзянко, на предупреждение о революции, «государь ничего не ответил и очень сухо простился».

Вскоре был подписан царский манифест: «Занятия Г.Думы и Г.Совета прервать 26 февраля сего года и назначить срок их возобновления не позднее апреля 1917 года в зависимости от чрезвычайных обстоятельств».[6 58]

Вот так нелепо, в драматический период своей истории разошлись как недруги, надломленные многолетней борьбой, две ветви государственной власти России.

Внешне более успешно для правительства развивалась борьба с левой оппозицией — прямыми представителями «социализма» и «революции». Здесь оно чувствовало себя уверено и не считало обстановку для себя ни опасной, ни сколько-нибудь серьезной. Верно, в конце XIX - начале XX вв. пришлось немало поволноваться в связи периодическими вспышками массового терроризма. Однако нашлись способы борьбы и с ним.

Для подавления левой радикальной оппозиции Министерство внутренних дел разработало и результативно применяло, в основном, два метода: первый состоял в том, чтобы создать как можно больше «своих» подконтрольных рабочих организаций, сосредоточив их внимание, главным образом, на вопросах повышения зарплаты, сокращения рабочего дня, охраны труда и т.п. Под таким ракурсом «активисты», получавшие жалование в полиции, вели агитацию на заводах и фабриках, проводили митинги, демонстрации. По замыслу авторов этой затеи, прежде всего начальника московского охранного отделения С. Зубатова, рабочее движение, направленное на путь экономических требований, расколет массовую базу истинных социалистов и революционеров. (у ученика Зубатова — священника Г. Гапона в Петроградском обществе фабрично-заводских рабочих насчитывалось 6-8 тысяч человек). Однако, полностью реализовать этот замысел: удержать недовольство рабочих в дозволенных начальством рамках, выпуская перегретый пар в воздух, не удалось. Очень часто на митингах и демонстрациях, в первичных организациях на место лидера стихийно выдвигались люди, которые увлекали трудовую массу совсем по иному пути и под другими лозунгами, которые нравились бы охранному отделению. Зубатов сошел со сцены и весной 1917 г. кончил жизнь самоубийством.

Главным для себя Министерство внутренних дел выбрало другой путь — массовое внедрение своих агентов практически во все политическое партии и крупные организации. Понимая, что ему уже не остановить растущее левое движение, руководство охранных отделений решило круто изменить свою тактику: была выдвинута задача — внедряться *внутрь* левых организаций, стремясь *поставить их под свой контроль* с тем, чтобы иметь возможность манипулировать людьми и группами.

Обычно агентура вербовалась среди арестованных. При этом использовался широкий набор методов: побои, угрозы, шантаж, обещания свободы, денег, безопасности. При этом обычно ссылались на то, что тот или иной участник организации согласился сотрудничать с полицией и уже отпущен домой. Одно это порождало среди нелегалов недоверие друг к другу, всякого рода сомнения, а иногда и согласие сотрудничать с полицией.

Впервые такие методы стали широко применяться охранкой в борьбе против «Народной воли». В начале XX века густая сеть

секретных агентов была создана в Москве, что позволило полиции «накрыть» почти все сколько-нибудь значимые подпольные организации. В 1902 г. министр внутренних дел Плеве решил распространить «передовой опыт» старой столицы на Петербург и другие центры страны. Специально изданная инструкция предписывала рассматривать *«внутреннее наблюдение» как основной метод борьбы с революцией.*[659]

По данным некоторых источников перед Февральской революцией по департаменту полиции числилось примерно 35-40 тысяч секретных агентов.[660] Эти цифра превышали численность некоторых партий, считавшихся крупными. Западный историк Н. Шлейфман пишет о том, что при возникновении партии эсеров из 856 видных ее членов провокаторами оказались 44. К 1917 г. количество последних удвоилось. Из 637 профессиональных революционеров — членов РСДРП, до раскола партии на две фракции, провокаторами были 53 человека.[661] Они были «представлены» в подпольных и легальных организациях, в тюрьмах, на каторге, на крупных промышленных организациях, в земствах, в органах печати, в университетах и даже в отдельных гимназиях.

На наиболее «интересных» объектах работало несколько секретных агентов, что позволяло получать объемную, более достоверную информацию. На основе собранных данных в секретных канцеляриях охранных отделений составляли обширные картотеки участников оппозиционных движений, чертили соответствующие схемы, воспроизводили структуры отдельных организаций с их внутренними и внешними связями. Например, в Московском охранном отделении в начале 1917 г. имелась картотека, в которой были собраны данные на три сотни политических деятелей, различных направлений: синие — члены РСДРП, красные — эсеры, зеленые — анархисты, белые — кадеты, желтые — студенты.[662]

О некоторых секретных агентах написана целая серия книг. Пожалуй, среди них наиболее известны своей мрачной славой две фигуры: Азеф и Малиновский.

Е. Азеф свыше 15 лет виртуозно выполнял функции секретного агента охранного отделения, в том числе в последний период — среди руководства социалистов—революционеров. Пять лет он возглавлял боевую организацию эсеров, т.е. центральное ядро террористов этой партии, которая рассматривала террор как один из

главных видов своей деятельности. Благодаря его высокооплачиваемых услуг в руки полиции попали сотни и сотни революционеров. Многие из них были казнены. В то же время Азеф был одним из организаторов убийства министра внутренних дел Плеве. Именно последний создал общероссийскую систему секретных полицейских агентов. Азеф участвовал так же в организации убийства великого князя Сергея Александровича в Москве, в 1905 г. И он же сорвал ряд тщательно готовившихся покушений на царя. Азеф имел не только два лица, но и две натуры. Трудно сказать, когда он выступал как талантливый актер и где, как хладнокровный предатель-убийца.

Евно Азеф родился в 1869 г. в небогатой семье еврейского портного, где было 7 человек детей. Нужда, изворотливость в борьбе за кусок хлеба, циничное отношение к «условностям жизни» — все это было знакомо ему с детства. В 23 года, выручив 800 рублей за партию масла, полученную в кредит, он уезжает в Германию учиться. Быстро становится «своим» среди революционно настроенных российских студентов. Привезенные деньги кончились и Азеф обращается с письмом в российскую полицию, соглашаясь стать ее платным агентом. Предложение принимается. Обе стороны довольны друг другом. Получив в Германии диплом инженера, Азеф возвращается в Петербург и делает головокружительную карьеру одновременно и среди верхнего эшелона партии эсеров и в полиции. Начальник охранного отделения генерал Герасимов признается позже в своих воспоминаниях: «Я решительно утверждаю: если бы я не имел в то время своим сотрудником такого человека, как Азеф, занимавшего в партии центральное положение, политической полиции, несмотря на все ее старания, почти наверно не удалось бы так успешно и так систематически расстраивать все предприятия террористов...Надо знать, какое смятение вносят террористические акты в ряды правительства. Все министры — люди, и все они дорожат своей жизнью... Если бы в дни Первой государственной думы был бы убит Столыпин, если бы удалось покушение на Государя, развитие России сорвалось бы гораздо раньше».[6 63]

Среди верхнего эшелона эсеров Азеф пользовался большим доверием, был своим человеком. Когда «любитель-охотник» за предателями В. Бурцев набрал большое количество материалов, доказывавших, что Азеф провокатор, ему не поверили и самого обвинили в

измене.[6 64] Только свидетельства бывшего директора департамента полиции А. Лапухина послужили окончательным убедительным доказательством. Но с помощью охранки Азефу удалось бежать от казалось неминуемой расплаты со стороны растревоженных эсеров.

Малиновский — другой представитель многотысячной армии двуликих агентов политической полиции в России. Начало его деятельности как «стукача» из среды российских социал-демократов относится к 1907 г. Благодаря умению быстро и гибко маневрировать, знанию марксистских работ, ораторского мастерства Р. Малиновский становится доверенным лицом среди как большевиков, так и меньшевиков. Его узкая специализация — профсоюзы, защита интересов рабочих. Уже в 1912 году он — делегат Пражской конференции. Входит в доверие к Ленину, становится членом ЦК партии. Еще через два года, как активный профсоюзный деятель, он участвует в выборах депутатов в IV Думы. При этом сумел заручится поддержкой большевиков, меньшевиков и даже кадетов. Помогала и охранка. Она вовремя арестовала механика М. Кривого, который пытался помешать Малиновскому на выборах. Полиция содействовала также при получении липовой справки, необходимой, чтобы скрыть его судимость. Став депутатом, Малиновский вошел во фракцию большевиков.

Прошлое Р. Малиновского — весьма туманно. По национальности поляк. Родом из Польши. Обычно выдавал себя как выходца из крестьян. Партийной следственной комиссии заявил, что родился в обедневшей шляхетской семье. В октябре 1918 г. определил свой возраст 40 годами. За это время сменил много профессий. Имел четыре судимости по уголовным делам. Служил в армии. Любил деньги. Учитывая эту небольшую слабость, департамент полиции на время пребывания Малиновского в Думе назначила ему жалование сначала в 500, а чуть позже — 700 рублей. Это означало, что, вместе с 350-400 рублями депутатских денег, Р. Малиновский получал примерно два ежемесячных оклада губернатора. Его образ жизни вызывал вопросы и даже подозрения со стороны товарищей, но прямых улик не было.

Накануне войны, в мае 1914 г., по требованию нового полицейского начальника, боявшегося скандальных разоблачений в Думе, Малиновский уезжает за границу. За такой самовольный поступок фракция исключает его из партии. Малиновский решил явиться «с

повинной» к Ленину. Созданная комиссия оставила в силе решение думской фракции, оговорив право Малиновского вновь вступить в партию через несколько лет. Вскоре его мобилизовали в армию. Малиновский попал в плен и только осенью 1918 г вернулся в Петроград. К этому времени в архивах были обнаружены документы, подтверждающие предательство Малиновского. Революционный трибунал рассмотрев его дело, постановил: Р. Малиновского расстрелять..[665]

Эти два примера наглядно показывают, насколько подробно и конкретно через сеть секретных агентов царская охранка была информирована о положении в каждой из левых партий. При этом она не только наблюдала за развитием событий, но и направляла их в нужную для себя сторону, регулируя их интенсивность и действенность, прежде всего, через свою «кадровую политику». Тех активистов, которые становились слишком опасными, охранка сажала в тюрьму, ссылала в Сибирь, некоторых расстреливала. Многие сами уезжали в эмиграцию. Одновременно, она проталкивала своих агентов в руководство, помогала им в борьбе за власть и влияние...

Все это позволило генералу А. Герасимову заявить о своих «подопечных»:»Все они были у меня под стеклянным колпаком...Затихло и общее революционное движение в стране. Помнится, в течение всей зимы 1908/1909 года в Петербурге не существовало ни одной тайной типографии, не выходило ни одной нелегальной газеты, не работала ни одна революционная организация»...[666]

Конечно, в этих словах немалая доля хвастовства и саморекламы, но есть и доля правды. В начале 1917 года большинство лидеров левых партий было изолировано от страны. Немногие оставшиеся были дезорганизованы и дезориентированы. Серьезной опасности для самодержавия в ту пору они не представляли.

Таким образом, к весне 1917 г. в социально-экономической и политической жизни России сложилась весьма своеобразная обстановка: ни в центре, ни слева не было достаточно сил, а со стороны либеральной демократии и желания, чтобы сломить, а тем более опрокинуть монархию, как государственную систему. В течение многих веков эта система держалась на трех столпах: дворянстве, как правящем классе; чиновничестве, которое профессионально обеспечивало функционирование государственного аппарата, и армии, офицерский состав которой преданно служил государю.

Дворянство, которое на протяжении более четырех столетий выступало стержнем всей государственной системы России, в начале XX века уже не существовало как монолитный правящий класс. Оно раскололось на относительно крупные и мелкие группы, с обособленными, а иногда и противостоящими друг другу интересами. Характерно, что представители дворянства (по происхождению) входили во все политические партии, начиная от социалистов-революционеров и социал-демократов, и кончая Союзом русского народа и прогрессивным блоком. Среди заговорщиков, убивших в самом конце 1916 года Григория Распутина — «доверенного друга» царской семьи, было два князя, из них — один великий, и бессарабский помещик, ярый монархист В. Пуришкевич. За свой «патриотический акт» они получили достаточно много поздравлений из кругов, которые считались элитой российского общества.

Примерно в это же время среди большой царской семьи почти открыто обсуждался вопрос, каким образом «убрать» государыню Александру Федоровну, в которой, как немке, видели главную причину неудач и поражений на фронте. Председатель Думы, которого многие рассматривали как единственный противовес царю, в своих воспоминаниях приводит следующий факт: как-то в январе 1917-го года великая княгиня Мария Павловна пригласила его к себе и в присутствии взрослых сыновей начала говорить «о бездарности правительства, о Протопопове и об императрице.., находила вредным ее влияние и вмешательство во все дела, говорила, что она губит страну.., такое положение дольше терпеть нельзя.., надо изменить, устранить, уничтожить...

- Кого?

- Императрицу.

- Ваше высочество, - ответил Родзянко, - позвольте мне этот разговор считать как бы небывшим.»[6 67]

Как пишет М. Родзянко, он несколько раз оказывался в подобном щекотливом положении и всегда отвечал одно и то же: «Я ни на какую авантюру не пойду как по убеждению, так и в силу невозможности впутывать Думу в неизбежную смуту. Дворцовые перевороты не дело законодательных палат, а поднимать народ против царя у меня нет ни охоты, ни возможности».[6 68]

Его ответ не остановил начавшийся процесс. Вдова великого князя Владимира Мария Павловна вместе со своими старшими

сыновьями стала активным центром, противостоявшим семье Николая II. В ее дворцах в Петербурге и в Царском селе она «имела свой небольшой собственный двор. Выражаясь светски, он являлся миниатюрной копией царского двора, пока последний не был сведен почти на нет благодаря уединенной жизни царской семьи».[6 69] Именно здесь стали собираться члены императорской семьи, обсуждая свои планы небольшого, бескровного дворцового переворота. Однако, дело не ограничивалось этим узким кругом. Так, в начале 1917 г. крупный промышленник Богданов дал у себя обед, на котором присутствовали члены императорской фамилии, несколько офицеров, член Госсовета проф. И.Озеров, несколько представителей крупного финансового капитала. Обращаясь к князю Гавриилу Константиновичу, Озеров и Путилов говорили, что «единственное средство спасти династию и монархический режим — собрать всех членов императорской фамилии, лидеров партий Госсовета и Думы, а также представителей дворянства и армии, и торжественно объявить императора ослабевшим, не справляющегося со своей задачей, неспособным дальше царствовать и возвестить воцарение наследника под регентством одного из великих князей.» [6 70]

Стоит отметить также, что послы Великобритании и Франции через своих «осведомителей» были в курсе всех этих переговоров и вероятно даже влияли на них. Союзники считали, что победа над Германией уже обеспечена независимо оттого, что произойдет в России. Их вполне устраивало ослабление этой огромной страны. В этой связи показательна запись в воспоминаниях французского посла после воззвания к войскам Николая II в декабре 1916 г., в котором он, чтобы поднять дух армии к победе, подчеркнул: «Россия еще не осуществила задач, поставленных этой войной, т.е. не овладела Константинополем». Хотя Англия и Франция официально поддержали в начале войны Россию в этом вопросе, теперь Палеолог пишет другое: «Император слишком рассудителен, чтобы не отдавать себе отчета о том, что румынская катастрофа лишила его всяких шансов на приобретения Константинополя .., зачем это торжественное упоминание о проекте, неосуществимость которого он знает лучше кого бы то ни было».[6.71]

Государственный аппарат в период войны какое-то время со сбоями и скрипом, флегматично продолжал выполнять свои функции. Верх брала инерция, нерадивость и безразличие несмотря на

всю остроту окружающей ситуации. Чиновники винили всех вокруг и считали себя вправе по существу ничего не предпринимать. Министерство сельского хозяйства спокойно провалило план заготовок зерна. Министерство путей сообщения, ссылаясь на дефицит топлива, не обеспечило своевременную доставку в столицу тех запасов хлеба, которые удалось закупить. Правительство заседало днем и ночью, а результатов не было: какие-то колесики и передаточные устройства пробуксовывали или вообще вышли из строя. Когда же в воздухе запахло дымом, первые лица в отдельных звеньях государственного управления запросились в отставку и без шума покидали свои посты. Военный министр жаловался, что ни с кем из членов правительства не может войти в контакт.[6 72]

Утром 26 февраля комендант императорского дворца никак не мог получить сведения о положении в Петрограде: «Ни одного из старших чинов моей канцелярии на месте не оказалось... Они писали во дворце Великого князя Павла Александровича проект конституции Российской империи... Ни один из низших служащих вверенного мне управления,— добавляет с горечью В. Воейков, — не погрешил против присяги, чего нельзя сказать про большинство высших чинов».[6 73]

Аналогичные процессы наблюдались и в *армии.* Еще в начале января 1917 г. приехавший с фронта генерал Крымов выступил перед собравшейся у Родзянко группой депутатов Думы, членов Госсовета и Особого совещания: «Настроение в армии такое, что все с радостью будут приветствовать известие о перевороте. Переворот неизбежен, и на фронте это чувствуют. Если вы решитесь на эту крайнюю меру, то мы вас поддержим. Очевидно, других средств нет... Время терять нельзя».[6 74] То, что это были не пустые слова, показали последующие события: все главнокомандующие фронтами высказались за то, чтобы Николай II отказался от престола в пользу наследника при регентстве Великого князя Михаила.

Когда в конце зимы над Петроградом собрались грозовые тучи народного бунта, власти растерялись, начали метаться, не находя точки опоры. Между тем события развивались с нарастающей быстротой. Весь январь и февраль забастовки и сходки не были редкостью. Но, начиная с 23 февраля, они приобрели качественно новый характер: во-первых, быстро росла их массовость, во-вторых, начавшись с требований хлеба, они вылились в политическое дви-

жение против правительства и царизма.

Роль запала в этом стихийном социальном взрыве сыграли женщины. Дело в том, что 23 февраля отмечалось как женский день (8-ое марта по новому стилю). Поэтому невзгоды, которые женщины терпели еще вчера, в праздничный день воспринимались с особой остротой, как несправедливые и обидные: дороговизна, которая беспардонно обрезала их скромные заработки, ночные очереди в непогоду за хлебом, мужья, оказавшиеся без работы, поскольку на завод не привезли топлива. Незадолго до женского дня по Петрограду распространились слухи, что введут карточки на продажу хлеба по урезанным нормам: фунт на взрослого и полфунта — на ребенка. Это вызвало ажиотажный спрос. Резко увеличились очереди. Последним, а их было много, хлеба не хватало. И никого не интересовало, чем же мать будит кормить детей и пришедшего с работы мужа. Возбужденные, оставшиеся без хлеба женщины решили идти к городской думе — требовать помощи. По дороге громили попадавшиеся закрытые хлебные лавки. Иногда там находили спрятанные буханки, что еще больше будоражило толпу-демонстрацию. Проходя мимо заводов, женщины предлагали мужчинам прекратить работу и присоединяться к ним. Попытки полиции разогнать демонстрацию были безрезультатны. По данным охранки параметры забастовок менялись следующим образом:

Забастовки в Петрограде в конце февраля 1917 года [675]

	23.02	24.02	25.02
Бастующие предприятия	43	131	173
Участники забастовок	78.4 тыс.	158.6 тыс.	201.0 тыс.

Лавина народного гнева и озлобления, накопленная годами, тронулась с места и начала двигаться с нарастающей скоростью. Только за три горячих дня количество бастовавших заводов и фабрик возросло в 4 раза, а число участников — в 2.5 раза.

Николай II, только что вернувшийся в ставку, имел смутное, упрощенное представление о том, что происходит в столице. Ему докладывали о начавшихся в городе беспорядках, против которых предпринимаются необходимые меры. Так, что особых оснований для беспокойства нет. Тем не менее царь решил сам вмешаться в это дело, так как опасался, что любые сбои в тылу в той или иной сте-

пени, но обязательно скажутся на обстановке в армии и на фронте. 25 февраля он подписал манифест о перерыве в занятиях Государственной думы и Государственного совета. В этот же день он отправил командующему войсками в Петрограде Хабарову телеграмму: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые во время войны с Германией и Австрией. Николай».[676] Получив такой категорический приказ, генерал поздно вечером собрал командиров воинских частей, познакомил их с содержанием телеграммы царя и добавил: если толпа агрессивна, следует применять последнее средство — открывать огонь.[677]

В это же примерно время в охранное отделение от собственного агента было доставлено донесение о нелегальном заседании Петербургского комитета РСДРП. По существу он выполнял функции центрального органа партии большевиков, поскольку почти все члены Русского бюро ЦК были арестованы. Оно было организовано А.Шляпниковым осенью 1915 г. по прямому заданию Ленина. «Но через год, — как пишет Шляпников, — от товарищей, ставивших работу во всероссийском масштабе, остались единицы.»[678]

Поэтому городскому руководству большевиков в Петербурге пришлось взять на себя дополнительные обязанности. За один день заседания все намеченные вопросы рассмотреть не успели. На следующее утро перенесли ряд важных пунктов из повестки дня, в том числе: «О наилучшем и целесообразном порядке управлении уже возбужденными, но недостаточно еще организованными массами бастующих рабочих...»

Было предложено также создавать на заводах комитеты, члены которых должны выделить из своего состава представителей в «Информационное бюро». В последующем предполагалось преобразовать его в Совет рабочих депутатов, по типу функционировавшего в 1905 г.[679]

Получив такую информацию, в охранном отделении решили упредить события и изолировать порядка 200 активистов РСДРП. Массовые аресты начались уже ночью. Утром 26 февраля, когда стали собираться участники намеченного заседания, полиция задержала еще около 100 человек, среди них было 5 членов Петербургского комитета.[680] Однако полностью обезглавить городскую организацию полиции не удалось. Сразу же выполнение функций арестованного руководства взял на себя самый крупный в городе

комитет большевиков Выборгского района.

26 февраля — воскресный день. Заводы и фабрики не работают. Градоначальники готовятся «встретить» массовые демонстрации и выступления. Военные власти разбили Петроград на условные участки. Почти в каждом из них размещены воинские части и подразделения полиции. На улицах часто встречаются патрули, заставы, разъезды казаков. На колокольнях, в некоторых окнах верхних этажей и на чердаках установлены пулеметы.

Ближе к полудню группы рабочих, студенческой молодежи, женщины начинают двигаться в сторону центра, к Невскому, к городской Думе. Многие мосты блокированы войсками. Масса людей направилась через реку по льду. Особенно большое скопление народа наблюдалось на Знаменской площади и на пересечении Невского проспекта и Садовой. Для разгона толпы воинские подразделения стали применять боевые патроны. Демонстранты отступили. На мостовой остались лежать убитые и раненые. К вечеру в центре города все утихло. По данным охранного отделения полиция подобрала на Невском 60 трупов. Примерно столько же было ранено. Часть убитых демонстранты унесли с собой.[6.81]

На другой день, 27-го волнения и митинги возобновились. Скопления людей на центральных улицах опять начали расстреливать, в том числе из пулеметов, установленных на чердаках и в окнах верхних этажей. Это была, по существу, безжалостная расправа над безоруженной толпой. Но, вдруг произошло совсем неожиданное для властей: учебная команда Волынского полка отказалась участвовать в расстрелах демонстрантов. Когда их попытались разоружить, они вышли с винтовками на улицы и примкнули к рабочим. Подобные случаи наблюдались и накануне.[6.82] Однако в этот день они приобрели массовый характер. Вскоре примеру волынцев последовала рота Преображенского полка, затем — часть Литовского. К вечеру 27 февраля на стороне рабочих было 67 тысяч солдат столичного гарнизона.[6.83] Стихийный бунт быстро приобрел форму вооруженного восстания. При этом «войск, верных государю, оказалось меньше, чем против него».

Этот же день открыл новую, короткую, но важную главу в истории IV Думы. Собравшиеся утром в Таврическом дворце ее члены были протрясены происходящими в городе событиями. В 12 дня председатель открыл совещание. Прежде всего он познакомил со-

бравшихся с манифестом царя, согласно которому «занятия» Думы и Госсовета прерывались до апреля 1917 г.

Затем М.Родзянко ознакомил депутатов с двумя телеграммами, которые он направил государю в течение последних суток: «Народные волнения, начавшиеся в Петрограде, принимают стихийный характер и угрожающие размеры... Заводы, работающие на оборону, останавливаются за недостатком топлива и сырого материала. Рабочие остаются без дела, и голодная безработная толпа вступает на путь анархии, стихийной и неуправляемой... На юге из 63 доменных печей работает только 28 ввиду отсутствия подвоза топлива и необходимого материала. На Урале из 92 печей остановилось 44, и производство чугуна, уменьшаясь изо дня в день, грозит крупным сокращением производства снарядов...Правительственная власть находится в полном параличе и совершенно бессильна восстановить нарушенный порядок.

Государь, спасите Россию, ей грозит унижение и позор...Безотлагательно призовите лицо, которому может верить вся страна, и поручите ему составить правительство, которому будет доверять все население...Иного выхода нет и медлить невозможно.»

Утром 27-го, не получив ответа, Родзянко послал в тот же адрес вторую телеграмму: «Занятия Государственной думы указом Вашего Величества прерваны до апреля. Последний оплот порядка устранен. Правительство совершенно бессильно подавить беспорядок. На войска гарнизона надежды нет. Запасные батальоны гвардейских полков охвачены бунтом. Убивают офицеров...Гражданская война началась и разгорается...Повелите немедленно призвать новую власть на началах, доложенных мною Вашему Величеству во вчерашней телеграмме... Государь, не медлите...Час, решающий судьбу Вашу и Родины, настал. Завтра может быть уже поздно».[6 84]

Николай II, по рассказу министра двора Фредерикса, получив эти телеграммы сказал ему:»Опять этот толстяк Родзянко мне написал разный вздор, на который я ему не буду даже отвечать».[6 85]

Такая реакция была типичной для него. Александр Блок, как талантливый художник, весьма реалистично написал его портрет того времени: «Император Николай II, упрямый, но безвольный, нервный, но притупившийся ко всему, изверившийся в людях, задерганный и осторожный на словах, был уже «сам себе не хозяин». Он

перестал понимать положение и не делал отчетливо ни одного шага, совершенно отдаваясь в руки тех, кого сам поставил у власти».[6 86]

До полудня 27 февраля царь больше доверял военному министру Беляеву и внутренних дел Протопопову, которые присылали ему успокоительные телеграммы. Однако, события в Петрограде в этот роковой день вышли из под контроля этих министров. Улица не только заговорила, но и начала действовать стихийно, т.е. наиболее опасным образом.

Роль Думы отодвинулась на второй план, тем более, что она сама оказалась в двойственном положении. Взбунтовавшиеся питерские рабочие и солдаты в это критическое время не имели своих общепризнанных лидеров и руководящих организаций. Поэтому они стихийно потянулись к Думе, которая в их глазах представлялась высшим органом власти, оппозиционным к царю. Однако, народные представители не были готовы, да и не хотели по принципиальным соображениям возглавить разворачивающееся революционное движение.

Думцы молча выслушали сообщение председателя о манифесте царя. Так же молча поднялись со своих насиженных мест и перешли в соседний зал. «Но что же делать дальше? Нельзя же разойтись молча — после молчаливого заседания».[6 87] Образовалось несколько групп, искавших ответ на этот непростой вопрос. Предлагали продолжать работу Думы, игнорируя указ царя. Объявить ее учредительным собранием. Образовать другой орган и взять власть на себя. В конце концов пришли к компромиссу: создать Временный комитет членов Государственной думы, основная задача которого — «восстановление государственного и общественного порядка». При нем было создан ряд комиссий. В центральные учреждения направлены уполномоченные комитетом комиссары. 28 февраля и 1 марта к думе потянулись многочисленные воинские подразделения и государственные организации, чтобы тем самым засвидетельствовать свое признание новой власти.

К Думскому комитету начали обращаться со всех сторон за указаниями и советами. Волей-неволей приходилось «взваливать на себя шапку Мономаха... Родзянко долго не решался: «Я не бунтовщик, никакой революции я не делал и не хочу делать. Если она сделалась, то именно потому, что нас не слушались... Против верховной власти я не пойду, не хочу идти. Но с другой стороны ведь

правительства нет. Ко мне рвутся со всех сторон... Все телефоны обрывают. Спрашивают, что делать?

Как же быть? Отойти в сторону? Умыть руки? Оставить Россию без правительства? Есть же у нас долг перед родиной?».

В. Шульгин ответил совершенно неожиданно для самого себя:

«Берите, Михаил Владимирович. Никакого в этом нет бунта. Берите как верноподданный... Может быть два выхода: все обойдется — государь назначит новое правительство, мы ему и сдадим власть... А не обойдется, так если мы не подберем власть, то подберут другие, те, которые выбрали каких-то мерзавцев на заводах... Берите, ведь, наконец, черт их возьми... императорское правительство сбежало так, что с собаками их не сыщешь !..» [6 88]

Тяжелые дни наступили для царя и его семьи. С утра 27-го февраля настроение в ставке было более менее бодрым. Однако, поступившие сообщения о переходе войск на сторону восставших, резко изменило царившую атмосферу. Трудно сказать, что больше беспокоило Николая II — судьба семьи или будущее России, но он решил срочно, в ночь на 28-ое, выехать в Царское село. Однако, императорский поезд по намеченному маршруту не пропустили. Пришлось повернуть на Псков, где и был сыгран последний акт исторической драмы Дома Романовых.

Не без колебаний и внутренней борьбы Николай II согласиться с созданием «правительства общественного доверия». Немного позже он выразил готовность и на отречение от престола в пользу брата Михаила.[6 89]

Для практического осуществления такого решения, царь стал искать встречи с Родзянко. Однако, председатель Временного комитета уже не мог выехать к нему, поскольку Совет рабочих и солдатских депутатов выделил социалиста Чхеидзе в качестве его сопровождающего. Чтобы отделаться от ненужного компаньона, было решено срочно отправить за «отречением Николая» двух видных представителей прогрессивного блока, сторонников сохранения монархии: А. Гучкова и В. Шульгина. 2 марта состоялась их встреча с человеком, которому оставалось еще несколько часов быть императором. Лицо его оставалось все время спокойным и непроницаемым. Говорил просто, точно и лаконично.

После довольно длинного вступительного слова Гучкова государь, как бы проверяя себя, спросил: «Считаете ли вы, что своим

отречением я внесу успокоение?». Посланцы Временного комитета ответили утвердительно. После этого Николай II заявил: «Я принял решение отречься от престола... До трех часов сегодняшнего дня я думал, что могу отречься в пользу сына, Алексея... Но к этому времени я переменил решение в пользу брата Михаила.-..Надеюсь, вы поймете чувства отца...» [6 90] Поздно вечером окончательный документ был подписан. На нем была поставлена дата: 2 марта, 15 час. 1917 г. Псков.

Гучков и Шульгин заторопились в обратный путь.

В 1 час ночи, уже 3 марта из Пскова в Могилев отправился императорский поезд. В.Воейков вспоминал: «Как только поезд двинулся со станции, я пришел в купе государя, которое было освещено одной горевшей перед иконою лампадой. После всех переживаний этого тяжелого дня государь, всегда отличавшийся громадным самообладанием, не был в силах сдержаться: он обнял меня и зарыдал...» [6.91]

Подводя итоги,видимо,не только одного дня, теперь уже бывший император записал в своем дневнике: «Кругом измена и трусость и обман !». [6 92] Из этих горьких слов видно, что Николай II так и не понял истинных причин гибели своей династии.

Дом Романовых простоял более трех столетий. Его несущем каркасом было дворянство, финансово-экономичнской основой — крестьянство, более половины которого составляли бесправные, крайне терпеливые, а потому инертные крепостные. Ни конструкция сооружения, ни характер его жильцов не отвечали изменившимся требованиям XX века — века индустриального производства товаров, высокопроизводительной техники, квалифицированных работников, а также буржуазии, как расчетливого хозяина новых производительных сил. К тому же многие несущие балки и опоры массивного, но уже дряблого фамильного дома подгнили, а аграрный фундамент дал глубокие трещины, кое-где раскрошился, местами образовались опасные пустоты. Вся эта устаревшая постройка не могла выдержать и не выдержала невзгод и перегрузок продолжительной войны. В армию было призвано свыше 10 миллионов крестьян. Часть из них вернулась в деревню калеками, многие остались в братских могилах, на чужбине. Опасный очаг кризиса возник в сфере продовольствия. Участились сбои на транспорте, в промышленности, не говоря уже о государственной системе.

Под непомерной тяжестью старости и обострившегося экономического кризиса громоздкое сооружение самодержавия стало крениться, обнажая свое бессилие и обветшалость, и вдруг, для многих непонятно почему, в конце февраля рухнуло с шумом и треском. Под его обломками физически погибли не только царская семья, но и миллионы ни в чем неповинных людей.

Примечания

Введение

1. Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры. В книге Избранные сочинения. М., 1993. С. 24 и сл.
2. Эйдельман Н. Из потаенной истории России XVIII-XIX веков. М., 1993. С. 266-267.
3. Соловьев С.М. Соч. М., 1995. Кн. XVIII. С.7.
4. Н.Бердяев Смысл истории, М. 1990. С. 163.
5. Л. Н. Гумилев Древняя Русь и великая степь М.1992 г. С. 5 и 15.
6. Гегель Наука логики. М. 1970. Т.1. С. 107—108.
7. Озеров И.Х. Экономика России и ее финансовая политика на исходе XIX и в начале XX века. М. 1905 г. С. 2.

Глава 1

1.1. Сельскохозяйственная промышленность в России. Петроград. 1914. С.3; Вознесенский С., Экономика России XIX-XX вв., выпуск I, Петроград 1914. С.3; Россия 1913. Стат. справочник. Спб. 1995. С.23.
1.2. Сочинения императрицы Екатерины II. Спб. 1849. С.64.
1.3. Стат. ежегодник на 1913. Спб. С.719.
1.4. Озеров И.Х. Экономика России и ее финансовая политика на исходе XIX и в начале XX века. М., 1905. С.35.
1.5. Энциклопедический словарь Гранат. Т. 36, ч. IV. С. 114.
1.6. История СССР. М. 1982. Ч.I. С.106-107.
1.7. Памятники истории крестьянства XIV-XIX вв. М., 1910. С. 36 и сл.
1.8. Ключевский В.О. Соч. М., 1990 Т. VI. С. 341.
1.9. Платонов С.Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI-XVII вв. М., 1995. С. 39-40.
1.10. Соловьев С.М. Соч. М., 1995. Кн. XIV. С.94.
1.11. Там же, кн. XIII. С. 399.
1.12. Там же, кн. XIV. С. 95-96.
1.13. Там же, кн. XV С. 111.
1.14. См. Ключевский В.О. Соч. М., 1990. Т. V. С. 66-67.
1.15. Соч. императрицы Екатерины II. Спб. 1849. Т. I. С.3.
1.16. Там же.
1.17. Там же.
1.18. Полное собрание законов российской империи (ПСЗ РИ). Спб. 1830. Т. XXII. N16187.
1.19. Там же, N 16187

1.20. Судьба реформ и реформаторов в России. М., 1995. С. 134.
1.21. Литвак Б.Г. Переворот 1861 г в России. М., 1991. С. 15.
1.22. Леонтонович В.В. История либерализма в России. М.,1995. С. 179.
1.23. ПСЗ РИ. Соб. второе. Т. XXXVI. NN 366560, 36652, 36657-36675.
1.24. В.В.Леонтонович, История либерализма в России, М.1995, С. 155.
1.25. ПСЗ РИ, т. XXXVI, NN 3657—36675.
1.26. Литвак Б.Г. Переворот 1861 г. в России. М., 1991. С. 130.
1.27. Там же, с. 173.
1.28. Рубакин Н.А. Россия в цифрах. Спб. 1912. С. 156-157.
1.29. Литвак Б.Г. Указ. соч. С. 79.
1.30. Гурко В. Устои народного хозяйства России. Спб. 1902. С.14.
1.31. Ленин В.И. Соч. Из-ние пятое. Т. 3. С. 138.
1.32. Там же. С. 142.
1.33. Там же. С. 143.
1.34. Аренда. Свод трудов местных комитетов. Спб. 1903. С.5.
1.35. Там же. С. 7.
1.36. Литвак Б.Г. Указ. соч. С. 254.
1.37. Сельскохозяйственная промышленность в России. Спб. 1906. С. 75.
1.38. Струмилин С.Г. Очерки экономической истории России. М., 1960. С. 134 и сл.
1.39. Табурни И.П. Приложение к обзору финансово-экономического состояния России за 1882-1901 гг. Спб. 1902. Таб. 1.
1.40. Гурко В. Устои народного хозяйства России. Спб. 1902. С. 2.
1.41. Из письма П. Столыпина жене О.Б. Столыпиной. Журнал «Свободная мысль». 1993. N 13. С. 104 и 105.
1.42. В.Коковцев В. Из моего прошлого. М., 1992. Кн. 1. С. 76.
1.43. Брамсон Л.М. К истории трудовой партии. Петр-д. 1917. С.1.
1.44. Работа первой Государственной думы. Спб. 1906. С. XVII.
1.45. Коковцев В. Указ. соч. Кн. 1. С. 156.
1.46. Государственная Дума, Стенографический отчет. Спб. 1906. Т. 1. С. 241.
1.47. Там же. С. 240-250 и 560-562.
1.48. Там же. С. 322.
1.49. Виновер М. Конфликты в первой Думе. Спб. 1907. С.4.
1.50. Коковцев В. Указ. соч. Кн. 1. С. 187.
1.51. Столыпин П.А. Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете, М. 1991. С. 40 и 102.
1.52. Собрание узаконений и распоряжений правительства. Спб. 1906. N 1859.
1.53. Большаков А.М., Русинов Ч.М. История хозяйства России в материалах и документах. М-Л. 1926. С.39.
1.54. Там же. С. 63.
1.55. Статистический ежегодник на 1913 г. Спб. 1913. С. 716.

1.56. Там же. С. 717.
1.57. Там же.
1.58. Гурко В. Наше государственное и народное хозяйство. Спб. 1909. С.5.
1.59. См. Чаянов А. Краткий курс кооперации. М., 1990. С. 23-24.
1.60. Там же. С. 29.
1.61. Чернышевский Н.Г. Пол. соб. соч. М., 1939. Т. I. С. 474 и т. IV. С. 304.
1.62. Хейсин М. История кооперации в России. Л. 1926. С. 32-33.
1.63. Бок М. Воспоминания о моем отце. М., 1992. С. 10-11.
1.64. Хейсин М. указ.соч. С. 54 и сл.
1.65. Там же. С. 66.
1.66. Там же. С. 78.
1.67. Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. Спб. 1995. С. 189-190.
1.68. Туган-Барановский М. Социальные основы кооперации. М.. 1989. С. 297.
1.69. Там же. С. 299.
1.70. Там же. С. 300.
1.71. Там же. С. 303.
1.72. Там же. С. 310.
1.73. Там же. С. 317.

Глава 2

2.1. Струмилин С.Г. Очерки экономической истории России. М., 1960. С. 263.
2.2. Витте С.Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве. Спб., 1912. С. 180.
2.3. Струмилин С.Г. Очерки экономической истории России. М., 1960. С. 264.
2.4. Ключевский В.О. Соч. М., 1990. Т. VIII. С. 59 и сл.
2.5. Там же, с. 74-75.
2.6. Струмилин С.Г. Очерки экономической истории России. М., 1960. С. 263.
2.7. Там же. С. 274.
2.8. Труды I-го Всероссийского съезда деятелей средней и мелкой промышленности и торговли. Спб., 1913. С. 11.
2.9. История торговли и промышленности в России. Спб., 1910. Т. I-ый, С. 45.
2.10. Озеров И.Х. Основы финансовой науки. Спб., 1911. Ч. II. С.303.
2.11. Там же. С. 318.
2.12. Россия 1913 год. Спб., 1995. С. 203 и 205.
2.13. Там же. С. 197-198.
2.14. Там же.
2.15. Струмилин С.Г. Очерки экономической истории России. С. 27-28.
2.16. Соловьев С.М. Соч. М., Кн. XI. 1995. С. 538.
2.17. Мануилов А.А. Учение о деньгах. М., 1916. С. 159.
2.18. Белоусов В. Происхождение и становление рубля. ж. Деньги и кредит. 1992. N 3. С. 67.

2.19. Ключевский В.О. Соч. М., 1990. Т. VIII. С. 59 и сл.
2.20. Соловьев С.М. Соч. М., 1995. Кн. VI. С. 186.
2.21. Россия. Энциклопедический словарь. Л., 1991. С. 186.
2.22. Мануилов А.А. Указ. соч. С. 171.
2.23. Там же, с. 170.
2.24. ПСЗ РИ, Т. IV. N 2330.
2.25. Там же.
2.26. ПСЗ РИ, Т. XVIII. N 13219.
2.27. Мануилов А.А. Указ. соч. С. 179.
2.28. Источники: С.Ю.Витте. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве. Спб., 1912. С. 320; И.Х.Озеров. Основы финансовой науки. М., 1911. Ч.2. С. 278; А.А.Мануилов. Указ.соч. С. 180.
2.29. Министерство финансов 1802-1902. Спб., 1902. Ч. 1, С. 616-621.
2.30. Там же, с.618-628.
2.31. Русский рубль. М., 1994. С. 41.
2.32. Мануилов А.А. Указ. соч. С. 200.
2.33. Министерство финансов 1802-1902. Спб., 1902. Ч. 2. С.. 640-643.
2.34. Мануилов А.А. Указ. соч. С. 203.
2.35. Министерство финансов 1802-1902. Спб., 1902. Ч. 2. С. 640-643.
2.36. Там же, С. 415.
2.37. Шульце-Геверниц Г. Очерки общественного хозяйства и экономической политики России. Спб., 1901. С. 429.
2.38. Витте С.Ю. Воспоминания. Т. II. С. 93.
2.39. Реформа денежного обращения в России. Доклады Вольного экономического общества, Спб., 1896.
2.40. Министерство финансов 1802-1902. Спб., 1902. Ч 2 С. 427.
2.41. Там же, С. 431.
2.42. Министерство финансов 1904-1913. М., 1994. С.XI.
2.43. Министерство финансов 1802-1902. Спб., 1902. Ч. 2. С. 315.
2.44. Министерство финансов 1904-1913. М., 1994. С.I и сл.
2.45. Статистический ежегодник на 1913 г. Спб., 1913. С. 727.
2.46. Боголепов М.И. Государственный долг. Спб., 1910. С. 430.
2.47. Статистический ежегодник на 1913 г. Спб., 1913. С. 727.
2.48. Коковцев В.Н. Из моего прошлого. Кн. 1. С. 106.
2.49. Министерство финансов 1904-1913. М., 1994. С.I и сл.
2.50. Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. М., 1948. С. 353.
2.51. История торговли и промышленности в России. Спб., Т.I. С.3.
2.52. Гиндин И. Банки и экономическая политика России. М., 1997. С. 497.
2.53. Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. М., 1948. С. 350
2.54. Гиндин И. Банки и экономическая политика России. М., 1997. С. 500.
2.55. Шульце-Геверниц Г. Очерки общественного хозяйства и экономической политики России. Спб., 1901. С. 410.

2.56. Гиндин И. Банки и экономическая политика России. М., 1997. С. 479.
2.57. Министерство финансов 1802-1902. Спб., 1902. Ч. 2. С. 48.
2.58. Ломанский Е.И. Воспоминания. Пенза, 1995. С. 64.
2.59. Министерство финансов 1904-1913. М., 1994. С. 40.
2.60. Там же, таб. XXIV .
2.61. Там же.
2.62. История торговли и промышленности в России. Спб., 1910. Т.1. С. 18.
2.63. Министерство финансов 1904-1913. М., 1994. С. 58-59.
2.64. История торговли и промышленности в России. Спб., 1910. Т.1. С. 18.
2.65. Там же.
2.66. Петров Ю.А. Коммерческие банки Москвы. М., 1998. С. 28.
2.67. История торговли и промышленности в России. Спб., 1910. Т.1. С. 33.
2.68. Россия 1913 год. Спб., 1995. С. 159.
2.69. История торговли и промышленности в России. Спб., 1910. Т.1. С. 33.
2.70. Россия 1913 год. Спб., 1995. С. 159.
2.71. Министерство финансов 1904-1913. М., 1994. С. 66.
2.72. Россия. Энциклопедический словарь. Л., 1991. С. 345.
2.73. Там же, с. 347.
2.74. СССР как он есть. М., 1959. С. 215-217.
2.75. Россия. Энциклопедический словарь. Л., 1991. С. 352.
2.76. Мировое хозяйство 1913-1927. М., 1928. С. 291.
2.77. Струмилин С.Г. Статистика и экономика. М., 1979. С. 404.
2.78. Министерство финансов 1802 -1902. Спб., 1904. С. 648.
2.79. Отечественная история. М., 1994. Т.1. С. 552.
2.80. Там же, с. 558.
2.81. Струмилин С.Г. Статистика и экономика. М., 1979. С. 406.
2.82. Там же, с. 412.
2.83. Озеров И.Х. Основы финансовой науки. Спб., 1911. Ч. 2. С. 351-352.
2.84. Струмилин С.Г. Статистика и экономика. М., 1979. С. 416.
2.85. Там же, с.435.
2.86. Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. Спб., 1995. С. 146.
2.87. Там же, с. 147.
2.88. Россия. Энциклопедический словарь. Л., 1991. С. 187.
2.89. Отечественная история. М., 1994. Т. 2. С. 413.
2.90. Министерство финансов 1802-1902. Спб., 1902. Ч. 1. С. 126.
2.91. Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. М., 1930. Т. 1. С.199.
2.92. Министерство финансов 1802-1902. Спб., 1902. Ч. 1. С. 626; Ч. 2. С. 646.
2.93. Табурно И.П. Приложение к обзору финансово-экономического состояния России. Спб., 1903. Таб. 18. С. 326.
2.94. Менделеев Д.И. Соч. Т. XIX. С. 218.
2.95. Табурно И.П. Приложение к обзору финансово-экономического состояния России. Спб., 1903. Таб. 18.

2.96. Ежегодник. Россия 1907. Спб., 1908. С. 257.
2.97. Отечественная история. М., 1994. Т. 1. С. 414.
2.98. Статистический ежегодник на 1913 г. Спб., 1913. С. 730.
2.99. Министерство финансов 1904-1913. С. 30; Отечественная история, Т. 2. С. 356.
2.100. Министерство финансов 1904-1913. Таб. XVI.
2.101. Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. М., 1930. Т. 2. С. 378.
2.102. Там же, с. 362.
2.103. Источники: Статистический ежегодник на 1913 г. Спб., 1913; Министерство финансов 1904-1913. С. 71; Мировое хозяйство 1913-1927. С. 309.
2.104. Источники: Министерство финансов 1904-1913. С. 73; Мировое хозяйство 1913-1927. С. 309.

Глава 3

3.01. Россия. Л., 1991. С. 277.
3.02. ПСЗ РИ. Т.V. N 3711.
3.03. ПСЗ РИ. Т. IX. N 6858.
3.04. Туган-Барановский М.И. Избранное. М.,1997. С.123.
3.05. Там же, с. 117-118.
3.06. Струмилин С.Г. Промышленный переворот в России. М., 1944. С. 14-15.
3.07. Туган-Барановский М.И. Избранное. М.,1997. С. 316.
3.08. Соловьева А.М. Промышленная революция в России в XIX веке. М., 1990. С. 150.
3.09. Струмилин С.Г. Очерки экономической России. М., 1960. С. 110,111,113.
3.10. Министерство финансов 1802-1902. Спб., 1902. Ч.2. С.206 и сл.
3.11. Динамика российской и советской промышленности в связи с развитием народного хозяйства за сорок лет, 1887-1926. М., 1926 и 1930. Т. I-III. Еще один том опобликован в 1994 г.
3.12. Струмилин С.Г. Очерки экономической России. М., 1960.
3.13. Бовыкин В.И. Формирование финансового капитала в России. М., 1984.
3.14. Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия в 1904-1914 гг. М., 1987.
3.15. Кофенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства в России. М., 1994. С.66.
3.16. Там же, с.48, 59 и 60.
3.17. Струмилин С.Г. Очерки экономической России. М., 1960. С.116.
3.18. Соловьева А.М. Промышленная революция в России в XIX веке. С. 245-246.
3.19. Бовыкин В.И. Формирование финансового капитала в России. М., 1984. С. 72-73.
3.20. Кофенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства в России. М., 1994. С. 25, 28.
3.21. Там же, с. 39 и сл.

3.22. Там же. С. 34.
3.23. Бовыкин В.И. Формирование финансового капитала в России. М., 1984. С. 72.
3.24. Соловьева А.М. Промышленная революция в России в XIX веке. С. 246.
3.25. Ежегодник России 1905. Спб., 1906. С. 358-359.
3.26. Туган-Барановский М.И. Избранное. М.,1997. С. 355.
3.27. Там же, с. 356.
3.28. Там же, с. 358.
3.29. Кофенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства в России. М., 1994. С. 117; Струмилин С.Г. Очерки экономической России. М., 1960. С. 510 и 573; Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия в 1904-1914 гг. М., 1987. С. 18.
3.30. Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия в 1904-1914 гг. М., 1987. С. 17.
3.31. Менделеев Д.И. Заветные мысли. М., 1995. С.307.
3.32. Кофенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства в России. М., 1994. С. 75.
3.33. Там же. С. 77.
3.34. Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. М.,1930. Т. 2. С. 339.
3.35. Кофенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства в России. М., 1994. С. 76.
3.36. Там же, с.85.
3.37. Бовыкин В.И. Формирование финансового капитала в России. М., 1984. С. 31.
3.38. Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. М.,1930. Т. 2. С. 232.
3.39. Бовыкин В.И. Формирование финансового капитала в России. М., 1984. С. 123.
3.40. Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. М.,1948. Т. 2. С. 240.
3.41. Там же, с.241.
3.42. Кофенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства в России. М., 1994. С. 123.
3.43. Россия 1913 год. Стат.—документальный справочник, Спб, 1995, с. 35.
3.44. Там же. С. 172.
3.45. Там же. С. 35.
3.46. Иванова Н.А.. Промышленный центр России. 1907-1914 гг. М., 1995. С. 19.
3.47. Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 3. С. 218.
3.48. Россия 1913 год. Стат.-документальный справочник. Спб. 1995. С. 173-174.
3.49. Там же, с. 185-186.
3.50. Бовыкин В.И. Банки и военная промышленность России накануне первой мировой войны. Журнал «Исторические записки». 1959. N 64. С. 82 и сл.
3.51. Кофенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства в России. М., 1994. С. 151,165,168.
3.52. Там же. С. 168.

3.53. Там же. С. 125.
3.54. Там же. С. 124 и 126.
3.55. Там же. С. 131.
3.56. Промышленность СССР. М., 1964. С. 162; Кофенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства в России. М., 1994. С. 128.
3.57. Кофенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства в России. М., 1994. С. 133,135.
3.58. Там же. С. 136 и138.
3.59. Там же. С. 139.
3.60. Там же. С. 142.
3.61. Там же. С. 143.
3.62. Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX века. М., 1980. С. 89 и сл.
3.63. Достижения советской власти за 40 лет в цифрах. М., 1957. С. 102.
3.64. Кофенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства в России. М., 1994. С. 166-167.
3.65. Там же. С. 154; Промышленность СССР. М., 1957. С. 392.
3.66. Россия, энцикл. словарь. Л., 1991. С. 280; Струмилин С.Г. Очерки экономической России. М., 1960. С. 546.
3.67. Рубакин Н.А. Россия в цифрах. Спб., 1912. С. 173.
3.68. Туган-Барановский М.И. Избранное. М., 1997. С. 379.
3.69. Там же. С. 379.
3.70. Там же. С. 394-395.
3.71. Там же. С. 380.
3.72. ПСЗ РИ. Соб. 3-ие. Спб., 1886. Т. II. N 951.
3.73. Там же, 1887. Т. IV, N 2516.
3.74. ПСЗ РИ. Соб. 3-е. Спб., 1888. Т. VI, N 5769.
3.75. Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 1. С. 368-369.
3.76. ПСЗ РИ. Спб., 1900. Т. XVII, N 14231.
3.77. Иванова Н.А. Промышленный центр России. 1907-1914 гг. М., 1995. С. 240-241.
3.78. Струмилин С.Г. Статистика и экономика. М., 1979. С.185.
3.79. Иванова Н.А. Промышленный центр России. 1907-1914 гг. М., 1995. С. 256.
3.80. Там же. С. 269-271.
3.81. Россия 1913 год. Стат.-документальный справочник. Спб., 1995. С.326.
3.82. Струмилин С.Г. Очерки экономической России. М., 1960. С.121.
3.83. Кофенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства в России. М., 1994. С.292-293.
3.84. Рубакин Н.А. Россия в цифрах. Спб., 1912. С.188.
3.85. Струмилин С.Г. Очерки экономической России. М., 1960. С. 122-123.
3.86. Ж. Красный архив. 1936. N 1 (74). С.51-53.
3.87. Россия 1913 год. Стат.-документальный справочник. Спб., 1995. С. 403.

3.88. Там же.
3.89. Ж. Красный архив. 1936. N 1 (74). С.53.

Глава 4

4.01. История образования Государственного Совета в России, Спб, 1889. С. 9.
4.02. ПСЗ РИ. Т. IV, N 2330.
4.03. Озеров И.Х. Основы финансовой науки. Спб. 1911. Ч. 1. С.308.
4.04. Там же, с.301.
4.05. Кизеветтер А.А. Местное самоуправление в России. П-д. 1917. С.5-7.
4.06. Памятники законодательства Петра Великого. М., 1910. С.34 и сл.
4.07. Королева Н. Земство на перепутье. М., 1995. С.15.
4.08. Брокгауз и Ефрон. Энциклопед. словарь. Россия (Спб., 1898), Л. 1991. С. 215.
4.09. Там же.
4.10. Туган-Барановский М. Русская фабрика. М-Л. 1934. С.15.
4.11. Там же. С. 16.
4.12. Кафенгауз Б. История хозяйства Демидовых в XVIII-XIX вв. М-Л. 1949. С. 20.
4.13. Туган-Барановский М. Русская фабрика. М-Л. 1934. С. 84.
4.14. Россия, энцикл. словарь, Л. 1991. С. 280 ; Свод статистических данных по фабрично-заводской промышленности. М-Л. 1930. Ч.III, с.177.
4.15. Кузьмичев А.Д. Развитие научной организации труда, в СССР в 20-ые годы, док. диссертация. М., 1996. С.17.
4.16. См. Свод действующих в империи узаконений и правил в торговле и промышленности. Спб. 1910.
4.17. Отечественная история. М., 1994. Т.1. С.51.
4.18. Свод действующих в империи узаконений и правил в торговле и промышленности. Спб., 1910. Т. X. Ч. 1. статьи 2174-2186.
4.19. Шепелев Л. Царизм и буржуазия в 1904-1914 гг. Л., 1987. С.236.
4.20. Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. М., 1948. Т. 2. С. 295 и сл.
4.21. Там же. С. 239.
4.22. Ж. Россия XXI. 1993. N 9/10. С. 46.
4.23. Ключевский В.О. Сказания иностранцев о московском государстве. Петроград. 1918. С.71.
4.24. Россия 1913 год. Спб., 1995. С. 326, 346-348.
4.25. Ключевский В.О. Соч. Т. V. С.199.
4.26. Судьба реформ и реформаторов в России. М., 1995. С.111.
4.27. План государственного преобразования графа М.М.Сперанского. М., 1905. С. 2 и сл.
4.28. Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 1. С. 49.
4.29. Витте С.Ю. О народном и государственном хозяйств. Спб., 1912.
4.30. Там же, с. 131,132, 183, 206, 376, 399, 417.

4.31. Энциклопедия купеческих родов. М., 1995. С.16.
4.32. Там же. С. 16.
4.33. Там же. С. 59.
4.34. Там же. С. 21.

Глава 5

5.01. Мировое хозяйство в 1913-1927 гг. М.,1928. С. 24, 28, 670, 672.
5.02. Витте С.Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве. Спб., 1912. С. 41.
5.03. Мировое хозяйство в 1913-1927 гг. М.,1928. С. 668.
5.04. Там же. С. 2, 6, 12, 29, 66.
5.05. Фабрично-заводская промышленность в 1913-1918 гг, итоги перепеси. М., 1926. С. 91.
5.06. Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства России. М., 1994. С.173, 176 и 177.
5.07. Там же, с.183-184.
5.08. Там же. С. 185.
5.09. Фабрично-заводская промышленность в 1913-1918 гг, итоги перепеси. М., 1926. С. 43.
5.10. Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX века. М., 1986. С. 75.
5.11. Там же. С. 76-77.
5.12. Там же. С. 77.
5.13. Там же. С. 82.
5.14. Там же. С. 91.
5.15. Там же. С. 90.
5.16. Там же. С. 105.
5.17. Там же. С. 129.
5.18. Страницы трудовой славы. М., 1986. С.14.
5.19. Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX века. М., 1986. С.137.
5.20. Авиация в России. М., 1988. С. 29 и сл.
5.21. Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX века. М., 1986. С. 139-140.
5.22. Авиация в России. М., 1988. С.287.
5.23. Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX века. М., 1986. СМ.141-142.
5.24. Кондратьев Н.Д. Избр. соч. М.,1993. С.310.
5.25. Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С.39.
5.26. Там же. С. 41.
5.27. Народное хозяйство в 1916 г. П-д, 1921. С. 4.
5.28. Там же. С. 5.

5.29. Сидоров А. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973. С. 460.
5.30. Народное хозяйство в 1916 г. П-д, 1922. Выпуск VII. С. 60.
5.31. Народное хозяйство в 1916 г. П-д, 1921. С.8.
5.32. Там же. С. 7.
5.33. Там же. С. 60-61.
5.34. Там же. С. 26.
5.35. Там же. С. 27.
5.36. Там же. С. 31.
5.37. Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 131.
5.38. Там же. С. 141.
5.39. Там же. С. 150.
5.40. Лейберов И.П., С.Д.Рудаченко С.Д. Революция и хлеб. М., 1990. С. 23.
5.41. Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 235.
5.42. Там же. С. 228.
5.43. Лейберов И.П., Рудаченко С.Д. Революция и хлеб. М., 1990. С. 20.
5.44. Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 248.
5.45. Ежегодник министерства финансов. Выпуск 1916. С.11-15; Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. М.,1948. Т. 2. С. 648.
5.46. Кацеленбойген ЗС. Деньги и банковское дело в России 1914-1924 гг. М., 1995. С.10.
5.47. Гусаков А. Очерки по денежному обращению России. М., 1946. С.17-18.
5.48. Источники: Фабрично-заводская промышленность в 1913-1918 гг, итоги перепеси. М., 1926. С. 116-117; Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 199. С. 150.
5.49. Кацеленбойген ЗС. Деньги и банковское дело в России 1914-1924 гг. М., 1995. С. 36-38.
5.50. Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. М.,1948. Т. 2. С. 634.
5.51. Утро России, 23.05. 1915.
5.52. Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. М.,1948. Т. 2. С. 633.
5.53. Струмилин С.Г. Статистика и экономика. М., 1979. С.198; Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. М.,1948. Т. 2. С. 635.
5.54. Фабрично-заводская промышленность в 1913-1918 гг, итоги перепеси. М., 1926. С.114-115.
5.55. Там же. С. 51.
5.56. Там же. С. 56.
5.57. Там же. С. 57.
5.58. Там же. С. 52.
5.59. Там же. С. 57.

Глава 6

6.01. Смирнов А.Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., С.8-9.
6.02. Коковцев В.Н. Из моего прошлого. М., 1992. Кн. 2. С.335.
6.03. Там же. С. 328.
6.04. Реквизиция — принудительное отчуждение за плату (в отличие от конфискации) или временное изъятие имущества в распоряжение государства. Секвестр — запрещение или ограничение, накладываемые на пользование имуществом.
6.05. Журналы Особого совещания по обороне государства. М., 1978. Т. 1. С.13, 79 и сл.
6.06. ЦГВИА, ф.2003, оп. 1, д.2, л. 143. Цитирую по А.Сидоров, Экономическое пололожение России в годы первой мировой войны. С.491.
6.07. Исторические силуэты. М., 1991. С.134-135.
6.08.Сидоров А. Экономическое пололожение России в годы первой мировой войны. С. 197- 200.
6.09. Россия на рубеже веков. М., 1991. С.134.
6.10. Там же. С. 136.
6.11. О мерах к развитию производительных сил России, Доклад Совета съездов представителей промышленности и торговли. Петр-д, 1915.
6.12. Там же. С. 1-3, 5.
6.13. Россия 1913 год. Спб., 1995. С. 220-221.
6.14. Вехи. Интеллигенция в России. М. 1991. С.48.
6.15. Там же. С. 153.
6.16. Там же. С. 74.
6.17. Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1990. Т.1. С.354; Программы политических партий России. М., 1995. С.325.
6.18. Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1990. Т.1. С.354.
6.19. Там же. С. 312.
6.20. Герцен А. Соб. соч. Т. 19. С.193, там же, т. 8, с.12.
6.21. Крапоткин П.А. Записки революционера. М., 1990. С. 169, 219, 220, 221.
6.22. Там же. С. 224-226.
6.23. Там же. С. 267.
6.24. Тат же. С. 286.
6.25. Корнилов А. Курс истории России Х1Х века. М., 1993. С. 352.
6.26. «Народная воля» и «черный передел». Л.,1989. С.77.
6.27. Программы политических партий России. М., 1995. С. 141-143.
6.28. Политическая история России. М., 1993. С.31.
6.29. Программы политических партий России. М., 1995. С. 145.
6.30. Иовчук М., Курбатова И., Плеханов. М., 1977. С.138.
6.31. Там же. С. 140.
6.32. Ленин В.И. Пол. собр. соч. Т.1. С. 167.
6.33. Наше отечество. М., 1991. С.313.

6.34. Политическая история России. М., 1993. С.12-13.
6.35. Ленин В.И. Пол. собр. соч. Т.46. С. 277.
6.36. История России в портретах. Смоленск-Брянск, 1996. Т.2. С.179.
6.37. Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1990. Т.1. С.221.
6.38. Там же, т.2, с. 222.
6.39. ЦГИА Москвы, Ф. 143, ОП. 1. Д. 602. Л.38. Цит по: Россия на рубеже веков: исторические портреты. М., 1991.С. 142.
6.40. Первый Всероссийский торгово-промышленный съезд в Москве. М., 1918. С. 5.
6.41. Россия на рубеже веков: исторические портреты. М., 1991. С. 143.
6.42. Государственная дума в России. М., 1995. С.53.
6.43. Численный состав думы и отдельных фракций постоянно колебался, поскольку выборы по регионам происходили не одновременно, а отдельные депутаты переходили из одной фракции в другую, объединялись в новые группы и т.п
6.44. Коковцев В.Н. Из моего прошлого. М., 1992. Кн. 2. С.130.
6.45. Государственная Дума, 1906-1917. М.,1995. Т. IV. С. 6-7.
6.46. Там же. С. 7.
6.47. Там же. С. 14.
6.48. Там же. С. 15, 21,24,22.
6.49. Шульгин В. Годы. Дни. 1920. М.,1990. С.291
6.50. Там же. С. 295-296.
6.51. Государственная Дума, 1906-1917. М.,1995. Т. IV. С. 235 и 337.
6.52. Там же. С. 235-236.
6.53. Воейков В.Н. С царем и без царя. М., 1995. С. 218.
6.54. Государственная Дума, 1906-1917. М.,1995. Т. IV. С. 245.
6.55. Там же. С. 335.
6.56. Родзянко М. Крушение империи. Л., 1927. С. 221.
6.57. Шульгин В. Годы. Дни. 1920. М.,1990. С. 321.
6.58. Государственная Дума, 1906-1917. М.,1995. Т. IV. С. 350.
6.59. Николаевский Б. История одного предателя. М., 1991. С.13.
6.60. История России в портретах. Т. 1. С.395.
6.61. Там же.
6.62. Там же.
6.63. Герасимов А.В. На лезвии с террористами. М., 1991. С. 141.
6.64. Бурцев Вл. В погоне за провокаторами. М., 1989. С.112 и сл.
6.65. История России в портретах. М., 1996. Т.1. С. 396-408.
6.66. Герасимов А.В. На лезвии с террористами. М., 1991. С. 141 и 145.
6.67. Родзянко М. Крушение империи. Л., 1927. С. 210.
6.68. Там же. С. 211.
6.69. Дж.Бьюкенен. Мемуары дипломата. М., 1991. С. 117.
6.70. М.Палеолог. Царская Россия накануне революции. 1923. С. 273-274.
6.71. Там же. С. 259.

6.72. Там же. С. 224.
6.73. Воейков В.Н. С царем и без царя. М., 1995. С. 222.
6.74. Родзянко М. Крушение империи. Л., 1927. С. 208.
6.75. Февральская 1917 революция, сборник документов. М., 1997. С. 23, 27 и 34.
6.76. Блок А. Последние дни императорской власти. П—д, 1921. С.57.
6.77. Там же. С. 58.
6.78. Шляпников А.Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. М., 1992. С. 318.
6.79. Февральская 1917 революция, сборник документов. М., 1997. С. 56-57.
6.80. Там же. С. 55-59.
6.81. Там же. С. 60.
6.82. Архив русской революции. Т.2. С. 19 и сл.
6.83. Спирин Л. Россия 1917 год. М., 1987. С. 69.
6.84. Февральская 1917 революция, сборник документов. М., 1997. С. 110-111.
6.85. Блок А. Последние дни императорской власти. П—д, 1921. С. 64.
6.86. Там же. С. 8.
6.87. Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1990. Т.2. С.251.
6.88. Шульгин В. Годы. Дни. 1920. С. 456-457.
6.89. Подробнее см. Г.Иоффе, Революция и судьбы Романовых. М., 1992. С. 42 и сл.
6.90. Шульгин В. Годы. Дни. 1920. С. 518.
6.91. Воейков В.Н. С царем и без царя. М., 1995. С. 249.
6.92. Дневник Николая II. В книге: От первого лица. М., 1990. С.14.

Научное издание

Белоусов Рэм Александрович

Экономическая история России: XX век

Книга I

НА РУБЕЖЕ ДВУХ СТОЛЕТИЙ

Книга издается в авторской редакции

ЛР № 030719 от 20.01.97
Подписано в печать 25.12.98. Формат 60x90/16
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 25.5. Тираж 5000 экз.
Заказ 260

Издательство по Атомной науке и технике ИздАТ
Международной Ассоциации Союзов «Чернобыль-Атом»
123182, Москва, ул. Живописная, д. 46: тел. 190-90-97

Московская типография № 2 РАН
121099, Москва, Г-49, Шубинский пер. 6